МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ

СТРАТЕГИИ ДЛЯ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

УДК 351.0
ББК 67.401
Т 37

Перевод с английского В. Ионова Редактор Е. Харитонова

Маргарет Тэтчер
Т37 Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира/Пер, с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2003. — 504 с. 15ВМ 5-94599-048-5

«Искусство управления государством» — глубокий научный труд, написанный общественным деятелем мирового значения. В книге можно выделить четыре больших блока вопросов. Во-первых, это подведение итогов ушедшей эпохи — размышления над уроками «холодной войны», прошлой и нынешней ролью США. Во-вторых, оценка путей развития России, Китая, Индии и стран Дальнего и Ближнего Востока. В-третьих, угрозы, которые представляют для мира нестабильность на Балканах, государства-изгои, исламский экстремизм и международный терроризм, а также стратегии, позволяющие противостоять им. И, наконец, — процесс интеграции в Европе, таящий в себе опасность незаметного расширения власти международных институтов в ущерб независимости национальных государств.

Картина мира, представленная Маргарет Тэтчер, ее видение сегодняшних и завтрашних проблем могут вызвать целую гамму чувств от полного одобрения до бурного протеста, за исключением одного — равнодушия. Систему взглядов, которые представлены и последовательно отстаиваются в книге, сама Маргарет Тэтчер лаконично называет «консерватизм».

Книга рассчитана на широкую аудиторию.

УДК 351.0 ББК 67.401

Все права защищены.
Любая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

15ВЫ 5-94599-048-5 (рус.)
15ВК 0-00-710752-8 (англ.)

© Margaret Thatcher, 2002
© HarperCollinsPublishers, 2002. A11 Rights Reserved.
Authorised translation from the English language edition published by HarperCollinsPublishers.
© Альпина Паблишер, перевод, оформление, 2003

Содержание

Иллюстрации 7

Карты 9

Таблицы 11

Выражение благодарности 13

Введение 15

Глава 1
Размышления о «холодной войне» 25

Глава 2
Победа Америки 43

Глава 3
Российская загадка 89

Глава 4
Азиатские ценности 137

Глава 5
Гиганты Азии 179

Глава 6
Государства-изгои, религии и терроризм 237

Глава?
Права человека и их соблюдение 279

Глава 8
Балканские войны 313

Глава 9
Европа: грезы и кошмары 351

Глава 10
Великобритания и Европа:
время пересмотреть отношения 391

Глава 11
Капитализм и его критики 443

Эпилог
Раннимед 499

Иллюстрации

С Рональдом Рейганом на фоне фрагмента Берлинской стены у библиотеки Рейгана. Калифорния, февраль 1991 г. *The Ronald Reagen PresidentialLibrary Foundation*

Разговор за чашкой кофе с Рональдом Рейганом в его офисе в Лос-Анджелесе. Февраль 1995 г. *The Ronald Reagen PresidentialLibrary Foundation*

Церемония награждения президентской медалью Свободы в Белом доме. Награду вручает Джордж Буш-старший. Март 1991 *т. Официальная фотография Белого дома*

Встреча с Михаилом Горбачевым в Пражском замке в ноябре 1999 г. на праздновании 10-й годовщины чешской «бархатной революции». *Фотография © Карела Кудлина*

На фоне бомбардировщика B2 в ангаре авиационного завода 42. Палмдейл, штат Калифорния, март 1991 г. *Из личной коллекции*

Встреча со студентами в качестве почетного ректора колледжа Уильяма и Мэри. Штат Виргиния, февраль 2001 г. *Публикуется с любезного разрешения Университета Уильяма и Мэри*

С Вацлавом Клаусом на открытии памятника Уинстону Черчиллю на площади Венцеслас в Праге в ноябре 1999 г. *Фотография © Томаша Жубанека*

Церемония присвоения степени почетного доктора в Университете Бригем Янг. Штат Юта, март 1996 г. *Из личной коллекции*

Прогулка с Борисом Немцовым по центру Нижнего Новгорода в июле 1993 г. *Офис Бориса Немцова*

Встреча с Ли Куан Ю в офисе главного министра в Сингапуре. Сентябрь 1993 г. *Офис главного министра, Сингапур*

Спуск на воду контейнеровоза Ever Result на судоверфи Мицубиси в Кобе. Октябрь 1994 г. *Из личной коллекции*

С Цзян Цземинем в Пекине. Сентябрь 1991 г. *Из личной коллекции*

Встреча с Ли Пеном во время визита в Пекин в сентябре 1991 г. *Из личной коллекции*

Встреча с Ли Тэн Хуэем во время визита в Тайбей в сентябре 1992 г. *Публикуется с любезного разрешения Министерства иностранных дел Тайваня.*

Граффити вдоль дороги в столице Кувейта после освобождения от иракских оккупантов. Ноябрь 1991 г. *Из личной коллекции*

Переговоры с Ицхаком Рабином во время визита в Израиль в ноябре 1992 г. *Из личной коллекции*

Посещение больницы в Вуковаре, откуда в 1991 г. сербские полувоенные формирования угнали несколько сотен хорватов, которых затем убили. Сентябрь 1998 г. *Из личной коллекции*

Дань уважения памяти павших в военных действиях на Фолклендских островах в Сан-Карлос-Уотер. Июнь 1992 г. *РА РИоМз*

Встреча с генералом Пиночетом и его женой Лусией в поместье Уэнтуорт, графство Суррей. Март 1999 г. *Роррефю*

Разговор с Сильвио Берлускони в Лондоне в феврале 2001 г. *Публикуется с любезного разрешения офиса премьер-министра Сильвио Берлускони*

.

Карты

Радиус действия баллистических ракет Ливии и Ирака	80
Россия и государства бывшего СССР	92-93
Кавказ и Центральная Азия	126-127
Япония, Северная и Южная Корея	139
Юго-Восточная Азия	142
Китай	184-185
Индийский субконтинент	224
Мировые религии	250-251
Ближний Восток	254
Запасы нефти и природного газа Ближневосточного региона	268
Балканы	316-317
Босния	320
Члены Европейского союза, государства — кандидаты на вступление в ЕС и государства, не являющиеся его членами	408-409

Таблицы

Оборонные расходы НАТО 65
Свободные страны 280
Государственные расходы и безработица в 1999 году 363
Стоимость трудовых ресурсов 418
Иностранные инвестиции 433
Торговые блоки 438
Свобода и процветание 468
Уровни фертильности 478

Выражение благодарности

В работе над этой книгой мне помогали многие, и я с радостью приношу им мою благодарность. Прежде всего я хочу поблагодарить Робина Харриса, природная интуиция и интеллект которого поддерживают меня уже не один год. Это наш третий совместный труд, и вновь его помощь и совет оказались поистине неоценимыми. Не будь поддержки Робина, я бы, наверное, так и не приступила к работе, и уж точно не смогла бы ее завершить.

Нил Гардинер был неутомимым и неунывающим собирателем материалов. Благодаря его умению отыскивать нужную информацию во Всемирной паутине ни один вопрос не остался без ответа, ни один источник не был пропущен.

Марк Уортингтон, директор моего офиса, организовал реализацию проекта, и ему не смогли помешать никакие превратности политики. То, что нам удалось уложиться в сроки, — его заслуга.

Мне помогали также другие известные специалисты в различных областях. Мартин Хоу и Патрик Минфорд не пожалели своего времени на прочтение ряда глав и сделали бесценные замечания. Я чрезвычайно благодарна им за это. Хочу, кроме того, выразить признательность Марку Олмонду, Кристоферу Букеру, сэру Джону Бойду, Синтии Кро-уфорд, Джону Джерсону, Алистеру Хиту, Брайану Хайндли, Эндрю Робертсу, Джулиану Сеймуру, Рональду Стюарту-Брауну и Дейвиду Тэнгу.

Мнения и оценки, которые читатель найдет на страницах книги, целиком и полностью принадлежат мне. Однако они возникли не вдруг и не сами по себе, они сформировались в процессе общения со старыми друзьями и новыми знакомыми. В этой связи хотелось бы особо от-

метить Роберта Конквеста, Криса Цвийча, Стива Форбса, Фредерика Форсита, Джеральда Фроста, Джона Халсмана, Гари Макдауэлла, Ноэля Малколма, Бориса Немцова, Джеральда П. О'Дрисколла, Джона О'Салливана, Ричарда Перле, Питера Дж. Петерсона, лорда Пауэлла Бэйсуотера, Джастиса Антонина Скалиа, лорда Скиделски и сэра Алана Уолтерса.

В завершение я хочу сказать спасибо Майклу Фишуику, Джеймсу Кэтфорду, Роберту Лейси и другим сотрудникам издательства НагрегСоШпз, благодаря профессионализму которых книга приобрела свой нынешний вид.

Введение

Дискуссия об искусстве, или ремесле, государственного управления* не прекращается с момента появления первых государств. На протяжении веков менялись их формы: от греческих городов-государств, или *полисов, с* их ограниченным, исключительно мужским гражданством, к размаху Римской империи с ее верховенством закона; к идеализированным, если не идеальным, средневековым христианским государствам; к шумной Италии эпохи Возрождения (родине макиавеллиевского *Принца)у* к абсолютным монархиям XVII и XVIII веков — времен Ришелье и Фредерика Великого; к французским революционным войнам и Наполеону — противоборствующим европейским империям и национализму XIX века; и, наконец, к демократическим концепциям государства всеобщего благосостояния XX века. Изложение полной истории развития искусства управления государством требует таких познаний, которыми я не обладаю**. Однако даже простое сознание того, что за задачами и целями государственного управления нашего времени стоит столь богатая история, придает четкость взглядам и очерчивает перспективу.

Начало XXI века имеет свои особенности, определяющие содержание искусства управления государством в наши дни, которые можно

* Искусство и ремесло в определенном смысле синонимы. Однако последнее имеет более практический смысл, обозначая скорее деятельность, а не искусство влиять на образ мыслей; стратегию, а не умение действовать в своих интересах. Сплошь и рядом ремесло управления государством оборачивается просто политическим действом (нередко нашим собственным), которое мы, политики, санкционируем.

** Такими знаниями обладает Генри Киссинджер, судя по его научной работе «Дипломатия» *(Diplomacy.New York: Simon and Schuster*, 1994). В ее вводной части д-р Киссинджер прослеживает развитие ремесла управления государством с XVII в.

выразить одним словом — «глобализация». На протяжении всего повествования я буду исследовать и анализировать стоящие за этим понятием реалии в сферах стратегии, международных акций, правосудия и экономики в разных странах и на разных континентах.

Начать следует, конечно, с сущности государства. Если верить некоторым комментаторам, глобализация означает конец государства в том виде, в каком мы его знали на протяжении веков. Однако они заблуждаются. В действительности глобализация лишь в какой-то степени ограничивает власть государства, не позволяя ему делать то, чего оно не должно делать вообще. А это нечто иное.

Мир подвижного капитала, международной рыночной интеграции, непосредственных связей, информации, для получения которой достаточно одного щелчка «мышкой», и открытых (в известной мере, конечно) границ, вне всякого сомнения, очень непохож на тот мир, который был столь мил сердцу политика любой окраски в прошлом. В результате сегодня правительствам, допустившим ошибки в управлении людьми или ресурсами, гораздо труднее избежать проблем. К сожалению, это все же возможно. Руководство многих африканских государств погрязло в воровстве. В целом ряде государств Азии не соблюдаются основные права человека. В большинстве европейских государств чрезмерно высокие налоги и жесткое регулирование. Несовершенная политика наносит ущерб тем, кто ее проводит, как, впрочем, и тем, от чьего имени они действуют, тем не менее плохие правительства — вовсе не редкость.

Эти довольно мрачные размышления следует, однако, уравновесить значительно более позитивными соображениями. Государства сохраняют свое значение, во-первых, потому, что именно они устанавливают правовые рамки, а разумная правовая основа имеет колоссальное значение (сейчас, возможно, большее, чем когда-либо) как для общества, так и для экономики. Во-вторых, потому что государства помогают развивать чувство самобытности, особенно когда их границы совпадают с территорией, занимаемой отдельной нацией, а с глобализацией стремление людей к самобытности усиливается. И в-третьих, лишь государства обладают монопольным правом на принуждение, т. е. правом подавления преступности на собственной территории и защиты от внешней угрозы*. Функцию принуждения государство не долж-

* Эти аргументы проработаны более глубоко в эссе Мартина Вулфа «Выживет ли национальное государство в условиях глобализации?» (Martin Wolf. Will the Nation-State Survive Globalization? Foreign Affairs, January/February 2001).

но отдавать никогда, хотя на практике она в какой-то мере все же может быть передана частному предприятию на договорной основе. Государство отличается от общества; оно, в конечном счете, — слуга, а не хозяин людей; его способность внушать страх не уменьшается. Все это — абсолютная правда. И все же мы нуждаемся в государстве и всегда будем нуждаться в нем*.

Роли государств в обеспечении международной безопасности в моей книге уделяется особое внимание. Это само по себе немного старомодно, по крайней мере могло показаться старомодным до событий 11 сентября 2001 года. Сегодня политики в демократических странах практически полностью сосредоточились на внутренних проблемах. Их вполне можно понять. В условиях демократии, чтобы появиться на мировой сцене, нам приходится сначала завоевывать голоса избирателей. Как однажды сказал Дизраэли, большинство — это «самый лучший ответ». Он вполне мог бы добавить к этому: и «самая лучшая основа для дипломатии». Однако факт остается фактом: вопросы войны и мира, которые веками занимали умы государственных мужей, сегодня вновь должны оказаться в центре их внимания и даже приобрести большее значение, чем в недавнем прошлом. Конечно, беспорядки, эпидемии и финансовые катастрофы тоже могут быть ужасными и разрушительными, но война — все же самое страшное испытание для человека.

Внешняя политика и обеспечение безопасности связаны с решением очень широкого круга вопросов помимо проблемы войны и мира. Дальновидный государственный деятель должен учитывать и оценивать целый спектр рисков и возможностей. Внешняя политика и обеспечение безопасности — это прежде всего использование силы и могущества для достижения собственных целей в отношениях с другими государствами. Я как консерватор абсолютно не боюсь подобного утверждения. Пусть другие пробуют добиться желаемых результатов в международных делах, не опираясь на силу. Они обречены на неудачу. А такие неудачи нередко наносят значительно больший ущерб, чем отстаивание национальных интересов с помощью традиционных средств — баланса силы и надежной системы обороны. В западных ли-

* Можно, конечно, возразить, что с нападением Усамы бен Ладена и его приспешников на Америку власть перешла от государства к террористам. Однако даже события 11 сентября 2001 г. показывают, насколько важна роль государства: бен Ладен не смог бы действовать, не будь у него баз в Афганистане и не пользуйся он поддержкой режима талибов.

бералъных демократиях постоянно муссируется эта тема — эдакая смесь наивного идеализма и отвращения к силе, именно поэтому нам следует быть начеку*.

Один пример. В 1910 году Норман Энджелл, экономист и нобелевский лауреат, написал свою знаменитую книгу «Великая иллюзия» (The Great Illusion). В ней он утверждал, что из-за глобального роста экономической независимости, в частности великих держав, и из-за того, что реальные источники богатства сосредоточены в сфере торговли и потому не могут быть в конечном итоге захвачены, война за получение материального превосходства не имеет смысла. В этом есть рациональное зерно. Мир, а не война стимулирует коммерцию, а коммерция — основа процветания, при прочих равных условиях конечно. Однако в реальном мире эти условия вовсе не являются равными. При определенных обстоятельствах агрессия вполне может приобрести смысл для тирана или вооруженного до зубов фанатика. Она может стать привлекательной даже для целой нации. Протекционизм в торговле, закрывающий целым странам доступ к товарно-сырьевым ресурсам, необходимым для их промышленности, также может подтолкнуть политических лидеров к развязыванию «целесообразных» войн. В таких обстоятельствах совершенно теряются голоса жертв или тех, кто предвидит последствия, твердящих, что все прекрасно могут обойтись и без войны. Остаются лишь две возможности: сражаться или поднять белый флаг. Стремление к более безопасному миру и попытки гарантировать его замечательны. Однако, если, как в случае с Норманом Энджеллом, писатель вынужден поверить (и это всего за четыре года до самого ужасного мирового конфликта) в то, что «совершенно ясно, даже милитаристы... это допускают, естественные склонности среднего человека отдаляются все больше и больше от войны», значит, в этом есть что-то порочное**.

Высказывается мнение, или, по крайней мере, многие так думают, что единственной альтернативой этим опасным взглядам во внешней политике является полное отсутствие моральных стандартов. Мысль, заложенная сэром Генри Уоттоном в данное им определение дипломата как «добропорядочного человека, посланного за границу, чтобы лгать

* Дополнительным примером может служить Лига наций (см. стр. 53).

** Norman Angell, The Great Illusion: A Study of the Relations of Military Power in Nations to Their Economic and Social Advantage (London: William Heinemann,, 1910), p. 301.

от имени своей страны», нашла более широкое применение*. И все же я не отношу себя к тем, кто полагает, что искусство управления государством — это демонстрация силы без всяких принципов. Для начала скажу, что чистая Realpolitic т. е. внешняя политика, основанная на взвешивании силы и национального интереса**, представляет собой концепцию, теряющую четкость при более детальном анализе. Бисмарк, самый известный деятель среди применявших этот принцип на практике, однажды во время обеда заметил, что проведение политики, основанной на принципах, подобно движению по узкой лесной тропе с длинным шестом в зубах. Однако даже у Железного Канцлера были свои принципы: в конце концов, признал же он, что верен королю (а позже императору), а не немецкому народу, большая часть которого была его рукою исключена из Рейха***. Он поддерживал систему и ценности Прусского государства, а не либеральной демократической Германии. Как ни крути, такую политику нельзя считать чисто прагматической.

Далее, в эпоху демократии управление государством без учета моральных принципов почти невозможно, и вряд ли даже самым упрямым политикам стоит игнорировать этот факт. Со времени кампаний Глэдстоуна в графстве Мидлотиан в 1879 и 1880 годах, осуществленных на гребне разоблачений «аморальности» британской внешней политики, у политических деятелей, пытавшихся аргументировать свои действия исключительно национальным интересом, неоднократно возникали проблемы с поддержкой электората. А превращение Америки в великую державу с чутким общественным сознанием лишь подтвердило эту тенденцию.

Годы «холодной войны» также оставили глубокий неизгладимый след. Но и в то время, когда мир разделился на два военных блока с противоборствующими идеологиями — капиталистической и социалисти-

* Сэр Генри Уоттон (1568-1639), поэт и дипломат, сделал эту циничную надпись на форзаце книги во время выполнения поручения в Аугсбурге в 1604 г. Впоследствии она получила известность. Неосторожное выражение Уоттона не понравилось властям, и он потерял их расположение. Закончил свои дни в качестве ректора в Итоне.

** Данное определение принадлежит Генри Киссинджеру (Diplomacy, p. 137). *** Объединение Германий в 1870 г. привело к тому, что немцы, находившиеся под властью Габсбургов, не вошли в состав германского государства, которое в соответствии с политикой Бисмарка должно было создаваться на основе Пруссии, а не Австрии.

ческой, национальный интерес и политические принципы по большей части были неотделимы друг от друга. Хотя после окончания «холодной войны» многое подверглось пересмотру, мало кто пытался утверждать, что национальный интерес был *единственным* значимым фактором при принятии внешнеполитических решений.

Что касается меня, то я предпочитаю проводить такую линию, которая опирается на принципы до тех пор, пока они не начинают действовать как удавка; кроме того, я предпочитаю, чтобы эти принципы наряду с благими намерениями подкреплялись и сталью. Именно поэтому я считаю, что государственный деятель сегодняшнего дня должен принимать во внимание три аксиомы.

Во-первых, установление демократии во всех странах и на всех континентах остается законным и, более того, фундаментальным аспектом разумной внешней политики. Существует множество практических оснований для этого: демократические государства обычно не воюют друг с другом; демократия, как правило, способствует приходу к власти хорошего правительства; демократия в большинстве случаев неразрывна с процветанием. Конечно, я имею в виду подлинную демократию, т. е. правовое государство с правительством, имеющим ограниченную власть, где тирания большинства, равно как и меньшинства, находится вне закона. Как будет показано далее, у меня есть глубокие сомнения в практической ценности и законности некоторых инициатив, осуществляемых под лозунгом демократии и соблюдения прав человека*. Хотелось бы также предостеречь от превращения лучшего (идеальной демократии) во врага хорошего (несовершенной демократии)**. Здравый смысл должен всегда сдерживать моральный пыл.

Во-вторых, разумный и стабильный международный порядок может строиться лишь на уважении к нациям и национальным государствам. Национализм, национальная гордость и национальные институты, несмотря на присущие им недостатки, формируют наилучшую основу для действующей демократии. Попытки подавить национальные различия или объединить различные нации с четко выраженными традициями в искусственные государственные образования очень часто заканчиваются провалом, а иногда — кровопролитием. Мудрый государственный деятель воспевает национальный статус и пользуется им.

* См. главу 7. ** См., например, дискуссию на стр. 150-152.

В-третьих, какие бы уловки международной дипломатии ни использовались для сохранения мира, окончательным мерилом мастерства управления государством является решение вопроса, что делать перед лицом войны. Умение сдержать войну и выиграть навязанную войну — две стороны одной монеты: и то, и другое требует непрерывного вложения средств в оборону и постоянной, несгибаемой решимости противостоять агрессии. В нынешние времена даже сама мысль о войне предана анафеме. Но, несмотря на это, на земле то тут, то там вспыхивают вооруженные конфликты разной интенсивности. Только в 1999 году военные действия велись в девятнадцати странах*. Кроме того, было отмечено четыре межгосударственных вооруженных конфликта, связанных с борьбой за независимость и решением территориальных вопросов: конфликт в Косово (с последующим вмешательством стран НАТО); война между Эфиопией и Эритреей; столкновение Индии и Пакистана из-за Кашмира; арабо-израильский конфликт в южной части Ливана. Большинство подобных конфликтов случается в регионах, весьма удаленных от мест проживания западных политиков и избирателей. Однако в сегодняшнем мире, насыщенном оружием массового поражения, с его этническим и религиозным противостоянием, с его склонностью к международному вмешательству даже далекие войны несут реальную опасность.

Первый вариант этой книги был готов до террористического акта 11 сентября 2001 года в США. При анализе текущих событий всегда существует риск не поспеть за ними**. Именно это и произошло с «Искусством управления государством». По правде говоря, последствия чудовищного преступления того дня были настолько серьезными и травмирующими, что вполне можно согласиться с некоторыми комментаторами, утверждающими, что новому миру нужны и новые подходы.

Я не поддалась. Я просто стала пересматривать свои взгляды и делать выводы в соответствии с новыми знаниями о масштабах угрозы

* В Афганистане, Алжире, Анголе, Азербайджане, Бирме, Бурунди, Чаде, Колумбии, Демократической Республике Конго, Индонезии, Иране, Ираке, Косове, Мексике, Руанде, Сомали, Судане, Турции и Уганде (International Institute for Strategic Studies, Strategic Survey *1999/2000).*

** Так случилось с работой Генри Киссинджера, озаглавленной «Нужна ли Америке внешняя политика?» (Does America Need a Foreign Policy? New York: Simon and Schuster, 2001). Д-р Киссинджер привел в ней всего лишь три ссылки на терроризм.

со стороны исламского терроризма. Я стала также размышлять о том, как необходимость ведения глобальной войны против терроризма, которую объявил президент Буш и его союзники, изменила наши взгляды на взаимоотношения с другими великими державами, в частности с Россией, Китаем и Индией. Я подобрала аргументы для кардинально нового подхода к решению проблемы Ближнего Востока. Я попыталась оценить, насколько кризис изменил роль Великобритании в Европе или роль Европы в западном альянсе. Фактически я проверяла все еще раз.

В некоторых вопросах я и в самом деле изменила акценты. Отдавая приоритет разгрому терроризма (это необходимо сделать сейчас), мы неизбежно уделяем меньше внимания другим проблемам. Мы должны прийти к иному балансу между свободой личности и безопасностью общества в своей стране. За рубежом наше внимание также должно быть сфокусировано иначе. При создании коалиции для борьбы с общим врагом нам, возможно, придется, по крайней мере временно, сблизиться с не удовлетворяющими нас режимами, которые в другой ситуации были бы для нас объектом критики. Являясь сторонницей консервативных, а не либеральных взглядов в вопросах внешней политики и обеспечения безопасности, я вполне согласна с Уинстоном Черчиллем, который однажды так высказался о союзе с СССР в борьбе против нацистской Германии: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я бы, как минимум, постарался дать дьяволу хорошую рекомендацию». Слава Богу, нам не приходится иметь дело с такими союзниками, как Сталин, а рука дьявола ясно угадывается в действиях Усамы бен Ладена и его боевиков из «Аль-Каиды».

И все-таки мои взгляды не претерпели существенных изменений, причина здесь вовсе не в простом упрямстве. Поясню.

Когда речь заходит о трагедии Америки, мы вновь и вновь слышим, что вторник 11 сентября — «это день, изменивший мир». Об этом кричат все заголовки. Об этом твердят дикторы радио и телевидения. Им за редким исключением вторят политики. Причина такого утверждения вполне понятна: в тот день произошел самый ужасный террористический акт. Граждане западных государств, а в особенности американцы, никогда прежде не чувствовали себя столь беззащитными и неподготовленными. Горе и негодование были просто безмерными.

Для тех, кто скорбел, реальность, несомненно, изменилась, причем навсегда. Со временем они, возможно, и обретут новый смысл жизни, новые источники утешения и блаженного забвения; однако ника-

кие действия политиков или генералов не смогут вернуть им потерянного.

Мир вместе с тем не рухнул, он остался прежним, он просто лишился пелены многолетних иллюзий. После окончания «холодной войны» Запад почему-то решил, что теперь можно думать и говорить лишь о прелестях мира. После победы над главным врагом — советским коммунизмом — мысль о том, что могут появиться другие враги, способные нарушить наше тихое благополучие, казалась слишком нелепой.

Именно поэтому мы все больше и больше слышали о правах человека и все меньше и меньше — о национальной безопасности. Мы тратили больше на повышение благосостояния и меньше — на оборону. Мы позволили своим разведывательным службам расслабиться. Мы надеялись, а многие либерально настроенные политики давали нам для этого основания, что в «деревне величиной с Землю» существуют только добрые соседи. Лишь некоторые из нас осмеливались проявлять бестактность и заявляли, что лучшей основой добрососедства нередко является крепкая изгородь.

Итак, мир, более четкую картину которого мы видим сейчас глазами, промытыми слезами трагедии, был на самом деле таким всегда. Это мир риска, конфликтов и скрытого насилия. Такие ценности, как демократия, прогресс, терпимость, еще не стали господствующими. «Конца истории» мы достигли лишь в том смысле, что получили некоторое представление об Армагеддоне*.

Теперь нам известно, что террористы бен Ладена готовили свои преступления не один год. Распространение их безумной, порочной идеологии (язык не поворачивается назвать это религией) происходило на наших глазах. Мы были слишком зашорены, чтобы замечать что-либо. Короче говоря, мир никогда не переставал быть опасным. Однако Запад потерял бдительность. Без всякого сомнения, именно в этом главный урок трагедии 11 сентября, и мы обязаны усвоить его, если не хотим, чтобы наша цивилизация прекратила свое существование.

* Пояснение к выражению «конец истории» приведено на стр. 54.

Глава 1

Размышления о «холодной войне»

КАРТИНЫ НА ВЫСТАВКЕ

Во время работы над этой главой мне стало известно, что мой портрет в Лондонской национальной портретной галерее перенесли из зала современного портрета в зал исторического. Что ж, это абсолютно правильно. В конце концов, с того момента, как я покинула дом номер 10 по Даунинг-стрит, прошло уже 11 лет. Мир, как говорится, ушел вперед во всех отношениях.

К примеру, в 1990 году мы не могли и предположить, как велико будет воздействие информационной революции на бизнес, образ жизни и даже ход военных действий. Мы не могли себе представить, что всемогущая японская экономика окажется в состоянии глубокой депрессии, а Китай может развиваться так стремительно. Мы не могли предвидеть, что самая страшная угроза достоинству и свободе человека будет исходить от его способности с помощью генной технологии воспроизвести самого себя. И уж, конечно, даже самый дальновидный государственный деятель не мог предсказать ужасы 11 сентября 2001 года.

Мир, который существует сегодня, лучше всего понятен тому, кто хорошо знает, каким мир был вчера. А «мир, который был» — предше-

ственник сегодняшнего мира доткомов, мобильных телефонов и генетически модифицированных продуктов — это свидетель борьбы не на жизнь, а на смерть, от исхода которой зависел дальнейший путь развития.

Конечно, вести разговор о «холодной войне» сегодня — значит возвратиться назад к эре длиной в целую жизнь, а не просто на полтора десятка лет назад. По правде говоря, как это неоднократно будет продемонстрировано в дальнейшем, основные реалии изменились значительно меньше, чем риторика. Однако изменения все же есть, причем такие, которые имеют огромное значение для мира.

ВСТРЕЧА В ПРАГЕ

Споры о значении краха коммунизма будут продолжаться до тех пор, пока не исчезнут книги и издатели, готовые их публиковать. Во вторник 16 ноября 1999 года ряд основных участников тех драматических событий, в числе которых была и я, собрались в Праге, с тем чтобы представить свое видение истории. С того момента, когда чехословацкая «бархатная революция» привела к падению одного из наиболее жестких коммунистических правительств в Европе и установлению демократического режима, прошло уже 10 лет.

Я не участвовала в праздновании десятилетней годовщины падения Берлинской стены, которое состоялось в Берлине несколькими днями ранее. Это событие вызывало у меня чувство обеспокоенности. И вовсе не потому, что я страдаю ностальгией по коммунизму. Стена являла собой неоспоримое доказательство того, что коммунизм — это система порабощения целых народов. Президент Рейган был абсолютно прав в 1987 году, когда обратился к советскому лидеру с призывом: «Господин Горбачев, снесите же эту стену!»

Однако я не могла тогда, как не могу и сейчас, видеть в Германии просто другую страну, чье будущее зависит только от немцев, а не от кого-нибудь еще. Объединенная Германия, несомненно, вновь станет доминирующей державой в Европе. Было бы вполне дипломатичным, но в то же время и преступно наивным не замечать, что именно стремление Германии к господству привело на моем веку к двум ужасным глобальным войнам, которые унесли жизни сотен миллионов людей, в том числе девяти миллионов немцев. Немцы — культурный и талантливый народ, однако в прошлом они не раз демонстрировали поразительную

неспособность ограничивать собственные амбиции и уважать своих соседей.

Хорошее знание прошлого и неопределенность будущего заставили нас с президентом Миттераном, при не слишком эффективной поддержке президента Горбачева, предпринять попытку замедлить процесс объединения Германии. Увы, наша попытка провалилась — отчасти из-за того, что у администрации США была иная точка зрения, но главным образом потому, что немцы взяли дело в свои руки, — однако они, в конце концов, имели на это право. К счастью, объединение произошло в рамках НАТО, что предотвратило образование опасного неприсоединившегося государства в центре Европы. Положительным было и то, что немцы получили возможность ощутить возврат контроля над своей собственной страной (будучи патриотом, я не отрицаю чужого права на патриотизм). Вместе с тем было бы лицемерием притворяться, что у меня нет серьезных опасений по поводу возможных последствий объединения Германии. Я не поехала в Берлин в октябре 1999 года, чтобы не портить торжества.

Совсем другое дело — встреча в Праге. На нее я очень надеялась попасть. Чехи пострадали и от нацизма, и от коммунизма. Оставленные демократическими государствами на произвол судьбы перед лицом агрессии обоих тоталитарных режимов, они слишком хорошо понимали необходимость бдительности.

Я всегда любила европейские города, которые в свое время находились за «железным занавесом», — Санкт-Петербург (за его великолепие), Варшаву (за ее героизм), Будапешт (за его изысканность). Но Прага — самый прекрасный город, в котором мне когда-либо довелось побывать. Она настолько прекрасна, что это сыграло определенную роль в ее судьбе. В 1947 году историк А. Дж. П. Тейлор спросил тогдашнего чешского президента Эдварда Бенеша, почему чешские власти не оказали более серьезного сопротивления Гитлеру, захватившему Чехословакию в 1939 году. Бенеш мог бы ответить, что чехи, поверившие обещаниям Германии, были захвачены врасплох. Или что их армия была слишком малочисленна для серьезного сопротивления. Однако вместо этого, к удивлению Тейлора, он распахнул окно своего кабинета, из которого открывался вид на неповторимые красоты Праги, и заявил: «Вот почему мы уступили без боя!»

Чешская Республика была среди наиболее успешно развивающихся посткоммунистических стран, главным образом благодаря дальновид-

ной экономической политике ее бывшего премьер-министра, моего давнего друга и гениального, по Хайеку, экономиста Вацлава Клауса. Ему, однако, не удалось бы добиться таких успехов, если бы чехи не сохранили интуитивного понимания того, как можно заставить работать гражданское общество и свободную экономику. Это понимание было заложено в исторической памяти, вкрапленной в их культуру: не стоит забывать, что до Второй мировой войны Чехословакия имела такой же доход на душу населения, как и Франция. Чехи — это люди, которые всегда знали, как надо жить и как надо работать. Именно по этим причинам я с радостью приняла приглашение посетить Прагу, куда должны были также приехать Джордж Буш-старший, Михаил Горбачев, Гельмут Коль, Лех Валенса и мадам Даниэль Миттеран (как представитель своего покойного мужа).

Хозяином встречи был президент Вацлав Гавел. Чехословакии безмерно повезло, когда она в 1989 году обрела символ народного сопротивления в лице г-на Гавела — абсолютно честного и пользующегося практически всеобщим уважением человека. В конечном итоге он стал президентом и национальным лидером. Президент Гавел относился к тому разряду лидеров, которых невозможно представить у власти в обычных условиях; некоторые усматривают в этом его достоинство. Видный драматург, интеллектуал, сочетающий в себе мужество и мягкость характера, он более пяти лет отсидел в тюрьме за свои убеждения. Его речь спокойна, но убедительна; он не оратор в обычном смысле этого слова, однако в нем есть что-то от проповедника, заражающего слушателей своим вдохновением и моральной твердостью.

Из окон кабинета г-на Гавела в президентском крыле Пражского замка, где мы встречались в тот день, открывался вид на реку и старый город на другом берегу. Его интерьер заметно изменился со времен Бе-неша. У рабочего стола стояла большая статуя обнаженной женщины, выполненная в египетском стиле, — предпочтения президента в искусстве, как, впрочем, и в политике, отличаются от моих.

Президент Гавел по своим убеждениям, вне всякого сомнения, является антикоммунистом. Однако он принадлежит к левому крылу, и это нашло отражение в его взглядах на мир. В своей речи, произнесенной на следующий день, он сформулировал их таким образом: «В настоящий момент ощущается настоятельная потребность в новом восприятии современного мира, как многополярной, мультикультурной и глобально взаимосвязанной сущности, а также в таком преобразова-

нии всех международных организаций и институтов, которое отражало бы это новое понимание». Именно подобные утопические высказывания, несмотря на то что они принадлежат столь красноречивому человеку, беспокоят меня.

Вместе с тем наши взгляды на аморальную природу коммунизма полностью совпадали: это система (позволю себе вновь процитировать г-на Гавела), «в основе которой лежит ложь, ненависть и принуждение». Первое же общественное мероприятие, назначенное на утро среды, позволило мне понять настроения соотечественников президента. Я должна была открыть новый памятник сэру Уинстону Черчиллю — копию того, что установлен перед Вестминстерским дворцом в Лондоне. Ожидалось, что на церемонии открытия выступят Вацлав Клаус и Руперт Соумз, племянник сэра Уинстона.

В тот день было холодно, пронизывающий ветер пробирал до костей. Отказавшись от теплого пальто, я отправилась на церемонию в черном шерстяном костюме с меховой отделкой и очень скоро пожалела об этом. Довольно просторная площадь Черчилля в Праге оказалась заполненной людьми. Там собралось около семи тысяч человек, зрители высовывались из окон в надежде лучше разглядеть происходящее. Я начала свою речь:

> Каждый раз, когда я приезжаю [в Прагу], мне кажется, что я попадаю в мир величественных церквей, дворцов и пробуждающих воспоминания произведений скульптуры. Признаюсь, я очень рада, что здесь нашлось место и для этого монумента. Среди этой красоты он будет напоминанием — а напоминания необходимы каждому поколению — о том, что свобода просто так не дается, за нее расплачиваются «кровью, изнурительным трудом, слезами и потом». Эта статуя сэра Уинстона Черчилля будет напоминать вам, как она напоминает мне, что свободе нельзя позволить исчезнуть с лица земли, что она должна существовать вечно.

Церемония получилась замечательной. Аплодисменты временами приобретали особое звучание, которое запоминается на всю жизнь. Под конец оркестр заиграл государственный гимн, и толпа со страстью подхватила его. Я могла лишь догадываться о том, что он значил для стариков, переживших вторжение нацистов, для более молодых людей, страдавших под властью коммунистов, и для совсем юных, которые не сталкивались в своей жизни с тоталитаризмом, но уже вкусили подлинной свободы.

Я простояла без движения почти час и совершенно замерзла. Когда мы спустились с трибуны, один чешский ветеран, сражавшийся в прошлой войне вместе с англичанами, попросил автограф. От холода у меня так дрожали руки, что я с трудом смогла расписаться. Подпись получилась настолько неразборчивой, что, несмотря на ее подлинность, когда-нибудь в будущем эксперты вполне могут счесть ее поддельной.

Дискуссия, состоявшаяся в тот день в огромном сверкавшем позолотой зале Пражского замка в стиле барокко, со всей очевидностью показала, что по сравнению с потрясшим меня единодушием чешского народа некоторые гости демонстрировали гораздо меньше согласия — прежде всего Михаил Горбачев. Дискуссия проходила под тактичным председательством историка Тимоти Гартона Аша, сыгравшего выдающуюся роль в событиях десятилетней давности. Слева от него сидели мадам Миттеран, Джордж Буш, я и Гельмут Коль. Справа — Вацлав Гавел, Михаил Горбачев и Лех Валенса. Тема обсуждения называлась «Десять лет спустя».

Довольно любопытно, что сформулированный таким образом заголовок выглядел поразительно незаконченным. Десять лет спустя — после чего? Очевидный ответ — после пражской «бархатной революции». Однако этот ответ нельзя было назвать единственным. Можно было вполне сказать «после крушения коммунизма», «триумфа свободы» или даже (что с точки зрения некоторых является спорным) «победы Запада в "холодной войне"». Варианты различались коренным образом, именно это и привело к разногласиям.

Все присутствующие (за исключением Даниэль Миттеран) были главными действующими лицами событий десятилетней давности, от которых зависел ход их развития. Лех Валенса, стоявший во главе профсоюза «Солидарность», сыграл решающую роль в борьбе за свободу Польши (я хорошо помню посещение судостроительного завода в Гданьске в ноябре 1988 года и попытки, как оказалось успешные, убедить генерала Ярузельского вступить в переговоры с «Солидарностью»*).

Михаил Горбачев положил начало реформам в Советском Союзе, которые привели — хотя и неожиданно для него — к крушению коммунизма. Вместе с тем наибольшей его заслугой, по всей видимости, следует признать решение не только не вводить танки, но и вообще не

* The downing Street Years, pp. 777-782.

предпринимать никаких действий, когда страны восточного блока стали выходить из-под советского контроля.

Гельмут Коль, несмотря на потоки критики в его адрес, достоин, как наиболее выдающийся государственный деятель Германии, стать в один ряд с Бисмарком и Аденауэром. Он проявил неординарную политическую смелость перед лицом угроз и уговоров со стороны Москвы, когда она в 80-е годы отчаянно пыталась вбить клин между Европой и Америкой. Хотя я и не одобряю его тактику того времени, нельзя не признать, что он проявил незаурядные способности и умение при восстановлении целостности и обеспечении свободы своей страны в 1989-1990 годах.

Джордж Буш, хотя и выглядел усталым после длительной поездки по городам Европы, также присутствовал на встрече, как всегда в сопровождении Барбары. Мы с ним очень разные люди, у нас различные корни и отношение к жизни. Однако я очень высоко ценю его порядочность и патриотизм. Он взялся за продолжение дела Рональда Рейгана и успешно завершил его: умело применяя кнут и пряник, заставил Советы пойти по пути реформ и добился, чтобы объединение Германии проходило в рамках НАТО.

Я уже неоднократно говорила о своей собственной роли в событиях того времени: без твердой поддержки Великобритании администрации Рейгана вряд ли удалось бы удержать своих союзников на правильном пути. Я глубоко уверена, что именно то, что мы с Рональдом Рейганом разговаривали на одном языке (во всех отношениях), убеждало и друзей, и врагов в серьезности наших намерений.

Вклад каждого из присутствовавших, безо всякого преувеличения, был очень значительным. Однако человек слаб (а теоретики, как и политики, особенно подвержены человеческим слабостям), и со временем стали предприниматься попытки пересмотреть прошлое. В частности, нарочито преуменьшается роль Рональда Рейгана, а роль европейских лидеров, которые, за исключением Гельмута Коля, нередко пытались свести на нет усилия Америки, когда появлялась такая возможность, наоборот, приукрашивается; роль же г-на Горбачева, который явно потерпел неудачу в достижении объявленных им целей (спасение коммунизма и Советского Союза), представляется совершенно превратно.

Такие мысли занимали меня, когда я готовилась к выступлению на заседании. Конечно, я старалась держаться дипломатично. Я заявила, что «все на этом форуме чудесно». Вместе с тем в моей речи прозвуча-

ло, что именно Америка и Великобритания с их глубокой исторической приверженностью ценностям свободы сыграли решающую роль в ее завоевании. К этому я добавила, что сейчас меня занимает проблема утверждения свободы в других странах:

> Мы получили уникальный шанс распространить свободу и господство закона на те страны, которые никогда их не знали, и именно в этом направлении, по моему убеждению, мы и должны двигаться. Я надеюсь, что ясно изложила свое мнение!

Видимо, так оно и было, судя по реакции г-на Горбачева, который буквально вышел из себя и энергично пустился в пространные возражения. Он утверждал, что в «холодной войне» не было победителей, обвинял людей вроде меня в «чрезмерном самомнении», заявлял, что ни одна отдельно взятая идеология — «ни либеральная, ни коммунистическая, ни консервативная, ни какая-либо иная» — не может дать всех ответов, и убеждал присутствующих в том, что «даже коммунисты хотели сделать мир более счастливым».

Из всего этого следовало, что, поскольку никто не победил (или, что было важнее для г-на Горбачева, никто не проиграл) и ни одна отдельно взятая идеология не могла удовлетворить потребности сегодняшнего мира, поиски решения должны продолжаться. Стоит ли удивляться тому, что они должны осуществляться с помощью столь милого всем наимоднейшего средства — обращения (как он буквально выразился) к «новым методам, новой философии, новому мышлению, которые могут помочь нам понять друг друга и условия мира, переживающего процесс глобализации».

Г-н Горбачев — великолепный, яркий, располагающий к себе оратор, — поверьте, я в этом хорошо разбираюсь. На той встрече он занял почти треть времени. Однако содержание его высказываний в Праге, по моему разумению, было, мягко говоря, сомнительным.

В то же время их нельзя было с легкостью отмести. Они являлись выражением стратегии, принятой левыми во многих странах в попытке избежать ответственности за грехи коммунизма и поставить себе в заслугу более прагматичные и современные взгляды на мир, созданный теми, кто действительно боролся с коммунизмом. И то, и другое следует решительно выявлять и опровергать.

Попытки пересмотра итогов «холодной войны» имеют разное обличье. Однако все они исходят из предпосылки, что политика Рональда

Рейгана в отношении Советского Союза была слишком демонстративной, опасной и даже ведущей к обратным результатам. Такой подход раздражает меня вовсе не из-за моих дружеских чувств к давнему другу. Просто он всегда, — как прежде, так и сейчас, — вызывает у меня ощущение опасности, поскольку ошибочные выводы могут привести к неоправданным действиям.

Эти соображения я озвучила в тот же вечер в ответном слове во время церемонии вручения мне и другим высоким гостям чешского ордена Белого Льва. Я сказала:

> Вера в достоинство личности, в то, что государство должно служить, а не господствовать, в право собственности и независимость — вот ценности, которые поддерживает Запад и за которые мы боролись во времена, называемые «холодной войной». За десять лет, прошедшие с момента крушения коммунизма, об этом великом противостоянии было написано очень много. За это время нет-нет да и случались попытки пересмотреть его итоги. Однако правда слишком дорога для нас, чтобы поддаваться моде.
>
> Принимая эту награду, мне хотелось бы назвать имя человека, который имеет большее, чем кто-либо другой (и большее, чем я), право претендовать на победу в «холодной войне» без единого выстрела: это, конечно, президент Рональд Рейган. То, что его нет здесь с нами (причины тому хорошо известны*), лишь подчеркивает, как много других, погибших в застенках, не смогло приехать сюда.
>
> Радуясь тому, что Европа едина и свободна, мы не должны забывать о той страшной цене, которую пришлось заплатить за защиту и восстановление свободы. Как написал Байрон:
>
> О вечный дух свободного ума!
> Луч света в глубине темниц — свобода!
> Всегда ты в сердце, рвущемся на волю.
> Ты расправляешь крылья, ветром вея свежим,
> Когда сыны твои в оковах, в вечном мраке,
> А их страна кричит от боли.

С 1994 г. президент Рейган не участвует в общественной жизни из-за прогрессирующей болезни Альцгеймера.

Я хочу напомнить сегодняшним политикам (судя по тому, какой прием мне был оказан, простые граждане Чехии не нуждаются в подобных напоминаниях) о том, что «холодная война» была войной за свободу, правду и справедливость. Победа в ней принадлежит антикоммунистам.

ЗАПАД ПОБЕДИЛ

И прежде всего, победил Рональд Рейган. Реальную взаимосвязь между действиями администрации Рейгана и реакцией Кремля можно будет установить лишь после того, как будут раскрыты (конечно, если такое произойдет) и изучены полные, подлинные архивы Советского Союза. Однако уже сейчас вполне можно доказать, что президент Рейган заслуживает звания главного архитектора победы Запада в «холодной войне». Это, без всякого сомнения, следует из высказываний последнего советского министра иностранных дел Александра Бессмертных на интереснейшей конференции по советско-американским отношениям в 80-е годы*.

Среди прочего в высказываниях Александра Бессмертных прозвучали следующие слова по поводу размещения осенью 1983 года американских крылатых ракет и баллистических ракет «Першинг-2» в Европе в ответ на принятие СССР на вооружение ракет СС-20 и яростную пропагандистскую кампанию и угрозы:

> ...Решение определенно вызвало крайнее разочарование... Ситуация чрезвычайно осложнилась, поскольку были затронуты интересы Советского Союза. Вместе с тем, оценивая ретроспективу с позиций сегодняшнего дня, я полагаю, что этот факт сам по себе... помог сконцентрировать усилия на поиске решений.

А вот что он сказал по поводу объявленных президентом Рейганом в том же году планов реализации Стратегической оборонной инициативы (СОИ):

> ...Я бы сказал, что одним из поворотных моментов, когда стратеги в Советском Союзе начали, возможно, даже пересматривать свои позиции, стало объявление программы СОИ в марте 1983 года. В головы [совет-

* Я благодарю Школу Вудро Вильсона при Принстонском университете за материалы этой конференции, предоставленные в мое распоряжение.

ских] лидеров закралось подозрение, что за этим может скрываться нечто очень, очень опасное.

И, наконец, по поводу взаимосвязи между инициативами Рейгана по укреплению обороны (включая как размещение ядерных ракет среднего радиуса действия в Европе, так и решение о реализации СОИ) и внутренней слабостью Советского Союза:

...К моменту прихода Горбачева к власти в Москве статистические показатели уже свидетельствовали о том, что ситуация в экономике была не слишком хорошей. Поэтому, когда вы заговорили о СОИ и контроле над вооружениями, экономический элемент... временами, с моей точки зрения, полностью захватывал Горбачева, *особенно в процессе подготовки к встрече в Рейкьявике.* (Курсив автора.)

Саммит в Рейкьявике в октябре 1986 года, на который ссылается г-н Бессмертных, был, как я уже не раз отмечала, поворотным пунктом «холодной войны»*. Г-н Горбачев уже знал из прошлых дискуссий с президентом Рейганом, как горячо тот поддерживает СОИ, в которой видит не только практическую необходимость, но и моральную цель: программа направлена на защиту людей и опирается не только на ядерное устрашение. Советскому лидеру, располагающему всей полнотой информации, также было хорошо известно, что Советский Союз с его находящейся в застое экономикой и технологической отсталостью не мог ничего противопоставить СОИ. Ему необходимо было любой ценой остановить реализацию программы. Именно поэтому он и пытался предложить президенту Рейгану серьезное сокращение ядерных вооружений в обмен на одно условие: программа СОИ не должна выходить за «рамки лабораторий».

Михаилу Горбачеву удалось взять верх, а Рональд Рейган проиграл РК-битву в результате срыва переговоров. Тем не менее американский президент все же победил в «холодной войне» и сделал это без единого выстрела. В декабре 1987 года Советы сняли свое требование отказаться от СОИ и приняли американское предложение о сокращении вооружений, а именно предложение о полном выводе из Европы ядерного оружия среднего радиуса действия. Г-н Горбачев перешел Рубикон. Советский Союз вынужден был признать, что стратегия, которую он проводил с 60-х годов, — стратегия бряцания оружием, подрывной деятель-

* The Downing Street Years, pp. 469-472.

ности и пропаганды для прикрытия внутренней слабости и сохранения статуса сверхдержавы, — окончательно и бесспорно потерпела провал.

Меня все же удивляет, что левые пытаются отрицать это. Конечно, заблуждение — это не преступление. Однако то, как некоторые ведут себя, поверив, что Советский Союз оказался победителем, не многим отличается от преступления. Эти люди просто слепы, поскольку не хотят видеть, поскольку ослеплены классической социалистической верой в то, что власть государства — кратчайший путь к прогрессу. Так, американский журналист Линкольн Стеффенс, посетивший Советский Союз в 1919 году, написал: «Я видел будущее; и оно реально».

В разгар голода 1932 года, самого ужасного в российской истории, биолог Джулиан Хаксли заявил, что в России «уровень физического состояния и здоровья [людей] лучше, чем в Англии». Джордж Бернард Шоу писал, что «Сталин выполнил обещания, которые еще 10 лет назад казались неосуществимыми, и я снимаю перед ним шляпу». В не меньшей степени был поражен и Герберт Уэллс, который говорил, что он никогда «не встречал человека более искреннего, справедливого и честного... никто не боялся его, и все доверяли ему». Гарольд Ласки полагал, что советские тюрьмы (переполненные политическими заключенными, содержащимися в ужасающих условиях) позволяют осужденным вести «полноценную жизнь и сохранять чувство собственного достоинства»*.

Сидней и Беатриса Уэбб были просто ошеломлены триумфом советского эксперимента. Их книга объемом в 1200 страниц, расхваливавшаяся всеми средствами советской пропаганды, первоначально называлась «Советский коммунизм: новая цивилизация?», однако знак вопроса исчез из заглавия второго издания, вышедшего в 1937 году, когда террор достиг наибольшего размаха**.

В способности левых связывать все лучшее с коммунизмом, а худшее с антикоммунизмом есть нечто повергающее в трепет. Даже когда советская система лежала в конвульсиях экономической смерти, экономист Дж. К. Гэлбрейт в 1984 году так описывал свой визит в СССР:

> О том, что советская система за последние годы добилась колоссальных успехов в материальном производстве, свидетельствуют как статисти-

* Эти примеры заимствованы из книги Пола Джонсона «Нынешние времена» (Modern Times, London, 1992, pp. 275-276).

** Роберт Конквест. Научная общественность и советский миф (Academe and the Soviet Mith, The National Interest, spring 1993).

ческие данные, так и общий вид городских районов... Это заметно по облику людей на улицах... В определенной мере успехи российской системы обусловлены тем, что она, в отличие от экономики западных про-мышленно развитых стран, в полной мере задействует рабочую силу*.

Профессор Гэлбрейт — один из сторонников некогда модной теории «конвергенции», в соответствии с которой капиталистическая и социалистическая модели со временем должны сближаться и, в конечном итоге, привести к миру социальной демократии, который вберет в себя все лучшее и будет лишен недостатков. Проблема этой теории заключается в том, что ее приверженцы вынуждены постоянно выискивать достоинства советской системы, которая не смогла предложить ничего существенного советским гражданам. Один из диссидентов того времени Владимир Буковский однажды заметил (имея в виду поговорку об омлете, который нельзя приготовить, не разбив яиц), что он видел массу разбитых яиц, но попробовать омлета ему так и не удалось.

Подобную ошибку (я вернусь к этому вопросу в одной из следующих глав) делают и те советологи, которые пытаются анализировать и представлять развитие событий в Советском Союзе, оперируя понятиями «голуби» и «ястребы», «либералы» и «консерваторы», «левые» и «правые»**. (Мне совершенно непонятно, зачем называть бескомпромиссных коммунистов «консерваторами», а фашиствующих антисемитов «правым крылом», — разве только чтобы сбить с толку оппонентов в либеральных средствах массовой информации.) Защитники теории «конвергенции» и некоторые сторонники политики разрядки предполагают, что любой конкретный шаг Соединенных Штатов должен вызывать аналогичный ответный шаг со стороны Советов***. От-

* Источник: «Визит в Россию» (A Visit to Russia, New Yorker, 3 September 1984); цитата заимствована из книги Динеша Д'Суза «Рональд Рейган: как обыкновенный человек стал выдающимся лидером» (Ronald Reagen: How an Ordinary Man Became an Extraordinary Leader, New York, 1999, p. 4).

** См. стр. 96.

*** Генри Киссинджер отстаивает свою концепцию разрядки в статье «Между старым "левым" и новым "правым"» (Between the Old Left and the New Right, Foreign Affairs, May-June 1999). Он приводит следующий аргумент: «В начале 70-х годов решения, которым позже станет высокоэффективная политика Рейгана, просто не существовало. Препятствием для появления такой политики была вовсе не администрация Никсона или Форда, а либеральный Конгресс и средства массовой информации». Правда, он также допускает, что «Рейган оказался более чутким к чувствам американцев».

сюда следует, что если мы хотим мира, то не должны готовиться к войне, если хотим безопасности, то не должны угрожать, а если хотим сотрудничества, то должны идти на компромиссы. Такой подход был совершенно неоправдан, по крайней мере пока Советский Союз оставался той сверхдержавой с экспансионистской идеологией, какой он был до середины — конца 80-х годов.

Доказательство тому лежит на поверхности. Пока во главе Соединенных Штатов стояла администрация (Никсона, Форда и Картера), которая шла на компромисс с Советами, Советский Союз продолжал наращивать свои арсеналы и усиливать военное присутствие в разных частях мира. Но стоило только появиться президенту, открыто поставившему в качестве целей достижение военного превосходства, всеобъемлющее соперничество и сдерживание советской мощи, как Советский Союз пошел на сотрудничество и разоружение, а впоследствии развалился. Критики президента Рейгана, в отчаянной попытке найти кого-нибудь, кому можно было бы поставить в заслугу окончание «холодной войны», увидели неожиданное спасение в лице Михаила Горбачева, которому приписали преобразование всего на свете. Роль г-на Горбачева и в самом деле была позитивной и очень важной. Однако противникам президента Рейгана так и не удается объяснить, почему (выражаясь словами профессора Ричарда Пайпса) «после четырех лет жесткой рейгановской политики конфронтации Советский Союз не ответил тем же... не назначил такого же бескомпромиссного, агрессивно настроенного первого секретаря, а остановился вместо этого на человеке, склонном к компромиссам»*.

Столь серьезное заблуждение, похоже, совсем не помеха для карьеры в мире, сложившемся после окончания «холодной войны». Напротив. Вчерашние критики стратегии, которая так блистательно разрушила Советский Союз, получили возможность выстраивать отношения с его наследниками. Г-н Строуб Тэлботт в период работы журналистом в журнале Time неоднократно критиковал усилия Рейгана по укреплению обороноспособности, отвергал СОИ, подвергал сомнению эффективность идеи внешнего давления со стороны Запада, называл «холод-

* Р. Пайпс, «Ошибочная трактовка "холодной войны": сторонники жесткой линии оказались правы» (Misinterpreting the Cold War: The Hard-Lines had It Right, Foreign Affairs, Winter 1995), отзыв на книгу Реймонда Гартоффа «Великое превращение: американо-советские отношения и окончание "холодной войны"» (*The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War, Washington,* 1994).

ную войну» «навязчивой идеей», отвлекающей мир от других, более важных проблем, и считал НАТО «не более чем временным образованием»*. И что же, в администрации президента Клинтона он получает место заместителя госсекретаря.

Все это в наше время *приобретает* чрезвычайное значение. Если столь влиятельные люди не понимают или просто забыли, против чего мы боролись в «холодной войне» и как нам досталась победа, значит, они не могут даже сохранить, не говоря уже о том, чтобы углубить, завоевания, которые дала свобода.

«Холодную войну» иногда изображают как борьбу между двумя сверхдержавами: Соединенными Штатами (и их союзниками) с одной стороны и Советским Союзом (и его марионетками) — с другой. Термин «сверхдержава» не нравился мне в те времена, поскольку он предполагает некую моральную равнозначность двух политических полюсов. Конечно, с одной стороны, борьбу за превосходство вели друг с другом равные в широком смысле государства. Однако эта равнозначность по размышлении вовсе не однозначна. Намного важнее и значительнее для нас сегодня то, что «холодная война» шла между двумя прямо противоположными системами, опирающимися на отрицающие друг друга философские теории и имеющими абсолютно разные цели.

Советская коммунистическая система была в некотором смысле проще. Ее главная цель заключалась в стремлении к мировому господству идеологии марксизма-ленинизма и коммунистической партии, которая являлась высшим хранителем этой идеологии и единственным получателем выгоды от нее. Такая цель, по мнению оппонентов, не предполагала никаких моральных ограничений, само упоминание которых казалось абсурдным. Коммунизм не признавал никаких ограничений, кроме тех, что были обусловлены силой его врагов. В рамках такой системы личность ценилась настолько, насколько она могла выполнять отведенную ей роль. Высказывание взглядов, проявление творческой энергии, любые виды «личной» активности разрешались только в том случае, если они приближали «революцию», т. е. совпадали с интересами стареющих обитателей Кремля. Осуществление мировой революции все откладывалось. Случались, однако, моменты, особенно во взаимоотношениях Советского Союза с Китаем, когда между поборниками великой социалистической «идеи» воз-

* Переосмысление красной угрозы (Rethinking the Red Menace, Time, 1 January1990).

никали разногласия по поводу темпа ее реализации, методов руководства и ближайших задач. Вместе с тем цель создания всемирного социалистического общества, состоящего из идеологически убежденных граждан, оставалась неизменной.

По другую сторону находилась Америка со своими союзниками. То, что мы для краткости называем «Запад», на деле являлось настолько сложным, насколько простым был «Восток» (в коммунистической терминологии). Прежде всего, он включал в себя целый ряд государств. В рамках НАТО — организационного воплощения оборонительного решения Запада — отдельно взятые государства проводили непрерывно меняющуюся политику в соответствии со своими интересами и решениями, принимаемыми их народами на демократической основе. Америка была лидером; однако ей приходилось всякий раз убеждать своих друзей в необходимости следовать за ней. Этот факт являлся отражением фундаментального отличия в философии. Само существо западной культуры — и главная причина как силы, так и слабости западной политики в годы «холодной войны» — заключается в признании уникальной ценности каждого человека.

Если взглянуть на вещи таким образом, становится ясно, почему опыт «холодной войны» так важен сегодня. Еще важнее понимать, что борьба между двумя противоположными подходами к политической, социальной и экономической организации человеческого бытия не закончилась и не закончится никогда.

Ни падение Берлинской стены, ни победа в Персидском заливе, ни развал Советского Союза, ни утверждение свободного рынка и в какой-то мере демократии в Юго-Восточной Азии — ничто не ослабило конфликта между свободой и социализмом в его бесчисленных обличьях. Сторонники западной модели с ее жестко ограниченным правительством и максимальной свободой личности в рамках господства закона нередко утверждают, и совершенно справедливо: «Мы знаем, что работает». Конечно знаем! Однако всегда находятся политические лидеры и, все чаще, группы давления, которые упорно пытаются убедить людей в том, что они не в состоянии управлять своей собственной жизнью и что этим должно заниматься государство. К сожалению, существуют и люди, которые предпочитают бездействие борьбе, зависимость независимости и скромное вознаграждение лишь только потому, что никто не получает больше. Опасность того, что, как выразился Фридрих Хайек в своей «Дороге к рабству», «стремление к спокойной

жизни станет сильнее любви к свободе»*, присутствует всегда. Этого допускать нельзя.

В противном случае мы окажемся в ситуации, о которой предупреждал прозорливый французский обозреватель Алексис де Токвиль в своих рассуждениях о возможности постепенной утраты свободы демократическими странами.

> «[Граждане] оказываются под присмотром всепроникающего, покровительствующего государства, которое единолично обеспечивает их занятость и в целом отвечает за их судьбу. Это государство абсолютно, внимательно к каждой мелочи, последовательно, предусмотрительно и великодушно. Его забота походила бы на родительскую, если бы оно готовило своих подопечных к взрослой жизни, но вместо этого оно пытается удержать их в вечном детстве... Так почему бы полностью не освободить людей от необходимости думать и вообще заботиться о своей жизни? День ото дня свобода выбора превращается во все более бесполезное и случайное занятие, свобода воли запирается в узких границах, а граждане мало-помалу лишаются возможности проявлять свои способности. Основу для такого существования закладывает уравниловка, именно она подталкивает людей безропотно терпеть его, а нередко и рассматривать как некое благо...
>
> Я всегда считал, что эта описанная мною форма упорядоченного, мягкого, мирного рабства вполне может облекаться (значительно легче, чем принято считать) в обертку свободы и что она может утвердиться, даже прикрываясь лозунгом независимости людей»**.

Только уверенность в том, что свобода, за которую мы боролись с социализмом в годы «холодной войны», является незыблемой ценностью *сама по себе*$_y$ позволяет нам не попасть в заманчивый, но безжизненный тупик, который изобразил де Токвиль.

Именно поэтому мой давний оппонент Михаил Горбачев ошибался, когда высказывался в Праге насчет альтернативы коммунизму, которую Запад предлагал в прошлом и которую предлагает теперь. Политическая и экономическая свобода — это не лотерея, в которой один счастливчик может вытянуть приз и насладиться им, не поделившись с другими.

* F.A, Hayek, The Road to Serfdom, London: Routhledge and Kegan Paul, 1979, p. 95.

** Alexis de Tocqueville (ed. J.P. Mayer and Max Lerner, trans. George Lawrence), Democracy in America (New York: Harper and Row, 1996), p. 667. Алексис де Токвиль (1805-1959) — политический философ, политик и историк.

На самом деле западная модель свободы реальна и универсальна, а ее вариации обусловлены лишь культурными и прочими особенностями. Теолог Майкл Новак окрестил ее «демократическим капитализмом»*. Это хорошее название, поскольку оно подчеркивает связь между политической и экономической свободой. Существенно то, что его предложил человек, чья профессиональная деятельность в большей мере ассоциируется со сверхъестественными теориями, а не политическими программами. Несколько позже я постараюсь дать более детальное представление о западной модели свободы**. Однако скажу сразу: ее главная и определяющая особенность в том, что она опирается на правду — правду о природе человечества, о его стремлениях, о мире, который оно надеется построить.

* M1cЬae1 Moya1<:, *THe ЗрггН o/OetocгaПc CapгШНзт* (ЬопсЬп, 1991). ** См. главу 11.

Глава 2

Победа Америки

МОЯ АМЕРИКА

Америка, которую я увидела во время своей первой после атаки террористов на Нью-Йорк и Вашингтон поездки с выступлениями, была более мрачной, сдержанной и сосредоточенной, чем прежде. Через полтора месяца после объявления войны «Аль-Каиде» и «Талибану» всех волновало лишь одно, и моим долгом было озвучить лишь одну мысль:

> Великобритания знает, чем она обязана Америке. Мы понимаем, насколько близки наши страны. Дело Америки было и всегда будет нашим делом. Я хочу сегодня заявить, что Великобритания едина с Америкой в борьбе с терроризмом*.

Я регулярно бываю в Соединенных Штатах в течение уже более тридцати лет. Однако с Америкой меня связывает нечто более тонкое и труднообъяснимое, чем это многолетнее знакомство. Я не раз задумывалась над тем, в чем это «нечто» заключается.

Шарль де Голль как-то сказал, что у него есть «своя идея Франции»**. Точнее что он «создал для себя» эту идею. Чтобы сформировать идею страны, вовсе не обязательно иметь какую-то особую точку зрения.

* Выступление в Форт-Уорте, штат Техас, 19 октября 2001 г.

** «Toute ma vie, je me suis fait une certaine idée de la France». Charles de Gaulle, Memories de querre: l'Appel, 1940-1942 (Papе, 1954), p. 1.

Если вы хотите, чтобы эта идея была правильной, нужно постичь загадку национальной самобытности.

У меня тоже есть идея Америки. Скажу больше, я не могу утверждать того же в отношении какой-либо другой страны, за исключением собственной. Это не простая сентиментальность, хотя я всегда ощущаю себя на десять лет моложе (несмотря на нарушение биоритмов из-за разницы во времени), когда ступаю на американскую землю: ее люди несут такой заряд позитивности, щедрости и открытости, который неизменно оказывает бодрящее действие. Кроме того, я чувствую своего рода участие в жизни Америки. Чем объяснить такое отношение?

На то есть две причины. Во-первых, в эпоху запутанных идей и ложных посылок я со всей отчетливостью осознала правоту того, что Уинстон Черчилль сказал в своей знаменитой речи в Фултоне, штат Миссури, в 1946 году:

> Мы не имеем права отказываться от бесстрашного провозглашения великих принципов свободы и прав человека, которые являются общим достоянием англоязычного мира и которые через Великую хартию вольностей, Билль о правах, Хабеас корпус акт*, суд присяжных и английское общее право нашли прекрасное отражение в американской Декларации независимости.

Понимание глубинной общности этого самого «англоязычного мира» и его ценностей необходимо нам сейчас как никогда.

Вторую причину моего ощущения взаимосвязи с Америкой я вижу в том, что Америка — это больше, чем нация, государство или сверхдержава; именно в этом и заключается ее идея — идея, которая трансформировала и продолжает трансформировать всех нас. Америка уникальна своей мощью, богатством и мировоззрением. У этой уникальности есть свои корни, и они в значительной степени английские. Еще во времена зарождения первых поселений на другой стороне Атлантики их обитатели имели твердые религиозные, моральные и политические убеждения.

Об этом свидетельствуют незабвенные слова Джона Уинтропа, обращенные в 1630 году с палубы крошечного суденышка Arbella у побережья Массачусетса к первым поселенцам:

* Habeas Corpus Act — английский закон 1679 г. о неприкосновенности личности. — *Прим. пер.*

Мы должны соединиться в этой работе в единое целое. Мы должны питать друг к другу братские чувства. Мы должны отказаться от всяких излишеств, чтобы дать другим хотя бы самое необходимое...

Мы подобны городу на холме. Взоры всех народов устремлены на нас, и если мы обманем ожидания нашего Господа в деле, за которое взялись, и он лишит нас своей милости, мы станем притчей во языцех во всем мире.

Переселенцы искали свободы, чтобы действовать по своему выбору и усмотрению, однако, как показывают слова Уинтропа, они не были релятивистами или либералами. Ими двигало чувство персональной и коллективной ответственности. У них была сильна самодисциплина, они жили в соответствии с суровым духом общины. Переселенцы были кальвинистами, я же воспитывалась в менее строгих методистских взглядах. Тем не менее в моем родном Грантеме и его окрестностях находились проповедники, напоминавшие Уинтропа, так что атмосфера, которая нас окружала, не так уж сильно отличалась. Поэтому мне кажется, что я понимаю переселенцев, которые для меня воплощают одну из сторон американского характера, одну из сторон американской мечты.

Однако Америка — это не новый Иерусалим. Ее не могли создать одни святые, а если бы и могли, то вряд ли она добилась бы Процветания. С течением времени все больше и больше людей покидали свои дома в Старом Свете и отправлялись на поиски лучшей жизни в Новом просто по материальным соображениям. И их нельзя за это осуждать. Они искали лучших возможностей для себя и своих семей и были готовы пойти на огромные жертвы, чтобы их получить. Этих людей отличало бесстрашие, упорство, энергия. Они также, независимо от их происхождения, судьбы и надежд, являются важной частью американской истории. Именно благодаря их готовности идти на риск, предприимчивости и смелости, преодолевающим любую опасность, откуда бы она ни исходила — от природы или от человека, — были освоены девственные леса и бескрайние прерии. Неважно, кем они были — охотниками, фермерами, торговцами или (позже) горняками, — их дух составляет основу сегодняшнего американского характера.

Ответственность и основополагающая ценность человеческой личности составляют фундамент организованной свободы. До войны за независимость у американских колонистов в силу обстановки эти чувства были развиты очень сильно. Политическая культура, на которой вы-

росли американские колонии, т. е. английская политическая культура, тоже всегда была пропитана этими чувствами.

Один из американских ученых, профессор Джеймс К. Уилсон, приводит следующие факторы, сыгравшие значительную роль в формировании модели английской (а позднее британской) свободы: физическая изоляция (которая помогала нам защищаться от вторжений); глубоко укоренившееся и широко распространенное признание частной собственности; этническая однородность (которая помогла создать общую культуру) и традиционное уважение к закону и правам, которые он гарантирует*. Отцы-основатели Соединенных Штатов Америки унаследовали все это. Их взгляды на права субъекта и цели Конституции явились продолжением того, что накапливалось в течение более пяти веков в стране, чье ярмо они решили сбросить.

Я выдвинула этот тезис во время выступления на церемонии присвоения мне звания почетного ректора колледжа Уильяма и Мэри в Уильямсбурге, штат Виргиния, в феврале 1994 года**:

> Исторические корни наших [англо-американских] отношений многообразны. Общий язык, общая литература, общая законодательная база, общая религия и тонкое переплетение обычаев и традиций с того самого момента, когда две наших нации отделились друг от друга. Даже когда основатели этой великой республики пришли к выводу, что ход развития истории требует ликвидации политической зависимости от Великобритании и приобретения независимого и равного положения в ряду других государств земного шара по закону природы и Бога, это наши Локк и Сидни, наши Харрингтон и Коук указали вашим Генри, Джефферсону, Медисону и Гамильтону правильное направление***.

* James Q. Wilson Democracy for All? America Enterprise Institute, April 2000.

** В 1693 г. король Уильям III и королева Мэри издали указ об основании колледжа, которому были присвоены их имена, в том месте, где сейчас находится Уильямсбург, штат Виргиния. Это второй старейший колледж в Соединенных Штатах.

*** Джон Локк (1632-1704) — английский либеральный философ; Элджернон Сидни (1622-1683) — английский государственный деятель и лидер вигов, находившихся в оппозиции к королю Чарльзу II; Джеймс Харрингтон (1611-1677) — английский политический философ; сэр Эдвард Коук (1552-1634) — выдающийся английский судья и составитель свода законов; Патрик Генри (1736-1799) — американский государственный деятель и оратор; Томас Джефферсон (1743-1826) — третий президент Соединенных Штатов и автор Декларации независимости; Джеймс Медисон (1751-1836) —четвертый президент Соединенных Штатов и «отец» Конституции; Александр Гамильтон (1757-1804) — американский государственный деятель и основной автор «Федералистских документов».

Подобные соображения представляют не только академический интерес. Их значимость в том, что они позволяют нам осознать одну из истин, касающихся Америки, а именно тот факт, что она — оплот борьбы за свободу в мире, поскольку в сохранении ценностей свободы заключается смысл самого ее существования.

Именно поэтому я чувствовала себя вправе почти два года спустя, выступая на эту же тему, заявить следующее:

> Современный мир — и это не шутка — ведет свой отсчет от 4 июля 1776 года. В тот день мятежные колонисты закрепили на бумаге истины, не требующие доказательства, и торжественно поклялись не жалеть ни жизни, ни состояния, ни доброго имени для их защиты: «Все люди созданы равными, они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами... и, чтобы гарантировать эти права, люди договорились между собой создать правительства, которые получают власть с согласия тех, кто находится под их управлением». С того момента патриотизм понимался уже не как преданность отечеству, а как преданность универсальным и вечным принципам*.

То же, вне всякого сомнения, можно сказать и о других революциях. Однако они не смогли выдержать этого испытания. Французская революция принесла свободу в жертву равенству (братство же вообще не имело никакого реального значения), а равенство быстро уступило дорогу диктатуре. Сегодня конструктивные результаты того переворота можно обнаружить лишь в административных преобразованиях, которые пришли ему на смену. Большевистскую революцию можно рассматривать в ретроспективе как возврат к наиболее одиозной разновидности традиционной тирании, дополненной технологическим аппаратом тоталитаризма. Здесь вообще не было каких-либо конструктивных результатов.

Американскую революцию нельзя назвать революцией ни в одном упомянутом смысле. Она реализовалась через войну, но ее целью были мир и процветание. Она привела к разрыву политических уз с Великобританией, но у нее не было программы социального или культурного преобразования. Принесенная ею новизна была одновременно более ограниченна и более радикальна, поскольку, опираясь на английские

* Из лекции о Джеймсе Брайсе в Институте Соединенных Штатов при Университете Лондона 24 сентября 1996 г.

представления о правах субъекта, господстве закона и связанном ограничениями правительстве, она провозгласила доктрину, которая стала основой демократии.

Очень часто, особенно когда мне приходится выступать в Соединенных Штатах, я кладу в свою сумочку зачитанный желтый томик изданной по случаю ее двухсотлетия Конституции Соединенных Штатов с автографами членов Верховного суда США — подарок президента Джорджа Буша-старшего. В предисловии к ней ныне покойный Уоррен Бергер, один из выдающихся американских судей и председатель Верховного суда с самым большим стажем, пишет: «Конституция [США] — это не дар правителей народу, находящемуся под их властью, — как Великая хартия вольностей, дарованная королем Иоанном Безземельным в Раннимеде в 1215 году, — а передача народом власти правительству, которое он создал».

Это концентрированное выражение того, что американская революция дала миру, а Америка — мне.

Из этих размышлений вытекают определенные выводы, касающиеся международной политики.

- **Только Америка имеет моральное право, а также материальную основу, позволяющие занимать место мирового лидера.**
- **Судьба Америки неразрывно связана с отстаиванием ценностей свободы в глобальном масштабе.**
- **Ближайшие союзники Америки, в особенности союзники из англоязычного мира, должны рассматривать миссию Америки как основу для выработки своей собственной миссии.**

ПОЛЮС ТОЛЬКО ОДИН

Как я уже говорила в предыдущей главе, нравится вам это или нет, но в «холодной войне» победу одержал Запад. И все же главным победителем являются Соединенные Штаты. Только Америка имеет все необходимое, чтобы возглавлять в соответствии со своим историческим и философским предназначением дело борьбы за свободу, и я это приветствую. Вместе с тем есть немало таких, кто не только не одобряет этого, но вообще не признает.

Как выражаются на своем жаргоне эксперты по геополитике, а в таких вопросах жаргон в определенной мере неизбежен, с окончанием

«холодной войны» и развалом Советского Союза мы переместились от «двухполярного» к «однополярному» миру. На сегодня Америка — единственная сверхдержава. Ни одна из сверхдержав прошлого — ни Римская империя, ни империя, созданная Габсбургами, ни Британская империя — во времена их расцвета не обладали таким превосходством в ресурсах и размахе над своим ближайшим соперником, как современная Америка. Причину этого нельзя объяснить лишь последствиями «холодной войны». Это в такой же мере и результат динамизма, присущего американской системе.

Сильную неприязнь к Цезарю, Габсбургам и представителям Великобритании питали все, кто завидовал их могуществу: такова общая судьба сильных мира сего. Америке же, напротив, до недавнего времени удавалось избегать подобной участи. Объясняется это тем, что за пределами своего полушария у нее не было никаких территориальных притязаний. На самом деле потенциал Америки до сегодняшнего дня всегда превышал ее реальную власть.

Соединенные Штаты, как и приличествует величайшей демократической стране мира, — воитель поневоле. В две мировые войны XX века эта страна вступила последней. Даже во времена «холодной войны» Америка, что иногда упускают из виду, долгое время не опускалась до агрессивного антисоветизма. Концепция сдерживания (оказавшая на внешнюю политику Америки тех лет большее влияние, чем что-либо другое), которая лежала в основе оборонительной доктрины, предполагала не отбрасывание коммунизма, а предотвращение его расползания по всему миру. Именно этим и было обусловлено доброжелательное к ней отношение,

Однако в последнее время американцы были вынуждены гораздо серьезнее взглянуть на ту враждебность, которая исходит от влиятельных сил за пределами ее границ. Противников Америки не связывает, по крайней мере в настоящее время, ничто, кроме ненависти. Более умеренные или более осмотрительные среди них, к которым следует отнести некоторые страны континентальной Европы (особенно Францию), Россию и Китай, выражают свое неприятие статуса Америки в терминах альтернативной доктрины «мультиполярности». Так, президент Франции Жак Ширак выдвинул новую идею «коллективной власти», призванной обуздать власть Америки, а премьер-министр Лионель Жоспен посетовал на то, что «Соединенные Штаты нередко действуют в одностороннем порядке и с трудом справляются с той ролью, кото-

рая им отводится, т. е. ролью организатора международного сообщества»*. Такой язык особенно обожает Пекин. В апреле 1997 года тогдашний президент России Борис Ельцин и председатель КНР Цзян Цземинь договорились о китайско-российском «стратегическом партнерстве», нацеленном против того, кто будет «подталкивать мир к однополярному устройству». Через месяц французский президент — «всегда к вашим услугам» — согласился с принимавшей его китайской стороной в том, что существует необходимость установления международного порядка с «другими центрами помимо Соединенных Штатов»*[2]. А совсем недавно премьер-министр Швеции, выступивший в роли хозяина сумбурного европейско-американского саммита в Гетеборге, стал расхваливать Европейский союз «как один из немногих институтов, который способен составить противовес американскому мировому господству»*[3].

Угрозы в адрес Америки со стороны поборников исламской революции значительно отличаются по своему тону и смыслу от ворчания брюзгливых государственных деятелей. Задолго до 11 сентября 2001 года вождь исламских террористов Усама бен Ладен совершенно недвусмысленно заявил о своих (и не только своих) целях:

> Мы говорим, что наступит черный день для Америки и конец Соединенных Штатов в том виде, в каком они существуют сейчас. Они распадутся на отдельные государства, и уберутся с нашей земли, и заберут тела своих сыновей обратно в Америку с Божьей помощью*[4].

Бен Ладен и его сообщники уже тогда заходили слишком далеко в своих планах.

Перед лицом такого враждебного отношения у любой великой державы появляются два соблазна. Во-первых, это изоляционизм, о котором было немало разговоров. И в самом деле, судя по высказываниям в отношении Америки, может вполне показаться, что мосты уже разведены. Президент Клинтон, к примеру, усматривал «новый изоляционизм» в принятом в октябре 1999 года (и совершенно справедливом) решении

* Процитировано Джеффри Гедмином в *The Weekly Standart, 29 March* 1999.

*[2] Процитировано Йозефом Иоффе в статье «Как это делает Америка», Foreign Affairs, September-October 1997.

*[3] *New York Times* 2001.

*[4] Интервью с Джоном Миллером в ABC №т, воспроизведено в журнале *Middle East Quarterly, December* 1998.

сената, направленном против договора о запрете испытаний ядерного оружия. Это было частью более широкой кампании, направленной на то, чтобы убедить избирателей в недостаточной приверженности Республиканской партии мировой роли Америки. Именно в этом контексте следует рассматривать и случай, когда подавляющее большинство демократов в Конгрессе проголосовало *против* войны в Персидском заливе в 1991 году. Очень важным было и решение собственной партии Клинтона в Конгрессе, лишившее его полномочий на ведение переговоров по торговым соглашениям. Президент Джордж Уокер Буш, со своей стороны, предложил в ходе избирательной кампании подход к американской внешней политике и обеспечению безопасности, названный им «истинно американским интернационализмом», который предусматривал «реализм в служении американским идеалам». Он торжественно заявил, что «Америка по осознанному выбору и волей судьбы будет поддерживать распространение политической свободы — и считать наивысшей для себя наградой расширение демократии». В этом нет и следа изоляционизма. Как, впрочем, его нет и в действиях новой администрации, которая подтвердила свое обязательство защищать Европу, предложила расширить НАТО вплоть до включения в его состав балтийских государств, сделала попытку установить новые прагматические взаимоотношения с Россией, а также выступила с идеей создания гигантской зоны свободной торговли, охватывающей Северную и Южную Америку. Войне против терроризма президент Буш отдал колоссальные силы и проявил в ней незаурядные способности, создав международную коалицию, ориентированную на достижение американских целей.

Большинство консервативных критиков международных проектов Америки во времена Клинтона хотели, чтобы национальный интерес соседствовал или даже стоял выше более широких целей. Я не согласна с некоторыми из них, однако их беспокойство было вполне оправданным, и девять критиков из десяти не заслуживают ярлыка «изоляциониста».

Меня очень беспокоит другой соблазн, который трудно преодолеть творцам американской внешней политики, — соблазн использовать полномасштабную интервенцию в попытке достичь плохо проработанных целей. Я беспокоюсь вовсе не из-за того, что Америка может стать слишком сильной, а потому, что она может распылить свои возможности и, в конечном счете, потерять обязательный мандат народа на применение силы.

Какие же критерии должны определять, как и куда Америка и ее союзники имеют право вторгаться? Здесь нельзя уступать попыткам установить жесткие правила: одним из признаков разумного управления государством является признание того, что один кризис качественно отличается от другого и требует конкретного подхода. Однако в свете такого признания ясность стратегического мышления приобретает еще большее значение: на незнакомой территории компас просто необходим. Это полностью подтвердилось опытом вмешательств, предпринятых Америкой и ее союзниками после окончания «холодной войны».

Война в Персидском заливе против Ирака, в подготовке к которой я участвовала, продемонстрировала, как многим казалось в то время, порядок вещей, к которому мы идем. Вторжение Саддама Хусейна в Кувейт, произошедшее ранним утром 2 августа 1990 года, вряд ли могло случиться в разгар «холодной войны». Москва просто не допустила бы подобного безрассудного авантюризма со стороны кого-либо из своих вассалов. С другой стороны, во времена «холодной войны» ни за что бы не удалось добиться столь единодушной поддержки Советом Безопасности ООН использования силы против Саддама, особенно если эта «сила» представляла собой операцию под руководством США на Ближнем Востоке*.

Такой была обстановка, когда президент Джордж Буш-старший выступил 11 сентября на совместной сессии Конгресса США с обращением, добавившим новое выражение в лексикон аналитиков международной политики. По замыслу президента, его речь должна была обеспечить поддержку операции в Персидском заливе и ее целей, которые он обрисовал следующим образом:

> Ирак должен полностью уйти из Кувейта, немедленно и без всяких условий. К власти должно быть возвращено законное правительство Кувейта. В Персидском заливе должна быть восстановлена безопасность и стабильность. Кроме того, должны быть защищены американские граждане.

Пока все хорошо, даже отлично. Однако президент на этом не закончил.

* О моей собственной роли в этих событиях можно прочитать в книге «Годы на Даунинг-стрит» (The Downing Street Years, pp. 816-828).

> Наступило время новых партнерских отношений между странами, и сегодня мы стоим перед лицом уникального и выдающегося момента. Кризис в Персидском заливе, несмотря на всю его серьезность, дал нам редкую возможность перейти к историческому периоду сотрудничества. Из глубины этих беспокойных времен... может появиться *новый мировой порядок.* Новая эра — более свободная от угрозы терроризма, более твердая в отстаивании справедливости и более непоколебимая в стремлении к миру. Эра, в которую государства земного шара, востока и запада, севера и юга могут процветать и жить в согласии. (Курсив автора.)

Так родилось понятие «новый мировой порядок».

Как я неоднократно отмечала в связи с высказываниями президента Гавела, подобные сентенции меня настораживают. Президент Буш, впрочем как и любой другой лидер в период ведения военных действий, имел все основания для высокопарных заявлений. Однако того, кто действительно поверил в то, что «новый порядок», какого бы рода он ни был, идет на смену беспорядку в человеческих взаимоотношениях, и в особенности во взаимоотношениях между государствами, скорее всего ожидает сильное разочарование.

По правде говоря, чего я пыталась добиться в числе прочих первостепенных задач после ухода с Даунинг-стрит (и после того, как Саддам Хусейн пришел к власти в Багдаде), так это некоторого охлаждения интернационалистических амбиций, порожденных войной в Персидском заливе. Так, выступая в Совете по международным отношениям в Лос-Анджелесе в ноябре 1991 года, я вовсе не пыталась оспорить факт утверждения новых отношений между государствами после крушения советского коммунизма и последовавшего за ним расширения демократии и свободного предпринимательства, я даже не придиралась к выражению «новый мировой порядок». Я просто призывала к осмотрительности. Я напомнила о до боли похожем языке «нового мирового порядка», которым характеризовалась дипломатия между двумя мировыми войнами, и процитировала эпитафию Лиге Наций, принадлежащую генералу Сматсу: «То, за что в ответе все, в конце концов оказывается ничьим. Все кивают друг на друга, а агрессоры остаются безнаказанными».

Будь я менее тактичной, я могла бы добавить, что Саддам Хусейн также «остался безнаказанным», хотя бы потому, что он все еще находится у власти в Багдаде, в то время как мы с президентом Бушем уже пишем мемуары.

Война в Персидском заливе преподнесла целый ряд уроков, но лишь часть из них понята нами, а из некоторых сделаны неправильные выводы. Важно то, что кампания против Саддама оказалась совершенно нетипичной для конфликтов периода, начавшегося после окончания «холодной войны». Единодушное одобрение проведения военной акции было результатом кратковременного и счастливого стечения обстоятельств. Стоит только России и Китаю встать в позу, как Совет Безопасности ООН теряет эффективность в разрешении серьезных кризисов. Нетипичным было и то, что Саддам Хусейн настроил против себя большинство мусульманских государств. Как он ни старался, ему так и не удалось сыграть на их антизападных настроениях и найти таким образом союзников. Саддам промахнулся. Однако события в мире после окончания «холодной войны» развиваются скорее в соответствии с тезисом Самьюэла Хантингтона из «Столкновения цивилизаций», где противостоящие религии и культуры борются за господство, а не с прогнозом Франсиса Фукуямы из «Конца истории», где демократия неизбежно одерживает глобальную победу*.

Реальные уроки войны в Персидском заливе не имеют ничего общего с «новым мировым порядком», зато они напрямую связаны с фундаментальной потребностью в успешных военных вмешательствах. Решительность американского руководства во главе с президентом Бушем и превосходство американской военной техники — вот что обеспечило поражение Саддама. Помогли Америке в этом ее союзники, особенно Великобритания и Франция. Дипломатические усилия, направленные на сплочение коалиции, также были чрезвычайно полезными. И все же именно американская сила и решение применить ее прекратили войну; они могли бы добиться и мира, если бы чрезмерная забота о международном мнении не удержала Америку от намерения полностью разоружить иракские вооруженные силы.

Война в Персидском заливе реально продемонстрировала необходимость американского лидерства. Однако это не всем по вкусу, закрадывается подозрение, что в какой-то мере — и Госдепартаменту США. Многосторонность, иными словами использование силы не иначе как под эгидой Организации Объединенных Наций и в международных целях, стала почти навязчивой идеей.

* Francis Fukuyama, The End of History and the Last Man (London: Hamish Hamilton, 1992); Samuel P. Huntingron, The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order (New York: Simon and Schuster, 1996).

Стоит вспомнить, насколько непохожими были прежние случаи американского военного вмешательства. В период правления президента Рейгана акции против режима в Гренаде в 1983 году и Ливии в 1986 году представляли собой не что иное, как открытое применение силы в целях защиты американских интересов и интересов Запада в целом*. До войны в Персидском заливе и президент Буш придерживался такой формулы. Когда 20 декабря 1989 года Соединенные Штаты отстранили от власти правительство генерала Норьеги в Панаме, они устранили наркоторговца, который планировал враждебные действия в отношении американских граждан и представлял угрозу жизненным интересам Америки в зоне Панамского канала. Это была крупномасштабная операция с участием 26-тысячного контингента военнослужащих, которая вызвала международные протесты, — я практически одна твердо ее поддерживала.

И вот с появлением доктрины «нового мирового порядка» здравомыслие уступило место поискам международного согласия. Военное вмешательство в Сомали стало вершиной процесса принесения национальных интересов США в жертву многосторонности В декабре 1992 года президент Буш санкционировал размещение 30-тысячного контингента военнослужащих США для обеспечения надежного снабжения продовольствием населения Сомали, находившегося на грани голодной смерти в значительной мере в результате хаоса, который последовал за свержением президента Мохаммеда Сиада Барре в январе 1991 года. Президент Буш обосновал необходимость этой акции в телевизионном обращении к нации.

> Я понимаю, что Соединенные Штаты не в силах искоренить все зло на Земле. Однако мы хорошо знаем, что некоторые кризисы в мире не могут быть разрешены без участия Америки. Наше вмешательство нередко является необходимым катализатором более широкого вовлечения сообщества наций. Только Соединенные Штаты способны разместить крупные силы безопасности в столь отдаленных районах быстро и эффективно и тем самым спасти тысячи невинных людей от гибели.

Фактически Сомали стала первым объектом «гуманитарного вмешательства». Позднее, во времена президента Клинтона, доктрина много-

* О моей собственной роли в этих событиях можно прочитать в книге «Годы на Даунинг-стрит» (*The Downing Street Years, pp.* 326-332 and 441-449).

сторонности достигла апогея. В мае 1993 года контроль над операциями перешел к ООН. В составе 28-тысячного воинского контингента было пять тысяч американских солдат. Впервые американские военные находились под командованием ООН, что явилось радикальным отступлением от правил. До того момента в столкновениях на территории Сомали погибли восемь американцев. Однако по мере усиления сопротивления сомалийских полевых командиров, особенно наиболее влиятельного из них, Мохаммеда Фара Сайда, ситуация ухудшалась. К концу операции погибло более сотни миротворцев (в том числе и 30 американских солдат), а более 260 (в том числе 175 американских) получили ранения. Спустя полгода после артиллерийской дуэли в октябре 1993 года, стоившей жизни 18 американским солдатам, США официально завершили свою миссию в Сомали. Операция, которая продолжалась целый год, обошлась ООН в 2 млрд. долларов, не считая 1,2 млрд. долларов, затраченных США. Вмешательство, преследовавшее благие цели, оставило после себя все тот же хаос. Его наследием стали также мучительные поиски причин неудачи, которая задела престиж Америки и заставила ее общественность предельно настороженно относиться к подобным предприятиям.

Вмешательство в Сомали — прекрасный пример того, чего следует избегать. Его цели были недостаточно хорошо продуманы; оно страдало «расширением миссии», т. е. втягиванием в то, что первоначально не предусматривалось и на что не было ресурсов; и, наконец, линия поведения командования была расплывчатой.

Я сомневаюсь, что администрации Буша и Клинтона действительно горели желанием «что-то сделать» для Сомали, — не обращали же они внимания на страдания в Хорватии и Боснии с конца осени 1991 года. (К этому вопросу я вернусь в разделе, посвященном балканским проблемам, поскольку они взаимосвязаны и по-своему поучительны*.) Напомню, что до подписания в марте 1994 года Вашингтонского соглашения, которое положило конец хорватско-мусульманскому конфликту, США демонстративно не вмешивались в дела бывшей Югославии, ссылаясь на то, что это проблема европейская и решать ее должна Европа. Лишь в августе 1995 года, когда европейская дипломатия наконец сдалась, бомбардировки НАТО в поддержку сухопутных хорватско-мусульманских войск позволили установить новый баланс сил и открыли дорогу к установлению мира.

* См. главу 8.

Военное вмешательство на Гаити осенью 1994 года стало началом постепенного возврата к внешней политике, преследующей американские национальные интересы. Более 16 тысяч гаитянских беженцев были задержаны береговой охраной США в течение нескольких месяцев, предшествовавших вмешательству. В основном это были экономические мигранты, однако коррумпированное, авторитарное военное правительство Гаити, без сомнения, усугубило ситуацию. Совет Безопасности ООН санкционировал военное вмешательство под руководством США, цель которого заключалась в возврате к власти президента Жана-Бертрана Аристида. Реально же бывший президент Джимми Картер сумел путем переговоров добиться мирной передачи власти американским военным в составе 15-тысячного контингента, которые затем обеспечили возвращение Аристида. Эта операция под кодовым названием «Восстановление демократии», которую президент Клинтон назвал «победой во имя свободы во всем мире», не была на деле ни тем, ни другим. Аристид не имел никакого отношения к демократам, он скорее представлял крайнее левое крыло авторитаризма, а республика Гаити с тех пор практически не продвинулась на пути к законности, честности и стабильности. Америка потратила на Гаити 3 млрд. долларов, однако там все равно царят невежество, бедность и коррупция. Государство по-прежнему является центром наркоторговли. Единственное, что принесло вторжение на Гаити, — это некоторое усиление иммиграционного контроля США.

После Гаити в центре дебатов о средствах, масштабах и целях международного вмешательства оказались Балканы. Шестидесятитысячная объединенная группировка войск из США и стран Европы была размещена в Боснии в соответствии с Дейтонским соглашением 1995 года, однако, несмотря на опасения Конгресса и очевидное раздражение администрации, пока не видно масштабного вывода этих сил.

Кульминационным моментом в исполнении обязательств по обеспечению мира в Боснии стала операция НАТО в Косово весной 1999 года. Эту кампанию отличали три важных обстоятельства.

Во-первых, военная акция была предпринята без четкой санкции Совета Безопасности ООН. Конечно, правовым прикрытием в какой-то мере могли служить несколько более ранних резолюций ООН, в которых говорилось о необходимости предотвращения катастрофы*.

* В частности, Резолюция Совета Безопасности ООН за номером 1160, в которой осуждаются репрессии Сербии в отношении косоваров и признается, что ситуа-

Однако в случае операции в Косово не было предпринято никаких попыток получить санкцию Совета Безопасности ООН на применение «всех необходимых средств» (т. е. военной силы) до начала операции. В этом отношении было сделано серьезное отступление от практики, опробованной в ходе войны в Персидском заливе в 1990 году. Кроме того, блок НАТО, считавшийся доселе оборонительным союзом без права предпринимать действия «вне сферы своей компетенции», стал организацией, от имени которой велись военные действия. Таким образом, данное вмешательство имело совершенно иную правовую и организационную основу, чем операция в Персидском заливе.

Во-вторых, косовская кампания с самого начала рассматривалась и обосновывалась как «гуманитарное вмешательство». В этом, конечно, есть определенный расчет: выпячивание гуманитарной стороны и замалчивание силовой позволяет избежать малоприятных вопросов о необходимости серьезной санкции ООН (рассчитывать на которую не приходилось из-за обструкционистской политики России и Китая). Кроме того, идея гуманитарной трагедии, создающей угрозу международному миру и стабильности, а следовательно оправдывающей международное вмешательство в дела суверенного государства, уже и так витала в воздухе и в Сомали, и на Гаити, и в Боснии. Однако возможность использования силы в гуманитарных целях, до этого считавшаяся новой доктриной, не имеющей определенного содержания и четкой правовой основы, теперь объявляется базой возрожденного, хотя и не провозглашенного «нового мирового порядка».

Прежде всего, эту доктрину горячо приняли и поддержали такие энтузиасты агрессивного интернационализма, как премьер-министр Великобритании Тони Блэр. Выступая в Экономическом клубе Чикаго в апреле 1999 года, г-н Блэр претендовал на роль «свидетеля рождения новой доктрины интернационального сообщества». Он заявил, что «мы не можем отказываться от участия в глобальных рынках, если хотим добиться успеха» — это абсолютно правильно. Далее он добавил, что «мы не можем пренебрегать новыми идеями, возникшими в других странах, если хотим добиться обновления» — это уже вовсе не истина,

ция, складывающаяся в результате этого, а также ответное насилие со стороны Армии освобождения Косово представляют угрозу для международного мира и безопасности. Кроме того, Резолюция за номером 1199, принятая за полгода до акции НАТО, где выражается беспокойство Совета Безопасности в связи с надвигающейся гуманитарной катастрофой.

а пустые слова. Но его заключительная мысль о том, что «мы не можем отвернуться от конфликтов и нарушения прав человека в других странах, если хотим чувствовать себя в безопасности», есть не что иное, как открытое упрощенчество.

Мы *можем* верить в оправданность вмешательства во имя прекращения страданий, причиняемых правителями своим подданным или одной этнической группой — представителям другой; я твердо знаю, так бывало иногда прежде, так случается и сейчас. Мы *можем* верить в необходимость поддержания готовности к вмешательству во имя нашей безопасности или защиты нашего союзника, — убеждена, мы обязаны проявлять решительность в этом плане. Однако делать вид, что эти две цели всегда, или хотя бы обычно, совпадают, просто нелепо. Подобное заблуждение в большей степени опасно для Америки как сверхдержавы с глобальными интересами, чем для менее крупного государства, например Великобритании. Доктрина «интернационального сообщества» а-ля Блэр — это установка на неразбериху, распыление сил и, в итоге, ввиду неизбежного провала, на отказ Америки от глобальной ответственности.

Третья и последняя отличительная особенность косовской операции, которую я хочу отметить, напрямую связана со способностью Америки начать и довести до успешного конца вмешательство — это опора на современную военную технику не только для достижения превосходства над противником, но и для предотвращения потерь со стороны НАТО. Правильно это или нет, но большинство ведущих американских политиков полагают, что общественность не готова принять даже риск, не говоря уже о реальности, потерь в Косово.

Возможно, это не так. А если и так, то является следствием плохого руководства или неопределенности объявленных (и необъявленных) целей военной операции. Как ни парадоксально, огромную роль может играть телевизионное освещение современных кризисов. Показывая столь живо страдания находящихся где-то далеко людей, телевидение значительно увеличивает давление в поддержку вмешательства. А драматизируя горе семей погибших военнослужащих, оно подрывает решимость сражаться и идти на риск потерь.

Обязательства Америки по обеспечению безопасности в мире настолько широки, а жертвы, которые она приносит, настолько значительны, что ее союзникам не следует жаловаться на нежелание американских семей нести потери в чужих войнах. Однако американские ли-

деры должны сознавать, что подобная репутация, пусть даже необоснованная, на руку врагам Америки. Когда, как в Косово, из-за опасения потерять хотя бы один самолет военные действия ведутся с высоты не менее 5000 метров, мы не можем рассчитывать на эффективное предотвращение этнических чисток среди гражданского населения, которое мы обязались защищать.

Технологическое превосходство Америки, которое сыграло решающую роль в Персидском заливе, ко времени событий в Косово (восемь лет спустя) стало еще очевиднее. В косовской операции замечательным было не столько превосходство Америки над югославской армией, которая весьма умело защищала себя, сколько ее превосходство над союзниками по НАТО. Факты красноречиво говорят сами за себя.

Хотя все 19 членов НАТО внесли свой вклад в операцию, доля Соединенных Штатов была подавляющей. Америка покрыла 80% всех расходов, а Великобритания и Франция — большую часть остатка. США предоставили 650 из 927 самолетов, которые принимали участие в кампании. На долю американских пилотов приходится две трети выполненных боевых заданий. Почти все высокоточные ракеты были выпущены с американских самолетов. Только США предоставили бомбардировщики дальнего радиуса действия, которые сбросили и выпустили половину всех бомб и ракет.

Причиной такой диспропорции явилось в целом вовсе не отсутствие поддержки со стороны стран НАТО (за исключением Греции) и, прежде всего, Великобритании. Проблема заключалась в том, что ни количество военной техники, ни качество вооружения союзников Америки не позволяли им быть эффективными партнерами США. Хотя британские ВВС совершили более тысячи боевых вылетов, три четверти выпущенных ими снарядов были неуправляемыми. Когда плохая видимость не позволяла использовать высокоточное оружие с лазерным или оптическим наведением, успешно применялось лишь американское оружие, так называемые «боеприпасы прямого попадания», которое поражало цели в любых погодных условиях. Наконец, именно американские средства разведки позволили идентифицировать практически все цели для бомбометания в Сербии и Косово.

Можно ли рассматривать Косово как некий образ международной политики будущего? Думается, что нет. По крайней мере, по одной причине. Нам следует всячески остерегаться использования доктрины гуманитарного вмешательства в качестве главного, а тем более единствен -

ного оправдания применения силы. Существует же, в конце концов, традиционная альтернатива. Суверенные государства обладают правом на самооборону, которое имеет преимущественную силу перед Уставом Организации Объединенных Наций и не зависит ни от него, ни от числа голосов на международных форумах. Другие государства имеют право прийти на помощь тем, кто стал жертвой агрессии. Именно для этого и существуют альянсы, подобные НАТО. Привычка вмешиваться во все, сочетание точечных ударов высокоточным оружием с лицемерным обращением к высоким принципам ведет нас к бесконечным осложнениям. Вмешательства должны быть немногочисленными и ошеломляющими по своим результатам.

Нет ничего более рискованного, чем высказывать свои умозаключения по текущим конфликтам, каким является на момент подготовки этой книги операция против бен Ладена и движения «Талибан». С другой стороны, если общие соображения по осуществлению вмешательств имеют практическую ценность, значит, они должны быть применимы и к частным случаям, даже к такому, с каким столкнулась сейчас Америка.

Опыт последних лет и в самом деле помогает — хотя бы не повторить ошибок. Акция против бен Ладена, его террористических группировок и государства, которое дало им приют, морально оправданна, законна и необходима. Америке не требуется чье-либо согласие на самозащиту от ничем не спровоцированного нападения на свой народ. Ей нужна поддержка тех стран, чья территория или воздушное пространство необходимы для проведения военных операций. Для нее может быть полезной практическая помощь союзников; Великобритания особенно активна в этом отношении, что делает честь ее премьер-министру Тони Блэру.

Важно лишь не втянуться в строительство более широких коалиций, которое превращается в самоцель. Как мы уже видели на примере войны в Персидском заливе в 1990 году, международное давление, особенно со стороны самого альянса, вполне может не дать довести акцию до конца и оставить будущие проблемы без решения. Меня успокаивает тот факт, что президент Буш, по всей видимости, пока считает эту операцию американской, а следовательно, именно Америка будет решать, как ее осуществлять.

Когда демократические страны начинают войну, они, вполне естественно, ссылаются на высшие моральные принципы. Так всегда было

с войнами, которые вела Америка. Эти принципы и в самом деле лежат в основе настоящего конфликта. Заявления о том, что демократии, свободе и терпимости угрожает террор со стороны исламских фанатиков, — не пустая риторика. Однако для победы в войне требуется больше, чем моральный пыл: для этого необходимы ясные представления о целях и конкретные планы; точная оценка силы врага и его намерений; упреждающие действия, позволяющие минимизировать риски и защититься от последствий. Тем более все это необходимо в войне против терроризма, поскольку действовать приходится в удаленных регионах и, в значительной степени, в неизвестных условиях.

В подобных обстоятельствах сделанные мною выше выводы о необходимости ограничения числа целей вторжения и максимизации результатов особенно уместны. Вне всякого сомнения, Западу следовало бы прилагать больше усилий в прошлом, чтобы не допустить превращения Афганистана в пороховую бочку. Мы просто обязаны предоставлять сейчас гуманитарную помощь. Вместе с тем я хотела бы предостеречь от бесконечных неудачных экспериментов с государственным строительством. Самое главное — нейтрализовать угрозу, которая привела к преступлению 11 сентября. Это означает уничтожение террористов и их покровителей, и не только в Афганистане, но и в других местах — задача не из легких даже для глобальной сверхдержавы.

Американская акция против бен Ладена и «Талибана» демонстрирует также еще одну особенность вторжений, которую не следует упускать из виду. Американский народ сразу же понял, что случившееся 11 сентября — это агрессия против него. Его реакция была соответственной. Война, объявленная Соединенными Штатами, и готовность граждан пожертвовать собой являются примером того, как государства должны действовать, когда на карту поставлено само их существование. Они напоминают нам, что в современном мире лишь государства-нации обладают человеческими и материальными ресурсами, достаточными для победы в войне.

Вопрос о том, нужно ли вести боевые действия в Афганистане, оказался необычайно простым. В целом решение о том, когда и как вмешиваться, зависит в равной мере и от интуиции, и от расчета, хотя действия, несомненно, должны быть обдуманными. Споры о том, на какой основе должна строиться внешняя политика — на моральном долге или национальном интересе, в конечном итоге оказываются не более чем занимательными. Выдающиеся государственные деятели англо-

язычного мира, деятели уровня Уинстона Черчилля и Рональда Рейгана, проводят политику, которая неизменно включает в себя оба элемента, хотя их соотношение и меняется со временем. Исходя из сказанного, я ограничусь следующими рекомендациями:

- **Не верьте в то, что военное вмешательство, как бы хорошо оно ни было обосновано с моральной точки зрения, может быть успешным без ясно обозначенных военных целей.**
- **Не думайте, что Запад способен переделать общество.**
- **Не принимайте общественное мнение на веру, однако не сбрасывайте со счетов готовность людей идти на жертвы ради правого дела.**
- **Не оставляйте тиранов и агрессоров безнаказанными.**
- **Если вы решили сражаться — сражайтесь до победы.**

ВОЕННАЯ ГОТОВНОСТЬ: МАТЕРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Что бы там ни говорили, а сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы существуют исключительно для защиты наших интересов в бою. Они вовсе не предназначаются для выполнения полицейских функций, оказания помощи и гражданского строительства, от них не следует требовать этого, кроме как в исключительных обстоятельствах. Вооружение им необходимо для того, чтобы сдерживать и уничтожать врага, с которым они могут столкнуться. Они должны быть хорошо обученными и дисциплинированными, им нужны хорошие командиры. Кроме того, им нужна уверенность в том, что правительство обеспечит финансовые и другие условия, при которых они смогут выполнить эти задачи.

Демократические страны умеют вести войны, в чем не раз убеждались диктаторы на протяжении истории. Слабое место демократического политического руководства — его способность поддерживать постоянную военную готовность. Подобная слабость ведет к ненужным конфликтам, поскольку подрывает волю и может привести к отсутствию средств, необходимых для сдерживания агрессии. Она также делает войны более продолжительными и дорогостоящими, так как на создание необходимого для победы военного потенциала могут уйти годы.

Окончание «холодной войны» в этом отношении было более характерным, чем окончание Второй мировой войны. Поражение гитлеровской Германии и ее союзников вызвало вздох облегчения во всем мире. Однако оно поставило Запад на грань нового конфликта с Советским Союзом. С того момента, как у СССР появилась атомная бомба, всем, за исключением разве что глупцов и сочувствующих, стало очевидно: военная готовность является основным условием выживания Запада.

Конец «холодной войны» был кардинально иным. Интернациональный утопизм расцвел пышным цветом. Как и после завершения Первой мировой войны, предпочтение явно отдавалось маслу, а не пушкам.

Показатели расходов на оборону ясно демонстрируют это. Военный бюджет Америки резко сократился, а в странах Европы ситуация была еще хуже. Запад в целом в начале 90-х годов охватила идея «мирного дивиденда», который можно было вкладывать в неисчислимые «добрые», а иногда и просто глупые проекты. Политики забыли, что единственным «мирным дивидендом» является мир.

Американский военный бюджет ежегодно сокращался с конца «холодной войны» до 98-99-го годов. Сейчас он составляет примерно 60% от того максимума, которого военные расходы достигли в 1985 году. Обратите внимание, что это сокращение происходило в период, когда государственное финансирование других секторов увеличивалось. В результате число военнослужащих на действительной службе и в запасе в 2000 году было на один миллион человек меньше, чем в 1987 году. Администрация Клинтона сократила число регулярных дивизий с 18 (столько их было во времена Рейгана) до 10. Она сократила военно-воздушные силы почти в два раза, а число кораблей военно-морских сил, включая авианосцы, — почти на 45%. Вдобавок был существенно сокращен призыв на военную службу, в результате чего ВМС США -недосчитались в 1998 году почти семи тысяч человек*.

Резкое сокращение военных расходов США сопровождалось еще более существенным сокращением военных бюджетов остальных стран НАТО. Германия, Испания и Италия выделяли на оборону менее 2% ВВП, в то время как у Америки этот показатель достигал 3%. Соеди-

* Эти и другие цифры взяты из главы 14 («Национальная оборона: восстановление военной мощи США») книги «Проблемы 2000» (Непга§е РошкЫюп, *Ьзиез 2000,* СЬар1ег 14, «Ыа1юпа1 Оегепзе: Кез1опп§ 175 МШ1агу ЗгепЬ», сотрпес! Ьу Ваег 5ргт§, 1ас1с Зрепзег апс! }атез Н. Апс1ег5оп).

ОБОРОННЫЕ РАСХОДЫ НАТО

Оборонные расходы ведущих стран НАТО в 1992-2000 годах

92	93	94	95	96	97	98	99	2000
США	361	345	327	308	294	293	285	287	296
Канада	12,8	11,9	10,8	10,0	9,2	8,3	8,2	8,6	8,1
Великобритания	51,1	40,6	39,5	37,5	36,7	36,7	38,7	37,1	34,5
Германия	49,6	43,1	41,2	45,6	42,3	35,3	34,5	31,8	28,8
Голландия	9,3	8,2	8,1	8,9	8,5	7,3	7,1	6,9	6,2
Греция	5,2	4,7	4,9	5,6	6,1	5,9	6,1	5,3	5,6
Испания	10,7	9,6	8,4	9,6	9,3	8,1	7,8	7,4	7,2
Италия	29,5	23,8	23,1	21,5	25,4	24,1	24,4	23,1	21,0
Турция	7,3	8,2	6,0	7,3	8,1	8,6	9,1	9,9	10,8
Франция	53,3	49,4	50,4	52,9	50,3	44,2	42,0	38,6	35,0

Цифры указаны в млрд, американских долларов по курсу 2000 года

Оборонные расходы ведущих стран НАТО в 1992-2000 годах (в процентах от ВВП)

92	93	94	95	96	97	98	99	2000
США	4,8	4,5	4,1	3,8	3,5	3,3	3,1	3,0	3,0
Канада	1,9	1,9	1,7	1,6	1,4	1,2	1,3	1,3	1,2
Великобритания	4,1	3,7	3,4	3,0	2,9	2,6	2,7	2,5	2,4
Германия	2,1	1,9	1,8	2,0	1,8	1,6	1,5	1,5	1,6
Голландия	2,5	2,3	2,1	2,2	2,3	1,9	1,7	1,8	1,8
Греция	4,5	4,4	4,4	4,4	4,7	4,6	4,8	4,8	4,9
Испания	1,6	1,7	1,5	1,7	1,4	1,3	1,3	1,3	1,3
Италия	2,1	2,1	2,0	1,8	2,1	2,0	2,0	2,0	1,7
Турция	3,7	3,8	3,5	3,9	4,1	4,4	4,4	5,2	5,2
Франция	3,4	3,4	3,3	3,5	3,3	3,0	2,8	2,8	2,6

Источник: International Institute for Strategic Studies, London

ненные Штаты израсходовали на оборону в 2000 году 296 млрд. долларов, тогда как суммарные вложения всех остальных стран НАТО составили всего 166 млрд. Европейцы урезали военные расходы в реальном выражении на 22% с 1992 года и продолжают их сокращать.

Как отмечает Международный институт стратегических исследований в своем отчете *(Strategic Survey)* за 1999/2000 год: «Значительная часть военных бюджетов европейских государств идет не на новые технологии и обучение, а на покрытие расходов, связанных с призывом, пенсионным обеспечением и поддержанием инфраструктуры». Европейские страны не могут соревноваться с США в передовых военных технологиях. (Это еще одна из причин, по которым они не могут создать эффективные вооруженные силы Европейского союза.) Однако они вполне могут перестать выбрасывать деньги на содержание армий, которые формируются на основе обязательного призыва, и поэтому не обладают достаточной подготовкой и боеспособностью.

Опасность недостаточного финансирования обороны находит широкое понимание в Америке в настоящее время. Еще по инициативе президента Клинтона (а также под давлением республиканского большинства в Сенате) администрация с 2000 финансового года начала увеличивать военные расходы. В 1999 году Конгресс одобрил первое после 1982 года существенное повышение денежного довольствия военнослужащих с целью облегчения вербовки новобранцев. Решимость новой администрации укрепить обороноспособность Америки, несомненно, внесет свой вклад. Вряд ли стоит сомневаться и в том, что определенные выводы будут сделаны из результатов операции в Афганистане.

Европейские страны, напротив, продолжают демонстрировать практически полное отсутствие чувства ответственности за укрепление оборонной мощи альянса. Богатые страны Европейского союза, такие как Германия и Италия, сокращают, вместо того чтобы увеличивать, и без того низкие военные расходы.

Роль военных стратегов всегда неблагодарна. В мирное время их обвиняют в разработке надуманных сценариев военных действий и попытках получить под них деньги. Когда же надвигается угроза, их критикуют за недостаточную прозорливость. Военные стратеги глобальных сверхдержав сталкиваются с особой проблемой. Суть ее в том, что серьезная угроза стабильности в *любом* регионе по определению является угрозой жизненным интересам их стран. Одновремен-

ное возникновение нескольких значительных региональных конфликтов превращается для них в кошмар. На вопрос, какой общий потенциал и, исходя из этого, уровень военных расходов необходимы для того, чтобы справиться с подобными сценариями, я могу ответить лишь так: «Больше, чем сейчас, и, вероятно, намного больше, чем вы думаете».

Из сказанного я делаю следующие выводы:

- **Запад в целом нуждается в срочном устранении того ущерба, ко торый был нанесен чрезмерным сокращением военных расходов.**
- **Европа в особенности должна резко повысить количество и качество военных расходов.**
- **США обязаны добиться того, чтобы во всех регионах у них были надежные союзники.**
- **Не рассчитывайте на то, что кризисы будут возникать по одному или максимум по два за раз.**
- **Не распыляйте ресурсы на акции многостороннего поддержания мира, их лучше использовать для решения национальных проблем.**
- **Что бы ни обещали дипломаты, рассчитывайте на худшее.**

ВОЕННАЯ ГОТОВНОСТЬ: МОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Западные политики ответственны за провал и в другой сфере, касающейся наших вооруженных сил. Они как минимум не противодействуют стремлению, а то и сами пытаются коренным образом изменить традиционную моральную установку военных.

Задачи войны по своей сути отличаются от задач мира. Это, конечно, не означает, что закон здравого смысла или, фактически, закон Паркинсона не применим к военным материям*. Программами военных поставок необходимо эффективно управлять. Функции, которые имеет смысл передать сторонним организациям на контрактной основе, должны быть им переданы. Излишние невоенные активы должны быть

* Напомню, что «закон Паркинсона» выдумал ныне покойный профессор С. Норткот Паркинсон. Он гласит, что «объем работы возрастает в той мере, в какой это необходимо, чтобы поглотить все отведенное на нее время».

проданы. Анализ и тщательное изучение необходимы для устранения дублирования и излишних трат. Именно на эти принципы я старалась опираться, когда была на посту премьер-министра; эти принципы универсальны. И все же, я опять повторю, следует признать, что военная сфера отличается от всего прочего.

Совершенно очевидная причина этого заключается уже в том, что военный бюджет — одна из немногих составных частей государственных расходов, которую действительно можно назвать необходимой. Это много лет назад превосходно обосновал министр обороны и лейборист Дэнис (ныне лорд) Хили: «Как только мы сократим расходы в ущерб нашей безопасности, у нас уже не будет ни домов, ни больниц, ни школ. У нас будет лишь груда пепла»*. По этой причине, когда начальник объединенного штаба (или другой военачальник того же ранга) начинает говорить, что без определенных ресурсов страна не может обеспечить адекватной защиты, только безрассудный политик отказывается его слушать.

Кроме того, военная служба существенно отличается от гражданской. Тот, кто рискует своей жизнью при выполнении служебных обязанностей, должен обладать иными качествами, нежели, например, бизнесмен, государственный служащий или, наконец, политик. Самым необходимым для него качеством прежде всего является храбрость.

Военнослужащим необходимы значительно более прочные товарищеские взаимоотношения с коллегами. Они должны доверять своим товарищам и полагаться друг на друга. Солдаты, матросы, летчики — каждый из них личность: достаточно познакомиться с их биографиями, чтобы понять это. Однако они не могут позволить себе индивидуализм. Для тех, чья жизнь подчинена дисциплине, в центре внимания находятся обязанности, а не права. Именно поэтому военная служба считается благородным занятием, именно поэтому многие из тех, кто после долгих лет службы решил сделать гражданскую карьеру, с большим трудом приспосабливаются к новой жизни.

Солдат также должен быть физически выносливым. Одного интеллекта недостаточно, хотя хитрость никогда не помешает. Подразделения, находящиеся на передовой, не могут допустить, чтобы часть их состава, как бы мала она ни была, оказалась не в состоянии справиться со стоящими перед ними задачами.

* Речь в Палате общин 5 марта 1969 г. Дэнис Хили был министром обороны с 1964 по 1970 г. и министром финансов с 1974 по 1979 г.

По этой причине я против всяческих попыток применить либеральные отношения и институты, сформировавшиеся в гражданском секторе, к нашим вооруженным силам. Программы, направленные на внедрение гражданской судебной системы, соблюдение прав сексуальных меньшинств, а также на более широкое привлечение женщин к военной службе, как минимум несовместимы с функциями армии. В худшем же варианте они ведут к чрезвычайно опасному снижению боеспособности.

Феминизация военной службы, пожалуй, самая пагубная из этих «реформ». Ввиду того что мужчины в целом физически сильнее женщин, возникает дилемма: либо не допускать последних к выполнению задач, требующих физической силы, либо снизить сложность самих задач, что, согласитесь, легко сделать на учениях, но не в бою. Сторонники феминизации выбирают, конечно, второй путь. И нередко с ними соглашаются.

Когда стало ясно, что женщины не могут бросить обычную гранату на безопасное для себя расстояние, вместо того чтобы оставить это занятие мужчинам, было решено перейти на более легкие (и менее эффективные) гранаты. Когда обнаружилось, что женщинам на борту военного корабля требуются такие удобства, которые мужчинам не нужны, ВМС США пришлось «модернизировать» корабли, причем переоборудование только авианосца *ЕгвепНомег* обошлось в 1 миллион долларов. А когда большинство женщин (что, на мой взгляд, совершенно правильно) решит отказаться от выполнения боевых задач, то, как выразился один из профессоров Университета Дьюка, армия избавится от таких качеств, как «превосходство, напористость, агрессивность, независимость, самостоятельность и готовность идти на риск»*. Есть масса ролей, которые женины могут играть в обществе; некоторые из нас даже управляют государством. Однако в большинстве своем мы лучше управляемся с дамской сумочкой, чем со штыком.

* Нелепости, к которым ведет распространение феминизма в армии, и их последствия анализируют Кейт О'Бирн («The War Machine as Child Minder: The Integration of Woman onto the US Armed Foeces», Not Fit to Fight: The Cultural Subversion of the Armed Forces in Britain America, ed. General Frost, The Social Affairs Unit, 1998) и Стефани Гутманн *(The Kinder, Gentler Military: Can American's Gender-Neutral Fighting Force Still Win Wars? New York: Scribner's*, 2000). По некоторым сообщениям, в Великобритании также решили изменить программу армейской подготовки из-за слишком большого числа травм, получаемых женщинами при прохождении учебного курса *(The Times, 7 June* 2001).

В бою не обойтись без штыка. Вряд ли стоит рассчитывать на то, что войны когда-либо будут вестись без физического контакта и прямого столкновения с врагом.

Учитывая эти соображения, наши политические и военные лидеры должны придерживаться следующих принципов:

- **Проявлять определенную твердость в противодействии политическим веяниям, направленным на подрыв порядка и дисциплины в наших вооруженных силах.**
- **Четко разъяснять, что в военной сфере неприменимы модели по ведения, правовая структура и моральные установки, преобладающие в гражданской жизни.**
- **Не ставить либеральную доктрину выше военной эффективности.**
- **Проявлять хотя бы немного здравого смысла.**

РЕВОЛЮЦИЯ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Считается, что мы достигли одной из тех поворотных точек в истории военного дела, когда роль технологий в ведении военных действий приобрела совершенно новое значение. Революция в военном деле абсолютно реальна. Она связана главным образом с двумя технологическими достижениями: мгновенным доступом к сетевой информации и крупномасштабным использованием высокоточного оружия. Один из наиболее авторитетных экспертов по стратегическим аспектам революции в военном деле профессор Элиот Коуэн так рисует ее картину:

> Спутники мгновенно передают изображения обнаруженных целей пилотам самолета-перехватчика, танки сообщают о своем местонахождении на компьютеризированные командные пункты, генералы ведут наблюдение за действиями младших командиров на поле боя через камеры на беспилотном летательном аппарате — все это реалии сегодняшнего дня, а не мечты завтрашних военачальников*.

Америка намного опережает и будет опережать всех своих соперников в использовании этих технологий до тех пор, пока вкладывает средства в их разработку.

* Eliot A. Cohen, «War: at Arms», National Review, 24 January 2000.

Вместе с тем революция в военном деле имеет и свои оборотные стороны. Я уже упоминала одну из них — ощущение, что технология способна оградить от потерь в войне. Еще более серьезная опасность заключается в том, что на политическом и военном жаргоне называется «асимметричными угрозами». Под этим понимаются угрозы, исходящие от государств, которые, несмотря на значительное отставание от Америки в военном отношении, способны сконцентрировать свои ресурсы, используя ее уязвимые места. Так, Китай, по его собственному признанию, строит планы по использованию коммуникационных сетей и Интернета для парализации американской банковской системы и подрыва обороноспособности США*. Информационная, или кибер-война сошла с телевизионных экранов и ныне находится в центре внимания Пентагона. Это абсолютно правильно. В соответствии с правилом, таким же старым, как и сама война, любое достижение в военной технологии рождает на свет меры противодействия. История пестрит примерами богатых и передовых в техническом отношении цивилизаций, поверженных более примитивным противником, который находил и умело использовал их слабости.

Это обязывает нас к следующему:

- **отдавать высший приоритет финансированию разработки и применению новейших оборонных технологий;**
- **ясно сознавать опасность того, что технологическое превосходство Америки может быть подорвано асимметричными угроза ми со стороны решительно настроенного противника;**
- **никогда не верить в то, что технологии *сами по себе* позволят Америке сохранить господство в качестве сверхдержавы.**

«ПОМНИТЕ ПЕРЛ-ХАРБОР»

Во время моего пребывания на посту премьер-министра, а также до и после этого я неоднократно бывала на американских военных базах и других объектах, но никогда мне не доводилось видеть того, что я увидела утром 11 мая 1993 года в мемориальном комплексе, посвященном линкору *Anmona* в Перл-Харборе. Смотритель проводил нас к кораблю, над останками которого было возведено специальное здание. Вот уже

* Washington Times, 17 November 1999.

сорок лет ежедневно производится подъем и спуск флага в честь 1177 членов экипажа корабля, погибших во время налета японских военно-воздушных сил 7 декабря 1941 года. Тела части погибших были захоронены, а 900 остальных навсегда поглотили воды, которые сейчас заполняют и корабль. Стоя у края квадратного проема, в который виден был океан, я опустила на воду букет. Глядя на уносимые течением цветы, я думала о матросах, принявших ужасную смерь для того, чтобы мы могли жить в мире и радоваться свободе.

Мемориал линкора Аггопа должен быть не только местом поклонения, он должен стать местом размышлений. Немедленным результатом японской бомбардировки Перл-Харбора стало вступление Америки во Вторую мировую войну. В определенном смысле этот день стал началом поражения гитлеровской Германии и ее союзников. Подробности нападения резко изменили до того момента негативное отношение американцев к военным приготовлениям. «Помните Перл-Харбор» — так называлась самая популярная песня военного времени. Эти слова должны звучать как предупреждение и для нас.

В то воскресенье шестьдесят лет назад около восьми утра 353 японских самолета начали свой опустошительный рейд. Около трех тысяч военнослужащих были убиты или получили ранения, восемь военных кораблей и 10 вспомогательных судов были затоплены или выведены из строя, почти две сотни американских самолетов были сбиты в течение каких-то трех часов. Но что было ужаснее всего, так это полная неожиданность нападения на Перл-Харбор. Конечно, напряженность в отношениях между Америкой и Японией все время нарастала, однако войны друг другу они не объявляли, не было даже намека на то, что Япония замышляет нечто подобное. Анализ событий, проведенный впоследствии, выявил ошибки, допущенные командованием военно-морских и сухопутных сил США в районе Гавайских островов. Вместе с тем Перл-Харбор продемонстрировал общую неготовность Америки к неожиданным ударам, к ударам буквально «с неба».

Флаг, который подняли над линкором Апхопа в день моего визита, был мне позднее подарен главнокомандующим Тихоокеанским флотом США. Он находится сейчас в моем лондонском офисе и служит постоянным напоминанием о прошлом. Меня беспокоит то, что, несмотря на схожесть нынешних угроз, стоящих перед Америкой и ее союзниками, мы делаем слишком мало, чтобы от них защититься.

Ослаблению соперничества сверхдержав на завершающем этапе «холодной войны» сопутствовало и ослабление порядка. С одной стороны, от Советского Союза отошли его сателлиты в поисках собственных нестандартных и эксцентрических орбит. С другой стороны, в результате распада самого Союза его арсеналы распылились и подверглись разграблению, появились новые потребители военной продукции, а эксперты, обладающие знаниями в сфере современных военных технологий, покинули страну, которая больше не могла платить по счетам.

К несчастью для Саддама Хусейна, его нападение на Кувейт в 1990 году произошло слишком рано. В то время он еще не мог приобрести вооружение, необходимое для ответного удара по Западу: планы Ирака по созданию ядерного оружия были расстроены в результате упреждающего удара Израиля в июне 1981 года. Но что могло произойти, будь у Саддама реальная возможность угрожать Америке, ее союзникам или войскам коалиции ракетно-ядерным ударом? Смогли бы мы в этом случае направить свои войска в Персидский залив? Уже сама постановка подобного вопроса показывает, как распространение ядерного оружия влияет на возможности Запада использовать силу за пределами своих границ.

Опыт столкновения с Саддамом Хусейном должен был также заставить нас осознать всю сложность создания единого фронта против тех, кто способствует расползанию ядерного оружия, хотя бы против тех, кого в обществе называют государствами-изгоями. Недавно вышедшая книга Ричарда Батлера, бывшего руководителя комиссии UNSCOM — органа, отвечающего за инспектирование и уничтожение военных объектов Саддама, приводит новые факты, подтверждающие безответственность таких стран, как Китай, и в особенности Франция с Россией, в отношении своих международных обязательств. Совершенно очевидно, что русские все еще рассматривают Ирак как свои ворота на Ближний Восток и в Персидский залив, ну а Франция имеет крупные капиталовложения в нефтяной отрасли Ирака. Всей троицей движет, по словам Батлера, «глубокое недовольство местом Америки в так называемом однополярном мире после "холодной войны"»*. Если это и есть образец международного сотрудничества в подобных вопросах, то лучше поискать другие пути.

* Richard Bulter, Saddam Defiant: The Threat of Weapons of Mass Destruction and the Crisis of Global Security (London: Weidenfield and Nicolson, 2000), p. 117

Более общий и более важный вывод, который следует из опыта столкновения с Саддамом, заключается в том, что чрезвычайно трудно удержать страны, решившие приобрести оружие массового уничтожения, от этого намерения. Если мониторинг и контроль деятельности даже такой страны, как Ирак, который потерпел поражение в войне и на который оказывается давление и налагаются санкции, настолько затруднен, то что уж говорить о менее открытых для контроля странах?

Фактически процесс распространения не прекращается. В определенной мере это результат неспособности Запада остановить утечку технологий. Не много толку и от международных соглашений о контроле над вооружениями. Конвенция о запрещении биологического оружия так и не смогла прекратить разработку этого наиболее ужасного оружия просто потому, что выполнение ее положений практически невозможно проверить. То же самое можно сказать и о Конвенции о запрещении химического оружия.

Последствия принятия этих конвенций по крайней мере относительно нейтральны. Однако этого нельзя сказать о Договоре о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который совершенно обоснованно не был ратифицирован Сенатом США. Суть дела в том, что от ядерного оружия нельзя избавиться в принципе. Таким образом, мир без ядерного оружия — это плод фантазии. Реальный вопрос, следовательно, в том, намерены Запад и Америка сохранить первенство перед потенциальными ядерными конкурентами или нет. Если нет, мы отдаем власть в регионах, где на кон поставлены наши интересы, Саддамам, каддафи и ким чен ирам.

Ввиду подобной перспективы становится совершенно ясно, почему сдерживающий ядерный потенциал Америки должен быть абсолютно реальным, т. е. почему ядерное оружие должно испытываться и модернизироваться по мере необходимости. Уже давно пора усвоить, что военные технологии никогда не стоят на месте. На каждого миротворца-идеалиста, отрекающегося от самообороны в пользу мира без оружия, приходится как минимум один сторонник конфронтации, горящий желанием воспользоваться добрыми намерениями других. Все, кто попал под ядерный зонт Америки, должны восхвалять сенатора Хелмса и его коллег, которые отказались ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний*.

* Сенатор Джессе Хелмс (республиканец, избран от штата Северная Каролина) был в то время председателем сенатского комитета по международным отношениям.

Скажу больше: в конечном итоге ядерное оружие, вероятно, будет использовано. Хотя даже мысль об этом ужасна для любого человека. Это, возможно, нечто новое для многих, кто, как я, доказывал в 70-х и 80-х годах необходимость применения самых современных средств сдерживания для сохранения мира.

В условиях «баланса страха» времен «холодной войны» всегда была возможность доказать, что обширные ядерные арсеналы, которыми располагали обе стороны, позволяют предотвратить не только ядерную, но и обычную войну, по крайней мере в Европе. По правде говоря, твердой гарантии недопущения обмена ядерными ударами никогда не существовало. *Мы* просто знали, что никогда не начнем войну против стран Варшавского договора. И у нас было основание рассчитывать на то, что Советы также будут остерегаться развязывания *ядерной* войны против Запада. Однако мы не могли до конца исключить возможность ошибки или технического сбоя, способной инициировать обмен ударами.

После окончания «холодной войны» открылась возможность существенно сократить ядерные арсеналы, особенно Америки и России. Однако не следует забывать, что договоры СНВ-2 и СНВ-3, как и более ранние договоренности, сами по себе не делали нас более защищенными. Если они к чему и вели, так это к снижению стоимости нашей безопасности в результате сокращения расходов на производство дополнительного вооружения, и еще вопрос, насколько они способствовали уменьшению напряженности и недоверия. А уж договоры о выборе целей для удара и вовсе слова доброго не стоят — ракеты всегда можно перенацелить.

С уходом «холодной войны» в прошлое мы вступили в период, провокационно названный одним из известных экспертов «второй ядерной эрой». В ряду заблуждений, от которых, по мнению профессора Колина С. Грея, страдают западные политические стратеги сегодняшнего дня, значатся такие: «вера в начало постъядерной эры», «вера в возможность и желательность ликвидации ядерного оружия» и «уверенность в том, что политика сдерживания дает гарантии». Колин С. Грей также предупреждает, что «чем менее привлекательны ядерные вооружения для Соединенных Штатов в стратегическом плане, тем больше они и другие средства массового уничтожения притягивают внимание враждебных сил и прочих «изгоев»»*. Надо признаться, он прав.

* Colin S. Gray, The Second Nuclear Age (Boulder and London: Lynne Reinner Publishers, 1999).

Наиболее серьезная угроза в наши дни исходит от так называемых «государств-изгоев». К ним обычно относят средние (или даже небольшие) страны, находящиеся во власти идеологии (или личности), которые не признают существующего международного порядка и склонны к агрессии. В их число, вне всякого сомнения, должны быть включены Ирак, Иран, Ливия, Сирия и Северная Корея, а также, в свете последних событий, и Афганистан*. Не следует сбрасывать со счетов и пугающие высказывания одного из высших чинов Китая, сделанные в 1995 году в разгар китайско-тайваньского противостояния. По его язвительному намеку, Пекин вполне может, если захочет, предпринять против Тайбэя военную акцию, не обращая внимания на США, поскольку американских лидеров «больше заботит Лос-Анджелес, чем Тайвань». По всей видимости, китайцы тоже помнят Перл-Харбор.

Мы должны перестать думать, что желание неядерных держав превратиться в ядерные лишено здравого смысла. Оно может быть неудобным и даже опасным, но только не лишенным здравого смысла. Разве можно назвать лишенным смысла вывод, который сделал полковник Каддафи, глядя на беспомощность Ливии перед карательной акцией Америки, предпринятой в 1986 году: «Когда [американцы] знают, что у тебя есть сила, способная достать до Соединенных Штатов, они тебя не трогают. Следовательно, нам необходимо создать такую силу, чтобы ни им, ни кому другому больше не приходила в голову мысль о нападении»?**

С позиции своих собственных убеждений Каддафи говорил вполне разумно — неразумно было позволять ему думать, что подобные угрозы в наш адрес могут сойти ему с рук.

Подобным образом рассуждают не только фанатики и революционеры. Любое государство, владеющее ядерным оружием, думает точно так же. В этом есть нечто такое, что новые левые интернационалисты просто отказываются понимать. Переместимся поближе к дому. Без ядерных сил сдерживания Великобритания не обладала бы силой, необходимой для получения статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН. Я без малейших колебаний утверждаю, что сохранение и вооружений, и того положения на международной арене, которое они обеспечивают, является предметом нашего жизненного интереса. Если

* Более подробно на «государствах-изгоях» я остановлюсь в главе 6.

** Телевизионное выступление Каддафи в Триполи 19 апреля 1990 г.

нынешнее британское правительство еще не понимает этого, ему придется это сделать: именно в этом главная причина, по которой остальной мир считается с нами.

Точно так же я полностью понимаю желание Индии, а вместе с ней и Пакистана продемонстрировать всему миру, что они являются ядерными державами. На пороге Индии стоит Китай, а у дверей Пакистана — Индия. Президент Клинтон напрасно тратил свое время, когда предлагал Индии после ее ядерных испытаний 1998 года определять свою «значимость» в «терминах двадцать первого века, а не в терминах, от которых все уже решили отказаться»*. Однако мы не отказались от ядерного оружия, а если бы и сделали это, то другие — нет.

Договор о контроле над вооружениями, который наносит наибольший ущерб и практически лишен смысла (в глазах администрации Клинтона он был «краеугольным камнем стратегической стабильности»), — это Договор об ограничении средств противоракетной обороны (ПРО). В 1972 году, когда его подписывали, он выглядел вполне логичным, хотя при ретроспективном взгляде логики в нем не так уж и много. Договор запрещал как Соединенным Штатам, так и Советскому Союзу размещать стратегические противоракетные системы, способные защитить всю территорию страны. Он, кроме того, запрещал разработку, испытание и размещение любых средств, кроме ограниченной наземной системы фиксированного базирования. Изначально договор допускал размещение такой системы на двух площадках, однако в соответствии с протоколом от 1974 года число площадок было сокращено до одной.

В основе договора лежала доктрина гарантированного взаимного уничтожения. По существу, она опиралась на уверенность в том, что, пока каждая из сверхдержав остается абсолютно уязвимой для ответного ядерного удара, ни одна из них не решится начать ядерную войну. Практика же никогда полностью не совпадает с теорией. Советы втайне возвели станцию раннего предупреждения в Красноярске. НАТО, приняв доктрину «гибкого реагирования», т. е. начав дифференцировать масштабы обычного и ядерного реагирования, также отступило от буквы договора. Даже «холодная война» не смогла полностью заморозить развитие стратегии.

Вместе с тем всегда существовала более глубокая и широко распространенная логика. История военного дела с технической точки зре-

* *Washington Post, 14 May* 1998.

ния — это неослабевающая борьба между наступательным и оборонительным вооружением, наступательной и оборонительной стратегией, в которой в ответ на достижения одной стороны всегда развивалась другая. Мечу противопоставлялись латы, пороху — новые приемы фортификации, танкам — противотанковое оружие, а бомбардировщикам, которые одно время называли даже «абсолютным оружием», — радиолокационные системы, зенитные орудия и истребители, способные их сбивать. Таким образом, из самой истории военного дела следует, что даже новое «абсолютное оружие» — ядерные средства устрашения — не может быть вечным: рано или поздно развитие оборонной технологии приведет к созданию защиты от него. И Договор по ПРО не в силах остановить этот процесс.

Договор, помимо прочего, предполагал создание системы контроля за вооружениями, поскольку гарантированная уязвимость, как следовало из теории, должна была уменьшить потребность в постоянном наращивании числа ракет дальнего радиуса действия. Добиться этого также не удалось. Советы только тогда снизили темп гонки вооружений, когда поняли, что проиграли ее.

Договор по ПРО — пережиток «холодной войны». Тем более удивляет запоздалая любовь к нему со стороны сегодняшних либералов. Лучшие юристы-международники твердят, что договор потерял силу по всем пунктам уже потому, что одна из подписавших его сторон — Советский Союз прекратила свое существование. (Даже если принять противоположную точку зрения на существующую ситуацию, из параграфа 2 Статьи XV совершенно определенно следует, что любая сторона может выйти из договора, уведомив другую сторону о своем намерении за шесть месяцев.) В конце концов, сегодня, когда все большее число непредсказуемых государств получает возможность угрожать нам оружием массового уничтожения, причина, по которой Договор по ПРО должен потерять силу, уже не имеет значения.

Нередко приводят также соображение, что, мол, отмена ограничений, предусматриваемых договором, и создание системы ПРО даст старт новой гонке вооружений. Как я уже отмечала в своем выступлении на конференции специалистов по противоракетной обороне в Вашингтоне в декабре 1998 года, подобные опасения лишены основания. Напротив, именно отсутствие системы ПРО подталкивает руководителей государств-изгоев к приобретению ракет и созданию оружия массового уничтожения. Развертывание же глобальной системы ПРО бу-

дет сдерживать их стремление к накапливанию арсеналов, так как вероятность достижения целей ракетного удара значительно снизится. В свете сказанного я прихожу к заключению, что подобные системы реально обладают «стабилизирующим потенциалом»*.

Против моей поддержки ПРО некоторые могут, конечно, привести и, несомненно, будут приводить два более общих возражения.

Первое заключается в том, что я преувеличиваю угрозы. Отвечу: это не так. Я выстраиваю свои доводы на основе работ признанных экспертов. А опыт последних попыток оценить масштабы этих угроз свидетельствует о том, что эксперты постоянно *недооценивают* их. Так, в официальной оценке ситуации, данной администрацией США на основе разведывательной информации в 1995 году, несмотря на серьезный анализ процесса распространения ракетного оружия, содержался вывод о том, что Соединенные Штаты могут не опасаться угроз по меньшей мере еще 15 лет. Однако факты, ставшие к тому времени известными, уже тогда заставили меня и моих советников усомниться в обоснованности подобного благодушного заключения.

Еще в 1996 году в своем выступлении в Фултоне, штат Миссури (в месте, где пятьдесят лет назад Черчилль произнес свою знаменитую речь о «железном занавесе»), я предупреждала о существовании «риска гибели тысяч людей в результате [ракетной] атаки, которую в принципе возможно предвидеть и при определенной подготовке избежать». Вся серьезность этой опасности стала очевидной, когда в апреле следующего года министр иностранных дел Японии в своем отчете сообщил о принятии Северной Кореей на вооружение ракеты Ко<1оп§-1 с радиусом действия 1000 км, т. е. ракеты, способной поражать цели на территории Японии. Затем появились сообщения о том, что государства-изгои, заинтересованные в распространении оружия, сотрудничают друг с другом: работы по созданию ракеты КосЬпд, по всей видимости, финансировались Ливией и Ираном. Иранцы, по некоторой информации, уже провели испытание компонентов ракеты, способной достать до Израиля, а Россия продавала им ядерные реакторы.

Вот такие зловещие сигналы преспокойно отвергались теми, кто не хотел их замечать. Однако в 1998 году появился аргумент, который было намного труднее отбросить.

* Выступление на конференции по противоракетной обороне, организованной Национальным институтом публичной политики, Вашингтон, декабрь 1998 г.

Официальный отчет Комиссии Рамсфелда, которой Конгресс поручил оценить угрозу, создаваемую российскими баллистическими ракетами, встряхнул даже «голубей», находящихся в глубокой спячке. Дональд Рамсфелд (ныне министр обороны США) отметил, что не только Россия и Китая, но и такие страны, как Северная Корея, Иран и Ирак, «могут получить средства нанесения серьезных ударов по территории США уже через пять лет, после принятия решения о создании этих средств; в случае Ирака срок возрастает до 10 лет». К этому он добавил, что большую часть указанного времени Соединенные Штаты могут даже не подозревать о принятии подобного решения. В заключении отчета звучало, что угроза — «более значительная, бо-

лее оформленная и нарастает значительно быстрее», чем полагают разведывательные службы, возможности которых так или иначе «подорваны».

Сопутствующие события придавали выводам отчета еще большую серьезность. Действительно, ни одна страна не выдвигала угроз в адрес Запада, однако ядерные испытания в Индии и Пакистане в мае 1998 года, оказавшиеся полной неожиданностью для американской разведки, показали, насколько мало нам известно о возможностях и намерениях новых ядерных держав. В июле Иран провел испытательный пуск ракеты с радиусом действия 1500 км; тогда же стало ясно, что он работает над созданием ракет с еще большей дальностью полета, по всей видимости на основе российской технологии. Это создавало угрозу Израилю, ближайшему союзнику США на Ближнем Востоке.Более всего тревожил неожиданный для мирового сообщества августовский запуск в Северной Корее трехступенчатой ракеты, которая перелетела через Японию. Это было прямой угрозой самому важному союзнику Америки в Тихоокеанском регионе, американским войскам, находящимся на его территории, и косвенной угрозой самой Америке. Один из «законов Тэтчер» гласит, что непредвиденное всегда случается, однако я сомневаюсь в том, что ракетная атака все еще может рассматриваться как нечто непредвиденное.

Второе возражение на мои доводы прямо противоположно первому: что бы мы ни пытались сделать, результат будет одним и тем же. Здесь может быть несколько вариантов. Чаще всего сегодня говорят, особенно после атаки террористов на Нью-Йорк и Вашингтон, а также после более поздних случаев биологического терроризма, что агрессору вовсе не обязательно иметь ракеты, чтобы напасть на нас. Он вполне может воспользоваться подручными средствами: пассажирским самолетом с полными баками, спорами сибирской язвы или ввезенным контрабандой, «в рюкзаке», ядерным зарядом. Против этого противоракетная оборона бесполезна.

Хочу заметить, что подобный аргумент страдает несколькими недостатками. Во-первых, они очевидны на уровне элементарной логики. Из нашей уязвимости перед одной угрозой вовсе не следует, что мы должны смириться с уязвимостью перед другой. Во-вторых, никто не утверждает, что ПРО заменит все прочие меры защиты. Оборона должна быть многоуровневой, позволяющей защититься от всей совокупности угроз. Опасность, исходящая от ракет, лишь одна из

них. А в-третьих, эта опасность далеко не самая маленькая; вероятность применения против нас ракет еще больше выросла после событий 11 сентября. Хотя успокаиваться, конечно, не следует, повторное использование угнанного самолета в качестве средства массового терроризма против Запада маловероятно. В ответ на случившееся сразу же были ужесточены меры безопасности; на очереди еще целый ряд дополнительных мер. Экипажи самолетов будут впредь более бдительными, а пассажиры — более активными; число желающих занять место террориста-смертника будет сокращаться. Короче говоря, шансы на успешный угон самолета значительно снижаются, привлекательность же использования ракет дальнего радиуса действия для террористов или государств-изгоев, наоборот, возрастает.

Эта привлекательность всегда была значительной по причинам, которые нередко упускают из виду. Никогда нельзя быть уверенным, что какому-нибудь фанатику не придет в голову идея взорвать небольшую ядерную бомбочку в одной из западных столиц. До некоторой степени можно утешаться тем, что подобные акции не в почете у лидеров государств-изгоев, которые предпочитают извлекать максимальный политический эффект из использования оружия. Баллистические ракеты с этой точки зрения привлекательнее, поскольку с момента старта до момента взрыва остаются под исключительным контролем того государства, которое их запустило.

В ответ на более общее возражение просто скажу, что никакая система не может быть идеальной. Я никогда не питала особых иллюзий, в противоположность президенту Рейгану, по поводу Стратегической оборонной инициативы (СОИ) даже в случае полной ее реализации. Однако после окончания «холодной войны» полномасштабный обмен ядерными ударами между ведущими государствами стал крайне маловероятным. Намного выше вероятность того, что какое-нибудь государство-изгой выпустит ракету-другую с ядерной или химической боеголовкой по одному из наших крупнейших городов. Другая возможность, которая существует всегда, — несанкционированный пуск. И вот тогда система ПРО окажется нашей единственной защитой, хотя есть еще и упреждающие удары для уничтожения военной мощи государств-изгоев, которые я вовсе не исключаю.

Суть в том, что глобальная система ПРО, которую я предлагаю, — наилучший способ защиты наших городов от ракет и их боеголовок. В отличие от других, не столь всеобъемлющих систем, глобальная сис-

тема ПРО способна перехватывать и уничтожать ракеты на любой из трех фаз их полета: при разгоне, на среднем участке траектории и на подлете к цели. Первая фаза, которая начинается непосредственно после старта, естественно, является наилучшей с точки зрения потенциальной жертвы и наихудшей с точки зрения агрессора, на которого падают элементы разрушенной боеголовки.

Я думаю, что лучше всего размещать элементы такой глобальной системы вдоль линий, обозначенных в официальном отчете Комиссии по противоракетной обороне фонда Неп1а§е Боипёайоп. Система должна представлять собой сочетание противоракетных установок морского базирования и сети детекторов космического базирования. Сомнительно, чтобы единственная система наземного базирования или любая другая система, удовлетворяющая требованиям Договора по' ПРО, обеспечила Америке эффективную защиту*.

Я также полагаю, что в британском отчете об исследовании процесса распространения ракетных вооружений совершенно правильно оцениваются последствия ограничения американской ПРО в том виде, как его предлагает администрация Клинтона, для остальных участников альянса. Великобритания, как ближайший союзник Америки и наиболее эффективный партнер в военной сфере, оказалась бы особенно уязвимой для ракетной атаки со стороны какого-либо государства-изгоя, не будь она прикрыта противоракетным щитом**. Правительства Великобритании и других европейских стран должны предоставить полную поддержку тем силам в Америке, которые намереваются создать эффективную глобальную систему ПРО. Союзникам Америки по НАТО также следует взять на себя определенную долю расходов: стремление сделать это пока не слишком проявляется.

Несмотря на получившие широкую известность возражения президента Путина, Россия также серьезно заинтересована в создании Америкой подобной системы. Российские города намного ближе к источникам потенциальной угрозы, чем большинство городов стран Запада. Америка, со своей стороны, предлагая России защиту, получает возможность достичь казавшуюся практически неосуществимой цель президента Рейгана, который видел в СОИ общее благо.

** Defending America, Report of the Heritage foundation's Commission on Missile Defense, chaired by Ambassador Henry Cooper, March* 1999.

** Coming into Range: Britain's Growing Vulnerability to Missiles and Weapons of Mass Destruction (London, 2000).

Я очень рада тому, что Джордж У. Буш в ходе предвыборной кампании обозначил свою позицию по этому вопросу предельно ясно:

> Пришло время забыть о «холодной войне» и взяться за создание защиты от угроз двадцать первого века. Америка должна выстроить эффективную противоракетную оборону, используя все доступные средства, и в кратчайшие сроки. Наша система должна защитить все пятьдесят штатов, друзей и союзников, вооруженные формирования, находящиеся за рубежом, от ракетных атак государств-изгоев или случайных пусков... Система противоракетной обороны должна защищать не только нашу страну, она должна защищать и наших союзников, с которыми я буду советоваться в процессе разработки планов*.

Став президентом, г-н Буш энергично взялся за выполнение этого обещания. Я надеюсь, что Конгресс сочтет целесообразным поддержать его старания. Я также надеюсь, что союзники Америки, прежде всего Великобритания, в полной мере воспользуются предложением президента предоставить защиту населению и наших стран. И нечего делать вид, что события 11 сентября сделали создание эффективной противоракетной обороны менее важным или не столь неотложным делом.

Из сказанного вытекают следующие выводы:

- **Мы должны признать, что угроза применения баллистических ракет с ядерными зарядами или другими средствами массового уничтожения реальна, она нарастает и ей пока нет адекватного ответа.**
- **Мы должны признать, что дипломатические и прочие средства, направленные на ограничение распространения вооружений, малоэффективны.**
- **Политикам пора прекратить разговоры о том, что мир может существовать без ядерного оружия, и признать необходимость испытания и модернизации ядерных вооружений с целью сохранения ядерного щита.**
- **Следует осознать, что, хотя политические условия допускают распространение вооружений и повышают угрозу запуска ракет, прогресс в науке открывает возможности справиться с ними.**

* Выступление в Вашингтоне 23 мая 2000 г.

- **Единственный путь добиться этого — создать глобальную систему противоракетной обороны.**

ЧУВСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Америке нужны решительные и дальновидные лидеры и поддержка союзников, а уж материальные ресурсы для обеспечения господствующего положения у нее найдутся. Возникает вопрос: а есть ли у нее боевой дух? Уверена, что этот вопрос будет звучать еще чаще после террористического акта 11 сентября. Террористы целились в самое сердце американской культуры, ее ценностей и убеждений.

Усама бен Ладен как-то раз отозвался об американцах как о «нездоровой нации, не имеющей понятия о морали»*. Как показала практика, его презрение к американскому боевому духу оказалось совершенно напрасным. Но что сказать по поводу пренебрежительного отношения бен Ладена и его собратьев-фанатиков к нашему либеральному обществу?

Следует сразу же отметить, что на удивление мало жителей стран Запада считают слагаемые сегодняшнего западного общества идеальными. Самокритика — наша вторая натура. Мы не скрываем своего беспокойства в отношении распада института семьи, подчиненности культуры, детской преступности, распространения наркотиков и преступлений против личности. Мы ясно сознаем, что повышение уровня жизни не всегда влечет за собой повышение ее качества.

Однако далее наши взгляды и мнение критиков и врагов нашего общества расходятся. Чего добиваются консервативно настроенные жители западных стран, так это повышения роли персональной ответственности в обеспечении функционирования нашего свободного общества. Наши недруги требуют прямо противоположного — установления диктаторской системы, в которой свобода и ответственность теряют свое значение, а от человека требуется лишь подчинение.

Отцы-основатели полагали, что, хотя республиканская форма правления, основу которой они заложили, призвана бороться с пороками человека, она все же ни в коей мере не заменяет его добродетелей. Для них американское самоуправление означало буквально управление

* Интервью телекомпании «Аль-Джазира», 1998 г., процитировано в газете Sunday Telegraph от 7 октября 2001 г.

людьми и во благо этим людям. Джеймсу Медисону было известно, что демократия должна предполагать наличие добродетелей в массе людей, иначе она не сможет действовать. В 55-м выпуске «Федералистских документов» он писал:

> Порочность рода человеческого требует изрядной доли осмотрительности и недоверия, но есть и другие свойства человеческой натуры, которые заслуживают уважения и веры. *Республиканское правительство исходит из того, что эти качества преобладают над другими** (курсив автора).

Отцы-основатели и те, кто пришел после них, имели разное вероисповедание, а некоторые вообще не верили в Бога. Однако они были убеждены, что лишь религия позволяет взрастить добродетели, которые сделали Америку такой сильной.

История сложных и до настоящего времени развивающихся отношений между Церковью и государством в Америке выходит за рамки моей книги**. Однако Алексис де Токвиль был совершенно прав, когда в 1835 году написал, что американцы считают религию «неотъемлемым средством поддержания республиканских институтов».

Каждый раз, когда я приезжаю в Америку, меня поражает та непринужденность, с которой достоинство проявляется в политических речах. Это отражение глубокой религиозности многих американцев. По данным исследований, две трети американцев называют религию важнейшим или очень важным элементом своей жизни. Америка — страна, где церковь посещают намного чаще, чем в Великобритании или континентальной Европе***. Естественной реакцией американцев на трагедию 11 сентября стало обращение к Богу: церкви в тот день, а также в последующие дни были переполнены. Вера Америки в Бога, вера в себя и свою миссию — основа ее чувства долга.

Именно в этом причина, по которой мы, неамериканцы, не всегда способны понять слова Генри Лонгфелло:

* James Madison, Alexander Hamilton and John Jay, ed Isaac Kamnik, The Federalist Papers (London: Penguin, 1987), p. 339.

** Эта история превосходно изложена Полом Джонсоном в работе «Бог и американцы» (Paul Johnson, «God and the Americans», Commentary, January 1995).

*** Patrick F. Fagan and Joseph Loconte, Religion: Building Strong Families and Communities, Heritage Foundation, Issue 2000.

Корабль государства, счастливый путь! Плыви, союз, великим будь!
Мечты, надежды всех людей Зависят от судьбы твоей!*

* The Building of the Ship (1849).

Глава 3

Российская загадка

ВИЗИТ В НИЖНИЙ НОВГОРОД

Россия настолько велика, что о ее общем состоянии практически невозможно судить на основании отдельных оценок. Вероятно, единственно верный способ понять российские реалии — это знакомиться с ними постепенно. Естественно, впечатления, которые я получила во время визита в июле 1993 года, оказались не менее ценными, чем все, что мне пришлось читать о России как до того, так и впоследствии.

Меня пригласили в Москву в связи с присвоением мне почетной степени в Институте имени Менделеева, который специализируется на химических технологиях и является одним из ведущих российских научных учреждений. Учитывая, что когда-то я сама была химиком-исследователем, подобное приглашение представляло для меня особый интерес. Кроме того, мне очень хотелось увидеть собственными глазами, как изменилась Россия после без малого двухлетнего правления Бориса Ельцина и его реформ. На Западе циркулировало такое количество противоречивой информации, что трудно было понять, где правда, а где ложь. Сэр Брайан Фолл, один из лучших британских послов, подготовил программу пребывания, которая охватывала и старое, и новое. Однако даже я не ожидала увидеть такой контраст.

Во второй половине первого дня моего пребывания в Москве (это была среда, 21 июля) мне показали старый торговый центр на одной из

окраин города. На прилавках лежали продукты, однако их выбор был очень небольшим, а качество, в том числе и свежей продукции, — низким. Окрестности выглядели так мрачно, как только могли выглядеть творения социалистической архитектуры. Местные жители держались дружелюбно, но получасового общения со всем этим мне было вполне достаточно. Возвращаясь в британское посольство на рабочий ужин, я размышляла о том, что, несмотря на очевидное отсутствие дефицита, явные признаки реформы тоже отсутствовали. Я ожидала большего; большего, по словам собравшихся за столом экспертов, ожидало и большинство россиян.

На следующий день у меня была другая, более вдохновляющая встреча с прошлым — продолжительная беседа с Михаилом и Раисой Горбачевыми сначала в роскошном помещении Фонда Горбачева (цель которого я так до конца и не поняла), а затем и у них дома за ленчем. Мне было приятно найти их в добром здравии, хотя меня в какой-то мере и обескуражили обстоятельства отстранения г-на Горбачева от власти. Раиса рассказала о лишениях трех дней крымской «ссылки» во время неудавшегося переворота в августе 1991 года. Тогда им практически нечего было есть; к счастью, у нее в сумочке оказалось несколько конфет, которые она отдала внучке. Позже я узнала, что в результате нервного напряжения, пережитого в тот момент, у Раисы случился удар*.

После ленча мы все отправились в Менделеевский институт. Церемония прошла великолепно; было много выступавших. В своей речи я отметила тесную взаимосвязь между наукой, истиной и свободой. Эта связь на деле была не всегда лишь теоретической и в старом Советском Союзе, где свободомыслящие честные ученые нередко пытались найти убежище в естественных науках, менее засоренных и искаженных марксистской догмой.

В завершение мероприятия в сопровождении оркестра были исполнены несколько удивительных русских песен. Мне бросилось в глаза, что многие из присутствующих откровенно игнорировали Горбачевых. Даже торжественная обстановка не могла сгладить глубоких политических противоречий.

За ужином в тот вечер у меня впервые появилась возможность поговорить о правительственной программе реформ с одним из ее главных поборников и инициаторов — способным экономистом Анатоли-

* Раиса Горбачева скончалась 20 сентября 1999 г. после продолжительной болезни.

ем Чубайсом. Его идеи звучали превосходно. Однако я не могла забыть вчерашнего посещения магазина. Какая она, российская реальность? И, что более важно, какое будущее ждет Россию?

Ранним утром следующего дня мы с Дэнисом и нашей дочерью Кэрол, взявшейся освещать наш визит в газете European, отправились самолетом в Нижний Новгород. При коммунистах он назывался Горьким и был закрытым городом, где велись секретные разработки ядерного оружия. Само его существование долгое время скрывалось, насколько это было возможно, от Запада. Экипаж частного британского самолета, которым мы пользовались, вынужден был взять на борт российского штурмана, чтобы тот помог отыскать аэродром, не отмеченный ни на одной из обычных карт.

Было время, когда Нижний Новгород, насколько мне известно, олицетворял совсем другую традицию в российской истории. В 1817 году в городе прошла первая ярмарка, которая быстро приобрела репутацию самой известной в России. Русские, по праву считающиеся самыми изобретательными в мире в том, что касается пословиц и поговорок, говорили, что Москва — сердце России, Санкт-Петербург — ее голова, а Нижний Новгород — карман. С окончанием «холодной войны» пришел конец и военному бюджету, который обеспечивал рабочие места. «Карман» быстро пустел. Поэтому у населения появились все основания для возврата к предпринимательству — старому способу зарабатывать на жизнь.

Успех предпринимательства в конечном итоге зависит от делового чутья. Однако для создания работоспособного предприятия требуется также определенный опыт и, конечно, соответствующая правовая и финансовая основа. В Лондоне до меня доходили слухи о том, что губернатор области Борис Немцов — человек, понимающий все это и проводящий в жизнь радикальную программу, которую некоторые называют «тэтчеризмом», а я — здравым смыслом. Именно поэтому я и решила посмотреть на это сама, а наше посольство организовало поездку.

Спаситель Нижнего Новгорода оказался очень молодым (ему было немногим больше тридцати), необычайно энергичным, очень привлекательным внешне и наделенным умом и проницательностью. Он блистал ораторским мастерством и бегло говорил по-английски. Физик по образованию, он имел около 60 научных работ. Держался Немцов чрезвычайно уверенно, впрочем для этого были основания.

И в самом деле, чем больше он рассказывал о реформах (беседа проходила в губернаторской резиденции на территории нижегородского кремля), тем больше я поражалась. Он объяснил, что, пользуясь властью губернатора, пытается создать реальные условия для развития свободного предпринимательства. В то время как российская Дума все еще сопротивлялась принятию закона о праве на частную собственность, в Нижнем Новгороде действовал местный закон о частной собственности на землю. Земли там, как я могла позже убедиться, были плодородными и хорошо возделанными. Основная трудность заключалась вовсе не в выращивании урожая (Нижний Новгород уже тогда с избытком обеспечивал себя зерном), а в продаже готовой продукции. При коммунистах решения о распределении и сбыте принимались, естественно, партийными бюрократами. После развала системы снабженческо-сбытовые сети, которые при капитализме обычно формируются в течение длительно времени, нужно было создать в один прием на голом месте. Г-н Немцов ясно дал понять местным фермерам и оптовым торговцам, что они сами должны прийти на помощь друг другу: у государства не было никаких решений. Вместе с тем он внес существенный вклад в решение проблемы, продав с аукциона целый парк государственных грузовых машин, — когда я в тот же день побывала на одной из приватизированных транспортных фирм, увиденное произвело на меня огромное впечатление, особенно энтузиазм руководителя и персонала.

Для того чтобы ближе познакомиться с населением Нижнего Новгорода и немного размяться, мы с губернатором прошлись пешком по Большой Покровской улице. Все магазины там были частными. Мы останавливались то тут, то там, разговаривали с владельцами магазинов, смотрели, чем они торгуют. Большего контраста с серой монотонностью Москвы невозможно было себе представить. Один магазинчик врезался мне в память. В нем торговали молочными продуктами, а выбор сыров был таким, которого я не видела нигде. Я попробовала несколько сортов, и они мне очень понравились. Оказалось, все сыры произведены в России и стоят значительно дешевле, чем их аналоги в Великобритании. Я не скрывала своего восторга. По всей видимости, я, как истинная дочь бакалейщика, звучала очень убедительно, поскольку, когда мои слова перевели, раздался взрыв аплодисментов, а кто-то даже крикнул: «Тэтчер в президенты!» Серьезным же уроком и для меня, и для моих радушных хозяев, конечно, стал

пример этого отдельно взятого частного магазина в российской глубинке, показавший, что сочетание высокого качества местных продуктов, предпринимательского таланта и благоприятного законодательства, а также поддержка честного и знающего политического лидера могут обеспечить процветание и прогресс. Для российских условий не нужно никакой «золотой серединки» или особого регулирования. Тот молочный магазин убедительно доказал, что капитализм работает. Скептики были бы потрясены.

ОПАСНОСТЬ ПРЕДСКАЗАНИЙ

Россия всегда отличалась уникальной способностью удивлять. Любой прогноз в отношении нее должен быть ограничен массой оговорок, если предсказатель не желает попасть впросак. Поэтому, прежде чем продолжить, я хочу внести свой скромный вклад в целый вал извинений. Я тоже заблуждалась в отношении некоторых вещей.

Я всегда была уверена в том, что коммунистическая система неминуемо рухнет, если Запад сохранит твердость. (Временами, конечно, это «если» казалось очень сомнительным.) Моя уверенность вытекала из того, что коммунизм пытался идти против самого существа человеческой натуры и, следовательно, был несостоятельным. Его стремление нивелировать индивидуальные особенности не давало возможности мобилизовать индивидуальные таланты, что принципиально важно для создания материальных ценностей. Он обеднял не просто души, но само общество. В противостоянии со свободной системой, которая поощряет, а не принуждает людей и, таким образом, находит лучших, коммунизм должен был в конечном счете потерпеть неудачу.

Но когда? Мы не представляли себе, в каком отчаянном состоянии находилась, а на самом деле как близка к полному краху была советская система в 80-е годы. Возможно, это и к лучшему. Если бы кто-нибудь на Западе знал, насколько ограничены и перенапряжены ресурсы Советского Союза, он вполне мог потерять бдительность. А это было бы чревато последствиями, поскольку СССР оставался военной сверхдержавой еще долго после того, как превратился в политическое и экономическое ископаемое. Я никогда бы не осмелилась предсказывать, что в течение моего десятилетнего пребывания на посту премьер-министра Великобритании страны Центральной и Восточной Евро-

пы обретут свободу, не говоря уж о том, что двумя годами позже развалится и сам Советский Союз.

Должна также признаться, что в свое время заблуждалась, как минимум частично, относительно другого важного аспекта, связанного с Советским Союзом, а именно его прочности. Меня никогда не привлекала идея попробовать удержать Советский Союз от распада. Подобные стратегии в любом случае обречены на провал, поскольку мы, на Западе, не располагаем знаниями и средствами, позволяющими реализовать их. Как мною уже неоднократно отмечалось, я находилась в одиночестве, когда возражала против попытки президента Европейской комиссии обеспечить «гарантию» ЕЭС сохранению единства СССР перед лицом движения Прибалтийских республик за отделение*.

Однако, как и все остальные, я недооценила принципиальную слабость Советского Союза после начала горбачевских реформ. Некоммунистический Советский Союз, а именно это нам хотелось видеть в то время, хотя мы и не говорили об этом прямо, реально не имел шансов на существование, поскольку единственной силой, которая удерживала республики СССР в одном государстве, была Коммунистическая партия.

Советологи с их тонким анализом советского общества ошибались; диссиденты с их упором на роль монолитной партийной идеологии были правы. Коммунизм реально был паразитом, жившим в оболочке государственных институтов. Вот почему эти институты умерли и уже не поддавались оживлению.

За время, прошедшее после этих драматических событий, лопнуло еще одно предсказание. Некоторые либералы от экономики сбиваются с пути, излишне полагаясь на предписания своей собственной «унылой науки». Дело, как я объясню ниже, вовсе не в том, что эти предписания неверны. Просто они не уделяют должного внимания неэкономическим факторам. Либеральные экономисты полагают, что с развалом Коммунистической партии и приходом в Кремль «реформаторов» западного типа будет очень легко внедрить институты свободной экономики, от которых российское население быстро получит отдачу. Весьма обнадеживающий пример тому мы видим в Польше, другом бывшем коммунистическом государстве, где именно такая программа радикальных реформ, разработанная Лешеком Бальцеровичем в нача-

* The Downing Street Years, p. 767.

ле 90-х годов, дала положительный результат через два или три года. Однако Россия — это не Польша.

С другой стороны, не оправдывается и большинство самых мрачных прогнозов развития событий в России, хотя о том, что это происходит постоянно, говорить пока еще рановато. Некоторые предвидят возникновение нового российского империализма, который силой воссоздаст Советский Союз вокруг России. Этого, по крайней мере до сих пор, не произошло. Несмотря на то что напряжение между Россией и ее соседями сохраняется, там нет крупномасштабных войн, не применяется оружие массового уничтожения, нет возврата к коммунизму или поворота к фашизму.

По правде говоря, историю России последнего десятилетия нельзя представить как прямой путь к прогрессу или регрессу. Она скорее представляет собой череду изгибов и поворотов, ускорений и остановок, процессов интеграции и дезинтеграции, реформ и реакции, возникающих попеременно, а то и одновременно. Мы должны попытаться понять, что произошло и почему, поскольку только так можно что-то предсказывать, не говоря о том, чтобы влиять на будущие события или управлять ими.

Это очень важно. Россия не может и не должна быть сброшена со счетов. Лично я убеждена в этом. Народ России перенес много страданий в XX веке: его неоднократно бросали на произвол судьбы те представители Запада, которые лгали и шли на сотрудничество с тиранами. Простые россияне были главным союзником Запада в «холодной войне». Они заслуживают лучшей доли.

Серьезное отношение к России сегодня — это, кроме того, и расчет. Когда экс-президент Ельцин во время визита в Пекин в декабре 1999 года недипломатично напомнил нам, что Россия все еще располагает огромным ядерным арсеналом, он говорил абсолютную правду. Слабая или сильная, как партнер или как головная боль, Россия всегда имеет значение.

БРЕМЯ ИСТОРИИ

Лучше всего анализ ситуации в Советском Союзе давался историкам, а вовсе не советологам, поскольку первые видели перспективу, а вторые — выбирали крупицы информации из напыщенных и лживых выступлений того или иного советского начальника. С возвратом России

к своей старой форме и самобытности история приобретает еще большее значение как основа для наших оценок*.

Очень точно подмечено, что «самое тяжелое и неумолимое бремя России из всех, которые ей доводилось нести, — это груз ее прошлого»**. Россия вполне могла пойти другим путем. Ход истории не является неизбежным. Однако он, бесспорно, необратим. Чтобы обнаружить хотя бы отзвук какой-нибудь истинно русской традиции, которая могла породить либерализм, подобный западному, нужно углубиться далеко в историю. Стиль правления царей, с конца Средних веков владевших необъятными территориями, делает понятным многое в современной России.

Во-первых, они не признавали ничьих прав собственности, кроме своих: распоряжались государством так, словно оно принадлежало им, а в собственниках (за исключением Церкви) видели лишь ответственных арендаторов. В условиях полного отсутствия частной собственности — прежде всего собственности на землю — и речи не могло идти ни о каких законах, кроме самодержавных указов. В отсутствие законов не могло быть процветающего среднего класса, поскольку не было безопасности, необходимой для накопления богатства, развития торговли и предпринимательства. Российские города оставались немногочисленными, мелкими и неразвитыми.

Во-вторых, цари не допускали ни малейшего институционального или даже теоретического контроля над своей властью. Им совершенно не требовалось согласие со стороны подданных на установление налогов. Российские институты представительной власти конца XIX — начала XX века имели крайне слабую связь с народным большинством и воспринимались царем без должного почтения.

В-третьих, отношения между царями и Русской православной церковью приобрели форму необычного симбиоза. С одной стороны, царь полностью контролировал Церковь: традиции православия, уходящие корнями в Византийскую империю, чрезвычайно способствовали этому, не признавая четкого разделения между духовной и политической

* В течение многих лет я пользовалась информацией, полученной в ходе бесчисленных разговоров с двумя прекрасными учеными (и хорошими друзьями) — специалистами по русской истории профессором Робертом Конквестом и Норманом Стоуном. Далее в этой главе я буду ссылаться на их идеи, а также на работы Ричарда Пайпса и покойного Тибора Самуэли.

** Tibor Szamuely. The Russian Tradition (London, 1974), p. 12.

сферами. С другой стороны, русское православие, претендовавшее на объявление Москвы «третьим Римом», насадило в российском государстве такие установки, которые являлись совершенно антизападными.

Эти три элемента переплелись удивительным образом с четвертым — путем, на котором становление государственности в России совпадало с превращением ее в империю. И то, и другое было причудливым образом взаимосвязано, ибо, по словам одного из ведущих авторитетов, «с XVII столетия, когда Россия уже была крупнейшим государством мира, беспредельность владений служила россиянам своего рода психологической компенсацией за их отсталость и нищету»*.

Представителям западных стран, прибывавшим в царскую Россию, сразу же становилось ясно, что они сталкиваются с чем-то совершенно чужеродным и неевропейским. Более непредвзятым, чем те интеллектуалы, которые столетие спустя совершали псевдопаломничество в Советский Союз, оказался маркиз де Кюстин, написавший воспоминания о посещении России в 1838 году. Он отправился туда как почитатель России, а возвратился ярым критиком.

> Характеристику политическому состоянию России можно дать в одном предложении: это страна, в которой правительство говорит то, что ему нравится, поскольку право говорить имеет только оно. В России страх заменяет, т. е. парализует, мысль... В этой стране к историческим фактам относятся ничуть не лучше, чем к святости клятвы... даже мертвые не могут избежать капризов того, кто правит живыми**.

Не правда ли, очень похоже на описание советской коммунистической диктатуры? Это не простое совпадение, поскольку она сформировалась на традиции российского полицейского государства, которая к тому времени укоренилась очень глубоко.

Картина отсталости и репрессий, нарисованная де Кюстином, впрочем, далеко не полная. Опустошение, которое позднее принес России коммунизм (и все еще несет из своего политического гроба), намного превосходит все, что было придумано царями. Скажу больше, накану-

* Richard Pipes, «Is Russia Still an Enemy?», Foreign Affairs, 76/5, September/October 1997, p. 68.

* Маркиз де Кюстин (1790-1857) — французский путешественник и писатель, ко торый прославился своими «Письмами из России» (1839). Цитируется по книге Самуэли (The Russian Tradition, pp. 3-5).

не большевистской революции положение, по крайней мере экономическое, стало меняться к лучшему. Россия отставала в развитии, однако бурная промышленная революция взяла реванш в последнее десятилетие XIX века. Вот что утверждает Норман Стоун:

> Накануне [Первой мировой войны] Россия вышла на четвертое место среди промышленно развитых государств мира, обойдя Францию по производству продукции тяжелой промышленности — угля, чугуна, стали. Ее население выросло с 60 с небольшим миллионов человек в середине XIX века до 100 миллионов к 1900 году и почти 140 миллионов к 1914 году; причем эти данные касаются только европейской части России, т. е. территории к западу от Урала. В городах, суммарное население которых в 1880 году не превышало 10 миллионов человек, к 1914 году проживало 30 миллионов человек*.

В России отсутствовали социальные и политические институты, способные справиться со столь стремительным экономическим ростом. Более того, империя находилась на грани вступления в ужасную войну, которая обнажила ее слабые места, привела сначала к анархии, потом к революции и, наконец, к навязыванию большевиками тотальной диктатуры в невиданных до того масштабах.

НАСЛЕДИЕ КОММУНИЗМА

Ленин внес в создание системы не меньший вклад, чем Маркс. Пространные и порочные теории немцев были безжалостно, с применением насилия реализованы русскими, которые жили в репрессивной атмосфере царизма.

Советы переняли и углубили традиционное царское неприятие альтернативных источников власти, свободы мысли, частной собственности и равенства перед законом. В отличие от царя, который требовал отношения к себе, как к наместнику Господа, партия фактически заняла его место. Война коммунистов против религии — даже такой сговорчивой, как русское православие, — велась с той же целью, что и война против зажиточных крестьян и любых проявлений частной жизни: государство должно подмять под себя, получить в собственность и, в конечном итоге, поглотить все.

* Norman Stone, Europe Transformed 1878-1919, second edition (Oxford, 1999), p. 144.

В течение 70 лет эта система довлела над российским народом. Конечно, как и во всем, что касается людей, были и определенные просветления. Со временем яростная кампания против религии утихла, при Сталине ей на смену пришло шаткое соглашение между Церковью и государством, потому что последнее увидело во влиянии первой пользу для себя. Точно так же после сталинских чисток советская система приобрела некоторую стабильность, однако стала более бюрократичной, расслоенной и коррумпированной, — именно в этот период появилось то, что Милован Джилас назвал «новым классом»*. Монстр коммунизма понемногу смягчался по мере усиления симптомов склероза. При Хрущеве были признаны ошибки Сталина. При Горбачеве стала оспариваться непогрешимость Ленина. В последние несколько лет существования Советского Союза, когда все острее чувствовался недостаток свободы слова и свободы выбора, г-н Горбачев, что делает ему честь, пошел навстречу требованиям времени.

Периодически возникали разговоры об экономической реформе, однако они никогда ни к чему не приводили. Объяснялось это главным образом тем, что коммунисты — от Ленина до Горбачева — под словом «реформа» понимали лишь повышение эффективности марксистско-ленинской системы, а вовсе не отказ от нее. По всей видимости, последний раз такой подход мог дать положительные результаты в период правления интеллигентного Юрия Андропова (1983-1984), который по крайней мере понимал, к какой экономической пропасти подошел Советский Союз. Однако он был слишком болен, а его преемник Константин Черненко (1984-1985) — кроме того, и слишком туп, чтобы сдвинуть дело с места. Ко времени прихода к власти Михаила Горбачева в 1985 году любая попытка реформировать систему была обречена на провал и, скорее всего, рано или поздно привела бы к ее ликвидации.

Именно это и произошло. Программы *гласности* и *перестройки* г-на Горбачева были задуманы как взаимодополняющие, но добиться этого не удалось. Открытость в отношении провалов системы и людей — прошлого и настоящего — тех, на кого возлагалась ответственность, была невиданным проявлением свободы для советских граждан, которым так долго отказывали в возможности говорить правду. О перестройке же обветшавших институтов государства, не говоря уже о

* The New Class: An Analysis of the Communist System (London: Thames and Hudson, 1957).

замене посредственностей, опиравшихся на них, в действительности не могло идти и речи. Как бы то ни было, основой Советского Союза все еще оставалась Коммунистическая партия (которая, помимо прочего, контролировала военно-промышленный комплекс и аппарат госбезопасности), а партия не могла просто так поступиться тем, что она ценила превыше всего, — властью.

Это объясняет и личную трагедию Михаила Горбачева, которого приветствовал Запад — совершенно справедливо, надо заметить, — но отвергли и осудили соотечественники. Несмотря на все разговоры о необходимости «нового мышления», в конечном итоге он так и не смог воплотить его в жизнь. Оказавшись в 1991 году перед выбором — продолжить движение по пути фундаментальных перемен или вернуться к репрессивному коммунизму, — он дрогнул. Несмотря да периодически возникающие разговоры, я не верю в то, что Михаил Горбачев тайно поддерживал сторонников жесткой линии, временно захвативших власть в июле 1991 года. Вместе с тем он назначал их на руководящие должности. Даже после возвращения в Москву Горбачев продолжал во всеуслышание называть себя коммунистом. Поэтому, невзирая на восхищение его достижениями, понимание ситуации, в которой он оказался, и личные симпатии, я уверена, что приход Бориса Ельцина ему на смену был на пользу России.

Причиной нескрываемой неприязни, которую питают друг к другу эти два человека, сделавшие для освобождения своей страны больше, чем кто-либо еще в России, без сомнения, в определенной мере является простое политическое соперничество. Однако я убеждена, что истоки ее лежат глубже. Г-н Ельцин сердцем понимал, что система, которая позволила ему выдвинуться, в которой он испытал падение, ставшее началом последовавшего взлета, была по своей сути аморальна — и не только потому, что не могла обеспечить людям достойного уровня жизни, но и из-за того, что основывалась на лжи и пороке. Именно поэтому, я полагаю, г-н Ельцин казался таким значительным, когда, стоя на танке в центре Москвы, руководил героическим сражением за демократию в России. Именно поэтому г-н Горбачев выглядел таким униженным, когда вернулся в Москву тремя днями позже из своего плена в Крыму. Камеры нередко лгут, но на этот раз они запечатлели правду: это не просто история о двух россиянах, это еще и история о двух Россиях.

Неудавшаяся попытка переворота в августе 1991 года дала возможность триумфатору — Борису Ельцину издать указ о запрете Комму-

нистической партии и осуществить организованный роспуск Советского Союза. В последние годы стало модным высмеивать слабости г-на Ельцина, которые, впрочем, были совершенно реальными. Однако их с лихвой компенсировали удивительная смелость и политическое искусство. Ну а если бы смелость и искусство не подкреплялись еще и типично русской безжалостностью, ему никогда бы не одержать победу над коммунистами, которые хотели вернуть Россию назад в социалистическое прошлое.

Силы Борису Ельцину было не занимать, но бремя истории оказалось непосильным и для него. Привычки, инстинкты и установки, выработанные в условиях советского коммунизма, сделали трансформацию России в «нормальную» страну чрезвычайно трудным делом. Это со всей очевидностью выразилось в росте беззакония.

Еще задолго до заката советской эпохи граждане России стали смотреть на государство как на своего врага. Для тех, кто пытался проявить индивидуальность, оно было угнетателем. В глазах же большинства государство имело образ грабителя.

Коммунистическое общество не имело законодательства в западном понимании. Несмотря на то что каждый шаг регулировался правилами и нормами, отсутствовало понятие справедливости, предполагающее существование единого набора обязательств индивидуума, в равной мере применимого ко всем без исключения. Как поразительно точно сказал писатель и диссидент Александр Зиновьев, «в коммунистическом обществе преобладает система ценностей, основанная на полном отсутствии общих принципов оценки»*.

На деле единственным господствующим принципом был эгоизм хищника. Подобные привычки искоренить крайне трудно, если вообще возможно. Важно подчеркнуть, что, хотя размах и жестокость российской преступности росли после распада СССР подобно снежному кому, ее психологические и системные корни были заложены при коммунистах. В последние годы правления Леонида Брежнева коррупция в высших эшелонах власти приобрела печальную известность. С середины 80-х годов преступность стала одним из институтов общества — в немалой мере в результате деятельности КГБ. Вот слова одного из руководителей ЦРУ:

* Alexandr Zinoviev, The Rea;ity of Communism (London, 1984), p. 117.

> [КГБ] продавало дешевые советские товары за рубежом по мировым ценам, а доходы направляло на секретные зарубежные счета и в компании прикрытия... [Оно] занималось отмыванием денег, торговлей оружием и наркотиками и другими не менее преступными видами деятельности*.

Большие сомнения в том, что такое состояние дел изменится при новом руководстве, были вполне объяснимы: большинство россиян с детства привыкло воспринимать преступность как обычный способ ведения дел. Да и могло ли быть иначе, если множество тех, кто занимал высокие посты при коммунистах, при капитализме появились в роли новых хозяев?

Россия приобрела репутацию криминального общества. Считается, что в ней действует от трех до четырех тысяч преступных банд. Российское Министерство внутренних дел полагает, что организованная преступность контролирует 40% оборота товаров и услуг; по другим оценкам эта цифра еще выше. Предполагается, что половина российских банков контролируется преступными синдикатами. Стоит ли удивляться тому, что Европейский банк реконструкции и развития рассматривает Россию как самую коррумпированную страну мира. Опрос общественного мнения демонстрирует неверие российских граждан в честность как средство достижения успеха. На первое место 88% из них ставят «связи», а 76% — обман**.

По оценкам, на долю теневой экономики (которая с трудом поддается измерению) приходится от четверти до половины российского национального дохода. С одной стороны, это следствие невыплаты или занижения зарплат российских рабочих, которые пытаются найти приличный заработок; с другой — хаотичности среды, в которой приходится работать предприятиям. В любом случае, благоприятные условия для вымогательства и бандитизма налицо.

В подобной ситуации насилие становится привлекательным способом сведения счетов, насаждения страха и сдерживания как конкуренции, так и критики. Показатель, характеризующий число убийств, в

* F.W. Ermarth, «seeng Russia Plain: The Russian Crisis and American Intellegence», The National Interest, No. 55, Spring 1999, p. 10.

** *The Economist, 28 August 1999; Grigory Yavlinskisy, «Russia's Phony Capitalism», Foreign Affairs, May/June 1998; Stephen Handelman, «The Russian Mafia», Foreign Affairs, March/April* 1994.

РОССИИ сейчас, по всей видимости, самый высокий в мире. Те, кто выступает против злоупотреблений в верхах, должны быть готовы к тому, что вполне могут за это поплатиться.

Именно так, например, сложилась судьба отважной и принципиальной женщины — Галины Старовойтовой. Первый раз мы встретились в Лондоне во время попытки переворота 1991 года. Мы обсуждали возможность оказания помощи и поддержки Борису Ельцину. Г-жа Старовойтова играла ключевую роль в «Демократической России» — крупнейшей партии того времени. Проработав некоторое время личным советником президента Ельцина по межнациональным вопросам, она оставила эту должность из-за несогласия с методами решения чеченского конфликта. Затем ее избрали депутатом Думы от Санкт-Петербурга, в котором она боролась против антисемитизма и коррупции, ставших неприглядными чертами жизни великого города. Именно она представила на обсуждение в Госдуме законопроект, направленный на очистку высших государственных постов от бывших членов Коммунистической партии и сотрудников КГБ. Однако его не пропустило коммунистическое большинство Думы.

Галина Старовойтова была убита в ночь с 20 на 21 ноября 1998 года, когда поднималась по лестнице к своей квартире. Как я узнала позже от ее семьи, нападение было хорошо спланировано и исполнено в стиле старого КГБ. Это повергло меня в шок, о чем я и написала президенту Ельцину. Убийцы, однако, так и не предстали перед судом. Галина Старовойтова принесла себя в жертву ради утверждение идеалов, воплощение которых подавляющее число российских граждан увидит еще не скоро. Обещаниям российских властей искоренить преступность нельзя верить, пока убийцы Старовойтовой, которые, по-видимому, имеют хорошие связи, гуляют на свободе.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА И МВФ

Попытки реформировать российскую экономику постоянно спотыкаются о беззаконие во всех его проявлениях. Следует помнить, что именно это служит подоплекой неистовых дебатов на тему «Кто потерял Россию?», не прекращающихся с августовского финансового краха 1998 года. На деле вопрос сформулирован некорректно по трем очевидным причинам: во-первых, Россия вовсе не обязательно потеряна; во-вторых, Запад никак не мог ее потерять; и, в-третьих, потеря, за кото-

рую Международный валютный фонд (МВФ), ведущие политики и советники *должны* держать ответ, — это впустую потраченные миллиарды долларов, принадлежащие западным налогоплательщикам.

Далее я еще не раз вернусь к вопросу о том, какой должна быть роль МВФ*. Здесь же ограничусь аргументами за и против крупномасштабного и дорогостоящего участия МВФ в процессах, происходящих в России. Основной довод в пользу привлечения международной организации, а не, скажем, семерки ведущих индустриальных стран мира (С7) к оказанию помощи России в преодолении унаследованной от коммунистов неразберихи заключался в том, что именно МВФ, по общему убеждению, обладает опытом решения подобных задач и, оставаясь нейтральным, не задевает обостренного чувства национального достоинства россиян.

Однако в действительности все происходило по-другому. Решения МВФ все больше приобретали политическую окраску, поскольку были явно ориентированы на поддержку президента Ельцина и лишение коммунистов возможности прихода к власти; при этом сам Фонд все в большей мере рассматривался россиянами как проводник пагубного западного вмешательства. Естественно, прежде всего следовало бы спросить: а имеют ли вообще смысл столь масштабные программы помощи?

Аргумент против предоставления кредитов и прочей помощи неплатежеспособным суверенным заемщикам хорошо известен: это практически то же самое, что кредитовать неплатежеспособных частных лиц. Независимо от того, будут деньги возвращены или нет — этот вопрос не всегда стоит на первом месте, — подобная акция порождает так называемый «моральный риск». Иными словами, она ведет к тому, что получатель помощи или третья сторона, которая получает косвенную выгоду или решит получить ее в будущем, начинает видеть в собственной безответственности нечто ненаказуемое. А это, в свою очередь, повышает вероятность повторения подобного поведения**.

Подобный подход, в его крайней форме, предполагает проведение политики жесткого международного невмешательства в происходящие в России экономические процессы. Сразу следует оговориться, что этот подход имеет свои положительные стороны. Поскольку миллиарды долларов, предоставленные Западом, помогли укрепить экономику, в

* См. стр. 494-497.
** См. стр. 467-480.

которой не была проведена структурная реформа, и усилили позиции коррумпированной плутократии, они принесли вред, а не пользу. Однако Россия представляет слишком большую потенциальную опасность для своих соседей и всего мира, чтобы позволить ей дойти до полного краха. В такой ситуации политическая целесообразность всегда берет верх над экономическими соображениями. На практике проблема заключается в том, чтобы сделать вмешательство правильно распределенным во времени, целевым, постоянно контролируемым и имеющим известные пределы. К сожалению, в случае России это не так.

Оглядываясь назад, понимаешь, что у Запада и МВФ было очень узкое окно для решительных действий. Советский Союз начал вести переговоры с МВФ еще в 1988 году. Двумя годами позже Фонд предоставил свои рекомендации по фундаментальной экономической реформе. Президенту Горбачеву были рекомендованы несколько возможных вариантов реформы, но он слабо разбирался в экономических вопросах и заботился лишь о собственном выживании и сохранении Советского Союза. С начала 1991 года советское руководство практически отказалось от идеи политического и экономического реформирования и встало на курс, завершившийся путчем в августе 1991 года.

Вероятно, в этот начальный период можно было добиться большего. Мне очень хотелось, чтобы Михаил Горбачев получил признание и поддержку. Именно поэтому я, несмотря на трудности, добивалась присоединения Советского Союза/России к странам «большой семерки»*. Я не считала нужным предоставлять «открытые» кредиты, которые ведут лишь к увеличению долга. Мне импонировала идея сэра Алана Уол-терса (моего давнего друга и экономического советника правительства), который настаивал на организации денежного совета с целью укрепления рубля путем привязки его к доллару. Я также полагала, что к реформированию какого-либо из секторов разваливающейся советской системы (в идеале — торговли продовольственными товарами) могут быть привлечены западные компании, обладающие соответствующими знаниями.

Ситуация кардинально улучшилась с приходом к власти Бориса Ельцина, который сразу же объявил о своем намерении осуществить либерализацию российской экономики и привел в правительство на долж-

Предложение содержалось, в частности, в моем выступлении в Верховном Совете СССР в Москве 28 мая 1991 г.

ности министров и советников убежденных реформаторов. С января следующего года были отпущены цены, освобождена внутренняя торговля, введен плавающий курс рубля и предприняты меры по резкому сокращению бюджетного дефицита. Эта столь необходимая программа имела для российского народа очень тяжелые последствия. После того как первоначальный энтузиазм в отношении перемен иссяк, политическое давление на Ельцина и его команду стало неизбежно нарастать. Парламент, в котором большинство принадлежало коммунистам, превратился в центр сопротивления.

В этот момент Западу следовало бы проявить щедрость, но он этого не сделал. Западные политики и банкиры совершенно неправильно истолковали ситуацию, решив, что оформленная экономическая программа важнее политической ситуации. К лету 1992 года президент Ельцин был вынужден отправить в отставку с поста премьер-министра реформатора Егора Гайдара и назначить вместо него представителя промышленных групп Виктора Черномырдина. В это же время на пост председателя Центрального банка России был назначен бывший руководитель советского Центрального банка, немедленно запустивший печатный станок. Только тогда — через семь месяцев после начала осуществления программы реформ и после отставки истинных реформаторов — МВФ согласовал условия своего первого крупного кредита России.

По целому ряду причин упущенная однажды возможность больше не представилась. Даже в те моменты, когда появлялись признаки экономического прогресса, базовые условия продолжали реально ухудшаться. Корни этого лежали в политической сфере. Между президентом и парламентом развернулась острая борьба, главным образом вокруг экономической политики: противники г-на Ельцина (которые контролировали Центральный банк) пытались навязать инфляционный социализм в максимально возможных масштабах. Надежды Запада на то, что президент сможет осуществить всеобъемлющую программу реформирования, окрепли после поражения парламентского мятежа в октябре 1993 года. В определенной мере так и случилось, однако успех коммунистов и националистов на парламентских выборах в декабре показал, насколько глубоким было разочарование народа в курсе, предложенном МВФ. В течение 1994 года правительство Черномырдина проводило политику увеличения расходов, заимствований и инфляции, которая привела к обвалу рубля в октябре.

Теперь МВФ и российское правительство предпринимали более энергичные усилия по согласованию деталей программы экономической реформы, которая должна была осуществляться при финансовой поддержке Фонда. О предоставлении России самого крупного за все время кредита в размере 6,8 млрд. долларов было объявлено 11 апреля 1995 года. Этот кредит имел под собой не только экономическую основу: он являлся проявлением политической поддержки президента Ельцина, готовящегося к выборам, которые должны были пройти в апреле 1996 года.

Г-ну Ельцину удалось победить, однако эта победа оказалась слишком дорогой для него самого, для России и для Запада. Прежде всего, он подорвал свое здоровье и уже не смог восстановить былую энергию и авторитет. Во-вторых, в ходе предвыборной кампании он наобещал слишком много такого, чего страна не могла себе позволить. А в-третьих, ему пришлось опереться на поддержку российских плутократов, которых интересовал контроль над картелями в корпоративной экономике, а не создание нормально функционирующей рыночной системы.

Именно по этим причинам второй срок правления г-на Ельцина принес серьезное экономическое разочарование. Казалось, назначение Анатолия Чубайса и Бориса Немцова на посты первых заместителей премьер-министра должно было послужить сигналом к атаке на тех, кто стоял на пути преобразований. Однако время ушло. На курсе рубля сказывалось давление финансового кризиса в Восточной Азии. В марте 1998 года для придания нового импульса реформам Ельцин заменил Черномырдина на посту премьер-министра на очень молодого Сергея Кириенко. Главные усилия теперь были сконцентрированы на мерах по повышению собираемости налогов и защите рубля. В условиях роста давления на Россию международного рынка МВФ совместно с Всемирным банком и Японией принял решение о предоставлении ей нового кредита размером в 17,1 млрд. долларов.

Однако рынок обмануть нельзя. В августе, после того как 4,8 млрд. долларов из предоставленного кредита исчезли в результате изменения валютных курсов, рубль был девальвирован и стал плавающим. Он потерял более половины своей стоимости против доллара за какие-нибудь две недели. Российский фондовый рынок упал на 80%. По оценкам некоторых экспертов, масштабы бегства капитала из страны достигли как минимум 17 млрд. долларов в год*. Деньги стремительно уплывали из

* *Washington Post, 30 September* 1998.

России; значительная доля их, без сомнения, принадлежала нам. Россияне потеряли, возможно навсегда, доверие к своей собственной валюте.

Политические последствия не заставили себя ждать. Авторитет г-на Ельцина снизился до критической отметки. Премьер-министр Кириенко был смещен со своей должности, которую после некоторой задержки, вызванной нежеланием парламента повторно утверждать Черномырдина, занял Евгений Примаков, получивший поддержку коммунистов. Это было очередное движение назад, к советской эпохе.

Период правления Примакова, который завершился неожиданным приходом на его место в мае 1999 года Сергея Степашина, а в августе — Владимира Путина, можно охарактеризовать как застой. Какие-либо серьезные преобразования в экономике были отложены. В России наступило время политических маневров, а на Западе — взаимных упреков*.

ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Даже этот краткий обзор запутанных событий, произошедших с момента провозглашения реформ в начале президентского правления Ельцина до фактического отказа от них незадолго до его ухода, наглядно показывает, что МВФ не обладает знаниями и средствами, необходимыми для осуществления коренных преобразований, которые должны привести к построению свободной рыночной экономики в России. Единственное, на что можно было рассчитывать и что Фонд должен был попытаться сделать, — это поддержать те положительные инициативы, которые исходили от самой России, и воздержаться от поддержки негативных инициатив. Упустив единственный реальный шанс осуществить трансформацию российской экономики руками тех, кто верил в проект, Запад последовательно переоценивал перспективы полумер, принимаемых лишенными энтузиазма реформаторами. Сама мысль о том, что правительство, возглавляемое Виктором Черномырдиным, не говоря уже о Евгении Примакове, могло пойти по пути, предлагаемому западными либеральными экономистами, смехотворна. В то же вре-

* В тот момент, когда шла работа над этой книгой, долг России перед Западом составлял около 150 млрд. долларов, из которых около 50 млрд. было заимствовано уже после распада Советского Союза.

мя риторика всегда была одной и той же: «реформу» можно осуществить только в случае получения дополнительных средств от Запада и при еще большей терпимости с его стороны.

Ошибки, заключавшиеся в том, что желаемое принималось за действительное, были помножены на неспособность понять, что российская экономика зависит от властных структур. Пока властные структуры противятся реформам, эти реформы просто не могут произойти.

Без обеспечения законности, без честной администрации, крепких банков и надежно защищенной частной собственности не может быть свободной рыночной экономики. Президента Ельцина часто критикуют за то, что он уступал политическому нажиму, тормозил или даже откладывал осуществление необходимых назначений и мер. Возможно, кто-нибудь с менее податливым характером и добился бы большего. Однако политикам необходима поддержка, для того чтобы осуществлять преобразования. Когда Ельцин не мог найти столь необходимой поддержки среди разочаровавшегося электората, ему приходилось искать ее у влиятельных людей, называемых «олигархами». Хорошо зная по прошлому опыту, что терпение — это совсем не та вещь, которая вознаграждается, российский народ не пожелал идти на дальнейшие жертвы.

Условия, в которых живет большинство российских граждан, действительно тяжелые. Люди заслуживают лучшей участи. Вместе с тем официальная статистика обманчива. Когда мы слышим (а это действительно случается), что объем производства страны сократился в два раза по сравнению с уровнем десятилетней давности или что реальные доходы резко упали, полезно вспомнить, что экономическая статистика Советского Союза была не более достоверна, чем любая другая официальная информация того времени. Более того, страна, производящая продукцию, которую никто не хочет покупать, и где рабочие на свою зарплату не могут купить нужные им товары, вряд ли может служить образцом экономического процветания. Сравнение уровня жизни в последние годы советской власти с нынешним уровнем по наиболее значимому критерию — реальной платежеспособности населения — демонстрирует некоторый прогресс*.

С другой стороны, условия жизни очень неоднородны, некоторые люди находятся просто в ужасном положении. Хуже всего после ввода

* Это соображение принадлежит Леону Арону, политологу и автору биографии Бориса Ельцина («Is Russia Really «Lost»?», The Weekly Standard, 4 October 1999).

ограничений на государственные расходы пришлось тем, кто получал средства к существованию от государства. В стране возникла большая задолженность по выплате заработной платы и пенсий, а их реальный размер из-за инфляции резко упал. Пожалуй, самый серьезный ущерб был нанесен сбережениям граждан. Как показывает история Веймарской республики в Германии, ничто не подрывает общество сильнее, чем разорение людей в результате потери сбережений.

И все же наиболее красноречиво масштабы бедствия характеризуют не экономические, а социальные показатели, которые говорят о том, что Россия больна и в настоящее время, без преувеличения, умирает. Как заметил один эксперт: «Ни одна промышленно развитая страна еще не переживала столь сильного и длительного ухудшения состояния [здравоохранения] в мирное время»*. Уровень смертности в России почти на 30% выше соответствующего показателя в последние годы существования Советского Союза, хотя состояние здравоохранение уже тогда было тяжелым. Смертность в настоящее время превышает рождаемость более чем наполовину (около 700 тысяч человек в год). Средняя продолжительность жизни мужчин составляет 61 год — ниже, чем в Египте, Индонезии и Парагвае. Основная причина смерти — сердечно-сосудистые заболевания и травматизм, связанный чаще всего со злоупотреблением алкоголем. Жизнь настолько беспросветна, что бутылка становится единственным утешением.

По всей видимости, больше всего простых российских граждан угнетает не столько разочарование в собственных силах, сколько негодование по поводу того, что небольшая кучка людей похваляется огромными богатствами, приобретенными в результате успешных спекуляций, внутренней торговли, сколачивания картелей и бандитизма. Корни проблемы в том, что в России начала 90-х годов, когда началась реформа, не было среднего класса в европейском понимании этого слова. В царской России сильный средний класс сформироваться не успел, а его немногочисленных представителей большевики выпихнули из страны, разорили или уничтожили.

При коммунистах подобного класса появиться просто не могло, а «буржуазные» ценности, естественно, подверглись осуждению. Конечно, «руководители» были. Однако они являлись государственными чиновниками, а не предпринимателями и собственниками. Именно по-

* Nicholas Eberstadt, «Russia; Too Sick to Matter?», Policy Review, 95, June-July 1999, p. 3.

этому знания, средства и положение, необходимые для успеха в первые годы реформ, оказались в распоряжении «класса аппаратчиков».

Процветание такой «элиты» сделало в глазах значительной части россиян само понятие «реформа» подозрительным, а ее сторонников — одиозными личностями. Хотя они и не правы, можно ли винить их в этом?

Под прикрытием формальных меморандумов, заявлений о намерениях, статистических прогнозов и аккуратно составленных балансов шло сражение за власть. В число наиболее серьезных игроков входили: бюрократия; армия, чье бедственное положение порою угрожало безопасности страны; магнаты, прямо или косвенно контролирующие огромные природные ресурсы России, в частности нефть, которую они покупали по дешевке, а потом, получив лицензию, продавали, но уже по несравненно более высоким международным ценам; банки, которые не выполняли ни одной из обычных для западного банка функций, а занимались скупкой акций приватизированных компаний на манипулируемых аукционах.

Фактически этот своего рода экономический театр абсурда преспокойно функционировал до краха 1998 года. Промышленность, которая из-за собственной неэффективности не могла приносить прибыль, держалась на плаву за счет того, что начальство, используя влияние и связи, уходило от уплаты налогов, расплачивалось с кредиторами ничего не стоящими векселями и нередко рассчитывалось с работниками собственной продукцией. Вновь возродились нелепости советской системы. В те времена в ходу была шутка о качестве выпускаемой продукции и уровне заработной платы рабочих: «Мы делаем вид, что работаем, а они делают вид, что нам платят». Теперь же чаще всего не платили вообще. Все эти обстоятельства, несмотря на то что 70% промышленности теоретически находилось в частных руках, потребительские цены были свободными, а возврат к социализму, по всей видимости, стал невозможен, позволяют сделать лишь один вывод: экономическая реформа в целом провалилась.

Одна из самых резких характеристик произошедшего принадлежит нынешнему советнику президента Путина экономисту Андрею Илларионову.

...С лета 1992 года, за редким исключением, политическая борьба шла вовсе не вокруг того, какую экономическую политику проводить —

более либеральную или более интервенционистскую. Реальная борьба велась совсем за другое: кто или чья команда (группа, банда, семья) будет контролировать государственные институты и инструменты, позволяющие держать под контролем распределение и перераспределение экономических ресурсов... Единственное, чем различались группы, участвовавшие в трансформации, — это способностью камуфлировать свои действия и придавать им форму, пригодную для общего потребления в России и за рубежом*.

Запад не может это игнорировать. Мы должны учиться на собственных ошибках. Нам нужно предвидеть их последствия, а в будущем — действовать более корректно.

После краха 1998 года Россия и Запад получили определенную возможность маневра. Как и следовало ожидать, после обвала национальной валюты российские товары стали более дешевыми, а импорт существенно подорожал. Экономика вновь начала развиваться (в 1999 году рост составил 5,4%, а в 2000 году — 8,3%). Троекратное повышение цен на нефть также пошло на пользу России, которая входит в число основных нефтедобывающих стран мира: энергетический сектор приносит сейчас государству 5,5 млрд. долларов в год.

Благоприятные условия открывают новые возможности для преодоления главных препятствий на пути к процветанию. С моей точки зрения, в основе будущих усилий по возврату России на путь превращения в «нормальную страну» должны лежать следующие принципы:

- **Мы должны перестать себя обманывать. Как только население России и преобладающие политические силы начинают сопротивляться реальной реформе, все виды финансовой помощи со стороны Запада или МВФ должны прекращаться. Помощь в этом случае лишь усугубляет ситуацию и наносит двойной ущерб, поскольку связывает образ реформы с провалом.**
- **Мы не должны забывать о долгосрочной цели, которая заключается в создании реальной свободной экономики, основанной на здоровой денежно-кредитной системе, низких налогах, прави-**

* Апс1ге1 Папопоу, «Кшзха'з Ро1ет1ап СарйаНзт», т С1оЬа1 РоПипе: ТНе ЗШпгЬЬе ап4 Шзе о/\\?огШ СарггаИвт, ес1. 1ап Лиез (Са1о, 2000), рр. 206-207. Столь честная оценка, исходящая из такого источника, вселяет, с точки зрения западных аналитиков, наблюдающих за нынешними попытками России преодолеть трудности, некоторую надежду.

тельстве, связанном ограничениями, и, прежде всего, законности. Основа всего этого едва заложена. Пока нет прочной основы, не может быть и стройной экономической системы.

- **Пока российская система опирается на связи, коррупцию, преступность и картели, нельзя рассчитывать на подлинную свободу и демократию. Запад должен открыто говорить об этом народу России.**
- **Мы должны перестать думать, что последнее слово принадлежит московской политической и бюрократической элите. Россия по своей природе очень богата: у нее есть крупные запасы угля, нефти, газа, леса и стратегических минеральных ресурсов. Но самое**
  ее большое богатство — миллионы молодых потенциальных предпринимателей. Им нужно помочь разобраться, в чем существо капитализма, а что не имеет к нему отношения. Прежде всего, мы должны проявлять терпение. Сегодня перед российскими гражданами стоит необычайно сложная задача — искоренить зло, накопленное не только за 70 лет советского коммунизма, но и в течение столетий самодержавия. Никто, кроме самих россиян, не может ее решить.

РОССИЯ КАК ВОЕННАЯ ДЕРЖАВА

Если бы спустя десятилетие после заката советского коммунизма мы имели возможность вести дела с Россией как с «нормальной страной», т. е. страной со стабильной демократией и рыночной экономикой, Запад, наверное, мог бы спокойно относиться к российской военной мощи, стратегическим интересам и политическим намерениям. Конечно, даже в таких идеальных условиях поддержание баланса сил в Европе и, возможно, в Азии все равно было бы связано с соперничеством и напряженностью между Россией и Соединенными Штатами и их союзниками. Однако проблемы были бы более управляемыми, а реакция России — более предсказуемой.

Самой большой ошибкой в отношениях с Россией неизменно является наивность. Администрация Клинтона первоначально пыталась подходить к России как к «стратегическому партнеру». Но какой бы влиятельной Россия себя ни считала, у нее никогда не было ни желания, ни возможности пойти на глобальное сотрудничество с Соединенны-

ми Штатами в том или ином виде. Более того, российская риторика в духе «холодной войны», звучавшая в 1995-1997 годах в ходе безуспешных попыток воспрепятствовать принятию в блок НАТО Польши, Венгрии и Чешской Республики, продемонстрировала полную бессмысленность подобных проектов. Не следует забывать слова президента Ельцина: «НАТО получит такой ответ, какого оно заслуживает. Мы располагаем достаточными силами сдерживания, в том числе и ядерными»*.

Пока у них была такая возможность, русские также пытались расстроить планы Запада в республиках бывшей Югославии. Никто не говорил Кремлю о том, что Россию хотят видеть там в качестве партнера Запада. В ответ на воздушную операцию НАТО против сербов в Косово в марте-июне 1999 года Россия свернула все военные контакты с НАТО. Больше всего, однако, накал страстей среди российской политической и военной элиты выдавали снова пошедшие в ход угрозы. Начальник генерального штаба подчеркнул, что он одобряет «использование ядерного оружия для сохранения целостности территории России». Председатель Комитета Госдумы по обороне услужливо предложил дополнить стратегическую доктрину государства положением о возможности «нанесения упреждающих ядерных ударов». А один из отставных генералов стал требовать, чтобы Россия вышла из Договора о ликвидации ракет среднего и ближнего радиусов действия.

Тот факт, что русские неохотно, но все же согласились на операцию в Косово и в конце концов помогли усадить президента Слободана Милошевича за стол переговоров, отражает скорее их слабость, а не добрую волю. Прежде всего, это результат экономической слабости: от МВФ ждали предоставления очередного транша кредита в размере 4,5 млрд. долларов, который предполагалось выделить в течение полутора лет после начала кампании. Но даже в этой ситуации российские генералы решились (с ведома президента Ельцина или не поставив его в известность) показать удаль, направив войска на захват аэропорта в Приштине, нисколько не заботясь о возможности серьезных международных осложнений.

Россия на протяжении столетий компенсировала свою экономическую отсталость военной мощью. Для Советского Союза, особенно в последние десятилетия его существования, такой подход был единствен-

* Телеинтервью от 17 марта 1997 г.

ным средством сохранить положение сверхдержавы. Руководители сегодняшней России, по всей видимости, унаследовали кое-что из прежних взглядов.

Именно кое-что, поскольку, несмотря на миллионную армию и военные расходы, превышающие 5% от ВВП, состояние российских вооруженных сил в целом плачевное*. Невыплата денежного довольствия или расплата натурой заставляет солдат и матросов в некоторых регионах заниматься выращиванием капусты или спекуляцией, чтобы избежать голода. Моральный дух и дисциплина находятся иа низком уровне.

Это обусловливает интерес некоторых генералов и политиков к повышению эффективности новейших видов вооружений. Оба президента — и Ельцин, и Путин — подчеркивали принципиальное значение ядерного оружия для России. В ноябре 1993 года новая российская военная доктрина провозгласила отказ от прежнего обещания Советского Союза «не применять первым» ядерное оружие и ввела принцип более гибкого его использования. В апреле 1999 года президент Ельцин в ответ на начало натовских бомбардировок Сербии провел специальное заседание Совета безопасности, которое открыл заявлением о том, что «ядерные силы были и остаются ключевым элементом стратегии национальной безопасности и военного могущества России». Одним из первых визитов г-на Путина в качестве президента стал визит в центр по разработке ядерных вооружений, где он сказал собравшимся: «Мы будем поддерживать и укреплять ядерные силы России и ее ядерный комплекс в целом». Символичность подобного жеста очевидна.

Россия концентрирует усилия на разработке ракет и боеголовок нового поколения и одновременно ищет пути продления срока службы существующих систем. Наиболее серьезной следует считать программу создания межконтинентальных баллистических ракет 55-27 «Тополь-М». Проблема России в том, что стоимость поддержания ядерного паритета с Соединенными Штатами является для нее непомерно высокой ввиду быстрого устаревания существующих арсеналов.

Президента Путина хвалят на Западе за то, что он настоял на ратификации Думой Договора СНВ-2. Позже он призвал к дальнейшему сокращению ядерных арсеналов Америки и России. Первопричи-

* Оценка реального размера российского оборонного бюджета взята из отчета Международного института стратегических исследований Military Balance *1999.*

на подобных предложений лежит в ограниченности средств, а не в желании проявить добрую волю. Тем не менее их нельзя назвать неразумными. Пока Россия владеет ядерным арсеналом, который она не может поддерживать в должном состоянии, миру угрожает опасность попадания оружия не в те руки или случайного пуска. Российских ученых и передовые технологии следует, если это вообще возможно, удержать в России и переориентировать на другие задачи. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы их перекупил тот, кто предложит лучшую цену.

Другим источником беспокойства для Запада является оставшееся после Советского Союза химическое и биологическое оружие. Общеизвестно, что это оружие особенно трудно обнаружить с помощью обычных методов контроля. Его очень легко спрятать, что наглядно демонстрирует пример Саддама Хусейна в Ираке. Оно может создаваться под видом обычных коммерческих, гражданских разработок. По признанию трех российских официальных представителей, Россия имеет 24 завода по производству отравляющих веществ, шесть из которых планируется ликвидировать, а 18 либо уже перешли, либо будут переведены на выпуск невоенной продукции*. К большому сожалению, в Советском Союзе работы по созданию биологического оружия велись в рамках гражданских программ. До сих пор существует беспокойство по поводу реальности их прекращения. Прежде всего, конечно, волнует возможность попадания тайно созданного в российских лабораториях оружия в руки государств-изгоев или террористов.

В конечном итоге, военная мощь России зависит от многочисленного и неоднородного рядового состава российской армии. В настоящее время российские вооруженные силы деморализованы, а их духовные ресурсы истощены. Однако было бы неразумно предполагать, что такое состояние сохранится навечно. Русские — традиционно боеспособная нация. Вряд ли когда-нибудь Россия вновь превратится в глобальную сверхдержаву, но она всегда будет великой страной — слишком большой, чтобы ограничить свои интересы собственными границами, слишком слабой, чтобы распространить эти интересы далеко за их пределы. Все это, конечно, не способствует стабильности.

Вне всякого сомнения, Западу придется как-то справиться с этим. Но как?

* «Undoing Chemical Arms», *International Herald Tribune, 1 December* 1999.

- **Мы не должны забывать, что Россия обладает огромным арсеналом оружия массового уничтожения. Поэтому наиболее важной составной частью западной помощи являются программы, по добные программе Наина-Лугара, направленной на обеспечение должного, с точки зрения нашей собственной безопасности, контроля за российским ядерным оружием. В любых взаимоотношениях с Россией на первом месте везде и всегда должны стоять интересы нашей безопасности.**
- **Мы должны попытаться убедить Россию в том, что ее готовность продавать военные технологии государствам-изгоям может легко обернуться против нее самой — по элементарным географическим соображениям и как результат проблем в ее взаимоотношениях с мусульманским миром.**
- **И, наконец, мы не должны недооценивать исходящей от России потенциальной опасности: ее семена нередко прорастают на почве беспорядка, в этом мир убедился на собственном опыте.**

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С «БЛИЖНИМ ЗАРУБЕЖЬЕМ»

Россия — огромная страна, которая находится в 11 часовых поясах. Ее граница (20 тысяч километров) — самая протяженная в мире, она тянется от Европы до Восточной Азии. Это дает России уникальную возможность вмешиваться в дела других стран, особенно ввиду того, что многие из ее соседей в течение длительного времени подчинялись Москве.

Учитывая, что становление государства и расширение его территории во времена царизма были тесно взаимосвязаны, понимаешь, почему Россия традиционно рассматривала свои границы как нечто подвижное, нефиксированное. Статическое равновесие времен «холодной войны» придало постоянство внешним границам Советского Союза. Однако с распадом СССР на Россию и еще 14 независимых государств стабильности пришел конец.

Россия почувствовала свою уязвимость, и это в определенной мере объясняет ее агрессивную риторику и маневрирование. Около 25 миллионов этнических русских остались за пределами границ новой Российской Федерации после развала Советского Союза. Для русских су-

ществование такой зарубежной диаспоры является и причиной, и оправданием потенциального права на вмешательство в дела бывших советских республик. С другой стороны, население самой Российской Федерации очень неоднородно: почти 20% ее жителей являются нерусскими. Проблема лояльности и устремлений представителей нерусских национальностей стоит в ряду наиболее сложных.

Перед лицом подобных проблем у нынешней Российской Федерации и ее соседей возникает ощущение, что они опять находятся в зловещей тени бывшего Советского Союза. Сталинская политика в отношении народов СССР представляла собой смесь расчета и озлобленности. В общей сложности в Центральную Азию и Сибирь было переселено около двух миллионов нерусских, в результате чего треть из них погибла. В противоположном направлении осуществлялась плановая миграция русских из центральных районов России с тем, чтобы они развивали промышленность в отдаленных, но имеющих важное значение частях Советского Союза. Русское меньшинство пользовалось там некоторыми привилегиями. Политика поддержки интересов русских в ущерб интересам представителей других национальностей, сопровождаемая попытками избежать всплеска «буржуазного» русского национализма, играла важную роль в планах Москвы по созданию Советской империи.

Конечно, она провалилась, о чем всем за пределами Кремля стало известно задолго до этого. Одно из самых нелепых заявлений, принадлежащих советским лидерам, сделано, конечно, Леонидом Брежневым в 1972 году на праздновании пятидесятой годовщины образования СССР: «Национальный вопрос, доставшийся нам в наследство от прошлого, — утверждал он, — решен полностью, окончательно и бесповоротно»*. Не пройдет и двадцати лет, как этот самый национализм поможет разрушить Советский Союз «полностью, окончательно и бесповоротно». Остается подождать и посмотреть, сможет ли он сделать то же самое с Российской Федерацией.

Стоит ли удивляться тому, что на этом фоне легко возникает этническая и национальная подозрительность. За годы, прошедшие после распада Советского Союза, Российская Федерация и ее соседи пережили целую череду кризисов. Характеризовались они тремя общими фак-

* Процитировано Хью Сетоном-Уотсоном, который был незабвенным источником мудрости для меня и многих других, в эссе «Исторический аспект русского национализма» (в книге The Last Empire, ed Robert Conquest, Hoover Institution, 1986, p. 25).

торами: тревогой России за русское меньшинство в странах, которые она с нотой беспокойства называла «ближним зарубежьем»; попытками России использовать Содружество Независимых Государств (СНГ) в качестве средства интеграции бывших советских республик в конфедерацию под ее руководством; борьбой России за контроль над проживающими на ее собственной территории нациями и принадлежащими им республиками и регионами.

Каждый регион имеет свои особенности. В какие-то из них вернулась стабильность, в других же виды на будущее неопределенны, и положение в некоторых из этих последних непосредственно затрагивает интересы Запада.

Естественно, Запад всегда волновали события, происходящие на восточном фланге Европы, а теперь — НАТО. Судьба стран Балтии была напрямую связана с судьбой Советского Союза. Одним из самых обнадеживающих актов нового режима Бориса Ельцина стало подобающее цивилизованному государству признание того, что Эстония, Латвия и Литва (которые были захвачены Советским Союзом силой и обманом в соответствии с пактом Молотова — Риббентропа в 1940 году) имеют право быть независимыми государствами. Трудности, которые впоследствии возникли с русским меньшинством, особенно в Эстонии и Латвии, где они составляли около 30% населения, были прямым следствием прежней политики Советов, направленной на разбавление местного населения русскими. Естественно, эстонцы и латыши захотели восстановить контроль над собственными странами и культурой в ущерб русским. Напряжение там совершенно реально и может стать чрезвычайно опасным.

Предоставленные самим себе, страны Балтии стали все больше отходить от Москвы и дрейфовать в сторону своих скандинавских соседей. Их высокоразвитые, талантливые и глубоко европейские народы видели себя составной частью Запада и желали еще теснее интегрироваться с ним. Россия не имела права преграждать им путь. Постимперский синдром довлеет над всеми бывшими великими государствами и вызывает головную боль у их соседей. Желание России обеспечить достойное отношение к русскому меньшинству в государствах Балтии было абсолютно понятным, однако она не могла рассчитывать на то, что ей позволят определять направление развития этих стран.

Запад, в свою очередь, должен был дать Москве ясно понять это и тем самым уменьшить соблазн демонстрировать силу. Наилучшим спо-

собом было принятие стран Балтии в НАТО. Конечно, большое значение имел выбор момента. Мы должны загодя информировать русских о наших намерениях и стараться убедить их в том, что наши действия не угрожают интересам Москвы. С этой точки зрения, президент Джордж У. Буш был совершенно прав, когда недвусмысленно заявил перед поездкой в Словению для первой встречи с президентом Путиным, что считает принятие стран Балтии в НАТО неизбежностью*. Дабы у Москвы не сложилось ложного впечатления о том, что сотрудничество в войне против терроризма дает ей право наложить вето на решение о расширении НАТО, через некоторое время подобное заявление следует повторить. Однако, когда дело дойдет до окончательного шага, т. е. реального приема прибалтийских или других стран в блок, мы должны ясно сознавать, что делаем, и относиться к этому предельно серьезно, поскольку членство в НАТО — не просто символ. Оно предполагает в случае необходимости применение силы для сохранения территориальной целостности любой страны, входящей в блок.

Не менее важно с точки зрения интересов Запада и будущее Украины. Причин выражать недовольство по поводу Украины у России еще больше, чем по поводу стран Балтии. Киев с IX по XII столетие был центром Киевской Руси — предшественницы российского государства. Огромное число русских все еще видят в Украине часть России. По большей части православная Восточная Украина тяготеет к России в значительно большей степени, чем откровенно независимая Западная, в которой большинство составляют униаты. Серьезно расходятся взгляды нового украинского государства и России на судьбу Черноморского флота и будущее Крыма. Более медленное по сравнению с Россией продвижение Украины по пути экономической реформы в первые годы ее независимости ставит под вопрос даже не перспективы страны, а ее выживаемость.

Правительству президента Кучмы, несмотря на все его недостатки, удалось все же разрешить большинство проблем в отношениях между Украиной и Россией. Фактически происходит рождение Украины, которая признает свои исторические связи с восточным соседом, но в то же время ориентируется на Запад. Украина достаточно велика (ее население составляет 51 миллион человек) и потенциально богата (у нее плодородные земли, хотя экономика находится в ужасном состоянии),

* Выступление в Варшавском университете 15 июня 2001 г.

чтобы претендовать на центральную роль в Восточной Европе. Это имеет очень большое значение для западных стран. На Украину нельзя смотреть как на страну, находящуюся в российской «сфере влияния». Для сильной Украины больше подходит роль буфера между Россией и НАТО. Такой подход, пожалуй, был бы полезен для обеих сторон.

Отстаивая независимость и одновременно пытаясь разрешать существующие разногласия по возможности мирно, Украина энергично противостоит попыткам России превратить СНГ в некое подобие Советского Союза*. На противоположном полюсе находится Лукашенко, президент Белоруссии, который последовательно добивается объединения своего автократического государства с Россией и создания нового политического, военного и экономического союза.

Большинство других бывших советских республик проводят промежуточную политическую линию, меняя курс в соответствии с конкретными условиями. Пять центрально-азиатских республик вначале стремились присоединиться к СНГ. Ни у одной из них не было опыта управления собственными делами, которые в прежние времена планировались из Москвы, а их экономика сильно зависела от связей с Россией. Однако уже через несколько лет на их ориентацию стали оказывать влияние другие факторы, на которые Запад не может не обращать внимания.

Во-первых, большое значение имеет этническая принадлежность народов Центральной Азии. Преобладающая часть населения четырех из пяти государств этого региона — Казахстана, Киргизстана, Туркменистана и Узбекистана — имеет общие корни с турками. Хотя Турция и не граничит с этими государствами, она занимает активную позицию в регионе, а ее влияние как процветающей, сильной и ориентированной на Запад страны, по всей видимости, будет расти.

Во-вторых, после крушения коммунизма значение ислама существенно возросло. Он является объединяющим началом в борьбе против коррупции и злоупотреблений властью в Центральной Азии, как, впрочем, и в других регионах мира.

Третьим фактором является острая реакция России, в определенной мере испытывающей те же проблемы: напряженность в отношениях между этническими группами, составляющими ее население, рост вли-

* Содружество Независимых Государств образовано 21 декабря 1991 г. одиннадцатью бывшими республиками Советского Союза.

яния внешних сил, прежде всего воинствующего ислама. Многотысячный контингент российских войск был размещен в республиках Центральной Азии задолго до того, как этот регион приобрел стратегическое значение для американской кампании против «Талибана». Москва оказывала значительную поддержку таджикскому правительству в войне с исламистами. На границах Таджикистана находится 17 тысяч российских военнослужащих. Россия в 1999 году предоставила военную помощь Киргизстану, введя на его территорию 2500 солдат. Еще 15 тысяч военнослужащих размещено в Туркменистане.

В июне 2001 года противодействие исламской угрозе под руководством Москвы получило новое развитие. Россия, Китай и четыре центрально-азиатских государства — Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан — заключили в Шанхае договор о сотрудничестве в целях обеспечения безопасности, который открыто направлен на противодействие проникновению через их границы поддерживаемого талибами терроризма*.

Тремя месяцами позже, после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне, значение Центрально-Азиатского региона резко возросло. Чтобы вести кампанию против «Аль-Каиды» и «Талибана» не прибегая к помощи Пакистана, действия с территории которого могли дестабилизировать обстановку в этой стране, США стали искать поддержку государств, граничащих с Афганистаном на севере. Правительства Узбекистана и Таджикистана согласились, причем первое с большим энтузиазмом, разместить американские базы на своей территории. Казахстан предоставил Соединенным Штатам воздушное пространство. У узбеков и таджиков были свои причины помогать борьбе против «Талибана». Однако именно поддержка намерений Америки со стороны России как наиболее влиятельной силы в регионе позволила преодолеть местные страхи и нерешительность. (Ниже я попытаюсь проанализировать значение этого шага для американско-российских отношений в долгосрочной перспективе.)

Стратегическая значимость Центральной Азии обусловлена также и экономическими факторами. Там сосредоточены большие запасы нефти, природного газа, золота, серебра, урана и других полезных ископаемых. На первом месте, однако, стоят нефть и газ. По оценкам, неф-

* Договор также отражает региональные амбиции России и ее стремление установить новые стратегические отношения с Китаем. Тема китайско-российских отношений затрагивается также на стр. 50.

тяные запасы Казахстана и Туркменистана вместе с Азербайджаном превышают запасы Ирана и Ирака. Разведанные запасы газа только в одном Туркменистане в два раза больше запасов месторождения в Северном море. Тенгизское месторождение нефти в Казахстане входит в число крупнейших в мире, а месторождение в Кашагане, разведанное в начале 2001 года, по некоторым оценкам, еще крупнее.

Нефть и газ являются ключом к взаимоотношениям на Кавказе, в этой этнической пороховой бочке, вовсе не из-за Азербайджана с его запасами, а просто потому, что для освоения сказочного энергетического богатства каспийского региона в целом необходимы трубопроводы. Россия, желая сохранить контроль над этой нефтью, включилась в новую «великую игру» с той же энергией, с какой она делала это в прошлом. Она попыталась заставить Азербайджан и центрально-азиатские республики ориентироваться на российские нефте- и газопроводы, соединяющие Каспий с Новороссийском, ее черноморским портом*. В последние годы Россия продемонстрировала способность создавать проблемы в стремлении отстоять собственные интересы. Конечно, в регионе, опутанном сложными заговорами и контринтуитивными теориями, следует соблюдать предельную осторожность в приписывании каких-либо действий конкретным действующим лицам. Вместе с тем вряд ли требует особых доказательств то, что Россия поддерживала свержение первого постсоветского президента Грузии Звиада Гамсахурдия в январе 1992 года, а также сепаратистский мятеж в Абхазии с целью подтолкнуть Грузию к вступлению в СНГ, где ее можно было держать под более жестким контролем. Аналогичным образом в 1993 году Абульфаз Эльчибей, откровенно прозападный президент Азербайджана, моментально ощутил на себе российский прессинг, как только решил заключить контракт с западным консорциумом на добычу азербайджанской нефти и, таким образом, отказаться от услуг России. Россия перекрыла каналы экспорта нефти из Азербайджана и руками Армении усилила напряженность вокруг Нагорного Карабаха. Когда же это не принесло результатов, г-н Эльчибей был попросту свергнут в результате переворота, а его место занял бывший член советского политбюро Гейдар Алиев. Но и тот оказался не таким уступчивым, как ожидалось, и при поддержке русских два раза предпринимались попытки его свержения.

В настоящее время прорабатываются возможности строительства альтернативных трубопроводов: а) Баку — Тбилиси — Джейхан с выходом на Запад (этот маршрут поддерживают США); 6) в Иран; в) в Китай.

Деструктивные последствия российской политики налицо. Грузия, Азербайджан и Армения пребывают в состоянии разрухи и политического распада, в этих республиках процветает коррупция. Необъятные же богатства каспийского региона по-прежнему не эксплуатируются. Запад должен добиваться установления законности и стабильности в этих государствах, получения доступа к этому источнику нефти и газа в качестве альтернативы Ближнему Востоку и, конечно, разумного соблюдения интересов России. России, со своей стороны, следует смириться с тем, что, хотя Центральная Азия с Кавказом и входят в традиционную сферу ее интересов, она не может претендовать на единоличное присутствие в них, если желает процветания этим регионам. А их процветание полностью в интересах России.

Ослабление напряженности на Северном Кавказе — еще более сложная проблема уже в силу того, что он находится в пределах границ Российской Федерации. История коренных народов этого региона печальна, и России вряд ли стоит ждать от них благодарности. Особенно ярко это проявляется в Чечне.

Сталинская депортация 1944 года стоила жизни 200 тысячам чеченцев. После развала СССР и отделения «суверенных» республик Южного Кавказа чеченцам, как и другим нерусским народностям новой Российской Федерации, было отказано в праве на свободу. Они восстали и объявили себя независимыми.

В 1994 году русские попытались подавить сопротивление. Кремль и российские вооруженные силы решили продемонстрировать другим этническим группам, подумывавшим об отделении, что на их намерения не будут смотреть сквозь пальцы. Развязывание кампании было обусловлено также и желанием России сохранить контроль над нефтепроводом, проходящим по территории Чечни. Как известно, эта первая кампания привела к катастрофе, и спасти униженные российские вооруженные силы удалось лишь благодаря харизме и дипломатическим способностям генерала Александра Лебедя.

Вторая российская кампания против Чечни, начатая в 1999 году, имела те же мотивы, однако она была намного лучше подготовлена, опиралась на более крупные военные силы и довольно быстро достигла цели — разгрома Чечни. Она, со всей очевидностью, задумывалась как демонстрация российской военной силы. Даже документально подтвержденные случаи жестокости по отношению к гражданскому населению должны были служить уроком для врагов России. По существу, все это

показывало, что, несмотря на вытеснение из Восточной Европы, с Ближнего Востока и Балкан, Москва полностью контролирует порядок у себя дома.

Вторая чеченская кампания началась при общем одобрении со стороны русских, и это имело очень большое значение*. Возможно, сказалась односторонность освещения конфликта в средствах массовой информации. Да и сами чеченцы, без сомнения, сыграли на руку России, организовав вторжение исламских фанатиков в соседний Дагестан. Однако главной причиной всплеска русского национализма было все же желание отомстить за серию взрывов в конце лета 1999 года, в результате которых погибло более 300 москвичей.

Убедительные доказательства участия чеченцев в подготовке и осуществлении этих терактов не представлены до сегодняшнего дня. Вместе с тем чеченская кампания за какие-то восемь месяцев превратила практически неизвестного до того премьер-министра Путина в чрезвычайно популярного президента Путина. Она также оставила после себя полностью разрушенную столицу Чечни, тысячи убитых мирных жителей и волну беженцев, лишенных всякой надежды на будущее.

Поведение России в Чечне непростительно, но его нельзя назвать необъяснимым, особенно ввиду того, что чеченцы (независимо от того, кто взорвал дома в 1999 году) в последние три года все чаще прибегали к терроризму. Угрожающе увеличилось число угонов самолетов, взрывов с участием террористов-смертников, нападений на гражданские объекты, кроме того, расширялись связи чеченцев с исламскими террористами, включая Усаму бен Ладена. Это, конечно, не оправдывает отказ России уважать желания и интересы чеченского народа. Большинство чеченцев вовсе не являются исламскими фанатиками: ими движут главным образом национальные, а не религиозные мотивы. К моменту событий 11 сентября обеспокоенность российских граждан в отношении жестоких кампаний, нацеленных на подавление чеченского сопротивления, вновь стала нарастать. Объявление широкой войны против терроризма не должно стать новым оправданием попыток российских властей стереть чеченский народ с лица земли. В противном случае действия Москвы могут существенно облегчить террористам задачи по вербовке боевиков на Кавказе.

* Опросы общественного мнения, проводимые в период второй кампании, показали, что ее поддерживают от 55 до 69% респондентов, в то время как число сторонников первой кампании не превышало 20%.

- **Мы должны предельно ясно говорить о том, что действия России в Чечне неприемлемы.**
- **Мы должны ясно дать понять, что, несмотря на уважение интересов великой державы, мы не признаем права Москвы дестабилизировать обстановку в государствах бывшего СССР.**
- **Страны Балтии, учитывая их желание, должны быть приняты в НАТО.**
- **Запад имеет определенные интересы на Украине (которая граничит со странами НАТО), в Центральной Азии и республиках Южного Кавказа (расположенные там огромные запасы нефти и газа должны разрабатываться нами и Россией); все эти государства должны пользоваться нашей поддержкой — политической, технической и экономической.**
- **Мы должны продолжать сотрудничество с Россией в целях противодействия исламскому экстремизму в Центральной Азии.**

МОЖНО ЛИ ИМЕТЬ ДЕЛО С ПУТИНЫМ?

Как только стало ясно, что Путин — будущий хозяин Кремля, вокруг него возникла масса домыслов и противоречивых слухов. Основные факты нам известны; не ясно, что из них следует. Владимир Путин осуществил мечту своего детства, став в 1975 году, в возрасте двадцати двух лет, сотрудником КГБ — секретной службы Советского Союза. В конце 80-х он работал с секретной службой Восточной Германии, «Штази», ведя в числе прочего разведывательную деятельность против НАТО (по его собственному признанию, сделанному в пространном интервью в марте 2000 года). В начале 90-х Путин возвращается в родной Санкт-Петербург, где сначала работает в университете, а затем в администрации мэра города — известного реформатора, ныне покойного, Анатолия Собчака (обвинявшегося некоторыми во взяточничестве). В 1996 году Путин перебирается в Москву в качестве заместителя главы кремлевской администрации. В 1998-м его назначают руководителем Федеральной службы безопасности (ФСБ), преемницы КГБ. Затем с должности секретаря президентского Совета безопасности он в августе 1999 года перемещается на пост премьер-министра, а в марте следующего года занимает место Ельцина.

Все это не говорит практически ни о чем; в самом деле, учитывая прошлую профессию г-на Путина, где обман и дезинформация ставились во главу угла, это даже меньше, чем ничто. В сфере высокой политики всегда очень важно понимать, чего ты не знаешь. Те, кто думает, что знает, но на деле ошибается и действует в соответствии со своими заблуждениями, — опаснее всего на руководящем посту.

Нынешний премьер-министр Великобритании определенно теряет над собой контроль, когда начинает высказывать свои суждения о г-не Путине. Он с энтузиазмом расписывает его как «современно мыслящего деятеля» и предлагает позволить ему воспользоваться плодами труда группы выработки долгосрочной стратегии британского правительства. Г-н Блэр утверждает также, что Путин «видит Россию сильной и с твердым порядком, но в то же время демократической и либеральной».

Значительная часть этого не более чем самообман. Западные лидеры хотели бы видеть здорового, трезвого, предсказуемого и презентабельного российского руководителя. А еще вопреки всему они надеются, что он окажется реформатором и демократом. Конечно, теоретически возможно, что такой человек выйдет из недр КГБ. Однако в той же, если не большей, степени возможно, что Владимиру Путину намного ближе модель другого руководителя КГБ, побывавшего на месте главы государства, — Юрия Андропова, в котором в свое время Запад видел либерала, исходя из того, что тот любил джаз и пил шотландское виски, и совершенно игнорируя его ключевую роль в жестокой расправе над восставшими венграми в 1956 году. Вскоре после своего избрания г-н Путин торжественно открыл мемориальную доску Андропову на старом здании КГБ на Лубянке. Это не слишком обнадеживающий знак.

С тех пор, конечно, образ Путина как президента стал более отчетливым, хотя и сохранил свою неоднозначность. Его подход, как представляется, заключается в создании сильной государственной власти, способной навести порядок в стране. Несмотря на зловещие нотки, именно это имел в виду г-н Путин, когда произносил свою, теперь часто повторяемую, фразу «диктатура закона». С его точки зрения, как и с точки зрения, по всей видимости, большинства россиян, в годы правления Горбачева и Ельцина власть основных институтов государства часто использовалась для обслуживания корыстных интересов финансовых олигархов, мафии и региональных начальников. В условиях последовавших хаоса и коррупции в проигрыше оказался российский народ, а сама Россия была унижена. Популизм и патриотизм стали осно-

вой предвыборной кампании г-на Путина и принесли ему удивительный успех — он завоевал 53% голосов избирателей и продолжает пользоваться (по крайней мере в настоящий момент) широкой поддержкой.

Эта программа содержит много положительных моментов. Свобода без порядка есть не что иное, как анархия. Пока российское общество, экономика и политика глубоко криминализированы, перспектива устойчивого оздоровления просто отсутствует. Правительство любой страны должно обладать силой для выполнения основных задач, особенно ввиду таких колоссальных препятствий, как в России.

В то же время правительство в свободном обществе должно быть ограниченным по масштабу и сфере проникновения в его жизнь, оно не должно вторгаться в такие области жизни, которые по праву являются частными; оно, прежде всего, должно утверждать и твердо исполнять, а не подрывать и попирать закон. Обращение к «решительным» мерам и «сильным» личностям слишком часто является не более чем первым шагом к диктатуре в том или ином ее виде.

Как программа г-на Путина соотносится с этим? Пожалуй, самой очевидной чертой его анализа является реализм. Путин, по всей видимости, понимает, что Россия находится в крайне тяжелом состоянии и движение в сторону усугубления этого состояния, неважно под каким флагом — коммунизма или контролируемого мафией квазикапитализма, неприемлемо. В своем послании Федеральному собранию РФ в июле 2000 года он в мрачных тонах обрисовал положение страны: демографический спад, который (по его словам) «угрожает жизнеспособности нации»; невозможность экономического роста без структурной реформы; захват криминалом «значительного сегмента» экономики. Г-н Путин убедительно изложил программу рыночных реформ, предложив снизить налоги, ограничить вмешательство правительства, создать условия для конкуренции. Некоторые положения программы уже реализованы. В окружении президента как минимум несколько человек понимают эту программу и верят в нее*. Прежде всего, Путин, похоже, понял, что программа реформ — не просто инструмент для выбивания дополнительных кредитов из легковерного Запада. Он понимает, что политика экономического возрождения жизненно необходима как сред-

* Например, главный экономический советник президента г-н Илларионов, которого я уже цитировала выше. См. стр 114.

ство, способное предотвратить попадание России в вечную зависимость от других. Это также разумно. Чтобы жесткие экономические меры заработали, необходимо использовать такой фактор, как национальная гордость, что и было продемонстрировано Великобританией в начале 80-х годов.

Я одобряю также и намерение российского президента срздать эффективные административные структуры и структуры, обеспечивающие безопасность. Россия — огромная страна, которой нелегко управлять. В некоторых районах, возможно, следует усилить контроль со стороны центра, для того чтобы искоренить коррупцию. Мои российские друзья говорят о необходимости «национализировать» Кремль еще раз после того, как он в течение долгого времени оставался «приватизированным» различными влиятельными силами. Совершенно естественным является стремление человека, начинающего осуществление подобной программы, опереться на «новых людей» из числа друзей и доверенных лиц. Именно так работает политика — особенно в политических джунглях.

Несмотря на все сказанное, я могу понять и тех в России (в настоящее время их меньшинство), кого беспокоят некоторые решения г-на Путина, в частности ограничение полномочий выборных региональных губернаторов, назначение на ключевые посты своих ставленников, работавших прежде в ФСБ, а также запрет критически настроенных независимых средств массовой информации. Что следует в этом видеть — восстановление власти или зарождение авторитаризма? Это еще предстоит решить.

Граждан зарубежных государств, однако, больше всего волнует подход президента Путина к международным отношениям. Здесь также есть противоречивые моменты. В некоторых отношениях позиции России очень схожи с позициями бывшего Советского Союза.

Россия, например, проявила решимость противостоять американскому мировому превосходству. Она (надо отметить, не без помощи правительств Франции и Германии) попыталась использовать проблему противоракетной обороны и приверженность условиям Договора по ПРО, чтобы отколоть Европу от Америки. Кроме того, Россия пытается выстроить широкое «стратегическое партнерство» с Китаем, направленное против Запада.

По правде говоря, у подобных внешнеполитических методов никогда не было долгосрочной перспективы, даже для России. Г-ну Путину

и его советникам следовало бы знать, что ни Москва, ни Пекин, даже если они объединят усилия, не смогут состязаться в великодержавной политике с Америкой. Напротив, было бы неплохо заручиться помощью Америки или, как минимум, ее терпением, пока страна пытается восстановить экономику. Он мог бы также подумать над тем, чтобы привлечь Соединенные Штаты с их новой системой ПРО к защите российских городов от ракет, нацеленных на них исламскими террористами или государствами-изгоями.

Расчеты России на то, что стратегическое партнерство с Китаем поможет ограничить влияние Америки, также порочны в своей основе. В настоящее время в Дальневосточном регионе России проживает около 300 тысяч китайцев (если миграция будет продолжаться теми же темпами, через 50 лет их численность достигнет 10 миллионов). Семь с половиной миллионов россиян находятся лицом к лицу с 300 миллионами китайцев, находящихся по другую сторону границы. Рано или поздно кто-нибудь обязательно освоит богатства российского Дальнего Востока, но кто это сделает — русские или китайцы, — большой вопрос. Было бы разумнее раз и навсегда урегулировать давние территориальные разногласия России и Японии и создать условия для притока японского капитала. Это, несомненно, более рационально, чем отдавать экономическое развитие региона на откуп Китаю*.

Имеется и другая сторона политики г-на Путина, которая получила большее освещение на Западе после атаки террористов 11 сентября. Реакция российского президента на это событие была одновременно и гуманной, и практичной. Нет оснований не верить в то, что его сочувствие США и *взаимопонимание с* президентом Бушем в час испытания, выпавшего на долю Америки, было искренним. Не будем, однако, забывать: у России есть собственный интерес в том, чтобы война против терроризма стала для Соединенных Штатов главной целью на ближайшие несколько лет. Случившееся, без сомнения, усиливает российское влияние в Центральной Азии и на Кавказе, а также поддерживает ее действия в Чечне. Возможность представить своих противников исламскими экстремистами и террористами — отличное пропагандистское оружие, которое России хотелось бы иметь под рукой.

* Разногласия между Японией и Советским Союзом/Россией по поводу принадлежности четырех самых южных из Курильских островов, расположенных между полуостровом Камчатка и островом Хоккайдо, существуют со времени окончания Второй мировой войны.

Россия рассчитывает получить и другие преимущества. Она, возможно, надеется на более существенные уступки в обмен на молчаливое согласие с планами США в отношении противоракетной обороны. Практически наверняка она ожидает расширения экономической помощи, может быть и более быстрого принятия в ВТО.

Самой тяжелой проблемой, по всем признакам, будут отношения России с НАТО. Как проницательный прагматик, г-н Путин должен ясно понимать, что НАТО практически вплотную подошло к тому, чтобы стать всемирным полицейским, и что других претендентов на эту роль не существует. До сих пор Россия, в немалой мере из-за неполного отказа от взглядов времен «холодной войны», пыталась при каждом удобном случае воспрепятствовать расширению НАТО, особенно когда в результате этого расширения блок приближался к российским границам. Вместе с тем высказывания самого Путина и некоторые другие признаки свидетельствуют о том, что президент хотел бы видеть Россию в рядах НАТО.

На первый взгляд, это может показаться привлекательным и Западу. Что может быть лучшим подтверждением победы свободы в «холодной войне», чем вступление старого недруга в наши ряды? А с точки зрения угроз, исходящих от исламского экстремизма (а в более отделенной перспективе, возможно, и от Китая), разве не разумно оторвать Россию от Востока, вернуть ее в Европу и присоединить к НАТО еще одну крупную державу, чьи ресурсы мы можем привлечь на свою строну?

Уже то, что подобное вполне можно себе представить, показывает, насколько изменился мир с времен «холодной войны». Однако то, что возможно в воображении, далеко не всегда желательно в действительности. Совершенно справедливо, что Россия больше не является нашим врагом. Она не ведет против нас идеологическую борьбу. У нее нет возможности начать глобальную борьбу в том или ином ее виде. Кажется, что в принципе нет таких причин, которые могли бы препятствовать присоединению России к НАТО. Тем не менее такие причины существуют.

Во-первых, несмотря на то что Россия уже не является коммунистической и вряд ли возвратится в это состояние, ее все еще нельзя считать «нормальной страной». Ее внутренние проблемы пока не решены, и любая из них вполне способна привести к опасной нестабильности как в самой России, так и в соседних государствах. Несложно представить, с чем в этом случае могут столкнуться остальные члены НАТО.

Во-вторых, хотя Россия через несколько лет может превратиться в стабильную, процветающую и либеральную демократическую страну, ее природа останется прежней. Она всегда будет в равной мере азиатской и европейской, восточной и западной. У нее всегда будут свои географические, этнические, культурные и религиозные особенности и, в конечном итоге, особый национальный интерес. Если у НАТО есть какое-либо связующее начало, оно, по крайней мере в своей основе, «западное». Россия никогда не сможет ограничиться только «западным».

В-третьих, НАТО уже сегодня представляет собой довольно крупный альянс, в который входят 19 членов. Его эффективность обусловлена тем, что во главе организации стоят Соединенные Штаты. Все, что ослабляет это лидерство, ослабляет и сам блок. Именно поэтому, к примеру, идея создания европейской армии несет с собой так много рисков*. Принятие России в НАТО может оказаться еще опаснее. Россия никогда добровольно не смирится с господством Америки. Как член НАТО она получит возможность ставить палки в колеса, будет искать и, несомненно, найдет поддержку своим действиям среди европейских членов. Чем, кроме как признанием наличия подобных препятствий, можно объяснить, что президент Путин говорит о превращении НАТО в «политическую» организацию (в противовес ее изначально военному предназначению). В общем и целом НАТО — это союз. Оно и впредь должно оставаться им, если намерено сохранить эффективность.

Какой бы ни была оценка долгосрочных целей и устремлений России, качества, продемонстрированные г-ном Путиным, не могут не впечатлять. В его лице страна после долгих лет беспорядка и развала получила сильного и энергичного лидера. Совершенно очевидно, что он обладает способностью оценивать международные события и реагировать на них смело, трезво и эффективно. Излишне приписывать ему совестливость и либеральные инстинкты демократа, с тем чтобы представить его как лидера, с которым Запад может иметь дело.

* См. стр. 385-389.

глава 4

Азиатские ценности

ЧАСТЬ I. ЧЕМ ОБУСЛОВЛЕНО ЗНАЧЕНИЕ АЗИИ

Азия — самый большой континент, на который приходится треть всей суши и более половины населения Земли. Роль ее постоянно растет и, я уверена, будет расти в будущем. В этом я убеждалась каждый раз во время визитов (которых с момента моего ухода с поста премьер-министра насчитывается уже 33) в 13 стран Азии.

Выходцы с Запада нередко заблуждаются в отношении Азии. Ее удаленность, размер и то, что я не могу определить иначе как «непохожесть», захватывают, озадачивают, а иногда пугают. Мы склонны преувеличивать. В конце 80-х и начале 90-х годов было немало разговоров о том, что XXI век будет «азиатским» или «азиатско-тихоокеанским» — эрой, в которую центр мировой жизни и власти переместится с запада на восток. Известный историк Пол Кеннеди, например, писал в 1988 году, что «задача американских государственных деятелей в следующем десятилетии... будет заключаться в замедлении относительного ослабления позиций Соединенных Штатов»*. В то же время западный протекционизм в ответ на экономическое наступление стран Азии на-

* Paul Kennedy, The Rise and Fall of the Great Powers (London: Fontana Press, 1988), p. 690.

шел себе новых и весьма искусных защитников, таких как покойный сэр Джеймс Голдсмит*. В Соединенных Штатах призывы противостоять вторжению азиатской экономики звучали из уст бывшего кандидата в президенты Патрика Бьюкенена и других политиков. В Европе ожидание наступления эры конкурирующих торговых и политических блоков, из которых один, а то и два должны быть азиатскими, подстегнуло развитие федерализма.

Последовавший за этим экономический кризис, который затронул большинство «азиатских тигров», и непрекращающиеся проблемы во всемогущей экономике Японии положили конец преувеличениям и истерии. Вместе с тем наряду с тревогой в отношении глобальных последствий этой эпидемии азиатского экономического гриппа сквозит и определенное злорадство: на Западе многие полагают, что азиатские проблемы реабилитируют их собственные системы и взгляды.

Но из того, что разговоры об «азиатском столетии» оказались преувеличением, вовсе не следует, что развитие Азии остановилось. Напротив, все говорит о том, что Азия по-прежнему имеет большое значение, в первую очередь для Запада. Чтобы понять это, достаточно взглянуть лишь на следующие факты.

Во-первых, население Азии (в целом) продолжает расти, в то время как население Запада (в целом) не увеличивается. К 2050 году, по прогнозам, число жителей Азии должно вырасти до 5,2 миллиарда человек, тогда как все население Земного шара составит 8,9 миллиарда человек**. Это при том, что азиатские страны проводят политику ограничения рождаемости и, без сомнения, будут ее продолжать. В условиях глобальной экономики с высокой мобильностью капиталов и технологий при наличии соответствующего законодательства и регулирования большое население означает большие трудовые ресурсы и растущий рынок. Развивающиеся азиатские государства будут со временем значить для нас все больше и как клиенты, и как конкуренты.

Во-вторых, в Азии есть три, а возможно и четыре, развивающихся государства, от благосостояния и намерений которых зависит положение всего региона. Китай — крупнейшее государство региона с огромным экономическим потенциалом и неопределенными устремления-

* James Goldsmith, The Trap (London: Macmillan, 1994).

** *World Population 1998, United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division.*

ми — становится все более важным глобальным участником величайшей игры. Япония — вторая в мире по экономическому развитию страна — занята поиском ответа на вопрос, как в долгосрочной перспективе защитить свои стратегические интересы. Индия — сопоставимая с Китаем страна, население которой превышает 1 миллиард человек, — крупнейшая демократическая страна мира и признанная ядерная держава. Индонезия, несмотря на продолжающиеся потрясения, остается крупнейшим в мире мусульманским государством, ее ориентация оказывает существенное влияние на ислам как на политическую силу.

В-третьих, несмотря на то что обобщение неизменно связано с упрощением, осмелюсь утверждать, что азиатские, особенно восточно-

азиатские, ценности, обычаи и установки оказывают на нас постоянное и возрастающее влияние. Наиболее очевидную роль здесь играет эмиграция азиатского населения в страны Запада. Но значительно более существенным является азиатское культурное своеобразие, имеющее решающее значение для экономического и политического развития государств Азии, с которыми нам приходится иметь дело.

Излишне говорить, что «азиатские ценности» — это наиболее сложный предмет. На Западе за долгие годы у многих сложились образы и стереотипы, которые высмеивают и оскорбляют жителей Азии. Представитель одной из азиатских стран заметил: «Самым печальным из всего, что когда-либо происходило с Азией, была не физическая, а духовная колонизация», — и добавил: «Эта духовная колонизация пока еще не полностью искоренена в Азии, общества многих азиатских стран пытаются освободиться от нее»*.

Вместе с тем проводники идеи «непохожести» жителей Азии, пытавшиеся именно этим объяснить свои экономические и социальные успехи, сами являются выходцами из Азии. Например, Ли Куан Ю, бывший премьер-министр Сингапура, заявил: «У нас [представителей Азии] другие социальные ценности. Эти ценности и есть основа быстрого роста»**. А по словам д-ра Махатира Мохамада, премьер-министра Малайзии, «азиатские ценности являются действительно универсальными, представители Запада неоднократно пользовались ими»***.

Нельзя принимать «азиатские ценности» в качестве оправдания нарушений прав человека. Хотя кому-то, возможно, и хотелось бы, чтобы жестокости в отношении лидера оппозиции Бирмы Аун Сан Су Чжи заставили замолчать всех, кроме самых бесстыдных проповедников азиатской автократии. Как бы то ни было, значение культуры как компонента экономического успеха и фактора, влияющего на социальные и политические институты, совершенно *реально.*

Хорошо известны такие характерные азиатские черты — в особенности это относится к Восточной Азии, — как важная роль сообществ, построенных на семейных узах, чувство ответственности и установка на бережливость и осторожность в действиях. Как отметил Франсис Фукуяма:

* Kishore Mahbubani, «Can Asians Think» The National Interest, Summer1998.

** *Time Asia, 16 March* 1998.

*** New Straits Times, 4 September 1997.

Путь развития обществ многих современных азиатских государств совершенно не похож на путь развития стран Европы и Северной Америки. Примерно в середине 60-х годов прошлого столетия практически все страны индустриального Запада столкнулись с быстрым ростом преступности и распадом нуклеарной семьи. Единственные две страны Организации экономического сотрудничества и развития, где этого не случилось, были азиатскими — Япония и Корея... вместе с другими странами Юго-Восточной Азии*.

Целый ряд азиатских государств успешно использовал эти социальные характеристики для создания эффективной экономики, сокращая размер правительств и госбюджета за счет ограничения социальных расходов и устранения чрезмерного регулирования. Политика минимизации государственных пособий, в свою очередь, укрепила социальные и культурные ценности, которые помогли азиатским экономикам добиться процветания.

Я уверена, что это останется справедливым для стран, в которых китайцы составляют существенное большинство или меньшинство населения. В любом месте, даже в условиях полуразвалившегося квазисоциализма материкового Китая, они неизменно демонстрируют предприимчивость и уверенность в своих силах**. При наличии соответствующей экономической основы не существует ничего, что было бы им не под силу. Возьмите хотя бы Сингапур.

ЧАСТЬ И. «ТИГРЫ»

Сингапур: рукотворное чудо

Нередко большие истины лучше всего отражаются в малом. В случае Юго-Восточной Азии это, несомненно, удивительная реальность крошечного Сингапура.

Сингапур — одно из самых маленьких государств мира. Он занимает один крупный остров и 59 крошечных островков, площадь которых менее 650 квадратных километров. Природа обделила его плодородными почвами и минеральными ресурсами, даже вода там и та привозная. Тем

* Francis Fukuyama, «Asian Values and the Asian Cisis», Commentary, February 1998.

* Китаю посвящена следующая глава этой книги.

не менее сегодня это одно из самых оживленных мест коммерческого мира. Прежде всего, это самый загруженный в мире порт. Несмотря на то что все без исключения сырье приходится импортировать, это крупный промышленный центр, производящий химическую и фармацевтическую продукцию, электронику, текстиль, пластмассы, бензин и продукты переработки нефти. С 1966 по 1990 год его экономический рост достигал в среднем 8,5%. Короче говоря, Сингапур — это центр Юго-Восточной Азии и один из наиболее динамичных экономических регионов. Население Сингапура, составляющее 4 миллиона человек, имеет душевой доход выше, чем в Великобритании, Германии или Франции.

Можно сказать, что тот Сингапур, который мы видим сегодня, имеет двух основателей. Первым был британский колониальный управляющий сэр Томас Раффлс, который основал в 1819 году город как торговый центр с уникальным местоположением на пути из Восточно-Китайского моря в Индийский океан. В последующем британская Ост-Индская компания построила и стала эксплуатировать порт. Под британским правлением сформировалось и выросло нынешнее население, состоящее главным образом из китайцев, а также малайцев и индийцев. Мы ушли, оставив населению бесценное наследие законности, честную администрацию и дух этнической терпимости.

Вторым основателем Сингапура, без преувеличения, был Ли Куан Ю. Г-н Ли практически единолично создал одну из самых удивительных «историй экономического успеха» нашего времени, несмотря на постоянную угрозу безопасности своей маленькой страны и даже самому ее существованию*. С самого начала он столкнулся с подрывной деятельностью и противодействием коммунистов. Когда в 1965 году Сингапур все-таки отделился от Малайзии под шквал язвительных напутствий, его перспективы многим казались очень бледными. На деле же все вышло наоборот. Ли Куан Ю не просто вел Сингапур к процветанию, он стал самым твердым, последовательным и смелым противником бредовых утверждений левых о появлении третьего мира в пределах Содружества. В те годы, когда мы одновременно находились на постах премьер-министров, я неоднократно получала из первых рук подтверждения тому, каким влиянием может пользоваться лидер крошечного государства, обладающий умом и мудростью.

Мы с г-ном Ли далеко не во всем соглашались друг с другом. Сегодня он намного лучше думает о коммунистическом Китае, чем я. Более того, я вообще провела бы линию между свободой и порядком, предпочтительную с моей точки зрения, немного ближе к первой, чем он. Тем не менее он, несомненно, один из самых искусных государственных деятелей XX столетия.

Уроки Сингапура выходят далеко за пределы политики и даже экономики. В определенном смысле этот маленький город-государство теперь имеет все потому, что начал практически с нуля. Только мастер-

* Подробную информацию об этом можно найти в превосходно написанных и захватывающих мемуарах Ли Куан Ю (The Singapore Story, Singapore: Simon and Schuster, 1998), а также в книге From Third World to First (New York: HarperCollins, 2000).

ство, творческие предпринимательские способности людей могли превратить его в то, чем он стал. Общество добивается прогресса только тогда, когда талантливые люди — а в мире нет более талантливых людей, чем китайцы, которые составляют 80% населения Сингапура, — опираются на собственный интеллект, а не на физическую силу. И только при наличии соответствующей основы для предприимчивости этот прогресс оборачивается непрерывно ускоряющимся развитием.

Де Токвиль выразил эту мысль в пассаже, который нравится мне больше всего:

> Хотите знать, почитает ли народ производство и коммерцию? Для этого не нужно прислушиваться к шуму его портов, изучать качество древесины из его лесов или плодородие его земли. Дух торговли приводит к появлению всех этих вещей, а без него они бесполезны. Просто проверьте, поощряет ли закон этого народа стремление к успеху, дает ли свободу действий, способствует ли развитию чутья и навыков его поиска, дает ли возможность пожинать плоды*.

Как видите, подобное откровение не ново; его лишь на время забыли. Пример Сингапура не даст случиться этому впредь, по крайней мере в Азии.

Успех Сингапура наглядно демонстрирует нам, что:

- **богатство страны не обязательно строится на собственных природных ресурсах, оно достижимо даже при их полном отсутствии;**
- **самым главным ресурсом является человек;**
- **государству нужно лишь создать основу для расцвета таланта людей.**

Экономические кризисы и перспективы

Сингапур успешно выдержал экономический шторм конца 90-х. Его банки остались платежеспособными и управляемыми, его бизнес — реально прибыльным, а администрация — честной, чего нельзя сказать о тех азиатских странах, которые больше всего пострадали от кризиса.

* Alexis de Tocqueville, Journeys to England and Ireland (London: Faber and Faber, 1958).

Азиатский финансовый кризис 1997-1998 годов

*Хронология основных событий**

1997 год

- 2 июля: после крупномасштабных валютных спекуляций национальная валюта Таиланда (бат) стала плавающей и упада на 20%.
- 24 июля: резко упал курс индонезийской рупии, малайзийского ринггита, тайского бата и филиппинского песо.
- *5* августа: МВФ и азиатские государства предоставили кредит в раз мере 17,2 млрд. долларов для спасения тайской экономики.

« 14 августа: рупия резко пошла вниз после отмены государственного контроля.

- 20 сентября: ринггит упал до самого низкого уровня за последние 26 лет.
- 19-23 октября: индекс «Ханг Сенг» фондовой биржи Гонконга снизился почти на четверть, установив рекорд падения за все время своего существования.
- 31 октября: МВФ объявил о предоставлении помощи Индонезии в размере 40 млрд. долларов.
- 24 ноября: обанкротилась японская компания Yamaichi Securities Co. — первое банкротство крупного бизнеса в стране после 1945 года.
- 3 декабря: МВФ согласовал условия выделения Южной Корее фи нансовой помощи в размере 57 млрд. долларов — самый крупный пакет за всю историю его существования.

1998 год

- 15 января: Индонезия приняла программу реформ, предложенную МВФ.
- 14-15 мая: волна крупномасштабных беспорядков прокатилась по центру Джакарты, оставив после себя более 1000 убитых.
- 21 мая: президент Индонезии Сухарто подал в отставку.
- 12 июня: Япония объявила о первом за последние 23 года спаде в экономике

* Источники: *Washington Times, 22 December 1998; Agence France Presse, 28 June 1998:The Economist, 15 November 1997 and 7 March* 1998.

- 12 июля: премьер-министр Японии Рютаро Хашимото уходит в отставку; Малайзия объявила о спаде в экономике.
- 1 сентября: премьер-министр Малайзии установил жесткий валютный контроль.
- 24 сентября: индекс «Никкей» Токийской фондовой биржи достиг самого низкого за 12 лет значения.
- 23 октября: японское правительство начало осуществлять 505-миллиардную программу спасения экономики и обанкротившихся банков.
- 10 ноября: МВФ и Всемирный банк объявили, что опасность глобального финансового кризиса уменьшилась и появились признаки оздоровления в Таиланде и Южной Корее. Азиатские фондовые рынки начали проявлять признаки оживления.

Эксперты еще долго будут спорить о причинах азиатского экономического кризиса. Позже, когда мы доберемся до управления глобальной экономикой, я приведу свои соображения насчет того, какие уроки можно извлечь из него, а какие — нет*. Здесь я отмечу лишь три момента. Первый очевиден и не требует никаких доказательств. В экономике, как и любой другой области, то, что демонстрирует рост, должно (как минимум время от времени) испытывать падения. Экономическое развитие никогда не бывает непрерывным, а такой экономический взлет, который мы наблюдали в Азиатско-Тихоокеанском регионе после окончания Второй мировой войны, по определению предполагает крутые повороты. Пришедшее на смену спаду устойчивое оживление лишь подтверждает вывод. То, что пережило падение, вновь идет вверх.

Второй момент заключается в том, что экономика всех стран Восточной Азии, за исключением Сингапура, Гонконга и Тайваня, страдала (и в определенной мере продолжает страдать) от системной проблемы, суть которой состоит в широком проникновении кумовства в отношения между правительствами, бизнесом и банками; неадекватном финансовом регулировании и широком распространении явления, которое, каким бы недипломатичным это ни было, иначе как коррумпированностью назвать нельзя.

* См. стр. 494-497.

Третий же момент — кратковременная острая проблема на финансовых рынках. Конкретные ее проявления имели свои особенности в каждой стране. Тем не менее кризис, который, как инфекционная болезнь, перекидывался с одной валюты на другую, привел к региональному краху, и был момент, когда казалось, что он способен вызвать и глобальный.

Экономический тайфун обрушился сначала на Таиланд. Тайцы добились колоссальных успехов в экономике в 80-е и начале 90-х годов. Непосредственная причина их проблем заключалась в сочетании дефицита текущего платежного баланса и привязки национальной валюты к американскому доллару. Что-то должно было случиться, и 2 июля 1997 года тайский бат, после того как его курс стал плавающим, упал на 20% по отношению к доллару.

Циклон затем прошелся по Филиппинам, Малайзии и Индонезии, где также значительный дефицит текущего платежного баланса сочетался с фиксированными курсами национальных валют относительно доллара. С их валютами случилось то же самое, что и с батом.

Индонезия, Таиланд и Филиппины обратились к МВФ. На Филиппинах процесс преодоления последствий прошел довольно гладко. В Индонезии, однако, экономические неурядицы не прекратились. К концу января 1998 года индонезийская рупия потеряла 80% своей стоимости по отношению к доллару. Малайзия, верная экономическому национализму д-ра Махатира, не обращая внимания на рекомендации его заместителя г-на Анвара Ибрагима, попыталась сопротивляться логике глобальной экономики и ввела жесткий валютный контроль. Несмотря на это, к концу 1997 года уровень производства в стране упал на 7% (после 8%-ного годового прироста в течение последних 10 лет); фондовый рынок Малайзии потерял 45% стоимости, а курс национальной валюты, ринггита, относительно американского доллара понизился на 40%.

Последней жертвой стала валюта Южной Кореи — вона. В действительности ситуация в Корее существенно отличалась от той, что была У других «тигров». В Корее, как и в Японии, и даже в еще большей степени, сложился ярко выраженный корпоративный капитализм, основанный на системе могущественных промышленных конгломератов, известных как «чеболи». Корпоратизм в любой его форме — даже в таком обществе, как корейское, где усердный труд, предприимчивость и взаимная поддержка ценятся весьма высоко, — ограничивает гиб-

торитаризмом и тоталитаризмом*. Не считая Китая, Бирмы и в определенной мере Вьетнама, население Азии не сталкивалось с тоталитарными режимами до экономического кризиса 1997-1998 годов. Конечно, правительство Таиланда, состоявшее в основном из военных, квазиавторитарное правительство Ким Янг Сама в Южной Корее и правительство президента Сухарто в Индонезии, которые пали в результате экономического краха, нельзя было назвать в полном смысле демократическими. Вместе с тем ни одно из них не было замешано в злодеяниях такого масштаба, как в Китае. Китай и другие репрессивные социалистические государства региона вполне успешно выдержали кризис: тюрьмы тоже предоставляют своего рода защиту тем, кто в них находится. Малайзия же, которая прежде считалась по крайней мере частично свободной, не только не приблизилась к политическому либерализму, но еще больше отдалилась от него. Вряд ли на таком фоне можно говорить о новой волне демократии, прокатившейся по Юго-Восточной Азии.

Ее нельзя было даже ожидать. Как я уже отмечала, свободу и демократию нельзя назвать чем-то чуждым для Азии — достаточно лишь взглянуть на энтузиазм, с которым китайцы из Гонконга приветствовали преобразования 1992-1997 годов, чтобы понять это. Но я не верю, что в какой-либо стране, не обладающей соответствующими условиями и опытом, будь она азиатской или неазиатской, возможно ввести демократию одним махом, не рискуя натолкнуться на проблемы. Это особенно справедливо для стран с богатой историей насилия. Именно такой страной и является Индонезия.

Индонезия: рукотворный беспорядок

До экономического кризиса 1997 года Индонезию вполне можно было поставить рядом с Сингапуром, ее крошечным соседом, как пример рукотворного чуда. Его главным архитектором был, несомненно, экс-президент Сухарто, хотя это и может звучать политически некорректно с позиции сегодняшнего дня. Именно Сухарто в 1967 году во главе армии и при широкой поддержке населения положил конец хаосу, к которому привела антикапиталистическая и антизападная политика тог-

* Фундаментальное различие между авторитарными и тоталитарными режимами превосходно освещено в оригинальной статье Джин Киркпатрик «Dictatorship and Double Standards», *Commentary, November* 1979.

дашнего президента Сукарно. Политика Сухарто, ориентированная на привлечение в страну западных инвестиций и поддержку модернизации и частной инициативы, превратила страну в «тигра», темп экономического роста которого составлял 7% в год в течение десятилетия с 1985 по 1995 год. Г-ну Сухарто удалось удивительным образом изменить общий уровень жизни в лучшую сторону и сократить долю населения, жившего за чертой бедности, с 60 до 11%*.

Конечно, страна прошла через кровопролитие и репрессии. Но она стояла на грани коммунистической революции, а коммунистическая революция, неважно, побеждает она или нет, как правило, влечет за собой потоки крови. Не следует сбрасывать со счетов также и обстоятельства присоединения к Индонезии Восточного Тимора, бывшей португальской колонии, в 1975 году: там шла жестокая гражданская война и к власти вот-вот должна была прийти клика, поддерживаемая коммунистами.

Я не считаю нужным оправдывать все действия правительства Сухарто. На мой взгляд, президент Сухарто поступил бы мудро, если бы ушел в отставку несколькими годами ранее. Однако в том, как Запад, который поддерживал его, когда он был нужен, затем стал повторять как попугай лозунги защитников прав человека, забыв заслуги его правительства перед страной и перед нами, есть что-то отвратительное.

Я неоднократно разговаривала с президентом Сухарто до и после моего ухода с поста премьер-министра. Последний раз это было в 1992 году, когда он показывал мне животноводческую ферму в Тапосе. Страстно интересуясь сельским хозяйством, как и большинство индонезийцев, он пытался привнести в сельскую жизнь достижения науки и техники, с тем чтобы сдержать отток населения в города. Я вполне могу поверить, что г-н Сухарто с семьей использовали свое положение в корыстных целях, что не является чем-то необычным среди автократов. Однако я в равной степени убеждена, что он хотел лучшей доли для Индонезии, и по объективным показателям его правление следует признать успешным.

Размышления на тему режима Сухарто имеют в настоящий момент определенное практическое значение. Несмотря на то что угроза коммунистической подрывной деятельности в Юго-Восточной Азии рассеялась, другая угроза, с которой приходилось иметь дело Сухарто, не

* *The World Bank and Indonesia, The World Bank Group*, 2000.

исчезла — это угроза распада индонезийского государства. В стремлении его сместить МВФ воспользовался поразившим Индонезию в 1997 году экономическим кризисом и продиктовал такие условия, которые Сухарто не мог принять, оставаясь на своем посту. Операция МВФ по спасению страны превратилась, таким образом, из финансовой в политическую. Фонд, в частности, настаивал на колоссальном повышении цен на горючее и продукты питания как раз в тот момент, когда жизненный уровень простых индонезийцев резко упал в результате девальвации национальной валюты.

Подобные изменения, некоторые из которых сами по себе, несомненно, были желательными, в сложившейся ситуации приобрели колоссальную разрушительную силу и привели к дестабилизации не только правительства, но страны в целом. В связи с этим мне на ум приходит такое наблюдение Киркпатрик:

> ...Мысль... о том, что правительства можно демократизировать в любой момент, в любом месте и при любых условиях...
>
> [В традиционных автократиях] материя власти расползается очень быстро, когда подрывается или исчезает сила или статус человека, стоящего на вершине. Чем дольше автократ находится у власти, чем больше его личное влияние, тем в большей зависимости от него оказываются институты государства. Без него организованная жизнь общества рушится, подобно арке, из которой удалили замковый камень*.

Именно это и произошло в Индонезии, несмотря на все усилия Б. Ю. Хабиби, помощника и преемника президента Сухарто. Хаос продолжал углубляться при Абдуррахмане Вахиде вплоть до его смещения. Остается только наблюдать за тем, как новый президент Мегавати Сукарнопутри будет пытаться справиться с ним.

Я не верю в то, что вмешательство Запада может предотвратить развал государств, где население хочет этого и сущёствуют необходимые предпосылки. Но Запад не должен и содействовать такому политическому распаду, создавая условия для крушения центральной власти, особенно когда этим подвергает риску западные интересы.

Индонезия — большая страна с населением более 200 миллионов человек, говорящих на 250 языках и проживающих на шести тысячах островов, которые разбросаны на расстоянии, равном трети окружности

* Kirkpatrick, «Dictatirship and Double Standarsd».

Земли. На протяжении всего ее независимого существования главной заботой властей было обеспечение национального единства. Этой цели служат, например, пять принципов национальной идеологии Pancasilla включенных в конституцию и определяющих основную философию Индонезии — философию религиозной терпимости и взаимного уважения. Необходимость подобной концепции ясно продемонстрировало избиение христиан на Молуккских островах и выходцев с острова Мадура — на Калимантане после ухода президента Сухарто со сцены.

Остается только ждать и смотреть, выживет ли Индонезия в ее нынешней форме. Предоставление независимости Восточному Тимору было совершенно правильным, хотя будущее покажет, стоило ли жителям этой бедной маленькой страны бороться против Джакарты. Ясно одно: у национальных меньшинств, а может быть даже и у основного населения, в других частях Индонезии теперь появился соблазн последовать их примеру. Мусульманская провинция Ачех, дающая 40% сжиженного природного газа, одной из важнейших статей экспорта Индонезии, требует автономии и может попробовать отделиться. Подобные, хотя и не такие сильные, настроения наблюдаются в Папуа, Риау и на Восточном Калимантане — регионах, богатых полезными ископаемыми. Сильное недовольство небольшой, но богатой и влиятельной китайской общины в Джакарте, которое уже приводило к кровопролитию, также угрожает основам индонезийского государства*.

В интересах Запада сохранить Индонезию в том виде, в котором она существует сейчас, и снова превратить ее в спокойную и процветающую державу. Мы не должны забывать, что две пятых мировых морских перевозок осуществляются именно через этот обширный архипелаг. Не следует упускать из виду и то, что Индонезия, самое крупное мусульманское государство, играет очень большую роль в чрезвычайно деликатном и важном деле — выстраивании глобальных взаимоотношений между Западом и исламскими государствами. Превращение Индонезии в процветающее демократическое мусульманское государство будет служить хорошим примером для остального исламского мира.

Итак, подведем итог.

- **Отношение Запада к Индонезии было неблагоразумным и близоруким.**

* Известно, что этнические китайцы, которые составляют не более 3% индонезийского населения, контролируют 70% экономики страны.

- **Мы не должны идти на устранение не удовлетворяющих нас режимов, подобных режиму Сухарто, не продумав возможных последствий.**
- **По мере своих возможностей мы должны помочь Индонезии выжить и добиться процветания.**

ЧАСТЬ III. ЯПОНИЯ

Японский феномен

Ярчайшим образом, по крайней мере с точки зрения Запада, «азиатские ценности» проявляются в удивительном феномене современной Японии. По своему экономическому развитию, как я уже отмечала, Япония находится на втором месте в мире. По общепринятым меркам она более чем в четыре раза превосходит экономику Китая. Благодаря тому, что на протяжении 20 лет сальдо текущего платежного баланса неизменно оставалось активным, Япония превратилась в крупнейшего мирового кредитора, зарубежные активы которого оцениваются в 1,2 трлн. долларов. Этого не следует забывать, особенно на фоне потока выступлений на тему внутренних проблем страны и ее слабости. История современной Японии остается образцом поразительного успеха.

Во время моего пребывания на посту премьер-министра я очень часто встречалась с японскими лидерами. Их личные качества разнятся намного больше, чем можно предположить, глядя на карикатуры. Премьер-министр Ясухиро Накасоне (1982-1987), к примеру, был очень общительным и имел западные манеры, что, несомненно, помогло ему установить теплые отношения с Рональдом Рейганом. Премьер-министр Побору Такешита (1987-1989), напротив, представлял собой намного более «типичную» фигуру партийного босса, которого, несмотря на колоссальный успех в его собственной среде, невозможно было представить на вершине политической системы западной страны. И, наконец, премьер-министр Тошики Кайфу (1989-1991), который внес свежую струю в японскую политику, выглядел так, словно он сел между двумя стульями.

К сожалению, 80-е годы были не лучшими для получения более глубоких представлений о реальной Японии. Причина заключалась в том, что любой диалог между Западом и Японией в те дни неизменно переходил на проблему их торгового профицита. Теперь-то мы понимаем,

что это были переломные годы для мировой экономики. Поддайся президент Рейган антияпонскому протекционистскому давлению в тот момент, и Запад не только серьезно испортил бы отношения со своим главным партнером на Дальнем Востоке, но и остановил бы продвижение к снижению глобальных тарифов, составляющих основу нашего процветания. Тем не менее факт остается фактом, подавляющее большинство моих переговоров с японскими премьер-министрами заканчивались просьбой снять ограничения на британский импорт и вежливым разъяснением того, что японская система распределения/налогообложения/ценностей — совершенно «другая».

По правде говоря, в этом была изрядная доля истины. Япония и в самом деле другая. «Отличия» не ограничиваются структурой розничной торговли и потребления; они являются отражением самого японского феномена. Лишь после ухода с поста премьер-министра я смогла уделить его изучению больше времени.

Любой действующий политик, имеющий дело с Японией, так или иначе сталкивается еще с одной проблемой: традиционно лучшие представители японского народа обходят политику стороной и предпочитают заниматься бизнесом или работать на государственной службе. За последние несколько лет я была в Японии семь раз. Хотя у меня и сохранились некоторые политические связи, лишь знакомство с деловым миром и другими слоями японского общества позволило получить более глубокое представление о стране.

Конечно, это нельзя назвать откровением, но тем не менее это действительно так: Япония представляет собой единственную в своем роде смесь западного с азиатским. По некоторым аспектам отношение Японии к Западу в течение столетий было очень похожим на отношение Китая. И та, и другая страна долгое время сознательно отгораживали свое общество от Запада. Обе страны были вынуждены под давлением предельно унизительных обстоятельств принять западную модель коммерции, западное присутствие и влияние: в случае Японии — в результате непрошеного появления американского коммодора Мэтью Перри со своей эскадрой в Нагасаки в 1853 году. Именно в этот момент проявилось принципиальное различие между китайским и японским менталитетом. В то время как Китай практически единодушно поднялся на яростную, но бесполезную борьбу с Западом, Япония приняла его.

Падение сёгуната Токугава и восстановление власти японского императора— «реставрация Мейджи» 1868 года— стали началом созда-

ния современной Японии. Столица была перенесена в Токио. Армия и военно-морской флот претерпели реорганизацию. Было введено всеобщее образование: к началу XX столетия уровень грамотности приблизился к 100%. Были созданы действенные стимулы для индустриализации. В целом программа была ориентирована на разумное использование западной науки и опыта в целях усиления Японии. К чему это привело, хорошо известно — не просто к модернизации, а к экспансионизму, войне и, в конечном итоге, к катастрофе. Важный вывод, который следует из этого, состоит в том, что японцы на протяжении всей своей современной истории, а не только в последнее время, обладали уникальной способностью находить открытия, сделанные другими народами, и использовать их в собственных целях.

В этой тенденции, конечно, можно увидеть и отсутствие оригинальности. Некоторые так и делают. Я же усматриваю в такой способности разновидность гениальности. Существуют важные причины, объясняющие нежелание большинства обществ следовать примеру японцев в заимствовании и использовании идей других народов. Подобный путь требует изрядной доли смирения: мало какой древней цивилизации приятно сознавать, что, несмотря на достижения ее культуры, отсутствие техники не позволяет ей занять подобающее место в современном мире. С другой стороны, он требует не меньшей уверенности в себе: ведь путь открытости и адаптации к миру неизменно связан с риском потери своих собственных корней и самобытности. Японцы, однако, хотя и горели желанием познакомиться с иностранцами как можно ближе и узнать от них как можно больше, не только сохранили непоколебимое сознание своего «отличия», но не собираются терять его и в дальнейшем. Может быть, это и не несет им всемирной популярности, зато уж точно делает их экономику удивительно эффективной.

Можно строить домыслы на тему того, как Японии удалось найти квадратуру этого круга — круга, который лежит в центре всех сегодняшних дебатов по поводу влияния глобализации на культуру. Возможно, здесь сыграла свою роль японская религия, а именно синтоизм, который придает большое значение духам предков, а следовательно — наследию прошлого. Возможно, что-то есть и в полумистическом отношении к японским пейзажам, которые воспеваются в национальной поэзии. И то, и другое наделяет японцев сильным чувством «места». Я также подозреваю, что глубокое чувство самобытности японцев вытекает из того исторического факта, что, по крайней мере до конца

Второй мировой войны, Япония никогда не переживала оккупации. Она впитывала внешние воздействия — литературное из Китая, религиозное из Кореи, — а затем придавала им иную форму, оставаясь такой защищенной и изолированной, какой бывают лишь островные расы. Результатом являются этническая однородность и национальное своеобразие, которые бросаются в глаза любому приезжему. Это, в свою очередь, дало Японии непоколебимый фундамент для строительства новых структур, заимствованных из западных моделей.

Современную Японию невозможно понять без упоминания Второй мировой войны. Большинство японцев неохотно обсуждают ее события по вполне понятным причинам. Японские вооруженные силы принесли ужасные страдания тем, кто им противостоял. Многие китайцы и корейцы никогда не простят Японии того, что она творила в их странах. Визиты японских лидеров в зарубежные, особенно азиатские, страны до сих пор сопровождаются спорами о том, что может считаться достаточным извинением за действия тех лет, а что нет.

Вместе с тем непростительно не попытаться понять, что чувствуют японцы. Не все, что Япония делала в Азиатском регионе, было нежелательным для уроженцев Азии. Кроме того, сама Японии также тяжело пострадала в результате войны: она потеряла 1,7 миллиона военнослужащих и 380 тысяч мирных жителей. Япония — единственная страна, которая ощутила на себе силу ядерного оружия. Помимо прочего, коллективная вина, переходящая от поколения к поколению, — очень опасная идея, которую можно распространить на всех за редким исключением.

Пожалуй именно конец, а не начало или середина войны в водах Тихого океана имеет наибольшее значение для понимания сегодняшней Японии. 14 августа 1945 года, впервые за все время существования государства, народ Японии услышал по радио, как император объявляет капитуляцию. В конце его выступления прозвучали такие слова:

> Пусть наша нация живет как единая семья из поколения в поколение с вечной верой в бессмертие ее священной земли и памятью о тяжком бремени ее ответственности, пусть будет нескончаем путь, открытый перед ней. Объедините ваши усилия и посвятите их строительству будущего. Храните чистоту моральных устоев и благородство духа, работайте с решимостью во славу империи и идите в ногу с мировым прогрессом.

На мой взгляд, примерно это с тех пор и делали японцы — посвятили «объединенные усилия строительству будущего» и «шли в ногу с мировым прогрессом».

Новая японская конституция поставила вне закона войну и, теоретически, армию. Впрочем, травма, полученная страной, была настолько сильной, что и без этого подавляющее большинство японцев не хочет вновь становиться на путь военных приготовлений. Вместо этого они с молчаливого коллективного согласия, настолько твердого, что ему не требуется озвучивания, решили идти альтернативным путем — добиваться экономического величия. Экономическое возрождение, вне всякого сомнения, было жизненно важным в любом случае, поскольку страна лежала в руинах. Это было к тому же и вопросом чести. Японцы, которые решили превратить свою страну в экономическую сверхдержаву, работали не на себя и свои семьи, как это обычно происходит на Западе, а непосредственно на Японию — или на «Японию Инкорпо-рейтед». Думаю, это поможет объяснить некоторые различия между японским и западным капитализмом.

Японский капитализм

Капитализм по-японски определенно работал на Японию. Темпы ее экономического роста в 50-е, 60-е и 70-е годы как минимум в два раза превышали темпы роста основных конкурентов. После вывода из Японии оккупационных войск союзников в 1952 году ее ВВП лишь немного превышал одну треть британского. К концу 70-х годов он уже был равен суммарному ВВП Великобритании и Франции и превышал половину американского. С 1950 по 1990 год реальные доходы в Японии росли на 7,7% в год по сравнению с 1,7% в США (с 1230 долларов в ценах 1990 года до 23 970 долларов)*.

Этот успех, по крайней мере первоначально, был достигнут на основе развития производства. На глазах всего одного поколения доля Японии в мировом промышленном производстве возросла с 2-3 до 10%. К 70-м годам Япония производила стали столько же, сколько Америка. Она была мировым лидером в производстве электроники и захватила почти четверть мирового автомобильного рынка. Японцы не сдали своих позиций и с появлением новых конкурентов с дешевой

* Kennedy, The Rise and Fall of the Great Powers, p. 539; The Economics, 6 March 1993.

рабочей силой: они перешли на производство более высокотехнологичной продукции, такой как роботы и компьютеры, и стали вкладывать средства в новые заводы за пределами Японии.

К тому моменту, как я стала премьер-министром Великобритании, непрерывный экономический рост Японии был общепризнанным явлением, и в этом виделось дурное предзнаменование для нас. Профессор Эзра Фогель, например, написал книгу «Япония как номер один: уроки для Америки», содержание которой очевидно из названия*. Семь лет спустя он все еще продолжал утверждать, что «существует масса причин, по которым Япония еще больше укрепит свое лидерство как ведущая мировая экономическая держава», и рассуждал на тему, использует ли Япония «свое экономическое превосходство, чтобы стать военной сверхдержавой»**. Справедливости ради следует отметить, что профессор пришел к отрицательному заключению.

Жаркий спор, во многом обусловленный чисто западными политическими выкладками, разгорелся вокруг вопроса, почему японцы добились столь удивительного успеха. Является ли он результатом того, что они достигли совершенства в своей особой промышленной политике? В ходе таких дискуссий Министерство торговли и промышленности Японии иногда наделялось почти сверхчеловеческими способностями. В его своевременном вмешательстве и правильном выборе стратегических целей виделась движущая сила японского джаг-гернаута.

При более тщательном рассмотрении, однако, становится ясно, что это не так. Несомненно, в Министерстве торговли и промышленности есть чрезвычайно способные люди. Более того, по мнению правительства, вмешательство в экономику наносит намного меньше вреда в Японии, чем, например, в Великобритании, где наши профсоюзы вмиг превратили бы его в катастрофическое. Но даже в Японии система имеет свои недостатки.

Во-первых, вмешательство правительства нередко направлено на ограничение конкуренции, что, как всегда, ведет к снижению эффективности. Одно из последних исследований различных секторов японской промышленности, призванное выяснить, почему одни преуспевают, а

* Ezra F. Vogel, Japan as Number One: Lessons for America (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1979).

** Ezra F. Vogel «East Asia: Pax Nipponica?», Foreign Affairs, spring 1986.

другие нет, позволило сделать вывод о том, что «главной причиной банкротств в Японии является политика ограничения конкуренции, проводимая правительством, которую следует прекратить»*.

Во-вторых, традиционно японское инвестирование средств, ориентированное на определенные правительством долгосрочные стратегические цели, а не на прибыль и дивиденды акционеров, в конечном итоге неизменно ведет к проблемам. Иногда, особенно в период становления промышленности, такой подход бывает оправданным. Он может, как в Японии, привести к более масштабным вложениям в исследования и конструкторские разработки, способные принести прибыль. Но если прибыль перестает играть роль движущей силы, компании начинают стремиться не к удовлетворению клиента, а к удовлетворению правительства и банков, а те могут неправильно это истолковать и обычно именно так и делают.

Отсюда вытекает третий недостаток японской модели, без меры расхваливаемой ее западными поклонниками. Японские компании в значительно большей мере, чем западные, зависят от дешевого финансирования со стороны государственных и частных банков. Иными словами, выпуск акций как основной инструмент привлечения финансовых ресурсов теряет для них значение, а индивидуальные акционеры лишаются возможности вмешиваться в их дела.

Такая взаимозависимость банков и промышленных компаний обусловлена традицией, сложившейся еще в довоенные времена, когда финансово-промышленные конгломераты, известные как «дзайбацу», контролировали львиную долю экономики. Частичное разрушение этих конгломератов после войны не изменило лежащий в их основе менталитет, которому лучше всего подходит определение «корпоратистский».

Корпоратизм влечет за собой определенные последствия. В данном случае — это отсутствие конкуренции в сочетании с дешевыми деньгами и ограниченными возможностями для их прибыльного вложения, что ведет к колоссальному раздуванию цен на землю. Переоцененные активы, в свою очередь, толкают банки на расширенное финансирование инфляционных проектов. В конце 80-х — начале 90-х годов мыльный пузырь лопнул.

* Michael E. Porter and Hirotaka Takeuchi, «Fixing What Really Ails Japan», Foreign Affairs, May/June 1999.

Несмотря на серьезность этих доводов, не стоит недооценивать реальную и непреходящую мощь японской промышленной системы. Исследование компании McKinsey & Company, посвященное проблемам японской экономики, показывает, что ни преувеличение, йи умаление того, что произошло, не отражает реальности. Оно свидетельствует о том, что лидирующие в глобальном масштабе отрасли промышленности Японии — автомобилестроение, станкостроение и электроника — продолжают оставаться высокоэффективными и преуспевающими. Однако в остальных секторах экономики, в частности розничной торговле, здравоохранении, строительстве и пищевой промышленности, производительность в настоящее время находится, как, впрочем, находилась и прежде, на низком уровне. Причина неэффективности — ограничение конкуренции. В случае устранения этого препятствия (что и предлагается сделать) и производительность, и доходы должны вырасти*.

Возможность возобновления роста и прогресса существует потому, что основы феноменального прогресса Японии по-прежнему сохраняются. О некоторых из них уже говорилось, поскольку они скорее азиатские, а не чисто японские. Вместе с тем японцы, как всегда, используют их на свой лад.

Рабочая сила в Японии, по крайней мере в преуспевающих секторах, в целом очень хорошо образованна. Корни этого явления лежат в японском обществе и ожиданиях, которые японская семья связывает со своими детьми. На мой взгляд, это также и проявление национального духа, появившегося после войны.

Но даже и тем рабочим, у которых есть хорошее образование и профессиональная подготовка, необходима мотивация. В этом, как и во многом другом, японцы добились удивительных успехов. Уже давно твердят, что корпоративный дух, столь заботливо культивируемый японскими компаниями, базируется на практике пожизненного найма. Если это так, Япония должна столкнуться с проблемами, поскольку ни одна экономическая система не может позволить себе такой гарантии в век, когда для успеха требуются гибкость и приспособляемость. Как бы то ны было, пожизненный найм — в значительной степени продукт трудового законодательства, введенного с подачи западных левых пос-

* «Why the Japanese Economy is not Growing Micro Barriers to Productivy Growth», McKinsey Global Institute 2000.

ле войны: он вовсе не обязательно является неотъемлемой частью практики, принятой в японской промышленности*.

Некоторые стороны этой практики совершенно определенно раздражают представителей Запада, в этом, я уверена, многие со мной согласятся. Большинство из нас смущают такие вещи, как гимн компании и фирменные нагрудные значки. Откровенные коллективные обсуждения общих проблем производят впечатление искусственных. И уж точно не в британских обычаях посвящать свое свободное время коллективным мероприятиям, устраиваемым компанией. Дело и развлечение, государственное и частное, коллективное и индивидуальное, — мы, на Западе, привыкли жить, четко разделяя эти вещи.

В остальных же отношениях японская практика управления вполне применима и у нас. Японским менеджерам британские, да и в целом западные, рабочие могли в первый момент показаться несносными, однако со временем японский подход стал давать очень хороший эффект — и не только в компаниях, принадлежащих японцам, но и в тех, с которыми они соприкасались. Подход, предполагающий достижение общего согласия и понимания целей компании, несомненно, имеет смысл с точки зрения психологии. Он — превосходное средство от хорошо всем известного непродуктивного противостояния «двух сторой», которое получило такое распространение в британской промышленности к 70-м годам, что его стали даже называть «британской болезнью». Излечением от этого недуга Великобритания в немалой степени обязана урокам, преподнесенным японцами**.

В одном аспекте, я уверена, будущее Японии выглядит более оптимистично, чем кажется многим японцам. Это помощь старому со стороны нового, которое вот-вот появится на свет. В прошлом ценности и структуры японского общества, получившие глубокое отражение в системе японского образования, не поощряли проявления индивидуализма. Однако эпохальные прорывы, прежде всего в науке, совершают

* Это подметил Акио Морита, основатель компании Зопу, который должен хорошо знать такие вещи (Akio Morita with Edwin M. Rheingold and Mitsuko Shimonura, Made in Japan: Akio Morita and Sony, London: HarperCollins, 1994, pp. 139, 145). См. также стр. 163-165.

** Последним свидетельством благоприятного воздействия японской промышленной практики на Великобританию является, по данным Центра исследований мирового рынка, признание автомобильных заводов компании №55ап в Сандерленде и компании Toyo1a в Бернастоне наиболее эффективными европейскими предприятиями 2000 года (Financial Times, 28 June 2001).

в основном люди, чья личность и образ мышления воспринимаются современниками не иначе как эксцентричные. Япония же традиционно не оставляла места для эксцентричности. Молодое поколение японцев, которое в наше время учится и работает в Америке и других странах Запада, неизбежно будет отличаться более космополитическим и индивидуалистическим мировоззрением, когда возвратится в Японию. Конечно, с одной стороны, это может поставить под сомнение традиционный уклад жизни, но с другой — привнести элемент инициативы, которой часто не хватает японской экономике. Как только Япония овладеет этим жизненно важным в век информационной революции инструментом, она сможет вновь изумить мир.

- **Нам следует избегать чрезмерных упрощений: Японию никогда нельзя было считать преуспевающей во всем, как нельзя приписывать ей и полный провал в паше время.**
- **Экономические достижения Японии обусловлены в большей мере капитализмом, без каких-либо определений («японский», «азиатский» и т. д.), и в меньшей — правительством.**
- **Запад *уже* перенял японские приемы менеджмента, которые хорошо себя зарекомендовали, этот процесс, следовательно, дол жен продолжаться.**
- **Основы японского могущества не исчезли и, несомненно, обеспечат новый подъем экономики страны.**
- **Как только новое мышление молодого поколения японцев изменит старые представления, Япония вновь может поразить нас экономическими достижениями.**

Акио Морита

За долгие годы мне посчастливилось встречаться со многими выдающимися представителями японской индустрии. Некоторые из них имеют блестящее образование и очень хорошо разбираются в международных делах. Но всякий раз меня поражало, как много среди них таких, кто с полным правом считается первоклассным специалистом, например инженером. Хотя я прекрасно понимаю, что человек, стоящий на вершине иерархии, не может владеть тонкостями каждой профессии и знать в деталях функциональные обязанности каждого работника организации (любой лидер в определенной мере должен быть универсалом),

я неизменно с подозрением смотрю на главу крупной корпорации, который не разбирается детально в ее продукции. Подобный недостаток крайне редко встречается в Японии. Именно это, по моему убеждению, в значительной мере составляет основу превосходной репутации, которой пользуются ведущие японские компании.

Одним из выдающихся японских бизнесменов нашего времени, без сомнения, является покойный ныне Акио Морита, соучредитель компании Sony. Он стал объектом моего поклонения еще в те времена, когда я занимала пост премьер-министра, наши встречи продолжались и позже. Я была очень рада возможности присутствовать в Токио на церемонии присвоения ему титула почетного рыцаря Британской империи в октябре 1992 года.

Акио Морита являлся во многих отношениях космополитом: водил дружбу с западными политиками и магнатами, любил оперу и гольф, имел склонность к языкам и слыл остроумным рассказчиком. Со стороны вполне могло показаться, что он утратил японскую самобытность. Однако было бы заблуждением думать так — точно так же, как и полагать, что японская нация, стремясь освоить западный образ жизни, сдается на милость Западу. Акио Морита был яркой индивидуальностью, прямым и намного более откровенным человеком, чем подавляющее большинство его соотечественников. Он чувствовал это, работал над этим и даже стремился создать образец поведения для японского корпоративного сообщества, чьим слабым местом, что многие японцы сознают в глубине души, является конформизм. С другой стороны, он развивал и проявлял эти качества в чисто японском контексте. Акио Морита был страстным патриотом и очень гордился своей национальной культурой и достижениями.

История Sony, компании по производству электронной аппаратуры, которую он вместе со своим близким другом и соратником — техническим гением Масару Ибука — основал на послевоенных руинах Токио, в миниатюре — аналог истории возрождения Японии из пепла после поражения. Кроме того, она ясно показывает нам, какие качества необходимы для успеха.

Акио Морита всегда отчетливо представлял, каких рубежей должна достичь Sony. По его собственному признанию, иногда он допускал ошибки, что неизбежно, когда создаешь новую продукцию и пытаешься осуществить прорыв на западные рынки. Он никогда не терял веры в свою способность видеть перспективу. В соответствии с его философи-

ей, прежде всего нужно было создать продукцию и довести «ее до совершенства; затем вывести ее на тщательно выбранные целевые рынки; и все это время необходимо работать над формированием в компании духа энтузиазма и сотрудничества. Успех Sony в производстве телевизоров, видеоплейеров, акустических систем и видеокамер — результат применения этой бизнес-философии. Однако, по словам Морита, лучше всего эффективность такого подхода демонстрирует Walkman, портативный стереоплейер компании Sony, пользующийся невероятным успехом.

Когда я вижу подростков, слушающих любимую музыку и не надоедающих взрослым, я мысленно представляю процесс создания этого удивительно простого изделия. Акио Морита пишет в воспоминаниях, как однажды Ибука пришел к нему в офис и стал жаловаться, что слушать музыку, не мешая окружающим, он может только в том случае, если таскает за собой переносной магнитофон с большими наушниками. Не предпринимая каких-либо маркетинговых исследований и не обращая внимания на скептицизм инженеров, Морита распорядился удалить из небольшого кассетного магнитофона компании блок записи с динамиками и установить вместо них стереоусилитель. Он продиктовал технические характеристики и даже установил цену — достаточно низкую для того, чтобы аппарат был доступен молодым людям. Результат известен.

Акио Морита был также, как я заметила, интернационалистом. Он выступал в роли посла японского бизнеса, а иногда — несговорчивого сторонника перемен в Японии. К большому прискорбию, в 1993 году у него случился инсульт, от которого он не смог оправиться, и шесть лет спустя г-н Морита умер.

Япония сегодня борется с кризисом доверия к ее системе и будущему, совершенно забыв проницательные идеи Акио Морита. Неважно, какие решения будут найдены, ей отчаянно не хватает таких, как он.

Выход из штилевой полосы?

В последние годы японская экономика для многих японцев перестала быть предметом гордости и превратилась в источник смущения, граничащего с отчаянием. По целому ряду причин, которые я уже называла, такое восприятие, по всей видимости, не что иное, как преувеличение: основы японской экономической мощи никуда не исчезли. Вме-

сте с тем нетрудно понять, в чем источник тревоги. С того момента, как в 1990-1991 годах лопнул экономический мыльный пузырь, Япония переживает самый глубокий и длительный спад за весь современный период своей истории. Снижение деловой активности в США, резко усиленное кризисом доверия под влиянием событий 11 сентября, стало еще одним дурным сигналом. Безработица, масштабы которой, по существу, неопределенны, — другая проблема, еще более болезненная в силу своей непривычности. Рост уровня жизни прекратился, и после десятилетий непрерывного сближения с Америкой разрыв увеличился. К тому же проблема безнадежных долгов в финансовом секторе остается в значительной мере нерешенной.

В действительности в причинах кризиса нет ничего загадочного, хотя, конечно, можно спорить об относительном значении различных факторов: неразумная банковская практика, ничем не подкрепленный ажиотаж вокруг земельной собственности, отсутствие конкуренции и гибкости*. Однако, как известно из практики многих поколений мореплавателей, войти в штилевую полосу намного легче, чем выйти из нее.

Проблема оживления экономики Японии, несомненно, осложняется более масштабным азиатским крахом 1997-1998 годов. Но ее собственные проблемы возникли раньше и, в свою очередь, сами тормозят восстановление деловой активности в Азии. Решение экономических проблем Японии должно идти двумя путями.

Прежде всего, необходимо энергично проводить все необходимые структурные преобразования. Будучи премьер-министром, я неоднократно пыталась убедить японцев в том, что открытие их рынка пойдет на пользу им в той же мере, что и нам. Но в те времена такое предложение воспринималось с вежливым скептицизмом. Не так давно Япония, хотя и не слишком охотно, но все же пошла на реформы, напоминающие те, которые Великобритания осуществила в 80-х годах.

В 1998 году она провела финансовую реформу, эдакий эквивалент британского «большого взрыва» 1986 года, направленную на либерализацию жестко регулируемых финансовых рынков. Реформа предусматривала отмену ограничений в отношении операций с иностранной валютой, а также в отношении участия иностранцев в собственности

* Манипулирование валютными курсами с подачи Запада также внесло свой вклад. Луврское соглашение 1987 г., предусматривавшее массированную эмиссию японских иен и покупку американских долларов, способствовало возникновению мыльного пузыря 89-90 гг., который позднее лопнул.

японских банков. Дерегулирование японского рынка в значительной мере повысило доверие инвесторов — фондовый рынок Токио практически удвоил свою стоимость с октября 1998-го по март 2000 года. Серьезная реструктуризация осуществляется в японской промышленности, даже в таком ее защищенном секторе, как строительство, где под давлением рыночных факторов закрывается множество неэффективных компаний.

Подобные структурные преобразования не приносят немедленного результата, но со временем они способны трансформировать всю экономическую систему, как это случилось в Великобритании. Если эти реформы будут доведены до конца и возымеют в Японии свое действие, можно ожидать более чем одномоментного повышения эффективности. Перспективы прогресса заметно улучшились с назначением в апреле 2001 года Дзюнъитиро Коидзуми на пост премьер-министра Японии. Обнадеживающе звучит заявление г-на Коидзуми о необходимости сконцентрировать усилия на далеко идущей реформе системы государственных ассигнований. В случае реализации столь радикального подхода могучая японская экономика вполне может получить новый толчок для движения вперед.

Второй аспект изменения экономической политики — внутренний спрос — более сложен. Широко известное замечание писателя XX века Бернарда Мандевиля о том, что «частные пороки [порождают] общее благо» (на современный лад — «алчность стимулирует рост»), японцы перевернули с ног на голову*. Япония — одно из тех редких мест, где пристрастие к сбережениям настолько сильно, что делает тщетными любые попытки повысить внутренний спрос. Вряд ли кто усомнится в том, что в целом бережливость — хорошая черта. Она позволяет людям и их семьям не превратиться в обузу для соседей или государства. Более того, сбережения — это основа для инвестиций, а следовательно, для будущих прибылей и прогресса. В Японии, однако, индивидуальные сбережения осуществляются в ущерб расходованию, именно поэтому поддерживать общий уровень спроса приходится правительству за счет бюджетных средств.

Впрочем, стимулировать спрос лучше с помощью денежно-кредитного регулирования, а не фискальных инструментов. С этой целью мы

* Bernard Mandeville, The Fable of the Bees and Other Writing (Indianapolis: Hackett Publishing, 1997).

в 1981 году, когда Великобритания переживала глубокий спад, решили сократить дефицит государственного бюджета и понизить процентные ставки, что в то время вызвало оживленную полемику. Наперекор традиционным кейнсианским взглядам, такой подход привел к возрождению и устойчивому экономическому росту.

Проблема Японии в том, что ее процентные ставки и без того очень низки, они буквально приближаются к нулю. Поэтому власти прибегли к тому, что мы называем «операциями на открытом рынке», т. е. стали печатать иены и покупать облигации японского правительства. Они рассчитывают на то, что в конце концов эмиссия иен остановит дефляцию и приведет к оживлению экономики. Большое значение, конечно, имеют технические детали, но все же они не оказывают принципиального влияния на стратегию в целом — стремление повысить предложение денег.

Я значительно более скептически отношусь к предпринятым мерам финансовой поддержки, особенно пакетам госассигнований. Хотя они и в самом деле помогают восстановить рост, я вовсе не уверена, что это сделает его стабильным, скорее наоборот.

В результате предоставления пакетов государственных ассигнований бюджетный дефицит Японии превысил 8% национального дохода (ВВП). Общий государственный долг, который в 1990 году составлял 70% от ВВП, к концу 1999 года вырос до 130%, а к 2004 году, по прогнозам МВФ, достигнет 150%. При этом следует иметь в виду, что данные цифры не учитывают влияния Программы финансовых инвестиций и займов, которая направляет средства японского почтово-сберега-тельного банка и государственных пенсионных фондов в строительство и другие проекты. Не учитывают они и необеспеченных пенсионных обязательств, возникающих в результате старения населения. Включите два этих элемента в расчет, и суммарный долг более чем в два с половиной раза превысит ВВП Японии*.

В политике, в том числе и экономической политике, следует исходить из того, что поведение людей в целом рационально. Конечно, они не всегда ведут себя так. Иррациональный оптимизм и случаи паники вовсе не редкость. Однако, если в целом люди ведут себя не так, как мы хотим или ожидаем, лицам, определяющим политику, нужно задуматься над этим, а не жаловаться.

* *The Economist, 22 January* 2000.

Японцы, отдавая предпочтение накопительству, а не р'асходам, действуют совершенно рационально. Причина в том, что именно этого требует их финансовое положение. Население Японии стареет быстрее, чем население любой другой страны. Один из экспертов выразил это с поразительной ясностью: «Двадцать лет назад японское общество было самым молодым среди развитых стран. К 2005 году оно станет самым старым»*. К 2015 году возраст каждого четвертого японца будет не меньше 65 лет. Им просто необходимо копить, чтобы обеспечить свое будущее — будущее, в котором число людей трудоспособного возраста, способных обеспечивать их, значительно сократится.

Вторая причина, однако, в том, что многие японцы по вполне понятным причинам беспокоятся за сохранность своих сбережений. В прошлом доступность крупных сумм с низкой доходностью привела к взрывному росту японской промышленности. Но во многих случаях эти деньги приходилось «инвестировать» в никчемные проекты, пользу от которых получала только строительная промышленность Японии, имеющая сильное политическое влияние.

Третья причина — в той огромной финансовой накачке, которая вела к росту государственного долга. Несомненно, если темп экономического роста достаточно высок, долговое бремя снижается. А если нет?.. Повышение налогов в этом случае неизбежно, и, как следствие, неизбежна потребность в еще большем объеме сбережений для уплаты этих налогов.

В поисках рецептов лечения экономических недугов Японии необходимо учитывать особенности японской психологии и того общества, которое порождает их. Те самые глубоко консервативные инстинкты, которые дезавуируют потуги тех, кто делает политику, — вот что позволит Японии вынести испытания, но только в том случае, если последние будут восприниматься как плата за национальный прогресс. Японская семья необычайно крепка. Рабочая этика имеет глубокие корни. А есть еще чувство ответственности за престарелых членов семьи, не в пример нашему, на Западе. Японское общество — это общество, умеющее справляться с проблемами, что оно уже не раз демонстрировало.

Изложенные здесь соображения подсказывают мне, совершенно постороннему человеку, осмелившемуся давать советы, что у серьезной

* Peter G. Peterson, Gray Dawn: The Coming Age Wave will Transform America – and the World (New York: Random House, 1999), p. 72.

реформы системы государственных ассигнований, сопровождающейся достаточно либеральной денежно-кредитной политикой, гораздо больше шансов на успех, чем у лихорадочного государственного заимствования. Это особенно справедливо в свете того, что до последнего времени приоритет отдавался вложению капитала, а не снижению налогов. Несмотря на то что налоговые поступления в Японии относительно невелики, маржинальные ставки налогов слишком высоки*. Любые (ограниченные) финансовые преобразования должны сопровождаться снижением этих ставок.

Японским лидерам, кроме того, необходимо убедить население в том, что и они, и основные финансовые институты перестали транжирить сбережения японцев. Это требует абсолютной честности и наполнения обещаний повысить прозрачность реальным содержанием. Такой шаг, в свою очередь, вполне может потребовать изменения политической культуры. Япония по праву гордится своей демократией. Однако подлинная демократия предполагает открытое обсуждение проблем, рассмотрение альтернативных вариантов и, прежде всего, готовность вести за собой. Я не принадлежу к тем, кто считает, что подобное невозможно в Японии, как не принадлежал к их числу Акио Морита.

- **Реструктуризация финансовой системы и промышленности Японии должна продолжаться, если страна намерена двигаться вперед.**
- **Запад оказал Японии медвежью услугу, заставив ее наращивать финансовую поддержку: основным результатом этого стал рост государственного долга.**
- **В числе доступных финансовых мер лучше всего сконцентрировать усилия на снижении налогов, с тем чтобы создать стимулы для всех, а не на финансировании строительных проектов, которые могут оказаться ненужными.**
- **Людям, определяющим политику Японии, только тогда удастся увеличить спрос, когда они убедят простых японцев в том, что их сбережениям и будущему ничто не угрожает.**

* Alan Reynolds, «Toward Meaningful Tax Reform in Japan», Cato Institute Center for Trade Policy Studies, 1998.

Экономические трудности Японии слегка приглушили полемику относительно стратегической роли страны, которая не прекращается вот уже несколько лет, несмотря на то что положения послевоенной конституции не допускают ничего подобного. Японская конституция не просто отвергает войну и «угрозу или реальное применение силы в качестве средства решения международных споров», она также устанавливает, что для достижения этой цели страна «никогда не будет создавать сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы, равно как и любой иной военный потенциал». Государство, которое не способно продемонстрировать силу, не может играть в обеспечении безопасности иной роли, кроме как поля боя или стартовой площадки. Совершенно очевидно, что подобная ситуация не может устраивать суверенную Японию и, не в меньшей мере, Соединенные Штаты, на которых лежит обязанность защищать японскую территорию и воды. Понятно, что с течением времени эти положения конституции стали трактоваться по-иному, а в недалеком будущем вообще могут быть пересмотрены официально. Такого взгляда придерживается большинство членов японского парламента, а также и новый премьер-министр г-н Коидзуми.

На сегодняшний день Япония реально является крупной военной державой. У нее второй в мире по размеру военный бюджет. Она располагает 1160 танками, 15 подводными лодками, 62 военными кораблями различных классов и более чем двумя сотнями истребителей. Японские вооруженные силы оснащены по последнему слову техники, однако выполняют строго оборонительные функции и не имеют боевого опыта. В случае кризиса решение стратегических, наступательных и других задач берет на себя союзник Японии — Соединенные Штаты, для чего они постоянно держат на территории Японии более 40 тысяч военнослужащих.

Подобный подход вполне оправдывает себя. По хорошо известным историческим причинам контроль со стороны соседей Японии имеет большое значение, поскольку позволяет не допустить появления любых признаков милитаризма. Это, конечно, не удерживает коммунистический Китай от обвинений, обусловленных главным образом желанием увеличить размеры японской финансовой помощи. Япония, однако, прекрасно сознает, что ей необходимо выполнять свои обязательства и по отношению к другим странам Азии.

С другой стороны, очень важно, чтобы Япония продолжала обновлять и укреплять свои вооруженные силы. На то есть три причины.

Во-первых, в Восточной Азии только Япония способна составить противовес Китаю. Китай — честолюбивая держава, чьи устремления вполне могут дестабилизировать регион. Китай неизменно поднимает антияпонскую шумиху, когда Япония встает на его пути, но он не может не считаться с ее интересами и знает, что их будут защищать. Это, а именно поддержание баланса сил в Азии, и есть главная причина необходимости укрепления мощи Японии*.

Во-вторых, постоянное наращивание военной мощи Японии укрепляет жизненно важные отношения с Соединенными Штатами. Америка, конечно, должна оставаться лидером в Азиатско-Тихоокеанском регионе, однако это вовсе не исключает партнерства. Для Америки и Японии очень важно — и психологически, и практически, — чтобы ситуация развивалась именно так.

Во времена «холодной войны» Япония была ключевым партнером Америки в Азиатско-Тихоокеанском регионе. После прекращения противостояния обе стороны произвели переоценку ситуации. Для Соединенных Штатов торговые проблемы стали доминирующим аспектом в отношениях с Японией. Некоторые влиятельные политики в Японии начали говорить о том, что в международных взаимоотношениях внимание нужно перенести с Америки на другие страны Азии. Эти тенденции оказались взаимно усиливающимися. Война в Персидском заливе только умножила трудности. Многие представители Запада критиковали Японию за отказ принять более активное участие в конфликте, который из-за полной зависимости Японии от импорта нефти угрожал ее интересам в еще большей степени, чем интересам США. Японцы же, которые взяли на себя существенную долю стоимости операции (9 млрд. долларов), совершенно справедливо обижались на то, что их финансовая поддержка прошла почти незамеченной.

Лишь появление новых внешних угроз восстановило в Японии и Соединенных Штатах чувство общности интересов. Одну из угроз представлял Китай. Много лет Япония являлась его главным инвестором. Она всегда проявляла интерес к развитию Пекина. Однако милитаризация Китая вызывала все больше и больше беспокойства. После ядерных испытаний, осуществленных Пекином в 1995 году, Япония сокра-

* Информацию о китайских вооруженных силах можно найти на стр. 206-212.

тила программу помощи Китаю. В 1996 году китайские баллистические ракеты, запущенные для устрашения Тайваня, упали недалеко от японских судоходных путей. В том же году обострились разногласия вокруг островов Сенкаку в Восточно-Китайском море. Как только Япония в ответ на эту угрозу сблизилась с Америкой, антияпонская риторика Китая стала еще яростней, что подтвердило опасения японцев.

Другим, еще менее предсказуемым, источником опасности являлась Северная Корея. В 1992 году было доказано, что северные корейцы похищали японских граждан с целью обучения и превращения в шпионов. В 1993 году было проведено испытание северокорейской ракеты Кос1оп§-1 с радиусом действия 1000 км, всполошившее не только Японию. В 1994 году кризис, связанный с секретной программой Северной Кореи по созданию ядерного оружия, показал, насколько уязвимо положение Японии. Ощущение уязвимости лишь усиливалось в течение следующих нескольких лет: в августе 1998 года Северная Корея запустила новую и более совершенную ракету Таеро<1оп§, которая пролетела над северной частью Японии*.

Под давлением этих факторов Токио и Вашингтон предприняли шаги по укреплению союза. Японцы — в какой-то мере в результате их собственных экономических трудностей — больше, по всей видимости, не увлекаются призрачной идеей создания восточно-азиатской «сферы влияния» с Японией в центре. Американцы, со своей стороны (не без некоторой помощи), наконец признали, что никогда не стоит приносить безопасность в жертву торговым интересам. В апреле 1996 года президент Клинтон и премьер-министр Рютаро Хашимото публично подтвердили свое твердое намерение поддерживать японо-американское взаимодействие в области безопасности. За этим заявлением последовал пересмотр принципов двустороннего сотрудничества в сфере обороны. Неосмотрительное решение президента Клинтона посетить в 1998 году Китай, а не Японию, разговоры об американо-китайском «стратегическом партнерстве» и наставления японцам по поводу их экономической политики, озвученные в Пекине, отбросили американо-японские отношения назад. Япония все же оказалась достаточно зрелой, чтобы не обращать внимания на столь пренебрежительное отношение к себе, и сотрудничество двух стран продолжилось.

* См. стр. 243-244.

Это сотрудничество тем не менее требует развития. Обе стороны нуждаются в этом. Для Америки Япония имеет жизненно важное значение как главный союзник в Азии. Японии также необходимо смириться с тем, что она не может устраниться от конфронтации между Вашингтоном и Пекином. Японцы, естественно, хотели бы поддерживать хорошие в разумных пределах отношения со своим непредсказуемым соседом. Однако для обеспечения безопасности Японии необходима защита от угроз, которую ей может дать лишь сотрудничество с Соединенными Штатами. Именно поэтому я считаю, что американо-японская программа создания эффективной территориальной системы ПРО должна энергично проводиться в жизнь и привести к скорейшему размещению такой системы. Я также убеждена, что, являясь ближайшим союзником Америки в регионе, Япония окажет услугу потенциальным агрессорам, если откажется поддержать решение Америки создать глобальную систему ПРО.

В-третьих, необходимость оснащения Японии самыми современными видами обычного вооружения в сочетании с противоракетным щитом обусловлена тем, что она ни при каких условиях не может превратиться в ядерную державу. Японцы сами не хотят, чтобы их государство стало ядерной державой. Не хотят этого и их соседи. Вместе с тем великая держава с далеко идущими интересами, если она хочет защитить их, должна быть сильной в других отношениях, чтобы компенсировать отсутствие абсолютного средства устрашения.

Япония не станет глобальной военной державой в обычном смысле. Живая память прошлого не допустит этого. Однако в других отношениях Япония несомненно играет глобальную роль. Как только будут преодолены нынешние проблемы, она тут же вернется в ряды столпов международной экономической системы. Ей также нужна возможность более активно участвовать в решении миротворческих задач, даже за пределами Азии. С этой целью может быть скорректирована японская конституция.

Поддерживаемое Великобританией и Соединенными Штатами намерение Японии добиться статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН, на мой взгляд, является ошибкой. Членство в Совете Безопасности не следует рассматривать как некое свидетельство международного уважения: если бы это было так, нынешний китайский режим вряд ли мог удостоиться его. Историческим и стратегическим основанием, на котором нынешняя «пятерка» получила постоянное представительство

в нем и право налагать вето на решения ООН, является обладание ядерным оружием и способность отстаивать свои интересы с его помощью. Совет Безопасности — это орган, который спускает многословный интернационализм Генеральной Ассамблеи на грешную землю; включение неядерных государств в число постоянных членов Совета Безопасности привнесет новый и потенциально опасный элемент неопределенности в политику великих держав. Обладание ядерным оружием является необходимым, но не достаточным условием получения членства в Совете Безопасности: при определенных обстоятельствах я, например, вполне могла бы рассмотреть заявку Индии, но ни при каких условиях не стала бы рассматривать заявку любого из «государств-изгоев»*. Тот, кто поддерживает стремление Японии к получению статуса члена Совета Безопасности, исходит из ложной предпосылки, что иерархия современного мира выстраивается в соответствии с заслугами, а не с силой. Они глубоко заблуждаются.

- **Мы должны приветствовать постоянное укрепление военной мощи Японии.**
- **Япония играет ключевую роль противовеса Китаю.**
- **Япония будет и впредь оставаться принципиальным стратегическим партнером США в Азии, и отношение к ней должно соответствовать этому статусу.**
- **Япония должна знать, что она вправе рассчитывать не только на американский ядерный зонтик, но и на противоракетную защиту.**
- **Японцы, без сомнения, могут играть более заметную роль в международных делах, стремление к этому заслуживает поощрения.**
- **Превращение Японии в постоянного члена Совета Безопасности ООН не отвечает ни нашим интересам, ни интересам самих японцев.**

События в Кобе

Насколько мне известно, название «Кобе», крупнейшего японского порта, занимающего узкую полоску земли между высокими горами и Осакским заливом, переводится как «Божьи врата». По всей видимости, имеются в виду «врата», открывающие путь в глубь страны, к древней

* Информацию об Индии можно найти на стр. 223-235.

японской столице Киото. Однако когда я приехала в Кобе в понедельник 17 октября 1994 года на церемонию спуска на воду гигантского тайваньского контейнеровоза, построенного на судоверфи Мицубиси, взгляды присутствующих были устремлены на залив. Чан Янг-фа, председатель правления тайваньской судоходной компании Evergreen, сдернул полотнище, закрывающее название корабля. Я энергично ударила топором по канату, который удерживал судно. В борт полетела традиционная бутылка шампанского. Под аплодисменты толпы и аккомпанемент гудков гигантское судно двинулось по стапелям в воды бухты Кобе. Вряд ли что-нибудь еще может служить лучшим символом японской промышленной мощи, чем сцена спуска на воду контейнеровоза Ever Result

Тремя месяцами позже, во вторник, 17 января 1995 года, в 5.46 в Кобе произошло самое сильное за последние полвека землетрясение. Погибло 4,5 тысячи человек, около 14 тысяч получили ранения, почти 75 тысяч зданий были сметены с лица земли. Более всего пострадали небольшие традиционные деревянные дома беднейшей части населения. Они рушились десятками тысяч, погребая под собой людей. Вспыхнувшие вслед за этим пожары поглотили то, что устояло после землетрясения. Гостиница Okur, в которой я останавливалась, а также многие современные здания не пострадали. Судоверфь же Мицубиси была разрушена полностью. По счастливой случайности, контейнеровоз Ever Result покинул «Божьи врата» и ушел в первый рейс всего за несколько часов до землетрясения.

Мир моментально облетели фотографии вывернутых опор эстакады скоростной дороги, которые для многих стали символом катастрофы. Даже достижения японской науки не позволили предсказать этого землетрясения. Даже достижения японской технологии не помогли создать здания, способные выдержать его. Даже мобилизовав все свои ресурсы, Япония не могла быстро устранить все последствия катастрофы. Наряду со случаем использования отравляющего газа зарина в токийском метро в том же году, бесчисленными политическими и финансовыми скандалами и застоем в экономике катастрофа города Кобе подтолкнула японцев к переоценке ценностей и стала дурным предзнаменованием для остального мира.

Я вновь побывала в Кобе в 1996 году в связи с празднованием столетнего юбилея компании Kawasaki Heavy Industries. Шрамы от катастрофы были все еще заметны, так же как и человеческое горе. Однако

гор мусора, оставшихся от разрушенных зданий, уже не было, после первого замешательства город начал вновь подниматься. Скоростные дороги были восстановлены, и мы мчались по ним с той же скоростью, что и в 1994 году. Масштабы восстановительных работ, впрочем, ограничивались болезненными процессами, которые происходили в японской экономике и во многом обусловливали проблемы Кобе.

Кобе, таким образом, представляет собой более сложный (и по этой причине более точный) символ Японии, чем спуск на воду корабля в 1994 году или землетрясение 1995 года. Все дело в том, что Япония реагирует на события недостаточно быстро и гибко, а следовательно, может потерять равновесие в случае неожиданного кризиса. Тем не менее Япония держится, а японцы не теряют присутствия духа. Они размышляют, консультируются, а затем идут вперед — к той цели, которую себе поставили. Именно поэтому японцы добивались успеха в прошлом и будут делать это и впредь.

Глава 5

Гиганты Азии

ЧАСТЬ I. КИТАЙ

Борьба за власть в Пекине

Во вторник, 10 сентября 1991 года, я приехала в Пекин по приглашению китайского правительства. Это был период серьезной международной напряженности. Всего три недели назад непримиримые коммунисты в Москве предприняли окончившуюся неудачей попытку захватить власть. Президент Горбачев получил свободу, однако героем событий стал Борис Ельцин. Переворот не только не привел к сплочению Советского Союза, но и подтолкнул его к распаду. Коммунистическая партия Советского Союза полностью дискредитировала себя (впоследствии она несколько оправилась). Я также имела отношение к некоторым из этих великих событий*. На пути в Пекин около полуночи мой самолет приземлился в Алма-Ате для дозаправки. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев лично приехал в аэропорт, чтобы встретиться со мной. В течение нескольких часов мы обсуждали с ним произошедшие события. Он, будучи проницательным тактиком, по всей видимости, играл роль посредника в сложных отношениях между г-ном Горбачевым и г-ном Ельциным. Когда на следующий вечер я оказалась в Ки-

* См. The path to power, pp. 512-514.

тае, меня больше всего занимал один вопрос: как события в Советском Союзе скажутся на будущем коммунизма и, в частности, Китая?

Мне было известно, что этот же вопрос мучил и руководство Китая, правда по другой причине: премьер-министр и министр иностранных дел Великобритании, Джон Мейджор и Дуглас Херд (ныне лорд) побывали в Пекине накануне, и г-н Херд сообщил мне, что им удалось выяснить. В течение десятилетий китайцы радовались всему, что ослабляло их давнишнего советского соперника. Однако сейчас их сильно беспокоило, как происходящее отразится на их собственном режиме. В 1989 году они с помощью танков успешно подавили выступления в защиту свободы на площади Тяньаньмынь. В Москве же этот испытанный инструмент оказался совершенно неэффективным, танк послужил даже трибуной борьбы за демократию для Бориса Ельцина.

В Пекине я должна была остановиться в государственной резиденции для почетных гостей «Дяоюйтай», которая представляла собой хорошо охраняемый комплекс зданий, где когда-то Цзян Цин, жена Мао, готовила заговор со своими радикально левыми друзьями и, в конце концов, была арестована. В доме, или «особняке», где мы расположились, была похожая на пещеру гостиная, обставленная в роскошном и угрюмом стиле, столь милом сердцу коммунистических специалистов по интерьеру. В ней мы обнаружили удивительную коллекцию бутылок со спиртными напитками. Китайцы, однако, хорошо понимая, как цена влияет на поведение людей, для ограничения их потребления включают стоимость выпитого гостями в счет.

Мы прибыли на место в начале двенадцатого ночи, но мне не терпелось получить подробный инструктаж от служащих посольства: график следующего дня был очень насыщенным, а я хотела знать всю последнюю информацию. Поэтому я через переводчика попросила женщину-администратора отпустить персонал и сказала, что мы позаботимся о себе сами. У меня был очень хороший переводчик, однако ему удалось растолковать, что мы хотим, только с четвертого раза: администратор нам явно не верила. Тому, кто полагает, что коммунизм — это равенство, было бы не вредно поговорить на эту тему с той женщиной.

Помимо официальной информации, которую мне сообщили, я получила и еще кое-какие ценные сведения. Мне передали суть разговора между Генри Киссинджером, который был в Пекине незадолго до моего приезда, и премьер-министром Китая Ли Пеном. Более всего

меня заинтересовали ответы Ли Пена на замечания д-ра Киссинджера. Никогда не вредно иметь представление о том, как мыслит другая сторона. В случае с китайцами это полезно вдвойне, поскольку можно не сомневаться в том, что уже после первой встречи они будут в точности знать *ваши* взгляды: тот, с кем вы уже встречались, обязательно проинструктирует вашего следующего собеседника.

В графике следующего дня первым значился министр иностранных дел Китая Цянь Цичэнь. Г-н Цянь был несговорчивым и умным профессиональным дипломатом, по характеру чем-то напоминающим Громыко. Он специализировался на отношениях с Россией, однако отлично владел английским языком. Признание со стороны политбюро он получил за непоколебимое проведение линии партии, когда возглавлял информационный отдел Министерства иностранных дел Китая. Г-н Цянь ни на йоту не отступил от этой линии и на этот раз.

Китай, сказал он, крайне заинтересован в том, чтобы Советский Союз сохранился в своей прежней форме и оставался стабильным. Двойная проблема текущего момента заключается в состоянии советской экономики и «русском шовинизме». Я заметила, намеренно смещая фокус, что с оптимизмом смотрю на будущее Советского Союза, — как оказалось позднее, я ошибалась, — исходя из решительной реакции народа на переворот. Довольно прозрачно намекая на подавление выступлений на площади Тяньаньмынь в 1989 году, я добавила: «В современном мире танки и пушки не могут сломить стремления людей».

Г-н Цянь смутился. Не дали ему расслабиться и мои рассуждения по поводу выполнения Китаем его публичного обязательства соблюдать права человека. В конце нашей встречи я высказала соображение, что новый мир стал реальностью в результате прогресса в сфере передачи информации: это требует нового мышления и новой системы измерений. Руководители не могут более игнорировать желания своих народов. Вот смысл того, что произошло в Восточной Европе, а теперь в Советском Союзе. (Я надеюсь, что моя не высказанная напрямую мысль была понята.)

Следующим, с кем мне предстояло встретиться, был удивительный джентльмен по имени Жун Ижэнь. Г-н Жун официально занимал должность заместителя председателя Народного собрания, но это ничего не говорило о его реальном положении. По сути, он являл собой образец «красного капиталиста». До революции г-н Жун был очень

богат. Однако в отличие от большинства китайских магнатов, которые бежали из страны и окончили свои дни в Гонконге или где-нибудь еще дальше от дома, он нашел общий язык с коммунистами. Власти практически всегда стремились убедить влиятельных представителей Запада в том, что богатые вполне могут процветать в Китае с благословения партии. Г-н Жун являлся тому живым доказательством. По его словам, он пострадал во время Культурной революции, но впоследствии был реабилитирован и сейчас живет на широкую ногу.

Г-ну Жуну принадлежал дом с внутренним двором. Подобные дома редко встречаются в наше время и очень престижны, однако когда-то они были традиционными для Пекина и составляли значительную долю в его застройке — серые с красными крышами, часто с прекрасными внутренними садами.

Гостиная, в которую меня провел г-н Жун, была заполнена мебелью конца эпохи династии Цин и расписана орнаментами. Каждый предмет представлял необыкновенную ценность. На стене висело огромное полотно с каллиграфией, принадлежавшей кисти хорошо известного художника, в углу которого сам Ден Сяо Пин начертал свою высокую оценку. Впечатление отчасти портило чучело собаки г-на Жуна, находившееся в стеклянном сосуде. Я не знала, как на все это реагировать.

Во время официальных бесед с китайскими сановниками всегда чувствуешь себя неловко из-за того, что кресла стоят рядом, и каждый раз нужно поворачиваться, если хочешь что-либо сказать. В результате никак не удается взглянуть друг другу в глаза, — возможно, на это все и рассчитано. Наша беседа оказалась еще более чопорной, чем все остальные. Мы обсуждали Культурную революцию, но, как выяснилось, наши выводы были совершенно разными. Г-н Жун полагал, что во всем необходима стабильность. На это я ответила, что единственно возможный путь к ней — демократия. Он попытался возразить, что демократия на Западе провалилась из-за принижения роли женщин. Тогда я пристально посмотрела на него, и он быстро сменил тему.

Облегчение, которое я почувствовала, когда объявили ленч, увы, длилось недолго. Мы сидели за огромным столом, почти полностью занимавшим относительно небольшую комнату, и нам подавали поочередно то, что, по-видимому, считалось деликатесами в родной провинции г-на Жуна, однако на деле вполне могло оказаться изощрен-

ной пыткой для гостей с Запада. Первыми принесли огромных серых вареных креветок. Они были неочищенными, их большие черные глаза беспомощно глядели сквозь маслянистый соус с неаппетитным запахом. Чтобы съесть это блюдо, нужно было постепенно высосать всю креветку, а затем выплюнуть пустой панцирь. После того как унесли тарелки, на столе появилась огромная супница, доверху наполненная чем-то круглым и белым. Блюдо оказалось большим окороком, покрытым толстым слоем белого сала. Окорок резали на куски и подавали гостям. Испытание продолжалось.

После этого мы ненадолго вернулись в гостиницу. Наша машина медленно пробиралась по улицам, было жарко. Китайцы предоставили в мое распоряжение длинный старомодный лимузин марки «Красный флаг» — копию ЗИЛа, созданного для Сталина. При каждой остановке машину окружали китайские велосипедисты и начинали меня разглядывать. Я изо всех сил старалась выглядеть приветливо, а главное — не заснуть.

Мне было крайне необходимо восстановить самообладание, поскольку приближалась самая важная встреча дня — аудиенция с Ли Пеном в три часа.

Премьер-министр Китая, как и все остальные ключевые фигуры страны, жил и работал в районе Чжун Наньхай. Это был коммунистический эквивалент императорского «Запретного города», да к тому же примыкал к последнему. Он представлял собой обнесенный стеной хорошо охраняемый комплекс с жилыми помещениями, офисами, бассейнами и павильонами.

В изысканной атмосфере этого квартала Пекина кипела политическая борьба между Ли Пеном и Цзян Цземинем за место наследника Ден Сяо Пина, т. е. верховного руководителя Китая. Борьба носила, главным образом, межличностный характер, однако в ней присутствовали и элементы идеологии. Ли Пен, как известно, лично отдал приказ подавить с помощью танков протесты на площади Тяньаньмынь. Это запятнало его в глазах иностранцев и многих китайцев. В нем видели человека, который ставил стабильность превыше реформ, в том числе и экономических. Достоинство Цзян Цземиня, бывшего мэра процветающего Шанхая, заключалось в том, что он не был похож на Ли Пена. Он вряд ли мог считаться либералом — честно говоря, его взгляды до сих пор остаются неопределенными, но у него не было столь тяжелого идеологического багажа.

Автомобиль свернул в боковые ворота Чжун Наньхай и подъехал к витиевато украшенному павильону Цин. Войдя в просторный холл, я с удивлением обнаружила там множество кресел, расставленных большим полукругом. После того как Ли Пен раскланялся со мной, нас усадили рядом в центре. Со стороны Ли Пена все кресла были заняты руководителями китайского правительства, а позади них расположились их подчиненные. С моей же стороны находился лишь мой переводчик, остальные места оставались свободными. На первый взгляд, условия были неравные, но, как вскоре выяснилось, Ли Пена окружали не столько помощники, сколько зрители. Они хотели знать, как тот поведет себя.

Поначалу наш разговор касался Чжао Цзияна, впавшего в немилость бывшего премьер-министра, который был знаком мне по переговорам о судьбе Гонконга в 1982 году. Его сняли семь лет спустя за то, что он выступил против применения силы на площади Тяньаньмынь. Я попросила разрешения встретиться с ним, но Ли Пен заявил, что это невозможно, поскольку Коммунистическая партия ведет в отношении него «следствие». Я поинтересовалась, когда может завершиться этот процесс, поскольку судьба старых друзей мне не безразлична, как, например, судьба г-на Горбачева (которого непримиримые коммунисты фактически посадили под арест). Ли Пен пропустил это сравнение мимо ушей. Тем не менее он обещал передать привет от меня. По словам Ли Пена выходило, что г-н Чжао живет хорошо и продолжает занимать свою старую резиденцию. Ему даже прибавили заработную плату, добавил он с невеселой усмешкой.

Затем разговор перешел на события в Советском Союзе. По мнению Ли Пена, в СССР необходимо «восстановить порядок и дисциплину». Он допустил, что произошедшие изменения оказали на Китай отрицательное воздействие, хотя и не очень существенное. Я не согласилась с его оценкой. «Беспорядок», возразила я, возник в результате отказа пойти на децентрализацию, особенно отказа отпустить прибалтийские республики. А самым серьезным нарушением порядка, несомненно, является переворот.

Я продолжила, заявив, что, хотя и понимаю причины, по которым непримиримые в Советском Союзе пошли на переворот, однако не считаю возможным для Китая идти тем же путем. Опыт, полученный во время Культурной революции, должен уничтожить даже намеки на возврат к прошлому. Тем не менее китайское правительство продол-

жает использовать армию для подавления собственного народа. Почему это происходит?

Ли Пен пришел в ярость. Избитое представление о бесстрастности китайцев в этом случае оказалось опровергнутым. Лицо его стало жестким, он побагровел и перешел к классической китайской защите от критических замечаний со стороны иностранцев: стал перечислять ужасы, которые причиняли иноземцы китайскому народу на протяжении веков, упирая на деяния японцев. Я напомнила ему о том, что Коммунистическая партия Китая погубила больше китайцев, чем иноземцы во все времена, достаточно вспомнить лишь Культурную революцию. Ли Пен вновь использовал стандартный прием, а именно — заявил, что Коммунистическая партия признала свои ошибки. Сам Мао признал, что действительно были допущены перегибы. Я заметила, что Мао, конечно, виднее, ведь именно он был первосвященником Культурной революции. Мне было известно, что даже сегодняшние китайские коммунисты не готовы допустить такой мысли. Мое замечание сделало дальнейшие высказывания Ли Пена совершенно бессвязными.

Наш разговор, который занял на полчаса больше, чем было запланировано, в ущерб встрече с министром иностранных дел Вьетнама, наконец подошел к концу. Пока я собиралась, Ли Пен, оставив своих коллег, подошел ко мне и с некоторым смущением попросил при общении с прессой отметить, что встреча прошла «в дружественной атмосфере». Задумавшись на мгновение, я ответила, что вообще не собираюсь выступать перед прессой. Слово свое я сдержала.

Это, конечно, было прямой противоположностью тому, как ведут себя некоторые представители Запада. В частных беседах с китайскими руководителями они держатся очень сдержанно, практически не высказывая замечаний относительно недопустимых действий китайцев. Зато потом расписывают перед миром собственную храбрость. Эффект от этого нулевой. Китайцы должны знать, что мы говорим именно то, что думаем, и искренны в наших убеждениях и критических высказываниях. Они скорее обратят внимание на наши замечания, если мы сумеем показать, что готовы вести себя профессионально.

В конце этого дня мне предстояла встреча и обед с Цзян Цземинем, который был тогда генеральным секретарем Коммунистической партии (в настоящее время он занимает пост президента). Наш разговор в значительной мере касался тех вопросов, что уже затрагивались на ветре-

чах с Цянь Цичэнем и Ли Пеном, однако тон был совершенно иным. Г-н Цзян — мастер по созданию атмосферы благожелательности. В споре он почти никогда не задевает за живое, что позволяет ему избегать неприятностей. Вполне возможно, на этот лад его настроило и то, что ему рассказал обо мне Ли Пен. Цзян Цземинь завершил нашу встречу по всей видимости заранее заготовленным для присутствовавших китайских официальных лиц заявлением, в котором подчеркивалась решимость Китая идти по пути строительства социализма с учетом национальных особенностей, а также придерживаться политики «открытых дверей» и реформ. Иными словами, он подтвердил свою приверженность курсу Ден Сяо Пина.

Обед оказался замечательным. Г-н Цзян, обладавший незаурядными способностями к языкам, демонстрировал свое знание Шекспира. Он также попотчевал нас румынскими народными песнями, выученными, несомненно, в старые добрые времена Чаушеску.

Для многих западных аналитиков остается загадкой, каким образом Цзян Цземинь оказался на вершине китайской политики, не говоря уже о том, как ему удалось там удержаться. Однако на самом деле в этом нет ничего удивительного. Два предполагаемых преемника Ден Сяо Пина — Ху Яобань и Чжао Цзиян — уже попали в немилость к тому моменту, когда появился г-н Цзян. Говорят, что Ху Яобань, который показался мне довольно симпатичным при встрече в Лондоне, подписал себе приговор уже тогда, когда неосторожно поверил одному из многочисленных заявлений Ден Сяо Пина о том, что пришло время передать власть молодым.

Чжао Цзиян пострадал из-за своего несогласия с репрессиями на площади Тяньаньмынь. Со своей стороны, Цзян Цземинь хорошо понимал, как нередко понимают многие из тех, кто обитает при императорском дворе, что приспособляемость вознаграждается, а шутов никто не боится. Опыт Цзяна, приобретенный на посту мэра Шанхая, показал ему, как добиться процветания Китая. Большое значение имело и то, что он, по счастью, попал в ряды руководителей уже после событий на площади Тяньаньмынь: ответственность за то, что даже китайские коммунисты считают нынче ошибкой, так и осталась на Ли Пене. Будет ли этих качеств достаточно президенту Цзяну для того, чтобы определять судьбу Китая на решающей фазе его истории, покажет будущее.

Прошлое и настоящее

В результате окончания «холодной войны» в выигрыше — как глобальные державы — оказались две страны. Одна из них, естественно, — Соединенные Штаты. Другая, как ни удивительно это звучит, — Китай. Такая ситуация вызывает смешанные чувства. Очевидное и непрекращающееся экономическое развитие Китая напоминает нам о том, что в ряду побед, принесенных «холодной войной», конец коммунизма определенно не значится.

Китай был, в конце концов, второй по величине коммунистической страной после Советского Союза. Они могли расходиться во многом, что касалось тактики, границ и статуса, но только не в конечной цели. (Мао очень уважал Сталина, чьему примеру он следовал до конца своей жизни.) Потепление отношений между Китаем, Америкой и Западом после дипломатического прорыва президента Никсона в 1971-1972 годах было вызвано недовольством Мао политикой Москвы и ее оппортунизмом, а вовсе не какими-то либеральными соображениями.

Система, созданная Мао и его соратниками, представляла собой на деле чудовищную тиранию, которой до этого не знал мир. Безумие китайского «большого скачка», т. е. программы «модернизации» методами настолько же жестокими, насколько и тщетными, привело в период между 1959 и 1961 годами к величайшему голоду, в результате которого погибло, по разным оценкам, от 20 до 43 миллионов китайцев. Результатом маоистской Культурной революции в 1966-1976 годах стали еще сотни тысяч, а возможно и миллионы, жертв*. Действительно, все изменилось к лучшему с приходом к власти Ден Сяо Пина после смерти Великого кормчего, и все же сегодняшний Китай — во многих отношениях государство, которое построил Мао на двуедином фундаменте ленинской теории и практического террора. Оценка и предсказание поведения этой новой потенциальной сверхдержавы с кровавым прошлым и неопределенными намерениями, а также воздействие на него — одна из величайших проблем управления государством нашего времени.

Точка отсчета для подобного анализа должна находиться за пределами коммунистической, а точнее, даже современной эпохи. Это может показаться парадоксальным. История Китая в XX столетии пред-

* Jean-Louis Margolin, «China: A Long March into Night», (The Black Book of Communism, Harvard University Press, 1999, pp. 495, 513).

ставляет собой череду попыток порвать с прошлым. Сначала ушла конфуцианская система управления (1905), затем и сама императорская династия (1912), затем республиканский национализм Гоминьдана (1949), а в последнее время и то, что сейчас видится как бюрократические излишки традиционного социализма (с 1978 г.).

Преобразования, однако, нередко являются скорее показными, чем реальными. Реформаторы от власти, по-видимому, обречены повторять, сознательно или не очень, эпизоды прошлого. Записки врача Мао, например, свидетельствуют о том, что Председатель всегда имел под рукой ту или иную работу по древней истории империи и с удовольствием рассказывал присутствующим об уроках, которые следуют из нее*. Китайские военные долгое время считали древний манускрипт под названием «Искусство войны» ключевым текстом военной доктрины. (Он наполнен такими откровениями: «О божественное искусство хитрости и скрытности! Ты позволяешь нам быть невидимыми и неслышимыми; и, таким образом, держать судьбу врага в своих руках». Думается, это было бы интересно даже разведслужбам США.)

История Китая слишком велика и сложна, чтобы анализировать ее здесь. Однако даже неспециалист вроде меня может, особенно если он представляет себе нынешнее поведение Китая, заметить в менталитете китайских правителей отчетливые параллели с событиями прошлого.

Первая черта этого менталитета — чувство природного превосходства. Следует сразу же оговориться, что многое в истории Китая полностью оправдывает это чувство. Взять хотя бы тот факт, что китайской письменности уже более трех тысяч лет. Уровень развития науки, техники, искусства и культуры того периода намного превосходил западный. Самомнение, которое возникло на этой основе в последующие столетия, особенно во времена династии Мин (1368-1644), все более напоминало эгоцентризм. Это имело решающее значение для Китая еще и потому, что на этот же период приходится подъем современной Европы, с которой в конце XVIII и на протяжении XIX века китайцам пришлось иметь дело. Когда в августе 1793 года британская делегация в Китае продемонстрировала хозяевам глобус, произошел дипломатический скандал — из-за того, что китайцы оскорбились, увидев, как мала их им-

* *Li Zhhisui, The Private Life of Chairman Mao (London: Chatto and Windus*, 1994), pp. 122-125. Харри Уговорил мне, что эта захватывающая книга все еще запрещена в Китае.

перия*. На протяжении веков китайцы думали о себе как о «Срединном царстве», т. е. как о центре цивилизованного мира**. Иное мнение вызвало шок.

Вот мы и подошли ко второй черте китайского менталитета — ощущению уязвимости. Выходцу с Запада очень трудно понять причину бесконечных рассуждений о военных планах и проектах, направленных против современного Китая. Мы совершенно обоснованно смотрим на все это с изрядной долей скептицизма. Параноидальная идея не становится более здравой оттого, что в нее искренне верят, и может даже укрепиться, если ей потакают. Как бы то ни было, правители Китая *всегда* ощущали уязвимость перед посягательствами со стороны менее цивилизованных, но более сильных соседей. В их категорию попадали как монголы, основавшие династию Юань (1279-1368), так и манчжуры в лице династии Цин (1644-1911). Ну и, конечно, мы, страны Запада.

Контакты с Западом принесли Китаю унижение «опиумной войны» (1839-1842), когда Великобритания заставила его открыть пять портов и отказаться от Гонконга, и так называемые «неравноправные договоры», в которых практически все китайцы продолжают видеть серьезное оскорбление национального достоинства. Я непосредственно столкнулась с таким отношением в 1982 году во время переговоров с Ден Сяо Пином о судьбе Гонконга. Мне казалось, что китайцы должны были бы различать территории, находившиеся у Великобритании на правах аренды, и Гонконг, на который распространялся ее суверенитет***. Ден, однако, ясно дал понять, что он не видит никакой разницы между ними. Китайцы были преисполнены решимости отомстить за все перенесенными ими унижения. Хотя им и хотелось получить Гонконг благополучным и процветающим, они были готовы взять его при необходимости силой, невзирая на последствия.

Именно эти элементы — превосходство, уязвимость и унижение — и определяют во многом поведение сегодняшнего китайского правительства. Их значение обусловлено еще и тем, что они будут влиять,

* Alain Peyrefitte, The Collision of Two Civilizations: The British Expedition to China in 1792-4 (London: Harvill, 1993), p. 147.

** Насколько я понимаю, название, которое китайцы используют для обозначения своей страны — Zhonghua, переводится как «центральная земля».

*** В действительности более 90% территории Гонконга принадлежало Великобритании на правах аренды, срок которой истек в 1997 г.

хотя и не так грубо, на действия любого последующего некоммунистического режима. Помимо прочего они помогают понять, что в настоящее время китайцы хотят получить от Запада. Им нужен доступ к западному опыту, технологиям, инвестициям и рынкам, который даст Китаю возможность мобилизовать собственные громадные ресурсы и вновь сравняться с нами, а если удастся, то и превзойти нас.

Как ни парадоксально, подобные атавистические взгляды особенно очевидны в сегодняшнем Китае, претерпевающем модернизацию. С исчезновением былой власти коммунистической идеологии над массами Коммунистическая партия Китая стала подогревать патриотический энтузиазм и использовать его в качестве инструмента, позволяющего удержать контроль. Вот что, без сомнения, кроется за навязчивой идеей относительно Тайваня*. Это старая тактика коммунистических деспотов — от Сталина в Советском Союзе до Тодора Живкова в Болгарии и Чаушеску в Румынии**. В Китае, по историческим причинам, которые были рассмотрены выше, она укоренилась особенно глубоко. Сочетание коммунистического правления и усиления националистических настроений в народных массах дает гремучую смесь, взрыв которой, направленный против Запада, может произойти в любой момент.

Я уверена, что отношения с Китаем нам нужно строить, исходя из следующего:

- **Нам следует ясно представлять то историческое наследие, которое деформирует отношение к нам Китая.**
- **Вместе с тем мы никогда не должны принимать полную негодование риторику Китая за чистую монету.**

* Подобный цинизм не является чем-то новым. В записках врача Мао цитируется такая мысль Председателя: «Некоторые из наших товарищей не понимают ситуации. Они полагают, что мы должны переправиться и захватить Тайвань. Я с этим не согласен. Тайвань нужно оставить таким, как он есть. Пусть Тайвань продолжает давить на нас. *Это помогает поддерживать наше внутреннее единство»* (курсив автора). The Private Life of Chairman Mao, p. 262.

** Тодор Живков (1911-1998) — президент Болгарии (1971-1989), первый секретарь Центрального комитета правящей болгарской Коммунистической партии (1954-1989). Среди лидеров бывших коммунистических стран восточного блока Живков дольше всех находился у власти. Николае Чаушеску (1918-1989) — президент Румынии (1967-1989). Чаушеску вместе со своей женой Еленой был казнен в декабре 1989 года после падения его жестокого режима.

Китай сегодня: экономика

Сложная психология Китая имеет для нас сегодня значение по той причине, что это современная и перспективная держава. Основу этой державы, без сомнения, следует искать в ее экономике.

Китайцы — самые предприимчивые люди в мире. Однако системы власти как имперского, так и коммунистического периода, словно сговорившись, последовательно искореняли предпринимательскую жилку. В недалеком прошлом строительство великого города Шанхая отдали на откуп иностранцам. Даже сейчас отсутствие реального китайского среднего класса, зародыши которого были вырваны Мао с корнем, вынуждает в значительной мере полагаться на иностранный капитал и опыт. Скажу больше, хотя некоторые и сочтут это дурным тоном: в значительной мере нынешний успех китайского бизнеса обусловлен пиратским копированием и нарушением западного авторского права.

Экономические достижения Китая за последние десятилетия феноменальны. Средний темп роста с 1979 года составляет 8% в год. Если в 1978 году объем международной торговли достигал примерно 10% ВВП, то к концу 90-х он вырос до 36%. Китай не просто стал намного богаче, он глубже интегрировался в международную экономику. Его вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО) должно еще больше ускорить этот процесс.

Вместе с тем не следует терять чувства меры. Китайскую экономическую статистику (печально известную своей ненадежностью) можно оценивать с разных точек зрения. Судя по уровню покупательной способности, Китай обладает вторым в мире по величине экономическим потенциалом и опережает Японию. С точки зрения текущих обменных курсов — находится на седьмом месте. А если взять ВВП на душу населения, то он скатывается на 150-е место и оказывается позади Индонезии.

Подобные «сигнализаторы состояния здоровья» особенно показательны при оценке прямых западных интересов в Китае. В 1998 году британский экспорт в Китай составил 1% от общего объема экспорта; экспорт же США не превысил 2% от общего объема. Доля Китая в мировой торговле (видимой и невидимой) меньше доли Нидерландов, Бельгии и Люксембурга*.

** CIA World Factbook 2000; Heritage Foundation, US and Asia Statistical Handbook, 1999-2000; The Economist Worrld in Figures, 2001.*

руках оказалось управление всей экономикой. Б период между 1992 и 1995 годами он также занимал пост руководителя Центрального банка Китая.

Г-н Чжу оказался полным жизни, прямым, уверенным в себе человеком, к тому же остроумным, чем выгодно отличался от ограниченных выдвиженцев из партийной когорты. Он был готов выслушивать советы и пытался сравнивать особенности происходящих в Китае преобразований с тем, что делали мы в Великобритании, осуществляя реструктуризацию промышленности в 80-х годах. У меня сложилось впечатление, что он совершенно отчетливо представлял себе масштабы затеянного.

Г-н Чжу рассказал, что в соответствии с его планами уменьшения размера государственного сектора число госслужащих в аппарате центрального и местных правительств должно сократиться в два раза. Штаты государственных предприятий также были чрезмерно раздуты. Вдобавок нужны были еще и рабочие места для тех, кто переезжает из сельских районов в города. Одновременно Китай начал быстро входить в новую технологическую эпоху.

Вместе с тем г-н Чжу полагал, что страна справится со стоящими перед ней проблемами. Уверенность его основана на росте производительности труда в сельском хозяйстве в результате рыночных реформ. Даже при самых неблагоприятных условиях Китай теперь может накормить свой народ.

Возможно, он прав, я надеюсь, что это так.

Многие проблемы сегодняшнего Китая напоминают те, с которыми боролась Великобритания после 1979 года. Их общую причину можно обозначить одним словом — социализм. Чтобы добиться прогресса, все атрибуты социализма — структуры, институты и отношения — должны быть уничтожены. Без этого Китай навсегда останется страной третьего мира с нереализованным потенциалом экономической сверхдержавы.

Проблемы Китая намного серьезнее тех, с которыми в свое время столкнулась Великобритания. В соответствии с официальной китайской статистикой, около половины государственных отраслей убыточны; они поглощают более 75% внутренних банковских кредитов; около 20% этих кредитов являются недействующими (по западным оценкам эти показатели существенно выше). С чисто экономической точки зрения, это колоссальное препятствие на пути развития.

Вместе с тем в расчет следует принимать не только экономические факторы, поскольку в Китае, где еще не совершились необходимые преобразования, уже происходят социальные потрясения. Повышение производительности труда в сельском хозяйстве и извечная притягательность городской жизни для сельского населения уже привели к колоссальному притоку людей (от 80 до 100 миллионов) в города. Им нужна работа, жилье, они должны пустить корни на новом месте. Их число неизбежно будет расти, в немалой мере из-за невероятной и все увеличивающейся разницы в уровне жизни. Различие в доходах противопоставляет население города и деревни, побережья и внутренних районов Китая; по оценкам некоторых китайских экономистов, уровни доходов могут соотноситься как двенадцать к одному. Несмотря на то что Китай — это огромная страна с очень плохими средствами коммуникации, люди там вовсе не замкнуты в пределах своих местных сообществ. Они прекрасно знают о неравенстве, а в социалистическом государстве, базовая установка которого им враждебна, они ощущают глубокое беспокойство.

Способна ли политическая система выдержать такое напряжение? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо понять, что реально представляет собой данная система.

Сначала, однако, следует подвести итог размышлений на тему перспектив китайской экономики.

- **Китай, несомненно, стоит на пути превращения в экономическую сверхдержаву.**
- **Тем не менее пока его нельзя считать экономически развитым государством ни по одному показателю.**
- **Он может реализовать свой потенциал только в случае проведения фундаментальных экономических реформ такого масштаба, с каким никто еще не справлялся.**
- **Все это ставит под вопрос социальное и политическое будущее страны.**

Китай сегодня: политика

Многие западные аналитики в наши дни с неохотой ставят рядом со словом «Китай» эпитет «коммунистический». В некоторых случаях это просто предвзятость: ведь именно он лучше всего отражает контрасты в реалиях сегодняшнего Китая.

Да, китайцы больше не живут в условиях режима Мао. Их жизненный уровень изменился. Доходы выросли даже в беднейших районах. Многие жители Китая могут позволить себе предметы роскоши, некоторые — отдых за границей. Все больше людей пользуются спутниковыми телеканалами и общаются через Интернет, несмотря на контроль со стороны государства.

Политическая система также стала более гибкой и менее суровой. Если политические лидеры теперь впадают в немилость, они просто уходят со сцены, а не попадают в камеру пыток. Просматриваются зачатки законности, которые важны, прежде всего, для обеспечения стабильности бизнеса, а в более отдаленной перспективе — для обеспечения прав простых граждан. Хотя господство закона и господство юристов не одно и то же, отрадно отметить, что в Китае число юристов выросло с трех тысяч в 1980 году до 60 тысяч в настоящее время*.

Видны проблески демократии и в провинции. Выборы местных комитетов поселкового уровня проходят более или менее демократическим путем, хотя и под контролем Коммунистической партии. Как показал пример последних лет существования Советского Союза, подобная квазидемократия порождает вкус к реальным вещам.

Некоторые позитивные изменения вполне способны привести к фундаментальному преобразованию режима. Однако пока еще рано говорить о том, что оно уже произошло.

Следует с большой осторожностью относиться и к словам китайских диссидентов, и к мнениям западных ученых мужей. Харри У и Вэй Цзиншен, каждый по-своему, предостерегали меня от принятия на веру всего, что режим говорит о себе, и, как я убедилась, они были правы.

С г-ном У я познакомилась после его ареста, показательного процесса и освобождения с последующей депортацией из Китая. Перед китайскими властями он провинился тем, что обличал применяемую в карательных целях практику «перевоспитания» принудительным трудом, известную как «лаогай». Он рассказал о собственном опыте и результатах изучения этой бесчеловечной практики, которая получила довольно широкое распространение в современном Китае.

Конечно, перед китайцами очень остро стоит проблема преступности — реальной, серьезной преступности, которая знакома нам, на За-

* Henry Rowen, «The Short March: China’s Road to Democracy», The National Interest, autumn 1996.

паде, очень хорошо. Однако захлестнувшая Китай криминальная волна намного страшнее, поскольку связана с приходом неожиданного процветания в общество, которое уже до этого в значительной мере опиралось на связи, закулисные игры и взяточничество. Тем не менее это совершенно не оправдывает жестокости пенитенциарной системы, против которой выступали г-н У и его соратники.

Через несколько дней после знакомства с Харри У я улетала в Пекин, где должна была выступить на конференции, организованной газетой International Herald Tribune при поддержке китайских властей. Как раз в тот момент китайцы продемонстрировали свою мстительность: в ответ на освобождение г-на У в результате давления со стороны США они приговорили диссидентов и защитников демократии Вэй Цзиншена и Ван Даня соответственно к 14 и 11 годам тюремного заключения*.

В такой ситуации у публично выступающего оратора есть две возможности. Первая — пойти по пути наименьшего сопротивления. Для оправдания подобного выбора имеется целый набор мотивов, перечислю некоторые из них в порядке убывания убедительности: «то, что они делают, меня/нас не касается», «было бы неприличным обижать хозяев», «лучше я получу гонорар и тихонечко исчезну». Вторая — устроить международный скандал (Китай — грандиозная сцена для скандалов). Этот путь не то чтобы разрушителен, он может просто привести к обратному результату. Я выбрала среднюю линию.

В своей речи я похвалила происходящие в стране реформы, отметив те сферы, где прогресс должен быть более заметным: законность, банковская система, приватизация, доступ в Интернет и защита прав собственности. Затем я перешла к более опасной теме и стала доказывать, что экономические преобразования «должны со временем изменить саму систему управления Китаем». Поначалу мне хотелось прямо упомянуть *лаогай,* но я удержалась, иначе китайцы просто демонстративно покинули бы зал. Вместо этого я сказала:

* Вэй Цзиншен (родился в 1950 г.) по решению китайских властей находился в тюрьме с 1979 по 1993 г. и с 1995 по 1997 г. Вэй был освобожден из заключения по состоянию здоровья после китайско-американского саммита 1997 г. и в настоящее время живет в изгнании в США. Ван Дань (родился в 1969 г.) руководил демонстрациями на площади Тяньаньмынь в 1989 г. Провел несколько лет в тюрьме, был досрочно освобожден в 1993 г. Получил семь лет тюремного заключения в 1996 г. по обвинению в заговоре, направленном на свержение китайского правительства. Освобожден в 1998 г. по состоянию здоровья, живет в США.

> Не хочу рисовать картину в розовых тонах. В Китае имеется целый ряд аспектов, которые очень беспокоят тех из нас, кому посчастливилось жить в демократических странах, где главенствует закон. Должна сказать, что суровые приговоры, вынесенные недавно г-ну Вэю и г-ну Вану, вызывают тревогу во всем мире.

Китайцы никогда не стесняются в выражениях во время своих публичных выступлений, однако полагают, что все остальные должны себя сдерживать. После моего заявления никто не ушел, но У Цзе, ответственный работник Министерства экономики, который выступал после меня, заметил: «У Великобритании немало собственных проблем, в следующий раз, возможно, нам удастся поговорить и на эту тему».

Что говорить, справедливое замечание. У нас тоже есть недостатки. Но мы не бросаем людей в тюрьмы только потому, что они требуют права голоса.

Мы должны открыто говорить о жестокостях, творимых в Китае в наши дни, точно так же, как говорили о жестокостях, имевших место в Советском Союзе. Нам необходимо строить отношения с Китаем на той же основе, что и с Советами, и ни в коем случае не лебезить перед ним. В прошлом императоры династий Мин и Цин не любили представителей Запада за их отказ поклоняться, в наше время за это же их не любят китайские коммунисты. Но если мы не скажем правды, кто сделает это за нас? Вот уже два года Великобритания и другие страны Европейского союза отказываются поддержать резолюцию США в Комиссии ООН по правам человека, осуждающую действия Китая. Такая позиция не просто бесчестна, она еще и нелепа. Аплодисменты со стороны китайских властей в знак одобрения подобных действий скоро стихнут, да они нам и не нужны: в конце концов, практически во всех областях китайцы нуждаются в Западе намного больше, чем мы нуждаемся в Китае.

Всегда суровое отношение Китая к тем, в ком режим видит врагов или в ком не нуждается, в последнее время стало еще жестче. Усилилось преследование диссидентов: к концу 1999 года почти все руководители Китайской демократической партии, бросившей вызов монополии Коммунистической партии Китая, были осуждены на длительные сроки.

Существуют еще три группы населения, чьи права отрицаются сегодняшним руководством Китая. Первая — это китайские женщины

и их малолетние дети. Есть серьезные сомнения в том, что политика Китая в отношении прироста численности населения хорошо продумана. С одной стороны, перенаселение в некоторых сельских районах — действительно реальная проблема. С другой стороны, имеются признаки того, что Китай может получить свой вариант демографического кризиса, который уже поразил многие западные страны и Японию, где население быстро стареет, а число людей трудоспособного возраста, способных его обеспечивать, сокращается*. Что действительно вызывает омерзение, так это жестокость, с которой в различных регионах Китая осуществляется политика «один ребенок в семье», включая принудительные аборты и убийство новорожденных**.

Вторая группа, которая больше других страдает от коммунистического правления, — это некитайские национальные меньшинства. Китай, в отличие от бывшего Советского Союза и нынешней Российской Федерации, удивительно однороден по национальному составу. Подавляющую часть населения (93%) составляют этнические китайцы (хань), однако национальные меньшинства, на которые приходится всего 7% населения, занимают 60% территории Китая, что ведет к нарушению стратегического равновесия.

Сказанное особенно справедливо в отношении Тибета. Претензии китайцев на Тибет сомнительны с исторической точки зрения. В конце XVII — начале XVIII века Тибет попал под протекторат Китая. Но в XIX веке влияние Пекина ослабло и стало чисто символическим. В период между крушением Империи в 1912 году и вторжением китайских коммунистов в 1950-1951 годах Тибет был независимым государством.

Вместе с тем ни при одном из последних правительств Китая не было и речи о предоставлении Тибету независимости. Нынешние китайские руководители не хотят говорить с духовным и светским лидером Тибета Далай-ламой даже о предоставлении автономии. Дело здесь не в том, что китайцы уверовали в историческую принадлежность Тибета их государству. Не менее весом тот факт, что Тибет — основное место размещения ядерного и ракетного арсенала. Китайцы, по всей видимости, твердо вознамерились осуществить так на-

* Nicholas Eberstadt, «China's Population Prospects: Problems Ahead», Problems of Post-Communism, January/February 2000.

* US Department of State, 1999 Country Report on Human Rights Practices; Sunday Times, 27 August 2000.

зываемую программу «модернизации», которая предусматривает усиление роли этнических китайцев и вытеснение тибетцев, и, таким образом, окончательно сломить непрекращающееся сопротивление. Надеюсь, им этого не добиться. С момента вторжения коммунистов пятьдесят лет назад было уничтожено 2700 тибетских монастырей. Ничто не может оправдать систематического уничтожения нации и ее культуры. К сожалению, фундаментальные интересы безопасности Запада не распространяются на Тибет. Это ограничивает наши возможности, о чем, конечно, никогда не говорится в открытую на международных форумах.

В третью группу подвергаемых дискриминации, а при случае и уголовному преследованию со стороны китайских властей, входят те, кто исповедует «запрещенные» религии. Свобода вероисповедания официально была объявлена еще в 1978 году, поскольку основные китайские традиционные религии и философские системы — буддизм, даосизм и конфуцианство — не представляли реальной угрозы для власти коммунистов. Этого, однако, нельзя сказать об исламе и христианстве, представители которых имеют опасную привычку ставить заповеди Господни превыше партийных, и иногда и личных интересов.

Но даже последних администрация готова терпеть до тех пор, пока те не угрожают ее абсолютной власти. Исключение, впрочем, делается для мусульман Синцзянь-Уйгурского автономного района, граничащего с Казахстаном и Киргизией, которых преследуют и подвергают аресту за их революционный сепаратизм*.

Китайское правительство неизменно проводит враждебную политику в отношении тех христиан, которые не желают обрывать свои связи с организациями, неподконтрольными Пекину. Когда в Китае коммунисты пришли к власти, они развернули, как до этого сделал Советский Союз, разнузданные репрессии против христиан. Однако позднее они прибегли к хорошо отточенному коммунистическому приему: стали создавать «фасадные» организации, находящиеся под полным партийным контролем, но создающие видимость свободной деятельности. Подобные организации составляют основу так называемой «патриотической церкви», все места отправления культа ко-

* Китайцы, несомненно, попытаются представить эти репрессии как один из элементов войны с терроризмом. Мы не должны поддаваться на эту хитрость.

торой подлежат регистрации. Многим христианам приходится мириться с этим, чтобы не допустить закрытия хотя бы части церквей. Вместе с тем протестанты и католики, которые отказываются сотрудничать, подвергаются спорадическим, но жестоким гонениям.

Для католиков главная трудность заключается в примирении верности Риму с членством в Китайской католической патриотической ассоциации, так как эта подконтрольная государству организация открыто отвергает власть Папы, в том числе и его право назначать епископов. Целый ряд священнослужителей, несколько епископов и множество прихожан в данный момент находятся в изоляции за организацию и посещение несанкционированных месс.

Не так давно религиозная паранойя китайских властей ярко проявилась в преследовании религиозного движения «Фалунь Гун». Вслед за запретом движения в июле 1999 года аресту подверглись тысячи его последователей.

Как и в случае с Тибетом, наши возможности по предотвращению этих серьезных нарушений не так уж велики. Но нам не следует замалчивать проблему. Мы не можем позволить, чтобы жертвы репрессий оказались забытыми.

В марте 2000 года в Стамформде, штат Коннектикут, в возрасте 98 лет скончался кардинал Кун-Пинь Мэй. Когда в 1955 году коммунисты первый раз арестовали его в Шанхае, они хотели, чтобы он на переполненном стадионе публично признался в своих преступлениях. К ужасу властей, вместо этого он прокричал: «Славься Христос, Господь наш! Да здравствует Папа!» — что вызвало аплодисменты толпы. Кардинал провел в заключении более 30 лет, причем большую часть времени он находился в одиночной камере. Лишь в 1988 году ему по состоянию здоровья разрешили уехать в Соединенные Штаты, где он основал фонд помощи пострадавшим за веру в Китае.

Неужели коммунисты и в самом деле полагают, что они могут одолеть людей таким образом?

Подобные проявления китайского режима вовсе не случайность. Они внутренне присущи ему, поскольку это черты коммунизма. Вот почему до тех пор, пока руководящей роли Коммунистической партии Китая не будет достойного противовеса, я не перестану называть Китай *коммунистическим.*

При оценке характера и мотивации китайских лидеров мы должны всегда помнить следующее:

- **Они достигли своего нынешнего положения в результате безраздельной власти коммунистической партии, от которой никто из них никогда не откажется добровольно.**
- **Несмотря на значительное повышение уровня жизни и смягчение системы по сравнению с прошлым, Китай ни в коей мере не может считаться свободной страной.**
- **Китайские лидеры пойдут на улучшение положения с соблюдением прав человека только в том случае, если мы заставим их сделать это. Нам, следовательно, нельзя замалчивать эту проблему.**

Перспективы реформ

Как долго может сохраняться эта безрадостная ситуация? Если верить некоторым экспертам, не очень долго. В основе подобного оптимизма лежит взаимозависимость между экономическим прогрессом и демократией. По мере того как страна становится богаче, население проявляет все больше интереса к своим политическим правам. Если судить по примеру Тайваня и Южной Кореи, где авторитарные режимы уступили дорогу демократии при достижении определенного уровня дохода на душу населения, то Китай должен стать демократическим примерно к 2015 году*.

С другой стороны, если оценить потенциальное напряжение и возможные стрессы в Китае, а также силы, которые противостоят преобразованиям, возникают сомнения. Китайские руководители наверняка постараются не допустить перерастания экономических преобразований в политические свободы. Им прекрасно известно, что ни один из них не сможет удержаться на своем месте в условиях открытой конкуренции между различными политическими партиями и кандидатами. Они знают, что произошло в Советском Союзе, когда там началась политическая реформа, и, безусловно, не желают, чтобы Китай пошел по тому же пути.

Я не берусь предсказывать дату конца коммунизма в Китае. Исторические предпосылки, культура, влияние отдельных лиц, наличие лидеров, да и просто просчеты играют в подобных прогнозах не меньшую роль, чем экономические факторы. Более того, в Китае, в отличие от Тайваня и Южной Кореи, мы имеем дело не с авторитарным,

* Rowen, «The Short March».

а с тоталитарным режимом, хотя сегодня его власть уже и не является тотальной. Коммунисты, даже загнанные в угол, всегда имеют больше шансов удержать власть по сравнению с авторитарным режимом: в коммунистических государствах нет ни подлинного законодательства, ни гражданского общества, что сводит к минимуму возможность появления демократической оппозиции.

И все-таки я верю, что рано или поздно Китай станет если не демократией западного типа, то, по крайней мере, страной, предоставляющей населению все основные свободы. Повышение уровня жизни — лишь одно из оснований для моего умеренного оптимизма. Есть и другие основания, и некоторые из них даже более существенны.

До сих пор значительная часть благ, приносимых свободным предпринимательством, оседала в карманах партийных аппаратчиков, что усиливало, а не ослабляло их власть. Эти люди совершенно не заинтересованы в создании подлинно свободного рынка, поскольку эксплуатация государственной власти в собственных экономических интересах является залогом их процветания. Они решительно не хотят ослабления главенства коммунистической партии в результате политического плюрализма.

Такое положение, однако, не может сохраняться вечно. С течением времени и с материализацией серьезных сдвигов эти люди будут вынуждены отступать под напором реального среднего класса, т. е. такого, который марксисты называют «буржуазным», с иными ценностями и целями, чем у класса квазикапиталистов, вышедших из недр аппарата Коммунистической партии. Как в прошлом отсутствие сильного среднего класса приводило к установлению диктатуры то в одной стране, то в другой, так в наше время расцвет среднего класса может проложить дорогу к свободе.

Такому среднему классу всегда необходимо право собственности, надежно защищенное с помощью справедливого и эффективного законодательства. Именно поэтому при прогнозировании сроков коренных преобразований меня больше интересует прогресс в этой сфере, а не развитие демократии на местном уровне. Как только появляется достаточное количество людей, имеющих сбережения, акции, дома, бизнес и земельные участки, сразу возникает эффективный инструмент воздействия на государство. И хотя он, на первый взгляд, защищает лишь наиболее обеспеченных граждан, на деле он служит интересам всего народа. Это не только отражается на уровне доходов, которые

растут с повышением благосостояния, но и, что важнее, затрагивает институты государства. Подлинная законность не может восторжествовать в государстве, где коммунистическая партия назначает судей и, таким образом, имеет возможность манипулировать судебными решениями. Китай изменится коренным образом только тогда, когда править будет закон, а не партия.

Вступление Китая в ВТО послужит стимулом для движения в этом направлении. Право коммунистической партии контролировать экономическое развитие Китая и, следовательно, получать выгоду от его успехов будет поставлено под вопрос, если произойдут перемены, намеченные ВТО. Увеличение возможностей для китайского экспорта приведет к развитию частного бизнеса. После снижения тарифов и снятия ограничений на инвестиции неэффективные государственные предприятия напрямую столкнутся с иностранными конкурентами. Предоставление иностранным банкам полного доступа на внутренний рынок должно положить конец нынешней системе распределения кредитов по политическим, а не рыночным соображениям. Огромное значение для политической сферы будет иметь снятие ограничений на участие иностранных инвесторов в капитале провайдеров интернет-услуг и связанное с этим развитие телекоммуникационных сетей. В таких условиях правительство просто не сможет держать под контролем взрывное вторжение информации в дома миллионов китайцев*.

Подведем итоги.

- **Рано или поздно коммунизм *неизбежно* потерпит крах в Китае, точно так же, как это произошло в других странах.**
- **Тогда мы сможем переоценить наше отношение к Китаю как к великой державе.**
- **Однако пока этого не случилось (на это, по всей видимости, потребуется время), нам нельзя терять бдительность.**

Китайская угроза

Глядя на исторический багаж Китая, который так богат тревожными фактами, и учитывая, что он все еще остается коммунистическим, можно

* Mark A. Groombridge, «China's Long March to a Market Economy», Cato Institute: Center for Trade Policy Analysis, No. 10, 24 April 2000.

сделать лишь один вывод: Китай, по сути, враждебен Западу. Подтверждение этому лежит на поверхности. Нападение тысячной толпы демонстрантов на американское посольство в Пекине после случайной бомбардировки китайского посольства в Белграде в мае 1999 года было не только хорошо срежиссировано, но и имело политическую окраску*.

Яд антизападной пропаганды сочится постоянно, поэтому организовать выступление в нужный момент не так уж и сложно. Более того, самым ярым антизападным институтом Китая является структура, представляющая собой наиболее вероятный источник серьезных проблем — Народная освободительная армия. Одно из последних исследований установок китайского военного руководства содержит следующий вывод: «Их национализм безудержен и граничит с ксенофобией. Многие старшие офицеры с глубоким подозрением относятся к Соединенным Штатам и, особенно, к Японии»**.

Угроза со стороны Китая вполне реальна. Следует, однако, хорошо понимать ее истинную природу. Угроза, которая исходит от Китая в настоящее время и, вероятнее всего, будет исходить в будущем, имеет иной характер, нежели та, что исходила от Советского Союза во времена «холодной войны». Отчасти это обусловлено тем, что Китай не является военной сверхдержавой и, по причинам, которые я изложу позже, вряд ли станет таковой. Кроме того, у Китая нет достаточно привлекательной международной доктрины, которая позволяла бы расширять его влияние и подрывать наше. Времена безмозглых студентов, размахивающих маленькими красными книжечками и скандирующих банальные высказывания Мао, давно прошли. Сегодняшний Китай экспортирует телевизоры, а не идеи. Секреты же от нас он получает в результате продажности некоторых представителей Запада, а вовсе не из-за их ложного идеализма.

Несмотря на то что членство в Совете Безопасности ООН позволяет Китаю доставлять нам бесчисленные неприятности, его сегодняшняя дипломатия — в значительной мере оборонительная. Китай выступает против — иногда обоснованно, иногда нет — любых попыток

* Во время налета на Белград 7 мая 1999 г. в ходе проведения косовской операции самолет НАТО сбросил высокоточные бомбы на китайское посольство. В результате погибло несколько человек. Причиной инцидента была ошибочная разведывательная информация.

** David Shambaugh, «China's Military Views the World», International Security, 24/3, winter 1999/2000.

вмешательства во внутренние дела государств, полагая, что они могут послужить прецедентом для вмешательства в его собственные дела. Его базовый подход заключается в сохранении существующего положения вещей.

Все это ограничивает международную угрозу, исходящую от Китая, но ни в коей мере не устраняет ее. Поскольку в настоящее время именно Запад энергично проводит идею международных вмешательств, упорство Китая вполне может стать источником дополнительной напряженности, как это было во время операции в Косово.

Существует еще одна причина, по которой Китай остается одним из основных источников международной нестабильности, — распространение оружия массового уничтожения и ракетных технологий. В этом вопросе следует проводить различие между Россией и Китаем. Русские поставляют современные вооружения опасным режимам главным образом потому, что Россия переживает экономический кризис и отчаянно нуждается в деньгах. Для Китая же распространение вооружений — *элемент политики.* По замечанию одного из экспертов, «китайцы виртуозно используют тайное распространение ядерного оружия и ракет в качестве инструмента национальной политики безопасности»*.

Распространение оружия для Китая — это способ давления на Америку, способ продемонстрировать свои возможности по созданию проблем, не доводя дело до серьезного конфликта. В то же самое время Китай старается казаться честным посредником, предлагая услуги по улаживанию кризиса между двумя ядерными державами — Индией и Пакистаном, а также по сдерживанию Северной Кореи. По его замыслу, эта игра должна помочь Китаю занять господствующее положение в Азии. С одной стороны, он распространяет вооружения, а с другой — предлагает обуздать процесс распространения, за что Запад, наверное, должен благодарить его.

Как бы там ни было, решающим фактором любого противостояния является, в конечном счете, наличие или отсутствие собственной военной мощи. Чтобы разобраться в этом вопросе, рассмотрим три важных и взаимодополняющих момента.

Во-первых, Китай не жалеет сил на наращивание своей военной мощи. С 1989 года он ежегодно увеличивает военные расходы, причем

* Mohan Malik, «China Plays «the Proliferation Card»», Jane's Intelligence Review, 1 July 2000.

официальные данные сильно занижены*. В Китае осуществляется кардинальная реструктуризация вооруженных сил, которая должна превратить многочисленную «народную армию» в меньшую по численности (хотя не такую уж и маленькую — около двух миллионов человек), но более профессиональную и лучше обученную. Упор делается на переоснащение и использование современных технологий. Большая часть техники поступает из России. В сфере технологий достижения китайца — в значительной мере результат выведывания западных военных секретов.

Хотя эксперты все еще спорят о масштабах нанесенного таким образом ущерба, положение вещей, раскрытое в докладе Кокса Палате представителей в 1999 году, не может не тревожить. В докладе утверждается, что Китай выкрал информацию о «семи типах американских термоядерных боеголовок, включая и те, которые в настоящее время установлены на баллистических ракетах, находящихся на вооружении»**. Помимо этого Китай получает информацию в результате недостаточно строгого контроля коммерческих контрактов и невероятной — потенциально самоубийственной — открытости, с которой мы на Западе публикуем отчеты о научных открытиях и технических достижениях. Какое применение найдут китайцы этой информации, которую они, несомненно, продолжают получать, можно только догадываться. В любом случае не стоит отказывать им в изобретательности и решимости.

Второй момент, который я хочу отметить, существенно смягчает остроту первого. Несмотря на то что Китай действительно всеми силами пытается укрепить свою военную мощь, его отставание очень значительно. Американская военная технология развивается настолько быстро, что китайцам надо буквально бежать вдогонку для сохранения дистанции. Значительная часть китайского арсенала устарела и вышла из употребления. У России, главного поставщика, не хватает ресурсов для разработки вооружений следующего поколения, которые необходимы Китаю. Военный бюджет Китая на 1999 год составляет менее двадцатой части американского и менее одной трети япон-

* По оценкам Международного института стратегических исследований, реальный военный бюджет Китая в три раза превышает официальные цифры.

** *Report by United States House of Representatives Select Committee on US National Security and Military/Commercial Concerns with the People's Republic of China, chaird by Representative Christopher Cox*.

ского*. Если взять средства абсолютного сдерживания — межконтинентальные баллистические ракеты, способные нести ядерные боеголовки, — то в распоряжении Китая имеется порядка 18 МБР, способных достичь США, каждая из которых несет по одной боеголовке. Америка же располагает почти 6000 боеголовок, способных достичь Китая**. Это означает лишь одно: если американские лидеры окажутся настолько недальновидными, что оставят США без защиты перед ракетной атакой, отказавшись от создания системы противоракетной обороны, Китай получит возможность шантажировать Запад, хотя и не сможет победить его. Сознание этого должно заставить китайцев действовать более осторожно. Таким образом, в обозримом будущем Китай не сможет противостоять Америке как глобальная сверхдержава.

Итак, статус сверхдержавы, сравнимой с Америкой, — не более чем фантазия Пекина, китайцы же не из тех, кто стремится к достижению фантастических целей в международных отношениях. На деле они преследуют гораздо более осуществимую цель — стремятся занять место господствующей региональной державы; в этом и заключается третий момент, который Запад должен четко понимать.

За отправную точку для анализа региональных амбиций Китая вполне естественно принять Восточную Азию. Китай физически находится в ее центре и, безусловно, является наиболее густонаселенным государством. Несмотря на то что его вооруженные силы потерпели сокрушительное и неожиданное поражение во Вьетнаме в 1979 году, в настоящее время он, по всем признакам, доминирует на суше. Этого, однако, недостаточно для обеспечения превосходства, поскольку многие из самых значительных государств региона не имеют с Китаем сухопутной границы, а располагаются на островах и архипелагах. Как заметил один из аналитиков, «география не дает Китаю распространить свое военное превосходство по всей Азии. Его Народная освободительная армия ужасно несбалансированна по своим возможностям. Ее способность вести операции за пределами территории ближайших соседей Китая практически равна нулю»***.

* The Military Balance*, 1999-2000.*

** David M. Lampton and Gregory C. May, Managing US-China Relations in the Twenty-First Century, The Nixon Center, 1999.

*** Michael McDevitt, «Geographical Ruminations», in Larry M. Wortzel (ed.), The Chinese Armed Forces in the Twenty-First Century (US Army War College: Strategic Studies Institute, December 1999).

Китай проводит модернизацию своего военно-морского флота и прилагает большие усилия, чтобы изменить ситуацию, но все-таки его основное внимание сосредоточено на укреплении арсенала баллистических ракет, а также создании систем наведения и спутников, позволяющих повысить их точность. Для устрашения Тайваня, а в случае необходимости и нанесения удара по нему, за последние несколько лет были созданы сотни ракет класса «земля — земля», которые могут быть оснащены ядерными боеголовками. Наращивание арсеналов продолжается.

Можно, конечно, утверждать, и на то есть основания, что Тайвань — это не региональная проблема, в конце концов, в глазах китайцев он часть Китая. И все же проблема Тайваня имеет региональный характер. Во-первых, свержение или даже выхолащивание демократии на Тайване, а именно этого фактически добивается Пекин, было бы регрессом в процессе демократизации всего региона. Во-вторых, если китайцам удастся силой подчинить себе Тайвань, они, несомненно, будут пытаться использовать силу и в других спорных ситуациях. И в-третьих, подобных споров, готовых перерасти в ссору, в регионе предостаточно. Среди них, например, претензии на Южно-Китайское море, акватория которого площадью 1660 тыс. кв. км испещрена сотнями островов, рифами, отмелями и скалами. Цель — разработка предполагаемых громадных месторождений нефти и природного газа. Эта идея еще больше завладела умами китайцев после 1993 года, когда Китай стал нетто-импортером нефти. Конкуренцию Китаю, как, впрочем, и друг другу, в этом вопросе составляют Вьетнам, Филиппины, Таиланд, Малайзия, Бруней, ну и, конечно, Тайвань. Особенно ожесточенные споры развернулись вокруг островов Спратли. Китай, несмотря ни на что, доминирует. Китайцы решительно настроены всеми правдами и неправдами добиться контроля над углеводородными ресурсами региона и уже сейчас ведут себя как победители.

Китайцы традиционно подходят к международным отношениям с позиции баланса сил: если Запад хочет эффективно воздействовать на Китай, он просто обязан принять аналогичный подход к отношениям в Восточно-Азиатском регионе. Это не значит, что в Китае нужно видеть чудовище, его скорее нужно рассматривать как в определенной мере непредсказуемого великана, чьи страхи следует предвидеть, а амбиции ограничивать. Это нелегкая задача, требующая крепких нервов. Своим поведением в инциденте между американским разведывательным само-

летом и китайским истребителем в апреле 2001 года Китай показал, что будет испытывать терпение Запада до последнего предела. Из сказанного я делаю следующие выводы:

- **Китай, без всякого сомнения, считает себя способным соперничать с нами в военной сфере; главной целью укрепления его вооруженных сил является вытеснение США из региона.**
- **В то же время Китай сталкивается с громадными трудностями в реализации этих целей; в настоящее время у него нет перспектив превратиться в глобальную военную сверхдержаву.**
- **За Китаем, следовательно, необходимо внимательно наблюдать, а при необходимости сдерживать, чтобы обеспечить его мирное отношение к соседним странам.**

Тайвань — горячая точка

Поддержание баланса сил всегда подразумевает готовность к наращиванию военной мощи в ответ на усиление военной угрозы, а именно этим и занимается сейчас Китай в отношении Тайваня. Увеличение ракетного арсенала Китая в Тайваньском проливе представляет угрозу не только Тайваню, но и стабильности всего региона, а следовательно, интересам Америки как глобальной сверхдержавы. Что здесь можно сделать?

Прежде всего, нужно вдуматься в то, что говорят Китайская Народная Республика (КНР) и Китайская Республика (Тайвань). Пекин не может смириться с тем, что Тайвань существует как суверенное государство. Коммунисты высказываются на этот счет совершенно определенно. Жители Тайваня, которые вкушают плоды процветания и демократии, не хотят никаких вариаций на тему «одна страна — две системы», т. е. даже лучшего из всего, что Пекин может предложить. Несмотря на все дипломатические ухищрения при попытках принять обе китайские республики в международные организации, например в ВТО, стороны остаются принципиально несовместимыми.

Ведутся споры о том, способен ли континентальный Китай подчинить себе Тайвань с помощью военной силы. Он может шантажировать Тайвань и даже нанести ему серьезный ущерб своими ракетами. В более отдаленной перспективе Китай может заставить Тайвань пой-

ти на уступки, установив блокаду. Результатом обоих вариантов Судет, однако, не бескровный захват власти, а полномасштабная война*.

Готов ли Запад увидеть именно такое развитие событий? Если нет, то у нас остается единственный выход — обеспечить обороноспособность Тайваня и дать Китаю понять со всей ясностью, что в случае применения силы мы сорвем все его попытки.

К сожалению, в последние годы КНР получала противоречивые сигналы по этому вопросу. С 1979 года, когда Америка официально оформила свои взаимоотношения с Китаем и разорвала дипломатические связи с Тайванем, американо-тайваньские отношения строятся на основе Договора о взаимоотношениях с Тайванем, в котором записано:

> Решение Соединенных Штатов установить дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой принято в надежде на то, что будущее Тайваня будет решаться мирными средствами... ...Любые попытки повлиять на будущее Тайваня иными средствами, включая бойкоты или эмбарго, [являются] угрозой миру и безопасности западной части Тихоокеанского региона и серьезно затрагивают интересы Соединенных Штатов.

Во исполнение положений Договора о взаимоотношениях с Тайванем правительство Соединенных Штатов предоставило в распоряжение Тайваня современные вооружения. В 1996 году администрация Клинтона совершенно обоснованно направила в регион два авианосца, когда Китай, пытаясь запугать Тайвань во время президентских выборов, стал проводить пуски ракет. Однако двумя годами позже тот же президент Клинтон заявляет во время визита в Пекин о том, что Америка не поддерживает независимость Тайваня и его вступление в любую организацию, для членства в которой требуется статус государства. Это наверняка заставило китайцев усомниться в серьезности отношения Америки к своим обязательствам.

Самую большую опасность при взаимодействии с такими режимами, как китайский, представляют недоразумения и кажущаяся слабость, которые приводят к неправильным выводам. Президент Джордж У.

* Различные оценки соотношения сил КНР и Тайваня приводятся в следующих работах: Bates Gill and Michael O'Hanlon, «China's Hollow Military», The National Interest, No. 56, Summer 1999; James Lilley and Carl Ford, «China's Military: A second Opinion», The National Interest, No. 57, Fall 1999. С моей точки зрения, правильной является более пессимистичная оценка угрозы.

Буш, к счастью, положил конец сомнениям, заметив, что в случае вторжения Китая на Тайвань ему придется однозначно иметь дело с американскими вооруженными силами*. Америка также предоставила Тайваню эсминцы, самолеты и подводные лодки. Естественно, это не могло не вызвать недовольства со стороны китайцев. Президент, однако, имел все основания говорить и действовать с твердостью.

Я надеюсь, что Соединенные Штаты пойдут еще дальше и предоставят Тайваню эффективную региональную противоракетную систему. Это практически сведет на нет попытки Китая использовать ракетную угрозу как средство подталкивания Тайваня к принятию коммунистического правления. Конечно, Пекин яростно протестует против подобного плана. Этот факт сам по себе — серьезный довод в пользу скорейшего предоставления Тайваню системы ПРО. В самом деле, если Китай ничего не замышляет против своего небольшого соседа, с какой стати ему беспокоиться?

- **Тайвань ни сейчас, ни в будущем не может быть признан исключительно «внутренней» проблемой Китая, Пекин должен это ясно понимать.**
- **Эффективная защита Тайваня является принципиально важным фактором обеспечения стабильности в регионе и соблюдения интересов США.**

Тайвань как образец для подражания

Итак, Тайвань, безусловно, — потенциальная горячая точка. Вместе с тем, если заглянуть подальше, это также и источник надежды.

Связи Тайваня с материковым Китаем ослабли, или даже перестали существовать, не вчера. После захвата японцами в 1895 году он оставался под их властью вплоть до 1945 года. Затем ненадолго Тайвань попал под правление Пекина. Четыре года спустя потерпевшие поражение войска Гоминьдана (националистов) под предводительством генерала Чан Кай-ши нашли на острове убежище и создали, хотя и неофициально, самостоятельное государство.

Единственное, в чем соглашались Чан и Мао, — так это в том, что Тайвань — часть Китая. Каждая из сторон видела в другой мятежни-

* The Times, 26 April 2001.

ков, восставших против законного правительства. «Два Китая» избрали разные пути развития. Тайвань под защитой Соединенных Штатов и при авторитарном правлении Чан Кай-ши, а затем его сына Чан Чин-куо, выбрал капиталистический путь. Мао пытался создать в Китае социалистические общество и экойомику. В соревновании между капитализмом и коммунизмом первый одержал легкую победу.

В результате Тайвань вошел в число наиболее успешно развивающихся стран мира. В течение последних трех десятилетий средний темп его экономического роста составлял 8,5%. Тайвань превратился в ведущего мирового экспортера современной электроники. Его экономические достижения опирались на культуру малого бизнеса: на каждые 18 жителей Тайваня приходится одна компания*.

Экономический прогресс на Тайване привел к политической реформе, которой он во многом обязан президенту Ли Тэн Хуэю, победившему на всеобщих выборах 1989 года, к которым впервые за все время были допущены оппозиционные партии. Ли Тэн Хуэй стал первым коренным жителем Тайваня, которому удалось занять пост президента, это событие ознаменовало начало новой эры**. Выборы 1996 года, в результате которых президент Ли вновь оказался у власти, были не только первыми прямыми выборами, их значение определялось тем, что впервые за 500-летнюю историю Китая руководителя выбирал народ. Не будем забывать, что это демократическое преобразование произошло в чрезвычайных условиях, когда государство обычно урезает свободы, а не расширяет их.

Последние выборы, состоявшиеся в марте 2000 года, когда президентом был избран Чэнь Шуй-бянь, ознаменовали завершающую стадию демократического перехода: партия Гоминьдан передала власть представителю другой партии. Превращение Тайваня в современное демократическое государство свершилось.

Еще до того как Ден Сяо Пин начал свои реформы, экономические достижения Тайваня наглядно свидетельствовали о том, что при соответствующих условиях предпринимательский дух китайцев не имеет

* *Barclays Bank Country Report, 21 September 2000; The Economist, 7 November* 1998.

** С конца XVII столетия, когда Тайвань вошел в состав Китайской империи, китайцы в массовом порядке переселялись на остров. Тайваньцы, которые составляют более 80% населения, являются в основном потомками китайцев, которые когда-то эмигрировали на Тайвань. Китайцами (около 14% населения) считаются те, кто прибыл на остров вместе с Чан Кайши, а также их потомки.

себе равных. А то, как партия Гоминьдан положила начало демократическим преобразованиям, а затем передала власть оппозиции, показывает, что и китайские лидеры обладают мудростью и зрелостью, необходимыми для перехода к политической свободе. Если этого не случится в Китайской Народной Республике, мир будет точно знать, кого винить: не китайский народ, а Коммунистическую партию Китая.

- **В Тайване следует видеть не только проблему, но и пример для подражания. Именно поэтому Китай боится его успехов.**
- **Именно поэтому Тайвань должен оставаться процветающей страной.**

Размышления над чашей в форме лотоса

Я прибыла в Тайбэй, столицу Тайваня, воскресным днем 30 августа 1992 года. Это был мой первый визит: действующий премьер-министр не мог даже ступить на остров, не вызвав шквала гнева со стороны китайцев, и пока Великобритания вела переговоры о будущем Гонконга, об этом не могло идти и речи.

Тайвань тогда только начал менять свой образ политического отверженного, каким он выглядел в глазах большинства стран с 70-х годов. Экономические достижения острова, однако, обратили на себя внимание даже тех, кто предпочел бы игнорировать это государство. На момент моего визита Тайвань занимал тринадцатое место среди стран, ведущих международную торговлю, и обладал самыми большими в мире золотовалютными резервами. Поэтому я совершенно не удивилась, увидев явные признаки динамично развивающейся экономики и процветания.

Как я поняла во время моего пребывания на Тайване, его впечатляющие экономические достижения сопровождались восстановлением порядка и возвращением к традициям. Это выходило далеко за пределы того, что принесла с собой партия Гоминьдан, которая в масштабах китайской истории была абсолютно современным явлением. Тайвань сохранил в известной мере культурные традиции старого Китая, которые коммунисты на материке методично уничтожали в течение десятилетий.

Последний день моего визита убедил меня в этом. Накануне я провела очень тревожную ночь. В тот момент, когда я отдыхала в гидромассажной ванне своего номера в гостинице, комната начала качать-

ся. Землетрясение, а это было именно оно, продолжалось, и в ответ на каждый толчок из ванны выплескивалась вода с мыльной пеной. Я решила, что лучше всего в такой ситуации оставаться на месте до тех пор, пока землетрясение не прекратится. Ни я, ни гостиница, ни, насколько мне известно, Тайбэй в целом не пострадали. Однако после всего этого в душе осталась необычная тревога.

На следующее утро организаторы визита повезли меня в Национальный музей. Это удивительное сооружение в предместье Тайбэя располагается в склоне горы на восьми уровнях, и только верхний из них находится над землей. В тридцати пяти галереях действуют постоянные экспозиции, кроме того, для публики открыты специальные выставки.

В музее находится более 600 тысяч экспонатов — это, бесспорно, самое прекрасное собрание предметов китайского искусства в мире. В нем представлены основные предметы императорской коллекции: памятники культуры, изготовленные в императорских мастерских или подаренные иностранными сановниками; подношения, собранные во время правления династий Сун, Юань, Мин и Цин на протяжении почти восьми столетий.

Не попади эти сокровища на Тайвань, они, без сомнения, были бы испорчены, рассеяны или уничтожены во время приступов вандализма при правлении Мао. История спасения этой коллекции и ее переправки на остров столь же удивительна, как и сами экспонаты. Когда в 1924 году из «Запретного города» изгнали последнего императора династии Цин, императорские сокровища были полностью каталогизированы и упорядочены. Перед лицом японского вторжения величайшую коллекцию перевезли на юг, сначала в Шанхай, а затем в Нанкин. Наконец, когда коммунисты были совсем близко, самые ценные экспонаты в 1949 году переправили на Тайвань.

Сначала мне показали открытые для всеобщего обозрения экспозиции, содержащие изделия из керамики, нефрита, лаковые и эмалевые миниатюры, резьбу по слоновой кости, картины, вышивку, книги и старинные документы. Пояснения гида время от времени прерывали съемочные группы (их было четырнадцать), снимавшие бесценные экспонаты. После ленча с премьер-министром Тайваня генералом Хау Пэй-тсунем, старым солдатом Гоминьдана, мне оказали особую честь и провели в недра музея, чтобы показать некоторые из находящихся там драгоценностей.

Экспонаты хранились в обыкновенных жестяных коробках, похожих на те, в которые я укладывала вещи моих детей, когда они уезжали учиться. Коробки стояли на деревянных стеллажах, тянувшихся в два ряда вдоль стен подсобного помещения музея. Проходы были ярко освещены и сверкали чистотой, за температурой и влажностью тщательно следили. Рядом с шахтой лифта в одном из подземных этажей стоял покрытый зеленым сукном стол. После того как я надела специальные перчатки, мне разрешили поближе рассмотреть некоторые из самых изысканных предметов — крохотные чайные чашки, кольца, шкатулки и статуэтки.

Больше всего меня восхитил фарфор. Я его коллекционирую с тех пор, как вышла замуж. Однако каким бы тонким и изящным ни был английский и вообще европейский фарфор, ему не под силу соперничать с изысканностью и утонченностью лучшего китайского. Династия Сун (960-1279), с ее стремлением к элегантности и изяществу, развивала производство фарфора; именно ко времени ее правления относятся самые лучшие образцы. Оттенки глазури варьировали от цвета слоновой кости до бледно-голубого, красно-коричневого и даже черного. Но самые красивые, на мой взгляд, предметы из фарфора цвета морской волны были сделаны в мастерских Цзюй-чоу. В музее был один образчик этого фарфора, который считался, и совершенно справедливо, настоящей драгоценностью. Это была чаша для подогревания воды в форме цветка лотоса с десятью лепестками — древнего символа чистоты.

Конечно, в мире могут существовать цивилизации, способные производить предметы высочайшего искусства и при этом погрязнуть в общественном пороке. Но такие предметы, как чаша в форме лотоса работы Цзюй-чоу, напоминают об истории, которую нельзя отрицать или забывать, если Китай собирается обрести себя вновь. Как показывает пример Восточной Европы, только память о прошлом дает нации возможность залечить раны, нанесенные тоталитаризмом. Чаша в форме лотоса — это и ключ к судьбе Китая, и путевой указатель.

Несколько слов о Гонконге

Все мои контакты с Китаем в те времена, когда я находилась на посту премьер-министра, а также после моего ухода в отставку в большей или меньшей степени связаны с Гонконгом. Подписывая Совместное со-

глашение по условиям возвращения Гонконга Китаю, я чувствовала себя (как продолжаю чувствовать и сейчас) обязанной сделать для бывшей колонии все, что от меня зависит.

Мой оптимизм имел под собой основания. Для китайцев бывшие премьер-министры и экс-президенты значат намного больше, чем для западных стран. В какой-то мере это объясняется тем, что они, глядя на собственную систему, видят источник реальной власти в тех, кто находится за кулисами, а не в действующих политиках, занимающих высокие должности. К тому же здесь сказывается и врожденное уважение к житейской мудрости, которая, как предполагается, приходит с возрастом. У китайцев нет причин питать ко мне какие-то особые симпатии: им прекрасно известно, что я думаю о коммунизме и его методах, особенно после моего визита в 1991 году; они четко сознают, что жесткость моей позиции на переговорах была обусловлена стремлением сохранить, насколько возможно, капиталистическую систему в Гонконге. Вместе с тем им нравится иметь дело с людьми, которые держат свое слово и достаточно сильны, чтобы выполнить данные ими обещания.

Я знала, что моим преемникам досталась нелегкая задача. Джон Мейджор и Крис Паттен, который стал губернатором Гонконга в 1992 году, должны были сделать все, чтобы за время, оставшееся до передачи территории (т. е. до 1 июля 1997 г.), максимально укрепить экономическую и политическую свободу. Причем делать это предстояло в строгом соответствии с положениями Совместного соглашения, не слишком раздражая китайцев, которые вполне могли при желании уничтожить Гонконг в любой момент.

То, как губернатор Паттен подошел к исполнению своих обязанностей, вызвало немало дискуссий. Некоторые критические выступления были обоснованными; большинство же — безосновательными. Демократические реформы Законодательного совета Гонконга, которые осуществил г-н Паттен, были предельно ограниченными, однако они проводились в полном соответствии с Совместным соглашением и Основным законом (который определял конституционную организацию Гонконга). Хотя сам Гонконг, несомненно, хотел бы получить больше, даже эти реформы оказались не по зубам Пекину, и их впоследствии пришлось отменить.

Я оказывала г-ну Паттену всевозможную поддержку и не жалею об этом. Китайцы вполне могли бы принять предложенные им изменения без ущерба для своих жизненных интересов.

соко оценивали Великобританию, были полны оптимизма и уверенности в себе. Один молодой человек сказал, что он изучает в Университете Эксетера методы поддержания законности. Я ответила, что надеюсь, что наши подходы вскоре можно будет использовать и в Китае, но с этим придется немного подождать.

После передачи Гонконга китайцы в целом сдержали свои обещания. Они выполнили положения Совместной декларации и Основного закона, обеспечили свободу собраний и организаций. Положения, касающиеся запрета демонстраций по соображениям безопасности, так и не были использованы. Четыре тысячи китайских военнослужащих внешне ничем не проявляют себя и не осуществляют полицейских функций. Нельзя, конечно, говорить, что все осталось в том же виде, как было под британским началом. Китайцы оказывают очень большое влияние на обстановку. Немало беспокойства принес прецедент с изменением порядка иммиграции, введенным Судом высшей инстанции*. Хотя еще рано судить, было ли это грубой ошибкой властей или тревожным сигналом грядущих изменений. Китайцы, совершенно определенно, не склонны двигаться в направлении реальной демократизации, которой они по-прежнему серьезно опасаются.

В то время как политические сигналы являются смешанными, экономические достижения остаются неплохими, даже лучше, чем многие предполагали. Целостность финансовой системы Гонконга была сохранена. Власти даже продемонстрировали немалое умение находить правильные решения в условиях азиатского экономического кризиса. Долгосрочная же перспектива Гонконга, как политическая, так и экономическая, в значительной мере зависит от того, каким будет будущее самого Китая.

Опыт Гонконга, однако, указывает возможный путь к этому будущему. Китайские власти не изменили своей базовой позиции. Им хотелось бы воспользоваться преимуществами капитализма, не подвер-

* В январе 1999 г. Суд высшей инстанции Гонконга постановил, что в соответствии с положениями Основного закона китайцы из материковой части страны имеют право жить в Гонконге. Правительство Гонконга, однако, обратилось за разъяснением Основного закона в Постоянный комитет Национального народного собрания — «парламента» коммунистического Китая. Последний не согласился с трактовкой суда и дал ограничительную интерпретацию положений Основного закона. В декабре суд пересмотрел свое прежнее решение. Многие усматривают в этом свидетельство того, что центральное правительство будет верховенствовать над Судом высшей инстанции.

гая себя опасностям демократии. Но, как говаривал Ден, «ищите истину в фактах», и они постепенно приходят к пониманию определенной взаимосвязи между ними. Они знают, что не смогут использовать Гонконг как ворота для инвестиций и опыта, если подорвут доверие к нему или ограничат его возможности введением мер политического принуждения. Возможно, они догадываются и о том, что торжество закона, принципиально необходимое для успешной финансовой и коммерческой деятельности, гарантирует также и некоторые неэкономические права. Вместе с тем от нынешней партийной элиты никогда не дождаться последнего шага — признания неразрывной связи между политической и экономической свободой. Она не может позволить себе этого. И все же перемены наступят. Когда придет их время, уроки, полученные Китаем в Гонконге, сделают процесс менее болезненным и, возможно, менее жестким.

ЧАСТЬ П. ИНДИЯ

Наверное, не совсем правильно смотреть на Индию просто как на часть Азии. Она огромна сама по себе. Это цивилизация, религия и исторический опыт, заметно отличающиеся от восточноазиатских. Ее проблемы после обретения независимости связаны главным образом с Пакистаном, Кашмиром и в некоторой степени со Шри-Ланкой. В XXI столетии у Индии, я уверена, есть все возможности обрести могущество не только в Азии, но и в мире. Она, в частности, будет во все возрастающей мере играть роль противовеса Китаю: ее население должно превзойти по численности население последнего уже в ближайшие 50 лет*.

Британское наследие

Индия всегда зачаровывала меня. Еще девочкой в родном Грантеме я с большим вниманием следила за событиями, которые привели к обретению ею независимости. Уже тогда меня привлекал своего рода романтический империализм. В 1935 году, когда мне было 10 лет, на одном из семейных праздников меня спросили, кем я хочу стать, когда вырасту, и я ответила, что собираюсь поступить на индийскую гражданскую

* *World Population 1998, United Nations Department of Economics and Social Affairs Population Division*.

службу, иными словами, войти в элиту (составляющую не более тысячи человек), которая осуществляет справедливое управление субконтинентом. Мой отец, который отличался проницательностью, саркастически заметил, что к тому времени, когда я вырасту, возможно, уже не будет никакой индийской гражданской службы. Как оказалось, он был прав. Вместо этого мне пришлось заняться британской политикой.

Джавахарлал Неру, первый индийский премьер-министр, однажды заметил: «Англичане — люди с хорошей интуицией, но стоит им по-

пасть в другие страны, как они становятся удивительно непонятливыми»*. Многие иностранцы сегодня согласятся как минимум со второй частью этого утверждения. Однако, несмотря на все недоразумения и даже жестокости, британское влияние в Индии было несомненно позитивным — «памятник, заслуживающий уважения со стороны государств», если воспользоваться словами Черчилля**.

Прежде всего, следствием Ка] (т. е. английского владычества) является прочная, зрелая демократия. Англичане завещали индийцам не только институты парламентского правления, но и понимание того, какие социальные установки заставляют их работать, а это нечто такое, что очень трудно привить. В результате этого, несмотря на череду последовавших один за другим кризисов, положения конституции по-прежнему повсеместно уважаются, выборы ни разу не срывались, а их результаты не аннулировались, армия находится под гражданским контролем. Во-вторых, англичане оставили после себя упорядоченное законодательство, которое в значительной мере устраняет наиболее варварские пережитки старой Индии, такие как самосожжение вдовы на погребальном костре (обычай сати), приношение в жертву детей и убийство новорожденных. В-третьих, Индия унаследовала традицию формирования честного и достаточно эффективного правительства. На индийскую гражданскую службу, куда я так хотела попасть, стали допускать представителей различных рас, поэтому накануне обретения независимости около половины ее персонала составляли индийцы. Значительно более крупная структура — провинциальная гражданская служба — вообще полностью была индийской. Как следствие, к моменту ухода англичан в 1947 году страна имела целый штат опытных работников, которые могли взять на себя задачи управления новым независимым мегагосударством.

И, наконец, англичане дали Индии общий официальный язык. Это очень важно для страны, площадь которой составляет более полутора миллионов квадратных километров, а население разговаривает на 12 языках и 220 диалектах. Сегодня хинди, на котором говорит около 30% жителей, имеет статус официального языка, а английский — второго языка, используемого для различных официальных целей. Более

* Процитировано Джеффри Мурхаусом (India Britannica, London: Harvill Press, 1983).
** Процитировано Лоуренсом Джеймсом (Raj: The Making and Unmaking of British India, London: Little, Brown and Company, 1997, p. 640).

того, то, что английский язык в настоящее время является преобладающим международным языком бизнеса, дает Индии потенциальные преимущества перед большинством азиатских конкурентов.

Упущенные возможности

К сожалению, слово «потенциальный» приходится использовать слишком часто при анализе развития Индии после 1947 года. Вслед за ужасами принудительного перемещения населения, сопровождавшего размежевание с Пакистаном, политическая жизнь Индии в целом вошла в демократическое русло, однако никаких заметных сдвигов не произошло. Унаследованные проблемы —ужасающая бедность, фантастическое неравенство, включая кастовую систему, столкновения на этнической и религиозной почве — не получили эффективного решения. На практике выбор Индии в большинстве случаев был ошибочным. Ее правительство приняло социалистические идеи, стало проводить интервенционистскую и протекционистскую политику, а также, довольно активно, идею «третьего мира». Правители Индии были озабочены спорами с Пакистаном, а не привлечением западного опыта и инвестиций. Втайне индийские политики в большинстве своем страдали от постколониального чувства обиды. Иногда оно всплывало на поверхность. Во времена «холодной войны» Индия официально входила в число «неприсоединившихся» стран, однако в случае кризисов, в частности при вторжении Советского Союза в Афганистан в 1979 году, она неизменно оказывалась на стороне СССР, а не Америки.

Результат хорошо известен. В условиях ограничений и тарифов экономический потенциал Индии остался нереализованным. С 50-х до конца 80-х годов ее доля в мировой торговле неуклонно снижалась.

Находясь в конце этого периода на посту премьер-министра, я уделяла очень много внимания Индии и ее руководителям. Я хорошо знала Индиру Ганди*. Она была очаровательным, высокоинтеллектуальным и образованным человеком, но в то же время хитрым, а иногда и жестоким политиком. Я не могла не испытывать к ней симпатии, особенно меня привлекала ее решительность. Губило Индиру Ганди, как и ее отца Джавахарлала Неру, пристрастие к идеям социализма. Я была знакома и с ее сыном Радживом**, который также нравился мне, хотя

* Индира Ганди (1917-1984) — премьер-министр Индии в 1966-1977 и 1980-1984 гг.

** Раджив Ганди (1944-1991) — премьер-министр Индии в 1984-1989 гг.

он громче других в Содружестве критиковал меня в те дни, когда ни один саммит не обходился без выступлений в адрес Южной Африки. В отличие от своей матери, Раджив начал сознавать, что Индии никогда не добиться успеха без рыночных реформ. Думаю, он понял также, что левацкая позиция Индии в международных отношениях потеряла смысл после окончания «холодной войны». Причина его трагической гибели, как и гибели его матери, кроется в давней проблеме Индии — межобщинных распрях, а не в геополитике или политике в сфере экономики: он погиб в результате нападения тамильского экстремиста во время предвыборного выступления в мае 1991 года.

Путь реформ

К тому времени я уже покинула кабинет премьер-министра, но все еще продолжала внимательно следить за событиями на субконтиненте. Страна оказалась не в состоянии выполнить свои обязательства по внешнему долгу и находилась на грани дефолта. Лишь в июне 1991 года с приходом нового правительства во главе с премьер-министром П. В. Нара-симха Рао произошло ощутимое изменение курса, в результате чего экономика Индии стала открытой. В лице министра финансов Манмо-хана Сингха страна обрела подлинного архитектора новой политики. Г-н Сингх вполне достоин стоять в ряду таких всемирно известных экономических реформаторов, как Лешек Бальцерович (Польша), Вацлав Клаус (Чешская Республика) и Чжу Жунцзы (Китай).

Я ездила в Индию в 1994 и 1995 годах, чтобы лично увидеть ее достижения. Каждый раз я встречалась с премьер-министром Рао, министром финансов Сингхом, а также, что не менее важно, с множеством банкиров и предпринимателей, которые не понаслышке знали о реальной ситуации в экономике. Чем больше я узнавала, тем больше меня поражала смелость того, что было задумано.

Одно дело взять и отменить регулирование, снизить импортные тарифы, ослабить валютный контроль, открыть рынок для иностранных компаний и приватизировать государственные предприятия в стране, где существуют серьезные гарантии социальной защищенности и мало бедных. Совсем другое дело провести эти реформы в такой стране, как Индия, где значительная часть населения, особенно в сельских районах, живет в условиях невероятных лишений. Для бедной страны третьего мира политика открытого рынка столь же необходима, как и для любой высокоразвитой страны, причем в первой, из-за меньшего числа

унаследованных препятствий, экономический рост, раз начавшись, может происходить даже гораздо быстрее. Специфическая проблема, с которой сталкиваются реформаторы в странах третьего мира, заключается в том, что положительные результаты преобразований должны проявиться очень быстро. Тем не менее первоначальный эффект разумной рыночной политики в стране, привыкшей к инфляции, громадным государственным дотациям, раздутым штатам и протекционизму, наверняка будет в высшей степени болезненным. Однако у бедной страны гораздо меньше ресурсов, позволяющих пережить трудные времена.

На деле существуют две Индии, сближения которых пока что не наблюдается. Одна из них — необразованная, нередко неграмотная, чрезмерно подверженная различным болезням, хотя больше и не страдает от голода (в результате революционных реформ в индийском сельском хозяйстве, начавшихся в 70-х годах), все еще лишена в значительной мере того, что представители Запада считают минимально необходимыми удобствами. Эта Индия, потрясающая и приводящая в ужас, тем не менее вполне реальна.

Но есть и другая Индия, которая не менее реальна, — Индия будущего, страна, достигшая высот в науке и технике и имеющая первоклассные университеты, лидер в сфере информационных технологий и наукоемких отраслей. Эта вторая Индия быстро формирует жизненно важную социальную основу экономического прогресса — ориентированный на бизнес средний класс. Несмотря на то что существует еще очень много факторов, сдерживающих развитие второй Индии, — засилье бюрократии, недостаток электроэнергии, нехватка квалифицированных рабочих, — индийская экономика поистине изумляет тех, кто одно время рассуждал о несовместимости предпринимательского духа и индийской культуры. Темп экономического роста Индии стабильно держится на уровне 6% в год; по мнению многих экономистов, он вполне может достичь 8%. Индия оказалась практически невосприимчивой к азиатскому «экономическому гриппу», поразившему многие другие страны.

Невзирая на звучавшие одно время опасения, правительство, сформированное партией «Бхаратия джаната парти» (индуистская националистическая партия), с 1999 года активно проводит рыночную политику, начатую его предшественником. Я убеждена, что в ближайшие несколько лет — если, конечно, рыночные реформы будут про-

должаться, — Индия сможет реализовать свой потенциал и превратится в одну из крупнейших в мире экономических держав. Мне очень хочется, чтобы:

- **Индия заняла подобающее место в геополитических представлениях западных стран;**
- **ее политические достижения и экономический потенциал получили значительно более широкое признание.**

Разрешение конфликта

Индия, помимо прочего, очень близко подошла к статусу великой державы и с военной точки зрения. В этом тоже есть определенная новизна.

После Второй мировой войны, во время которой многие индийцы были награждены за отвагу, вооруженным силам Индии не приходилось участвовать в серьезных столкновениях. В 1962 году индийская армия очень плохо проявила себя в военных действиях против Китая. То, что она не уступала в конфликтах с Пакистаном или даже брала верх, объяснялось ее подавляющим численным превосходством, а не умением воевать. Эти факты, впрочем, очень ненадежная основа для создания картины будущего.

Индия по-прежнему имеет одну из самых больших армий в мире: она держит под ружьем около 980 тысяч человек. В настоящее время она пытается осуществить ее радикальную модернизацию за счет принятия на вооружение новой техники — как собственного производства, так и импортной. Как и Китай, Индия делает упор на использование в военных целях информационных технологий, в разработке которых очень сильно продвинулась индийская промышленность, — в частности, высокопроизводительных компьютеров и сложнейшего программного обеспечения. Правительство Индии постоянно увеличивает военные расходы и занимается созданием военно-морского флота, который сможет выполнять боевые задачи в Восточно-Китайском море. Индия, наравне с Китаем, — крупнейший покупатель вооружений у России*. Она также является вполне оформившейся ядерной державой.

* Victor M. Gobarev, «India as a World Power: Changing Washington's Myopic Policy», Cato Institute Policy Analysis, No. 381, 11 September 2000.

Я уже не раз объясняла, почему превращение Индии в таковую было, на мой взгляд, неизбежным*. В любом случае, независимо от того, какие обещания раздают индийцы в настоящее время, этот процесс необратим. Министр обороны Индии Джордж Фернандес, защищаясь от американской критики в отношении индийских ядерных испытаний, задал вопрос: «Когда это вы успели так сблизиться с Китаем, что стали спокойно смотреть на его ядерное оружие... почему бы вам не сделать то же самое в отношении Индии?» Он совершенно прав.

Прежде всего, мне бы хотелось, чтобы Индия превратилась в мощный противовес Китаю. Она достаточно велика и имеет сопоставимое по численности население; ее экономический потенциал во многом сходен с китайским; кроме того, она имеет прочную демократическую систему. Могут, конечно, возразить, что эта демократия, мол, с изъяном. Это правда. У меня нет иллюзий на этот счет, индийское общество — вовсе не образец терпимости и гармонии. В Индии практически каждый день совершаются убийства, нередки беспорядки, подвергаются притеснениям меньшинства. Вместе с тем я не сомневаюсь, что, если Азия выберет путь Индии, а не Китая, она станет значительно более удобным партнером для Запада.

Предметом серьезного беспокойства для западных наблюдателей, однако, сегодня являются отношения Индии не с Китаем, а с Пакистаном, который тоже владеет ядерным оружием. Индия сможет претендовать на роль одной из крупнейших держав за пределами Южно-Азиатского региона только в том случае, если ей удастся стабилизировать отношения с Пакистаном. Возможно ли это?

В данный момент, пожалуй, нет. Причину столь мрачной оценки следует искать в Исламабаде, а не в Дели. Еще до событий 11 сентября и начала американской операции против «Талибана» Пакистан был по-своему практически так же важен для Запада, как и Индия. После вторжения Советского Союза в Афганистан в декабре 1979 года Пакистан приютил несколько миллионов беженцев. Он превратился в главную опору сил афганского сопротивления, но сам при этом попал под влияние распространенного среди афганцев воинствующего ислама. При президенте Зия государство в значительной мере исламизировалось, его основным законом стал шариат. Во времена «холодной войны», когда Запад боролся против Советского Союза,

* См. стр. 77-78.

в усилении воинствующего ислама в регионе никто не видел источника серьезного беспокойства. А, наверное, следовало бы. Однако в геополитике, как и в жизни, в каждый момент времени мы можем заниматься лишь одной задачей. Главной угрозой был советский коммунизм. И глубоко религиозные мусульмане, и светские жители западных стран вместе боролись с ним.

С окончанием «холодной войны» интерес Пакистана к Афганистану не исчез. Пакистанское руководство всеми силами стремилось ослабить влияние России и Ирана на своего северного соседа. Этнические связи (между членами афганского племени патанов) и религиозные (между суннитами) также имели немалое значение. В любом случае в Пакистане осталась большая афганская община. По этим причинам правительство Пакистана крайне нуждалось в сговорчивой силе, которую можно было бы поддержать и привести к власти в Афганистане. В начале 90-х годов оно остановило свой выбор на движении «Талибан», сформировавшем в 1996 году свое правительство в Кабуле. Хотя сам Пакистан оставался умеренным мусульманским государством, талибы, которые в значительной мере были его творением, очень быстро проявили себя как экстремисты и непримиримые исламские фанатики. Это создало серьезную проблему для прозападного правительства Пакистана — проблему, которая вылилась в кризис, связанный с нападением «Аль-Каиды» на Америку и отказом «Талибана» выдать преступников.

Принимая решение о том, как строить отношения с Пакистаном сегодня, мы должны учитывать трудности, с которыми он столкнется в более отдаленной перспективе, и его слабость как государства. За время, прошедшее с момента обретения независимости, подлинная демократия так и не смогла в нем утвердиться. Его проклятьем являются коррупция и неэффективное руководство. Большая часть населения живет в жалкой нищете без всякой надежды из нее выкарабкаться.

Другой неиссякаемый источник нестабильности кроется в соперничестве с Индией. Его корни — исторические и во многом связаны с проблемой Кашмира. Дестабилизирующий эффект углубляется еще и тем, что Пакистан, несомненно, более слабый из соперников. Его территория имеет невыгодные очертания, а то, что он значительно меньше Индии (его население составляет 138 миллионов человек), заставляет Пакистан серьезно опасаться своего гигантского соседа.

Один из самых сильных и уважаемых государственных институтов Пакистана — его вооруженные силы. Еще до переворота, в результате которого генерал (ныне президент) Первез Мушарраф пришел к власти в 1998 году, армия контролировала крупнейшие гражданские предприятия и даже управляла ими. Именно поэтому население с энтузиазмом восприняло переворот: в армии виделась единственная сила в государстве, способная искоренить коррупцию и восстановить разумное управление.

Однако ситуация в Кашмире подрывает самоуважение Пакистана, а вместе с ним и армии. Думаю, не вредно напомнить вкратце основные факты. Раздел бывшей британской колонии на два государства — индуистскую Индию и мусульманский Пакистан — привел к перекраиванию не только двух третей континента, находившихся под прямым британским управлением, но и одной трети, состоявшей из штатов, управляемых индийскими князьями. Одним из этих штатов был Кашмир. Много лет его население было в основном мусульманским, а правление — индуистским. Его князь, махараджа Хари Сингх, столкнувшись с вторжением племени патанов, инспирированным, вполне вероятно, Пакистаном, подписал указ о присоединении, в соответствии с которым княжество отходило к Индии. Лорд Маунтбеттен, последний британский вице-король Индии, приветствовал такое решение, но поставил одно условие. Приведу его собственные слова: «Как только закон и порядок будут восстановлены, а захватчики изгнаны, вопрос о присоединении штата должен быть решен по усмотрению народа». Это предложение подкреплялось резолюциями ООН 1948 и 1949 годов*.

Это вовсе не означает, что Индия не имеет права вмешиваться. На деле у нее есть для этого очень серьезные основания — соображения национальной безопасности и национальные интересы. Когда великая держава, как, например, Индия, приходит к заключению, что ее фундаментальные интересы распространяются на такую сферу, которая, как Кашмир, прямо не затрагивает фундаментальных интересов Запада, я не поддерживаю наше бесцельное вмешательство. Я остаюсь на этой позиции, несмотря на настоятельные требования быстрее «разрешить» кашмирскую проблему, впрочем как и проблему Ближнего Востока, с тем чтобы более эффективно вести войну против террориз-

* Краткое изложение истории вопроса можно найти в статье Александра Роуза (Alexander Rose, «Paradise Lost: The Ordeal of Kashmir», The National Interest, Winter 1999/2000).

ма. Дипломатические решения, принятые в ответ на потребности текущего момента, очень редко оказываются долгоживущими, а их реализация может даже ухудшить ситуацию.

Заглядывая вперед, невозможно себе представить, что Пакистан и воинственно настроенные кашмирцы будут когда-либо спокойно воспринимать присутствие Индии. Продолжающийся конфликт, с другой стороны, не дает Индии сосредоточиться на осуществлении ее очевидного предназначения — превращения в сверхдержаву азиатского континента. Полномасштабная война с Пакистаном не отвечает и никогда не будет отвечать интересам Индии, поскольку связана с риском обмена ядерными ударами. Даже столкновение с использованием обычных вооружений будет иметь печальные последствия.

Решение конфликта вряд ли может быть найдено с помощью проведения международных мирных конференций. Прогресс появится только в том случае и тогда, когда и Пакистан, и Индия поймут, что у них есть более важные проблемы, чем Кашмир, и согласятся пойти на компромисс. До того момента необходимо всеми силами удерживать обе стороны от стычек с применением оружия, подчеркивая опасность их перерастания в войну.

Пакистанский военный режим, что бы там ни говорили об обстоятельствах прихода военных к власти, дает стране новый шанс. Он может сделать то же самое, что в свое время сделал для Чили генерал Пиночет, который радикально реформировал экономику, что оказалось не под силу ни одному демократическому правительству того времени. Пакистану, прежде всего, нужна передышка, время для приведения дел в порядок и достижения национального согласия, с тем чтобы сформировать честное и подлинно демократическое правительство. Западу следовало бы помочь президенту Мушаррафу начать преобразование страны и экономики. А вместо этого мы занимались уговорами и угрозами.

После событий 11 сентября это отношение изменилось. Санкции, наложенные на Пакистан (и Индию) вслед за ядерными испытаниями 1998 года, были отменены. Возобновилась помощь Пакистану. Всесторонняя поддержка должна продолжаться и расширяться. Не стоит видеть в западной помощи Пакистану чистую благотворительность. Не следует ее воспринимать и просто как вознаграждение президенту Мушаррафу за сотрудничество, хотя в этом и есть доля истины. Наиболее весомой причиной является то, что на карту поставлена безопас-

ность. Мы обязаны сделать все, чтобы Пакистан не оказался в руках исламских экстремистов. Эти люди стремятся получить доступ к пакистанскому ядерному оружию и развернуть джихад против индусов, сикхов, а вместе с ними и против христиан и евреев. Если правительство Мушаррафа падет в результате его близости к Западу, это может иметь для нас такие же последствия, как и свержение шаха Ирана в 1979 году. Поднимется новая волна исламского фанатизма, у наших заклятых врагов откроется второе дыхание, а опорой джихада станет государство, владеющее ядерным оружием. О подобной перспективе даже подумать страшно.

Эти соображения выносят на повестку дня также и вопрос о возврате Пакистана к демократии. Правление военных в конечном итоге не может дать стране той долгосрочной стабильности, которая ей так необходима. Впрочем, «конечный итог» может и подождать. Президент Мушарраф 14 августа 2001 года пообещал провести выборы в конце 2002 года. При других обстоятельствах его следовало бы заставить придерживаться этого графика. Однако если он сочтет, что возврат к полной демократии необходимо отложить из-за событий в Афганистане, мы должны его поддержать. Дружественное государство с ограниченной свободой намного лучше, чем враждебное с полным отсутствием таковой, особенно если оно обладает ядерным оружием.

Судьба Индии в более отдаленной перспективе существенно важнее для нас. К счастью, она находится в значительно лучшей форме, чем ее сосед, и в целом вполне способна сама разобраться со своими внутренними проблемами. Вместе с тем она также заслуживает большего терпения, понимания и уважения со стороны Запада. В ней нужно видеть то, чем она уже является, — великую державу, которая в скором времени займет место региональной сверхдержавы.

Возникает вопрос: должна ли Индия получить статус постоянного члена Совета Безопасности ООН? С моей сегодняшней точки зрения, Совет не следует расширять вообще. Не могу себе даже представить, как подобное изменение воспримут те, кого не принимают в Совет, да к тому же увеличение числа государств, пытающихся сесть во главе стола, — прямая дорога к прекращению нормальной работы. Но если все же будет принято решение о расширении, Индия по праву предъявит очень сильные претензии на место в Совете, значительно более сильные, чем другие претенденты.

Приобретение Индией статуса великой державы соответствует интересам Запада. Превращение этой огромной демократической страны в одно из главных действующих лиц мировой сцены может принести немало выгод. Не самая последняя из них — возможность создать региональный противовес Китаю, подобно тому, как тридцать лет назад президент Никсон «открыл» Китай в качестве противовеса Советскому Союзу.

Таким образом, Западу необходимо сделать следующее:

- согласиться с тем, что Индия является великой державой, и предоставить ей статус, который предполагает, косвенно, а возможно и прямо, получение постоянного членства в Совете Безопасности ООН;
- прекратить бессмысленные протесты против наращивания ядерного потенциала Индией и Пакистаном;
- прекратить попытки «разрешить» неразрешимую в настоящее время проблему Кашмира, но при этом не ослаблять усилий по сдерживанию обеих сторон конфликта;
- помочь Пакистану справиться с его огромными трудностями и сделать все, чтобы у власти там оставались наши друзья;
- приветствовать превращение Индии в региональную сверхдержаву, способную стать противовесом Китаю.

Глава 6

Государства изгои, религии и терроризм

ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВА ИЗГОИ

Государства изгои, религиозный экстремизм и международный терроризм — эти три понятия после 11 сентября 2001 года неразрывно переплелись друг с другом в глазах общественности. Любое из этих явлений уже само по себе несет угрозу гражданскому миру и международной стабильности. Совместное же зло, исходящее от них, намного превосходит простую сумму его составных частей*. Число жертв в Нью Йорке и Вашингтоне не оставляет места даже для малейшего сомнений

Понятие «государства-изгои» появилось относительно недавно Официально оно впервые прозвучало в контексте американской внешней политики в речи советника президента Клинтона по национально безопасности Энтони Лейка в сентябре 1993 года. Гн Лейк представил концепцию внешней политики после окончания «холодной войны»,

* Симбиоз террористических организаций и поддерживающих их государств уже давно признан международным злом и осужден. В 1986 г. я как премьер-министр была в числе глав правительств на саммите 07 в Токио, наиболее твердо поддержавших заявление: «[Мы] твердо осуждаем любые проявления международного терроризма, его непосредственных участников и *всех, включая государства, оказывающих ему финансовую или иную поддержку,* Терроризму не может быть оправдания» (курсив автора).

стержнем которой была стратегия расширения мирового свободного сообщества демократических стран с рыночной экономикой. В числе прочего стратегия предполагала «дипломатическую, военную, экономическую и технологическую изоляцию» государств-изгоев*. Подобные взгляды, впрочем, не так уж и новы. Концепция «нового мирового порядка» президента Джорджа Буша, озвученная в сентябре 1990 года в обращении к Конгрессу Соединенных Штатов, уже содержала зачатки этого подхода**. Его стержнем была мысль о том, что с окончанием «холодной войны» и приближением «конца истории» (в том смысле, конечно, который вкладывал в него Фукуяма) должно сформироваться глобальное сообщество высокоорганизованных, тесно сотрудничающих, открытых и прежде всего демократических государств. Небольшое число злодеев или «изгоев» оказывающихся за пределами их постоянно расширяющегося круга, все же может создавать проблемы. Однако передовое большинство, мобилизуемое по решению Совета Безопасности ООН, способно сорвать их намерения, сдержать, изолировать и, в конечном итоге, подавить их.

Как и большинство других понятий такого рода (взять хотя бы «новый мировой порядок», понятие «государства-изгои» несет в себе существенную долю истины. Я сама не раз использовала его в своих выступлениях для обозначения относительно небольших государств, у которых есть мотивы и средства для создания несоразмерно серьезных проблем. Недостатком этого понятия является его неопределенность.

Оно фактически основано на двух допущениях. Первое состоит в том, что все «неизгои» заинтересованы друг в друге настолько сильно, что это гарантирует сотрудничество между ними. Второе — в том, что один «изгой» как две капли воды похож на другого. Оба допущения на самом деле неверны. Страныизгои никогда не бывают такими отверженными, какими их пытаются представить. Единственное, чем они отличаются от прочих, так это способностью причинять вред или, по меньшей мере, создавать угрозу его причинения из-за того, что пользуются тайной поддержкой (обычно выражающейся в передаче технологий) со стороны одного или нескольких крупных государств, входящих в глобальный магический круг «хороших ребят». Кроме того, отдель

* Сообщение о выступлении в Школе международных исследований в Университете Джона Хопкинса: New York Times, 22 September 1993.

** Более подробно концепция «нового мирового порядка» была рассмотрена на стр. 52-53.

ные государства, считающиеся «изгоями», нередко имеют совершенно разные приоритеты и возможности.

С учетом сказанного, мне, видимо, следовало бы порадоваться, когда Госдепартамент США, наверное из уважения к чувствам сталинистской Северной Кореи, решил больше не использовать понятие «государства-изгои», а стал говорить о «государствах, вызывающих озабоченность»*. Но если не брать в расчет большую благозвучность нового определения, совершенно ясно, что оно не вносит ничего нового. Это просто переливание из пустого в порожнее. Зато оно определенно должно «вызвать озабоченность» у всех нас, если такой подход утвердится среди тех, кто определяет политику величайшей державы мира. К счастью, нынешняя администрация, похоже, положила конец этим глупым упражнениям в пустословии.

Обычно в список государств-изгоев попадают Северная Корея, Ирак, Сирия, Ливия, Иран и (в меньшей степени) Судан**. Не берусь оспаривать этот список. Режимы включенных в него государств, так или иначе, неприглядны и опасны. Ни один из них не является демократическим. Ни одно из этих государств не управляется по закону в том смысле, как мы это понимаем. В каждом из них преследуют диссидентов и оппозиционные группы. Во всех господствует идеология, делающая их принципиально враждебными по отношению к Западу и его союзникам. Все они в той или иной мере обладают оружием массового уничтожения. Эти общие характеристики, несомненно, имеют важное значение, вместе с тем для выстраивания политики, позволяющей справиться с исходящей от перечисленных государств угрозой, требуется более глубокий анализ.

Северная Корея

Северная Корея — классическое государствоизгой с диктаторским режимом, контролирующим закрытое общество, одновременно репрессивное и агрессивное, насыщенное до предела обычными вооружениями и пытающееся создать и экспортировать оружие массового унич

* Комментарий по поводу высказываний Мадлен Олбрайт, занимавшей в то время пост государственного секретаря: New York Times, 20 June 2000.

** Афганистан, находящийся под властью талибов, тоже может быть отнесен к государствам-изгоям. Однако его положение и значение настолько специфичны, что я считаю необходимым уделить ему особое внимание. См. стр. 61-62.

тожения. Вместе с тем оно уникально, поскольку является одним из последних оплотов непримиримого коммунизма.

Телевизионные кадры, показывающие, как северокорейский диктатор сталинского типа Ким Чен Ир и тысячи его подданных радостно приветствуют президента Южной Кореи Ким Дэ Чжуна, а затем госсекретаря США Мадлен Олбрайт, вряд ли могут оправдать реалии жизни к северу от 3811 параллели. Северная Корея — одно из самых закрытых и зловещих мест на земле. Гжа Олбрайт после возвращения в Соединенные Штаты признала, что ситуация с соблюдением прав человека в Северной Корее «не слишком хорошая»*. Судя по тем отрывочным сведениям о жизни северных корейцев, которые до нас доходят, подобная оценка выглядит чрезмерно мягкой. Но пока существующий там режим не рухнет, нам вряд ли удастся реально оценить его ужасы.

С 1945 года, когда северная часть Корейского полуострова оказалась под контролем Советского Союза, в ней начала формироваться система политического принуждения. После создания Корейской Народно-Демократической республики в 1948 году режим, возглавляемый Ким Ир Сеном, пытался насильственным путем захватить Южную Корею, что два года спустя привело к развязыванию Корейской войны. Потерпев поражение и едва избежав печальных для себя последствий, Ким Ир Сен превратил свою страну в гигантскую политическую тюрьму. Подобно правителям Албании и Камбоджи, он делал все, чтобы оградить страну от попадания в нее «чужаков», не считая, конечно, специалистов или других полезных с точки зрения режима людей, которых просто похищали. Коммунистическая партия периодически подвергалась чисткам, причем с особой жестокостью уничтожались противники намерения Кима назначить преемником своего сына. В государстве насаждалась подкрепляемая систематическим террором идеология «чучхе» (идеология тоталитарной социалистической самодостаточности). Северная Корея энергично поддерживала терроризм. Она организовала убийство ряда членов южнокорейского кабинета министров в Бирме и предоставила убежище для японских террористов, взорвавших самолет в 1987 году. Смерть Ким Ир Сена в 1994 году не принесла какихлибо положительных изменений. Ким Чен Ир назначил новых людей на ряд ключевых должностей, но смягчения репрессий и агрессивности не произошло.

* Washington Times, 3 November 2000.

По оценкам, сделанным на основе скудных данных, накопленных с 1 1948 года, в результате партийных чисток было уничтожено 100 тысяч 1 человек, а 1,5 миллиона оказались в концентрационных лагерях. К этому следует добавить более 1,3 миллиона человек, погибших во время Корейской войны, которая была развязана Пхеньяном с одобрения Москвы. И, как предполагается, до полумиллиона человек умерло в результате не так давно спровоцированного стихийными бедствиями голода, глубинной причиной которого, однако, была невероятная недееспособность политической системы и тех, кто ею управляет. Общее число жертв, таким образом, переваливает за 3 миллиона человек, и это в стране с населением всего лишь 23 миллиона*.

Ким Чен Ир вполне недвусмысленно обозначил свои приоритеты, нужно лишь некоторое терпение, чтобы отыскать их среди громких слов и хаотично разбросанных мыслей. Он убежден, и, по всей видимости, совершенно обоснованно, в том, что опорой его власти является армия. Он четко понимает, что должен создать для командования хорошие условия. Однажды он, к примеру, сказал: «Мы не сможем одолеть врага, если не будем кормить военных. Оправдать нашу неспособность обеспечить продовольствием армию не может ничто... Поставки продовольствия военным должны быть безусловно гарантированы»**. Его готовность изменить официальной идеологии «чучхе» и не только принять зарубежную продовольственную помощь, но даже просить о ее предоставлении объясняется стремлением накормить солдат, а не народ.

Недавние изменения, произошедшие в Северной Корее, являются результатом внешнего воздействия, а не внутреннего развития. Развал Советского Союза лишил ее помощника, торгового партнера, опоры и защитника. Переориентация Китая в сторону Запада и рыночной экономики привела к тому, что он также стал менее активно поддерживать в целом нежизнеспособный режим. Северная Корея, таким образом, была вынуждена избрать стратегию установления связей с остальным миром на новой основе.
Одним из ее аспектов, который я уже упоминала, является эксплуатация сострадания Запада. Здесь мы стоим перед дилеммой. У нас *нет.*

* По некоторым оценкам, число погибших от голода значительно выше. Приведенные здесь цифры взяты из следующего источника: Pierre Rigoulot, «Crimes, Terror and Secrecy in North Korea», in The Black Book of Communism, pp 547-564.

** Речь на торжествах, посвященных 5011 годовщине Университета Ким Ир Сена 7 декабря 1996 г.

достаточной информации о масштабах и причинах голода, который, впрочем, вполне реален, позволяющей выбрать наилучшее направление помощи. Режим видит его причину в стихийных бедствиях. Точно такие же доводы приводили в свое время Советский Союз и африканские социалистические страны. Однако их нельзя считать убедительными. Эффективные экономические системы, может быть не сразу, но неизменно находят ресурсы для преодоления любых бедствий, которые обрушивает на них стихия. В отличие от них, страны, подобные Северной Корее, где частная собственность на землю поставлена вне закона, в конечном итоге обречены на голод. Продовольственная помощь не является решением проблемы в долгосрочной перспективе; многие экономисты предупреждают об отрицательном эффекте такой «помощи», которая подрывает местное сельское хозяйство. Возможно, это звучит резко, но самый эффективный и короткий путь к спасению Северной Кореи от голода — это смена правительства*.

Другим аспектом политики Северной Кореи, дающим прямое основание отнести ее к числу «изгоев» является то, что один из экспертов очень точно определил как «тщательно управляемая стратагема военного вымогательства»**. Эта стратагема была разработана Пхеньяном в 1994 году, чтобы сбить волну угроз со стороны Запада, поднявшуюся после того, как стало ясно, что Северная Корея вотвот превратится в ядерную державу. Северная Корея согласилась заморозить свою программу в обмен на обещание США ежегодно бесплатно поставлять полмиллиона тонн нефти и возместить расходы на строительство двух ядерных реакторов на легкой воде общей стоимостью 4 млрд. долларов. Это было серьезным дипломатическим поражением Запада и выдающимся успехом немощного банкрота. В результате Северная Корея превратилась, пожалуй, в самого крупного получателя американской помощи в Азии.

Самое поразительное заключается в том, что это соглашение не заставило Северную Корею не только прекратить, но хотя бы сократить масштабы разработки и продажи современной ракетной техники. Действительно, если встать на ее позицию, с какой стати она должна это делать? Северная Корея отчаянно нуждается в иностранной валюте, ко

* Есть данные о том, что самый тяжелый период позади и производство продовольствия начало расти *(South China Morning Post,* 22 May 2000).

** Nicholas Eberstadt, «The Old North», The World and I, 1 Juke 2000.

торую ей дает торговля смертью; роль главного «изгоя» повышает её престиж среди антизападно настроенных государств; а помимо прочего, она может в нужный момент вытянуть из Америки и ее союзников новую порцию дани, или, на английский манер, — Danegeld*.

Северная Корея давно осуществляет программы создания, испытания и экспорта ракет «земля — земля» ближнего радиуса действия типа Scud, ракет среднего радиуса действия типа Nodong и межконтинентальных баллистических ракет типа TAepodong. Продажа этого вооружения и связанных с ним технологий приносит ей до 100 млн. долларов в год, Ракеты типа Scud приобрели Египет, Сирия и Вьетнам, ракеты типа Nodong — Иран, Ливия и Пакистан**. Северная Корея со своими ракетными программами — сегодня главный источник распространения оружия в мире, несущий реальную глобальную угрозу.

Эта угроза имеет конкретную направленность — страны Запада. Северокорейский режим глубоко враждебен нам. Я вполне допускаю, что он безрассуден настолько, что может решиться на атаку с использованием межконтинентальных баллистических ракет, оснащенных ядерными, химическими или биологическими боеголовками. Чрезвычайно наивно полагать, что этот риск исчез или хотя бы уменьшился в результате недавних жестов доброй воли. Хотя наиболее вероятная цель для подобных атак — Япония, Северная Корея уже располагает или очень скоро получит средства, позволяющие нанести удар как по Америке (Аляске), так и по Европе — Норвегии и Финляндии. Не стоит радоваться и моим соотечественникам. По словам одного из экспертов 1 этом вопросе, «можно утверждать, что северокорейская программа создания ракет большого радиуса действия угрожает безопасности Западной Европы в еще большей степени, чем безопасности США»***. Хотелось бы верить в то, что это соображение заставит европейцев отказаться от своей резкой и необдуманной кампании против планов США по созданию системы ПРО.

Отношение Северной Кореи к подобным возможностям предельно простое. В 1998 году ее официальные средства массовой информации объявили «продолжение разработки, испытания и размещения ракет»

* Danegeld — дань, которую в IX в. англосаксы выплачивали датчанам в обмен на их отказ от набегов и разбоя.

** Jane's Defence Weekly, 26 January 2000.

*** Ben Sheppard, «Ballistic Missile Proliferation: A flight of Fantasy or Fear?», Jane's Intelligence Review, 1 October 1999.

делом принципа, однако добавили, что, если Америка хочет прекратить это, она должна «компенсировать потери». В начале 1999 года официальные представители Северной Кореи намекнули, что первоначальный размер такой компенсации составляет 1 млрд. долларов в год*. Шантаж, а по другому это не назовешь, начался.

Вместе с тем представители некоторых великих держав не хотят верить, что дело обстоит именно так. Во время визита в Пхеньян летом 2000 года российский президент Путин сделал вид, что поверил обещанию Ким Чен Ира прекратить разработку баллистических ракет, после того как Северная Корея получит возможность использовать ракеты-носители других стран для продолжения собственной космической программы. Как бывший оперативный сотрудник КГБ, гн Путин должен был бы знать, что это не более чем пустые разговоры. Северной Корее космос нужен лишь для единственной цели — ведения войны. Ким Чен Ир лишь обыграл старую сталинистскую шутку: в 1998 году Северная Корея заявила, что ракета, которая пролетела над территорией Японии, на деле должна была вывести в космос спутник для передачи «бессмертных революционных гимнов» и «Чучхе Корея» с помощью азбуки Морзе. Нужно ли говорить, что таких спутников никто и никогда не видел**.

Как у России, так и у Китая, который тоже пытается помочь Северной Корее улучшить ее имидж, есть веские основания претендовать на роль посредника между Пхеньяном и Западом. Русские и китайцы отчаянно пытаются не допустить того, чтобы Америка создала эффективную глобальную систему ПРО, поскольку опасаются ослабления действенности своих ядерных сил сдерживания. Им также известно, что Вашингтон видит в Северной Корее главный источник ракетной угрозы. Если им удастся удержать Северную Корею от создания проблем, они получат возможность представить (не без поддержки своих обычных помощников в западных средствах массовой информации) систему ПРО как нечто безответственное, провокационное, ненужное, неосуществимое и т.д. и т.п.

* Nicholas Eberstadt: «The most Dangerous Country», The National Interest, autumn 1999. Северная Корея специализируется на подобном вымогательстве. Режим требует также и от Японии, против которой ведется разнузданная пропагандистская кампания, «компенсации» в размере 10 млрд. долларов за жестокости, совершенные во время войны.

** Jane's Missiles and Rockets, 1 October 1998.

Значительно труднее понять причину той готовности, с которой Госдепартамент США и администрация Клинтона попадаются на северокорейские пропагандистские уловки. Когда в октябре 2000 года гжа Олбрайт была в Северной Корее, Ким Чен Ир, повидимому, «сострил» (именно это выражение использовала гжа госсекретарь), что изображение летящей ракеты Taepodong большого радиуса действия на многочисленных плакатах — это первый и последний запуск спутника. Американцы всерьез восприняли это *«обещшие»,* хотя Ким Чен Ир, по сообщениям, позднее сказал на встрече с представителями Южной Кореи, что оно не более чем «шутка». Острота ли это или шутка, обещание в любом случае не имело смысла. Северная Корея уже обладала ракетами, которые позволяли ей угрожать нам. Она будет продолжать их испытывать и, несомненно, продавать. Единственное, чего нам следует ожидать, так это попыток вытянуть из Запада уступки и деньги.

Вот мы и подошли к третьему, самому свежему аспекту стратегии взаимоотношений Северной Кореи с Западом — налаживанию связей с Югом. По всей видимости, изменить отношение к южному соседу Ким Чен Ира заставило давление Китая, а также экономические трудности. Его коллега, президент Южной Кореи Ким Дэ Чжун, с момента избрания в 1997 году добивался урегулирования отношений с Северной Кореей с помощью того, что он называл «политикой открытых дверей». Однако прогресса не было вплоть до знаменательной встречи двух лидеров, которая состоялась в июне 2000 года в северной столице.

У южнокорейцев, вполне понятно, вспыхнули родственные чувства. Семьи жаждали воссоединения после 50 лет принудительной разлуки. Корейцы уже давно поддерживали идею воссоединения, и теперь, когда экономика Северной Кореи вместе с ее агрессивными устремлениями потерпела очевидный крах, казалось, что оно произойдет на условиях Юга. Корейская «стена» закачалась, когда число людей, приезжающих на встречи (хотя все еще ограниченные) с обеих сторон, возросло. Если воссоединение произойдет на условиях предоставления свободы, оно полностью окупит жертвы тех, кто сражался и погиб во время корейской войны, пытаясь не допустить распространения коммунистической тирании на весь Корейский полуостров. Оно окупит также и огромные усилия Соединенных Штатов, которые все еще держат 30 тысяч своих военнослужащих на границе между Севером и Югом.

Проблема заключается в том, что с открытием дверей для контактов между жителями двух корейских государств не устраняется угроза,

которую представляет собой Северная Корея для безопасности Запада, да и Южной Кореи тоже. Никто не знает, когда рухнет коммунистический режим Пхеньяна. Никто не может сказать, произойдет ли это мирным путем или приведет к новому всплеску насилия, которое, увы, так обычно для современной корейской истории.

Хочется верить, что мы увидим повторение событий 1989 года, когда Восточная и Западная Германии объединились, а простые люди ногами проголосовали против коммунизма, в пользу устранения барьеров, которые он возвел. Население Северной Кореи, я уверена, несмотря на годы непрекращающейся пропаганды, хотело бы поступить точно так же, как поступили немцы Восточной Германии. Однако вряд ли у них будет такая возможность. Граница вдоль 3811 параллели заминирована и усиленно охраняется войсками коммунистического режима. Вряд ли кому о удавалось свободно ее пересечь. Это совсем не то, что «прозрачная» Берлинская стена, — это непроницаемый стальной барьер. Боюсь, что и Ким Чен Ир со своими соратниками вряд ли пойдет по пути мирных реформ. Они при каждом удобном случае демонстрируют свое презрение к Советскому Союзу, который под руководством Михаила Горбачева потерял способность сопротивляться.

- **От режима, подобного северокорейскому, можно ожидать чего угодно. Мы должны ясно сознавать, что уступки со стороны Пхеньяна — это попытки выиграть время и получить помощь в то время, как он вбивает клин в отношения между Америкой и Южной Кореей и попутно строит планы по уничтожению последней. Я не думаю, что Северная Корея добьется своего. Но я уверена в том, что дать ей почувствовать наши сомнения когда бы то ни было стало бы верхом безумия. Радует то, что нынешняя администрация США разделяет подобный взгляд. Мы должны оказать на Северную Корею такой нажим, который заставил бы ее не приостановить, а полностью прекратить разработку и продажу ракет. Мы должны потребовать предоставления возможности полной инспекции всех соответствующих объектов, с тем чтобы получить гарантии отсутствия оружия массового уничтожения.**
- **До выполнения вышеназванных условий любая помощь должна быть прекращена, за исключением предельно ограниченных поставок продовольствия в чрезвычайных ситуациях.**

Со стороны Соединенных Штатов было бы благоразумно убедить своего союзника — Южную Корею в том, что при любых контактах с Севером вопросы безопасности играют не менее важную роль, чем вопросы гуманитарные.

' Не следует обходить молчанием проблему ужасающей жестокости Северной Кореи по отношению к собственному народу.

Мы должны понимать, что крах северокорейского режима, хотя и неизбежен, может произойти еще не скоро и повлечь за собой насилие.

Проблема ислама

Коммунизм был псевдорелигией. Ислам, вне всякого сомнения, — реальная религия. Марксистсколенинская идеология создавалась как некий суррогат веры. Она давала своим адептам внутреннюю установку на достижение ряда материальных целей. Но, как мы не раз уже видели после окончания «холодной войны» в мусульманском мире атеистические идеологии, не подкрепленные принуждением, отступают перед религиозными верованиями. В странах Ближнего Востока и Северной Африки существующим режимам в наши дни противостоит не коммунистическая, а исламистская оппозиция. Каким должно быть отношение Запада к этому?

Было бы, конечно, вежливым и даже благоразумным оставить все как есть. В соответствии с западными либеральными идеями, которые большинство из нас усвоили не задумываясь, убеждения людей, практически по определению, не касаются государства. Америка — лидер Запада в этой сфере, как, впрочем, и в других, зашла здесь очень далеко, запретив любое взаимодействие Церкви и государства*. Мусульмане решают этот вопрос иначе. Ислам, в отличие от христианства, не проводит четкой границы между «кесаревым» и «божьим». Он, напротив, подчеркивает единство жизни. Недаром «ислам» означает «покорность».

Как консерватор и, конечно, христианка, я могу оценить многое из того, с чем мне приходилось сталкиваться при посещении мусульманских стран, и понимаю идеи мусульманских проповедников. Меня восхищает прочность семейных уз, нетерпимость к антисоциальному по

* В государственных школах, например, запрещено читать молитвы.

ведению, низкий (в целом) уровень преступлений против личности и чувство долга по отношению к бедным.

Один мусульманский классик, чтобы объяснить другим свою веру, написал о пророке Мухаммеде так:

> Его [пророка] уважение к знаниям, терпимость к другим, щедрость духа, сострадание к слабым, почтение к родителям и стремление к лучшему, более чистому миру составляют главные элементы мусульманского идеала. Для мусульман жизнь пророка является примером победы надежды над отчаянием, света над тьмой*.

В то же время существует и другая сторона мусульманского общества, проявляющаяся в коррупции и лицемерии некоторых из тех, кто стоит у власти, в угнетении женщин, в жестокости некоторых традиций, в частности наказаний, а также в убогости и отсталости многих городов Ближнего Востока.

В наши дни причиной беспокойства стала связь между исламом и насилием. За исключением Северной Кореи, все государства, причисленные к разряду *«изгоев»* (Ирак, Сирия, Ливия, Иран и Судан), являются мусульманскими. Это же можно сказать и о странах, которые Госдепартамент США считает «государствами, поддерживающими терроризм». Здесь, за исключением Северной Кореи, да еще Кубы, мы видим те же мусульманские Ирак, Сирию, Ливию, Иран и Судан. Пятнадцать из двадцати восьми организаций, отнесенных Госдепартаментом к террористическим, можно также (в широком смысле) считать мусульманскими. Исламские ученые и западные эксперты могут еще очень долго спорить о том, что говорит Коран и что под этим подразумевается, но в глазах многих существует тесная связь между исламским экстремизмом и терроризмом. Отвратительные угрозы Усамы бен Ладена в адрес Запада, перемежаемые обращениями к Богу, лишь усиливают это впечатление.

Следует, однако, сделать существенную оговорку. Несмотря на то, что выражение «исламский терроризм» уже широко вошло в практику (я и сама пользуюсь им при необходимости), в нем есть чтото неправильное. Терроризм нельзя анализировать, и, в конечном счете, бороться с ним, исходя из его «мотивов» — религиозных или мирских, политических или экономических, социальных или этнических. Существует

* Akbar S. Ahmed, Discovering Islam: Making Snce of Muslim History and Society (London: Routlefge, 1988).

множество определений терроризма*. Но в любом случае бояться и ненавидеть террористов заставляют методы, подразумевающие насилие, а не причины или оправдания. Террорист пытается добиться своего не просто с помощью насилия, а с помощью страха перед насилием. Он хочет запугать не меньше, чем убить и причинить увечье. Его целью поэтому косвенно, а нередко и прямо, является гражданское население. Насилие в этом случае всегда применяется без разбора. У терроризма нет никаких ограничений, поскольку он не признает ни национальных законов, ни международных соглашений, ни норм морали. Терроризм Усамы бен Ладена — насилие, направленное против тысяч невинных людей, — можно, таким образом, считать абсолютным.

Религия и в самом деле нередко дает некое извращенное оправдание терроризму. И фанатики, убивавшие крестоносцев в XII веке, и их наследники, террористысмертники из организаций «Хамас», Хезболла» и «Исламский джихад» в XXI столетии, — убежденные мусульмане. Однако тамильские экстремисты, в числе которых был смертник, убивший Раджива Ганди, — индуисты, а баскские террористы из запятнанной кровью организации ЭТА и беспощадные партизаны из организации «Сияющий путы» в Перу — марксисты. Даже там, где корни насилия лежат в религиозных убеждениях, его внешние проявления могут разочаровывать. Большинство ирландских республиканских террористов давнымдавно перестали считать себя католиками, перестала считать их католиками и Церковь. Они, как и их коллеги «лоялисты» — полувоенная организация в Ольстере, переключились на рэкет, отмывание денег и торговлю наркотиками. Даже муллы из «Талибана» при всей их набожности, финансируют свой режим и покупают оружие на деньги, полученные от экспорта героина. Как мотив для террора религия в большинстве случаев требует изрядного сдабривания презренным металлом.

Однако необходимо добавить, что взгляды Усамы бен Ладена на ислам разделяют немногие. Его действия широко осуждаются правоверными мусульманами, хотя и не везде. Беспокоит то, что условия, при которых он и его организация могут действовать, создавались на протяжении многих лет теми, кто теперь ужасается при виде результатов. Мусульманским религиозным лидерам, которые не устают осуждать

* Уолтер Лакер утверждает, что известно более 100 вариантов определения понятия «терроризм» (Walter Lacqueur, The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction, London: Phoenix Press, 2001, p. 5).

Израиль и призывают к борьбе против Америки, не стоит удивляться тому, что некоторая часть их паствы воспринимает их призывы буквально. Когда же, как это часто бывает, последующее осуждение терроризма сопровождается двусмысленными намеками на то, что Запад тоже виноват — изза своей политики, — это осуждение превращается в пустой звук. Исламский мир не несет ответственности за то, что сделал бен Ладен. Однако в прошлом многие влиятельные мусульманские деятели не считали нужным открыто выступать против того, к чему призывает Усама и его окружение.

Существует еще одна, более широкая, проблема, которую необходимо учитывать при поиске подходов к решению задач, поставленных исламом. Она заключается в неспособности государств, где преобладает мусульманское население, создать либеральные политические институты, по крайней мере до настоящего момента. Заметного прогресса на этом пути смогли добиться лишь Турция и Индонезия, да и то с оговорками. В результате нерешенности политической проблемы мусульманские государства в большинстве случаев страдают от экономической отсталости.

Конечно, пока еще рано делать окончательный вывод о несовместимости ислама и демократии. Однозначно можно утверждать лишь, что ценности исламского общества всегда оказывают очень сильное влияние на формы, которые приобретает зарождающаяся демократия. Эти ценности гораздо больше, чем в немусульманских странах, ориентированы на интересы не личности, а общества — прежде всего общины единоверцев (уммы). Они традиционно предполагают большее уважение к власти всех уровней. Роль исламского закона — шариата также своеобразна. Доподлинно известно, что, когда в конце ХУШ века одному из представителей мусульманского мира довелось увидеть процесс работы палаты представителей в Англии, его поразило, как он позднее написал, что британский парламент сам устанавливает законы и назначает наказание за их несоблюдение. По его мнению, англичане вынуждены действовать столь сомнительным образом, поскольку, в отличие от мусульман, они не руководствуются законом божьим, данным свыше*. Мусульмане до сих пор вкладывают в выражение «торжество закона» иной смысл, чем большинство представителей Запада.

* Bernard Lewis, The Middle East: 2000 Years of History from the Rise of Christianity to the Present Day (London: Weidenfield and Nicolos, 1995), p. 223.

Пожалуй, не менее важно и то, что режимы мусульманских государств, взаимоотношения с которыми складываются в целом удачно и которые представляют наименьшую угрозу для нас, совершенно не похожи на либеральные демократии западного типа. Взять хотя бы Маро»о. Это государство, где хорошо относятся к христианам, а в богатых национальных традициях много элементов западной, особенно французской, культуры. Вместе с тем при покойном короле Хассане I, который по праву считался одним из самых искусных и храбрых правителей арабского мира, Маро»о определенно нельзя было назвать демократией, в чем мгновенно убеждались те, кто осмеливался поднять голос против короля.

Или, например, большинство государств Персидского залива, характеризующихся значительной стабильностью и очень хорошо относящихся к тем представителям Запада, которые соблюдают установленные правила и уважают местные обычаи. Со временем они, возможно, постепенно и придут к непосредственному участию народа в управлении. Однако в небольших, более традиционных государствах, не обладающих большими запасами нефти, которые могли бы привлечь нежелательное внимание со стороны таких алчных государств, как Ирак или Иран, древние системы правления работают на удивление хорошо. Западные либералы, недовольные отсутствием парламентской демократии, зачастую недооценивают значение прямых личных связей между правителем и его народом. Любой может с минимальными формальностями попасть на регулярно проводимые приемы и подать просьбу или жалобу. Подобные приемы позволяют эмиру и его министрам лучше, чем многие демократически избранные президенты, чувствовать настроения и ожидания народа.

Нам нечего стесняться своей заинтересованности. Саудовская Аравия и государства Персидского залива — одни из самых важных союзников Запада в регионе, который является основным источником нефти в мире. Любое действие, направленное против наших союзников, представляет непосредственную угрозу и нам самим. Игнорировать или, что хуже, умиротворять подобные посягательства было бы крайним безрассудством.

Турция — еще один важный союзник, который заслуживает всемерной поддержки со стороны Запада. Фактически она в равной мере европейское и ближневосточное государство. Свои соображения насчет политики в ее отношении я выскажу несколько позже. Однако в ответ

По правде говоря, политика иракского режима строится совсем на другой основе, а именно на баасизме. Правящие партии БААС в Ираке и Сирии — это партии светского арабского национализма, сильно замешанного на идеях как социализма, так и фашизма. Иракский режим представляет собой коррумпированную, жестокую, основанную на насилии диктатуру. Саддамом и его кликой движет простое желание удержать власть и использовать ее в своих целях. В то время как иракский народ несет на себе всю тяжесть международных санкций, Саддам обустраивает фешенебельные места отдыха, как, например, открытый недавно курорт на берегу озера Тартар в 150 км к западу от Багдада, где он со своими друзьями может купаться в роскоши. Там находится один из его многочисленных дворцов. Массивная бронзовая статуя диктатора в военной форме напоминает о том, кто здесь хозяин. Там есть и казино, и сафарипарк. Два здания предназначены для его подруг*.

Вряд ли это можно счесть рекламой исламского аскетизма. Светский характер режима подчеркивается и тем, что большинство иракцев являются шиитами, а на руководящих должностях находятся сунниты** (заместитель Саддама премьерминистр Тарик Азиз — вообще христианин). Если бы религиозное начало когдалибо взяло верх, положение Саддама оказалось бы под угрозой. Чтобы этого не произошло, он безжалостно подавляет шиитских инакомыслящих, посылает танки в их города, лишает их продовольствия и лекарств, а в марте 1999 года организовал убийство верховного религиозного лидера шиитов в Ираке.

Враждебное отношение Саддама к иракским шиитам объясняется еще и его страхом перед Ираном. Во время восьмилетней ираноиракской войны, в ходе которой погибло около миллиона человек, а Ирак применил химическое оружие против собственного населения (курдов), Саддам фактически принял обличье про западного исламского фундаменталиста. Однако реальной целью войны были власть и деньги, в данном случае речь шла о контроле над богатой нефтью иранской провинцией Хузестан и стратегическим судоходным путем — рекой ШаттЭльАраб. Кроме того, война оказалась неудачной. Ираку пришлось отказаться от всех своих притязаний, с тем чтобы быстро добиться мира и получить возможность сконцентрировать силы на Кувейте в 1990 году.

Если бы вторжение Саддама в Кувейт тем летом не встретило отпора, он бы получил контроль над четвертой частью нефтяных запасов залива. Если бы ему позволили продвинуться дальше вниз по заливу он стал бы обладателем 60% мировых запасов нефти. За нападением на Кувейт не стояло ничего возвышенного или сложного для понимания мотивы были те же, что и в случае с Ираном. Ирак под властью Саддама — это не просто государствоизгой, это еще и грабитель, жертвам которого практически всегда оказываются другие мусульмане. Сознавая это, мусульманские государства отказались поддержать Саддама 1 1990 году. В открытую о поддержке заявили лишь палестинцы и иорданцы, которые сильно пожалели об этом после того, как их рабочие были выдворены из государств Персидского залива.

Любому, кто сомневается в порочности Саддама — а условия жизни в Ираке не оставляют места для сомнений, — следует посетить Кувейт. Лично я сделала это в ноябре 1991 года, а затем в феврале 1998го

С точки зрения тех, кто принимал меня во время визита в 1991 году это была еще одна возможность сказать спасибо за то, что Великобритания в последние месяцы моего пребывания на посту премьерминистра так быстро и решительно ответила на агрессию Саддама. Теплые слова эмира и членов его семьи, приветствие толпы поддержали меня в трудное время привыкания к жизни за пределами Даунингстрит Один из запомнившихся мне лозунгов, написанных на обочине дороги, не знаю намеренно или случайно, имел особый смысл — «Tank U Thatcher».

На вертолете меня доставили в пустыню, к дороге на Багдад, которая была усеяна разбитыми иракскими танками, грузовиками и легковыми автомобилями, — это было все, что осталось от иракской колонны после того, как войска союзников нанесли удар. Иракцы жестоко по платились за безрассудство Саддама. Однако мое сострадание к ним несколько уменьшилось, когда я увидела, какое опустошение они при несли с собой.
Я побывала на нефтепромыслах с обгоревшими конструкциями и оборудованием вокруг скважин, подожженных иракскими солдатам! (последний пожар был потушен лишь в день моего прибытия). Песо! вокруг был покрыт толстым слоем нефти. Я не ожидала такого и быстро испортила пару новых туфель.

Хозяева показали мне также полуразрушенный дом, в котором по гибли несколько граждан Кувейта, сражавшихся с превосходящим их

по численности и лучше вооруженным врагом. Я вошла внутрь и представила себе последние мгновения жизни этих людей. Руины сохранили и назвали «Домом мучеников». Мне удалось встретиться также с женами — а может, уже вдовами? — тех шестисот кувейтцев, которые были угнаны отступающими иракцами и пропали без вести. Их семьи ждали хоть каких-нибудь новостей и боялись самого худшего. Я пообещала сделать все от меня зависящее, чтобы об этом узнали те, кто мог заставить Саддама предоставить хотя бы информацию.

К моменту моего второго визита в 1998 году многое было отстроено заново. Однако когда я в очередной раз встретилась с родственниками угнанных в плен, оказалось, что с тех пор практически ничего не изменилось. Пустыня в тот год местами зеленела и пестрела цветами — результат необычайно влажной зимы. Вместе с тем грязные черные пятна пропитанного нефтью песка все еще напоминали об экологическом вандализме, который намеренно творил Саддам. Основным предметом беспокойства была, как всегда, безопасность. Саддам Хусейн пока еще не был окончательно побежден. В 1994 году он даже вновь осмелился сосредоточить войска на границе с Кувейтом. Мы с эмиром обсудили сложившуюся ситуацию. Он сказал, что любой бы извлек урок из войны в Персидском заливе, но только не Саддам. По всей видимости, так оно и было, — так оно и есть.

Из этого следует, что принципиально важным является строгое выполнение международных санкций, наложенных на Ирак после войны в Персидском заливе. В том, что у иракцев не хватает продовольствия и лекарств, виноват Саддам, а не мы. Комитет ООН по санкциям одобрил почти все представленные Ираком контракты по программе «нефть в обмен на продовольствие», а для импорта лекарств нет вообще никаких препятствий. Однако Саддам намерен освободиться от всех ограничений, с тем чтобы восстановить свою военную машину, и использует в пропагандистских целях любую возможность. Именно поэтому мы должны подвергать тщательному анализу каждое предложение Ирака, несмотря на то что это дает повод обвинить нас в бессердечности. Режим, для которого строительство дворцов важнее заботы о народе, не может рассчитывать на сомнения в отношении его намерений.

Неприкрытая радость режима по поводу атаки террористов на Америку не оставляет места для сомнений в том, что Ирак с энтузиазмом будет помогать любому, кто может нанести вред его главному врагу. Ответа на вопрос, имел ли Саддам Хусейн отношение к замыслам бен Ла

дена, во время работы над этой книгой еще не было. Но если он приложил к этому руку, то должен заплатить за все сполна.

- **В своих отношениях с мусульманским миром мы не должны бояться переусердствовать, подчеркивая, что Саддам Хусейн — это не исламский мученик, а человек, который цинично и безжалостно использует религию и своих арабских собратьев.**
- **Санкции должны действовать и впредь.**
- **В регионе не будет мира и безопасности, пока Саддам остается у власти.**

Сирия

Если иметь в виду поведение Сирии во время войны в Персидском заливе, вполне может показаться, что она — друг Запада. Покойный президент Хафез альАсад был одним из тех представителей арабского мира, кто наиболее горячо поддержал проведение союзниками операции «Буря в пустыне», за что получил помощь в размере около 2 млрд. долларов. Однако такое впечатление ошибочно. Президентом Асадом двигали чувства соперничества и ненависти к Саддаму Хусейну. Корни этого соперничества и зависти следует искать, как ни странно, в сходстве двух режимов. Как и Ирак, Сирия на протяжении последних десятилетий находится под властью диктатуры, идеологию которой определяет партия БААС. Подобно Ираку, Сирия, несмотря на официальный статус республики, превратилась в нечто очень близкое к наследственной монархии, или, что точнее, тирании. Асад действовал точно так же, как и Саддам, который готовит своего сына к роли преемника. Образование офтальмолога, которое получил нынешний президент Сирии Башар альАсад, в большинстве стран сочли бы неподходящим. Как и Саддам, который со своими друзьями и родственниками из провинции Тикрит представляет крошечную группу, способную удержать власть над большинством только с помощью силы, так и семья Асада с ее родственниками вышла из алавитов, составляющих лишь 11% населения Сирии (суннитского в подавляющем большинстве). Именно поэтому алавиты не могут допустить проявления исламского радикализма. Именно поэтому исламистские партии и группировки безжалостно подавляются. В 1982 году Хафез альАсад подавил восстание организации «Мусульманское братство) в Хаме с такой жестокостью, что город был превра

щен в груду развалин, а число жертв, по оценкам, оставило 20 тысяч человек.
Существующий в Сирии режим, таким образом, отвратителен по своему характеру, несмотря на то что его враждебность в большей степени направлена на мусульман, а не на представителей Запада. Сирия поощряет терроризм за пределами своих границ и, кроме всего прочего, создает немало проблем Израилю, чьи интересы тесно связаны с американскими. В фактически подконтрольном ей Ливане, где она держит 35тысячный воинский контингент и имеет значительные финансовые интересы, Сирия поддерживает террористические группы, пытающиеся дестабилизировать обстановку в Израиле, и блокирует заключение мира с палестинцами. Даже когда Израиль пошел на рискованный шаг и вывел свои войска из южной части Ливана, Сирия упорно продолжает создавать препятствия на пути мирного процесса на Ближнем Востоке.

Израильтяне согласились вернуть Сирии Голанские высоты, захваченные в 1967 году во время Шестидневной войны. Однако покойный сирийский президент добивался большего, а именно ухода Израиля за демаркационную линию, которая существовала до конфликта. Это означало бы восстановление контроля Сирии над северовосточным побережьем Галилейского моря. На это Израиль не пошел. Во время конфликта 1967 года Хафез альАсад занимал пост министра обороны и, как считается, именно поэтому не мог согласиться на меньшее, чем возврат всей утраченной территории до последнего дюйма. Его сын, по видимому, лишен подобной сентиментальности. Тем не менее, судя по тем угрозам и оскорблениям, которые Башар альАсад бросает в адрес Израиля, новый президент не собирается умерить жесткость позиции Сирии*.

Наиболее серьезную проблему для Запада представляет та форма, в которую выливается враждебность Сирии к Израилю и, в определенной мере, к его союзнице и традиционному для арабов предмету ненависти — Турции. Эта враждебность подталкивает Дамаск к приобретению оружия массового уничтожения. Официальные представители США и Израиля не раз заявляли, что Сирия продолжает наращивать запасы химического оружия и арсенал баллистических ракет. Начало этой программе было положено еще покойным президентом и вызвано стремлением компен

* Сирийский президент, например, называет Израиль «более расистским, чем нацистское государство). К этому он добавляет: «История на нашей стороне. Израильтяне прекрасно знают, что это не их земля. Это — арабская земля (Washington Times, 28 March 2001).

сировать превосходство Израиля в обычных вооружениях, которое еще больше увеличилось за последние годы. Сирия начала производить боеголовки, начиненные зарином, еще в середине 80х годов. С тех пор у нее появились ракеты Scud большего радиуса действия, способные нести эти боеголовки. Сейчас, очевидно не без помощи Северной Кореи, ведется разработка ракет с радиусом действия 700 км, которые достигают Израиля даже при запуске из внутренних районов Сирии, что затрудняет обнаружение и уничтожение пусковых установок. Такие ракеты могут достать и до Анкары*. Подобные действия Сирии несут серьезную угрозу нашей собственной безопасности. Сирия должна ясно понять, что дальше так продолжаться не может, что ей не позволят это сделать.

Поведение Сирии и Ирака имеет очень большое сходство. Однако между ними есть три серьезных различия, которые необходимо учитывать при выработке наших подходов. Вопервых, как следует из сказанного выше, интересы Сирии неразрывно переплетены с израильскопалестинской проблемой, в то время как Ирак эксплуатирует эту проблему лишь в пропагандистских целях. Вовторых, Сирия — бедное, неразвитое, в основном аграрное государство, тогда как Ирак обладает значительными запасами нефти. И, втретьих, Сирия — это подлинно арабское государство с глубокими историческими корнями, а Ирак на деле — искусственное образование, возникшее на основе трех провинций Оттоманской империи в конце Первой мировой войны.

Из этих соображений следует, что, хотя мы и должны с помощью жестких мер заставить Сирию прекратить разработку оружия массового уничтожения, ее нужно воспринимать как государство, с которым в будущем вполне можно «иметь дело». В значительной мере ее опасное поведение обусловлено неразрешенным израильскопалестинским спором, прогресс на пути разрешения конфликта сделает позицию Сирии менее обструкционистской. Поскольку Сирия не входит в число крупных производителей нефти и не может рассчитывать на приток нефтедолларов, в долгосрочной перспективе у нее нет иного выбора, кроме создания жизнеспособной рыночной экономики. Для этого ей понадобится опыт Запада, его технологии и инвестиции, что также будет способствовать смягчению ее позиции. И, наконец, несмотря на неустойчивость нынешнего режима, опирающегося на религиозное мень

* Andrew Koch, «USA, Israel Say Syria Continues with WMD», Jane's Defence Weekly, 11 October 2000.

шинство, антизападную идеологию и сильную армию, у Сирии есть все задатки стабильного государства. В отличие от Ирака, над ней не висит постоянная угроза распада. Эта фундаментальная долгосрочная стабильность должна в конечном итоге привести к превращению Сирии в нормальную страну.

- **Сирия обладает всеми признаками «изгоя» и в настоящее время не заслуживает никаких поблажек.**
- **Оказывая давление всеми возможными средствами, мы должны прежде всего заставить Сирию прекратить осуществление программы разработки оружия массового уничтожения, которая угрожает непосредственно нашим союзникам — Израилю и Турции и косвенно — нам.**
- **В долгосрочной перспективе, при условии уменьшения напряженности в отношениях между Израилем и палестинцами, Сирия может превратиться в более позитивную силу региона.**

Ливия

Нынешний ливийский режим, как и режимы Ирака и Сирии, был установлен в результате военного переворота. В сентябре 1969 года группа офицеров свергла монарха, короля Идриса, и основала республику, главной фигурой которой стал полковник Муамар альКаддафи (или Гаддафи). Каддафи очень быстро превратил режим в жестокую тоталитарную диктатуру, которая официально руководствуется эксцентрическими доктринами, включенными в сборник его идей, так называемую «зеленую книгу». Некоторые из них были изложены в песне, которая сразу же, что неудивительно, заняла верхнюю строчку в списке наиболее популярных в Ливии шлягеров. В числе прочего в ней были такие слова:

> Универсальная теория увидела свет, С ней к людям пришел мир и восторг, Древо справедливости, народовластия и социализма В корне отлично от неограниченной свободы Предпринимательства и капитализма*.

(Что ж, по крайней мере последняя строка абсолютно правильна.)

* Sunday Times, 12 September 1999.

Новая ливийская идеология создает идеальную среду для экстремизма, насилия, терроризма и революций, т. е. для всего того, что Каддафи с удовольствием осуществлял на практике в 70х и 80х годах. Ливия стояла во главе арабских государств, отвергавших попытки президента Египта Анвара Садата найти пути примирения с Израилем. Она поддерживала целый ряд палестинских террористических групп, щедро снабжала оружием, взрывчаткой и деньгами ирландских террористов, финансировала террористические акты против Америки и ее союзников до тех пор, пока президент Рейган при моей твердой поддержке не преподал Каддафи урок (в 1986 году был осуществлен рейд против Ливии).

Совершенно очевидно, что именно Ливия стояла за взрывом самолета компании Рап Атепсап над Локерби в Шотландии, который унес 270 жизней. В январе 2001 года шотландский суд на заседании в Нидерландах признал виновным в совершении акта насилия одного из двух подозреваемых в этом преступлении ливийцев и оправдал другого*. Осужденный был агентом ливийской разведки, и поверить в то, что он действовал не в соответствии с распоряжениями ливийского лидера было невозможно. То, что полковник Каддафи принял второго подозреваемого как героя после его возвращения, публично осудил приговор и с презрением отказался выплатить компенсацию семьям погибших, показывает, что он не раскаялся и попрежнему представляет угрозу. В этой связи интересно отметить, что французский суд в марте 2000 года приговорил заочно шесть ливийцев (агентов секретной полиции и дипломатов) к пожизненному заключению за взрыв французского авиалайнера над Нигером в 1989 году, ставший причиной гибели 170 человек. Ответом на столь ужасные преступления в конечном итоге должны стать не только осуждение непосредственных исполнителей и финансовые компенсации. За ними должно последовать отстранение от власти самого ливийского диктатора, хотя, возможно, его собственный народ сделает это лучше других.

Америка долго зла не держит. Само по себе это замечательное качество. Однако иногда оно создает у Соединенных Штатов впечатление что и их недруги тоже предпочитают простить и забыть. В случае с полковником Каддафи такой оптимизм оправдан лишь наполовину; напо

* 31 января 2001 г. Абдель Басет Али альМеграхи был приговорен к пожизненному заключению. Во время работы над этой книгой его апелляция находилась н рассмотрении.

ловину он неправомерен. Хотя Каддафи не прочь забыть свои собственные прошлые преступления, он вовсе не собирается прощать тех, кто оскорбил его. Так, в недавнем интервью Каддафи не стал отрицать своей причастности к террористическим актам 80х годов, высокомерно заявив: «Эти инциденты, о которых вы упомянули, достояние прошлого». (Подобное высказывание вряд ли покажется весомым аргументом семье женщиныполицейского Ивонны Флетчер, убитой автоматной очередью из Народного бюро (ливийского посольства) в Лондоне в 1984 году, или бесчисленным семьям погибших от рук ИРА, получавшей оружие и взрывчатку от Каддафи.) С другой стороны, в том же интервью Каддафи высказал следующие соображения по поводу США:
мы считаем, что в Америке много от Гитлера. Мы не можем это объяснить ничем, кроме религиозных, фанатичных, расистских убеждений... Ливия — жертва американского терроризма»*.

На вопрос, в своем ли уме полковник Каддафи, я бы ответила: «Не знаю, но это не имеет значения». Независимо от того, пытается ли он предстать объединителем арабского мира, проводником мировой революции или будущим президентом Соединенных Штатов Африки, Каддафи неизменно являет собой смехотворное зрелище. Так выглядел Иди Амин. Бывший президент Судана Нумейри, говорят, отозвался о Каддафи как о «человеке с двумя личностями, каждая из которых порочна». Пожалуй, это исчерпывающе характеризует побудительные мотивы и намерения ливийского лидера.

Какими возможностями он располагает в настоящее время? Здесь картина не столь ясна. По всей видимости, в последние годы Каддафи временно прекратил поддержку терроризма и осуществление программ разработки оружия массового уничтожения**. Это, вне всякого сомнения, часть его плана возвращения в международное сообщество, с которым вполне согласуется и выдача двух подозреваемых в осуществлении взрыва самолета над Шотландией. Каддафи уже получил подарок от Великобритании и Европейского союза, которые восстановили дипломатические отношения с Ливией, однако США этого не сделали. В условиях, сложившихся после окончания «холодной войны», когда даже огромные запасы нефти не позволяют более справиться с эконо

* Milton Viorst, «The Colonel in his Labyrinth», Foreign Affairs, Vol. 78, No. 2, MarchApril 1999.
** Andrew Koch, «USA Rethinks Lybia's Status», Jane's Defence Weekly, 19 July 2000.

мическими последствиями тридцатилетнего социалистического расточительства и некомпетентности, у Каддафи появился сильный стимул сократить масштабы деятельности. Ему нужны наши деньги и наши рынки.

Вместе с тем программы производства химического оружия не так уж и сложно возобновить или скрыть. Помимо прочего Ливия н! ослабляет усилия по созданию арсенала баллистических ракет. Недавняя конфискация в Лондоне и Швейцарии предназначенных для Ливии северокорейских компонентов двигателя ракеты Scud подтверждает это. Я не исключаю, что Ливия может попытаться купить или самостоятельно изготовить баллистические ракеты большого радиуса действия способные нести ядерные или химические боеголовки, с тем чтобы угрожать ими Западу или его союзникам. Богатая нефтью страна, контролируемая эмоционально неустойчивым диктатором, одержимые ненавистью к Америке, не может не восприниматься как источник опасности. Полагаю, было бы верхом наивности принимать на веру соболезнования Каддафи по поводу атаки на Америку 11 сентября. Стара поговорка, утверждающая, что «враг моего врага — мой друг» справедлива во многих случаях, но только не тогда, когда он в глубине души остается моим врагом. Каддафи — это враг.

- **Ливию, возглавляемую полковником Каддафи, нельзя считать «безопасной» ни при каких условиях.**
- **Хотя определенные стимулы и поощрения за правильное поведение вполне могут быть полезными элементами стратегии, направленной на ограничение исходящего от Каддафи зла, единственное средство сдержать его устремления — это угроза применения силы.**

Иран

Ирак, Сирия и Ливия — примеры мусульманских стран, в которых установлена светская социалистическая диктатура. Когда Саддам ил Каддафи демонстрируют свою принадлежность к исламскому миру они делают это по политическим, а вовсе не религиозным соображениям. Иран — нечто иное. Конечно, там тоже идет жестокая борьба за власть, широко распространена коррупция, а муллы хорошо знают, как получить максимальную выгоду от огромных нефтяных запасов. От

личие Ирана в том, что он с 1979 года охвачен религиозной революцией и пытается экспортировать ее в другие страны Ближнего Востока.

Хотя в Иране есть президент, а переизбрание Мохаммада Хатами на этот пост в июне 2001 года широко (и, возможно, обоснованно) оценивалось как дальнейший отход от экстремизма, иранское государство является по существу теократическим, а не демократическим. Высшая власть в государстве принадлежит «верховному лидеру» аятолле Али Хамени. Руководство страны находится в руках духовенства, которое демонстрирует предельно далекие от либеральных, антизападные политические взгляды и не намерено выслушивать иные мнения. Корпус «Стражи исламской революции» олицетворяет экстремистские начала в жизни страны, а ведь именно он контролирует программы создания химического, биологического и ядерного оружия, а также ракетные силы Ирана.

В любом случае Иран, как и другие «изгои» имеет свои особенности и цели. Первая из них вытекает из религиозной доктрины, лежащей в основе идеологии страны. Это — революционный шиитский ислам. Шииты — традиционные парии мусульманского мира — обычно ассоциируются с протестами, а не с властью. Единственной страной, где шиизм стал вероисповеданием правителей так же, как и их подданных, является Персия/Иран. Соперничество между шиитами (сконцентрированными в Персии) и суннитами (представляющими Оттоманскую империю) не прекращается с начала XУ! столетия. Если исламской революции предстояло зародиться в Иране, что и случилось при шахе, то она по определению должна была стать шиитской. Поскольку шиитское духовенство пользовалось не имеющей аналогов в суннитском исламе исключительной властью и уважением, революция неизбежно вела к созданию духовнополитической элиты, обладающей всей полнотой власти. Огромный авторитет и харизма аятоллы Хомейни позволили превратить весь Иран в исламское революционное государство.

Хомейни и его окружение хотели распространить революцию на весь мусульманский мир. Ислам их марки, однако, находил (и находит) очень ограниченный отклик. Хотя мусульмане многих стран с одобрением восприняли сделанное аятоллой разоблачение «великого дьявола» (Америки), они не собирались (и не собираются) жить по иранскому образцу. В конце концов, подавляющее большинство мусульман — сунниты, которые боятся или презирают шиизм.

Вместе с тем приверженность идеям исламской революции отмечается и среди суннитов. Наиболее заметную роль здесь играют «Мусульманское братство)) и его последователи, на которых лежит ответственность за многочисленные акты террора и насилия, включая убийство президента Садата в Египте; суданский режим, который дает убежище террористам и проводит кровавую кампанию против христиан и анимистов на юге страны; и, конечно, движение «Талибан». Эти силы тем не менее не проявляют склонности к координации действий с шиитским Ираном, более того, Иран и Талибан находятся на ножах. Один из специалистов в этой сфере так охарактеризовал ситуацию в целом:

> Хотя в мусульманском сообществе идет активное возрождение ислама, иранская революция в значительной мере привязана к шиитским взглядам на историю и общество. Именно по этой причине революция иранского образца невозможна в Египте и Пакистане, где большинство населения составляют сунниты*.

Даже среди шиитов призыв Ирана к оружию находит совсем не ту поддержку, которую можно было бы ожидать. Иран пытался без особого успеха мобилизовать шиитов в Ираке на борьбу с Саддамом Хусейном во время ираноиракской войны. Он постоянно пытается спровоцировать проблемы в государствах Персидского залива и в Саудовской Аравии, где проживает довольно много шиитов. В Бахрейне, где большинство населения шиитское, по ночам можно услышать (как слышала я) взрывы. Там шиитская молодежь выражает свое недовольство, взрывая баллоны с газом и не давая заснуть руководителям страны. Случаются и более масштабные беспорядки. Однако до сих пор радикализм этим и ограничивался. Дестабилизирующее влияние иранцев серьезно проявляется только там, где оно связано с поставками оружия и финансовой поддержкой, например в случае террористических организаций «Хезболла» «Хамас» и «Палестинский исламский джихад» на Ближнем Востоке.

Второй особенностью иранского режима, значение которой возросло после смерти аятоллы Хомейни в июне 1989 года, является то, что Иран после свержения шаха — *не только* оплот исламской революции, но и крупное государство, способное стать очень сильным, как только

* Akbar S. Ahmed, Islam Today: A Short Introduction to the Muslim World (London and New York: I.B. Tauris, 1999), p. 47

оно перестанет разбрасываться. Персия/Иран — древняя цивилизация, правители которой испокон веков считали себя главенствующей силой региона. В стране сейчас молодое, быстро растущее население, превышающее по численности 60 миллионов человек, — отличная основа для формирования большой армии. Иран уже продемонстрировал готовность отстаивать свои интересы с помощью силы, когда в 1992 году аннексировал у Объединенных Арабских Эмиратов острова АбуМуса и Танаб, позволяющие контролировать Ормузский пролив. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в распоряжении нынешних правителей страны находятся огромные запасы нефти и газа: иранские месторождения входят в число крупнейших в мире.

Избрание президента Хатами, который заинтересован в прагматичной политике больше, чем в джихаде, сместило центр тяжести в строну более традиционных критериев во внешней политике и обеспечении безопасности. Эта тенденция и ослабление (но ни в коем случае не прекращение) преследования оппонентов режима заставили западных лидеров в конце 90х годов всерьез задуматься о возможности сближения с Ираном. Для Соединенных Штатов это подразумевало существенный отход от принятой стратегии «двойного сдерживания» Ирака с Ираном. Для государств Европейского союза — возврат к прежней политике. Нынешняя администрация США, похоже, заинтересована в сохранении давления на Иран. Европе следовало поддержать ее.

По правде говоря, ни модель «сдерживания» ни модель «сотрудничества» не являются в полной мере тем, что нужно. Всегда найдутся доводы за и против конкретных мер, с помощью которых мы можем выразить наше неодобрение опасных режимов, подобных иранскому. В зависимости от ситуации нам следует пользоваться и кнутом и пряником. Реальное значение здесь приобретает принципиальное суждение о том, является ли государство непоколебимо враждебным или все же его можно убедить в необходимости стремиться к общим целям. Объективно Иран следует отнести к первой категории, т.е. к разряду враждебных государств, поскольку по некоторым существенным аспектам угроза, исходящая от него, продолжает нарастать.

Не стоит забывать, что все основные игроки на политической арене Ирана занимают позицию противостояния Америке. Для фанатиков это вопрос убеждений. Для прагматиков, таких как президент Хатами, — вопрос национального интереса. Иранские националисты горят желанием подорвать мощь Америки и уменьшить ее присутствие в районе Персидского залива, чтобы усилить свое влияние на Саудовскую Аравию, которая, впрочем, и сама не прочь договориться с Тегераном. Как выразился гн Хатами, «безопасность региона можно обеспечить, лишь удалив из него войска союзников». Гн Хатами также не раз критиковал союзнические отношения между Израилем и Турцией, в которых он видит препятствие для великодержавных устремлений Ирана. Действительно, Иран все еще остается Саддама Хусейна. Однако он не меняет в лучшую сторону с его отношения к Соединенным Штатам, которые изо всех < стараются держать Саддама под контролем, но пока что не добился

успеха. Иранцы уверены, что в случае войны с Ираком они останутся с Саддамом один на один*.

Едва не потерпев поражение в ираноиракской войне, режим Тегерана решил максимально укрепить свои вооруженные силы. Самый эффективный с точки зрения затрат путь достижения этой цели он видел в ускорении осуществления действующих программ приобретения и принятия на вооружение оружия массового уничтожения. Как заметил один из экспертов, «получение ядерного оружия может... стать для Ирана единственно возможным путем превращения в военную державу, не подрывая экономику. В то время как программа ядерного оснащения требует миллиардов долларов, восстановление военной силы на основе обычных вооружений обойдется в десятки миллиардов»**.

Факты, полученные из трех разных источников, являются неопровержимым свидетельством того, что Иран реально стоит на пороге превращения в ядерную державу. Прежде всего, существуют веские основания полагать, что попытки Ирана приобрести делящиеся материалы в России и других бывших советских республиках, энергичное осуществление исследовательских программ в сфере ядерных технологий и строительство реакторовразмножителей имеют военную направленность. Во-вторых, в своих многочисленных заявлениях высокопоставленные иранские чиновники не раз подчеркивали необходимость получения доступа к ядерному оружию. И, в-третьих, обращает на себя внимание то, какое значение в Иране придается программе создания ракет. В то время как разработку химического, биологического и даже ядерного оружия можно относительно легко скрыть от посторонних глаз, ракетные программы утаить значительно сложнее. Используя северокорейскую технологию, Иран создал и успешно испытал ракету (вероятная дальность полета около 1300 км), ведет разработку ракеты Shehab4 с дальностью полета около 2000 км и строит планы по созданию ракеты Shehab5, радиус действия которой может составлять уже 10 000 км. Трудно поверить в то, что Иран вкладывает столько усилий в создание ракет все большего радиуса действия лишь с тем, чтобы оснащать их обычными боеголовками.

* Ray Tackeyh, «Pragmatic Theorcracy: A Contradiction in Terms?», The National Interest, spring 2000.

** Michael Eisenstadt, «Living with a Nuclear Iran?», Survival (published by the International Institutr of Strategic Studies), Vol. 41, No. 3, autumn 1999.

Можно, конечно, предположить, что Иран видит в современном оружии массового уничтожения средство сдерживания, а не нападения. Однако это очень слабое утешение. Если в его распоряжении окажется ядерное оружие, последствия могут быть чрезвычайно опасными. По чувствовав себя в большей безопасности, иранцы вполне способны возобновить кампанию поддержки международного терроризма, которая может спровоцировать нанесение ударов возмездия и сделать их неизбежными. Со своей стороны, Израиль, получив, не без помощи Америки, эффективную систему противоракетной обороны, вряд ли будет ждать, пока его заклятый враг превратится в ядерную державу Возможность нанесения Израилем превентивного удара, подобного тому, что он нанес по Ираку в 1981 году, не следует сбрасывать со счетов. Такое развитие событий прямо ведет к региональному, а возможно и глобальному кризису. На этом фоне западные политики должны оказать максимальное давление на Иран и тем самым устранить непосредственную опасность возникновения войны.

Никакие события, произошедшие после 11 сентября, не заставят меня изменить такую оценку. Иран, который поддерживает шиитов в Афганистане и недоволен влиянием Пакистана на эту страну, естествен но, с готовностью осуждает нападение «АльКаиды» на Америку. Но это вовсе не означает, что иранский режим собирается прекратить поддержку террористов, убивающих граждан Израиля — союзника Америки. Как ясно показал необдуманный визит министра иностранных дел Великобритании, ненависть иранских властей к Западу настолько глубока, что они отказываются поддержать даже карательную акцию против своих старых врагов — талибов. Президент Буш в своем обращении Конгрессу сказал: «Соединенные Штаты будут считать враждебною любую страну, которая предоставляет убежище или поддержку терро ристам». Иран — именно такая страна.

- **Мы не должны ослаблять своей бдительности в отношении Ира на ни при каких обстоятельствах, в нем следует видеть источник возрастающей угрозы безопасности Запада и его союзников.**
- **В настоящий момент внимание необходимо сконцентрировать н на исламской революции, возможности которой всегда переоценивались, а на исламском военном потенциале.**
- **Запад должен ясно показать тегеранскому режиму, что, хотя мы готовы уважать региональные интересы Ирана, в наши планы н**

входит его превращение в ядерную державу, — такой шаг будет иметь для Ирана самые серьезные последствия.

Святая земля

Вновь и вновь взаимоотношения между арабскими государствами и Западом теряют равновесие изза событий, происходящих на земле, называемой испокон веков святой. Исламские фанатики видят в американской поддержке Израиля лишь подтверждение существования широкого заговора против мусульманского мира. Циникам израильскопалестинский конфликт дает гарантированную возможность объединить молодых арабов в любой точке планеты ради сомнительных дел. Именно поэтому ни одна стратегия, направленная на изоляцию государствизгоев и поддержку законных правительств, не может обойти стороной эту узкую полоску земли, на которой пролито так много слез и крови.

Политическая жизнь Израиля постоянно рождает выдающихся общественных деятелей. Возможно, это объясняется тем, что после своего появления в 1948 году государство Израиль либо находилось на грани войны, либо участвовало в ней. Именно поэтому среди политических лидеров так часто встречаются военные. Те же, кто не имеет непосредственного отношения к вооруженным силам, очень быстро становятся военными стратегами. Израильтянам хорошо известно, что даже после поражения их арабские недруги продолжают борьбу. Для Израиля же поражение означает уничтожение.

Все израильские премьерминистры, с которыми мне пришлось иметь дело, каждый по своему, производили глубокое впечатление. Шимон Перес, безусловно, самый мудрый. Бенджамин Нетаньяху, пожалуй, самый талантливый. Но покойный Ицхак Рабин, несомненно, был самым харизматичным лидером — поистине увлекающей за собой личностью. Помимо прочего, он был человеком своего времени — твердым сторонником мира, который очень хорошо знал, что значит сражаться в бою.

Когда я пишу эти строки, попытки Рабина добиться долгосрочного согласия с палестинцами, по всей видимости, пошли прахом. И все же то, что он сказал 13 сентября 1993 года во время исторической встречи в Белом доме с председателем Организации освобождения Палестины Ясиром Арафатом, останется в веках. В тот момент я выступала в США

с циклом лекций, и его слова произвели на меня очень сильное впечатление. Премьерминистр Рабин сказал так:

> Я говорю вам, палестинцам, что судьбой назначено нам жить вместе на одной земле... Мы, кто сражался с вами, палестинцами, заявляем сегодня громко и ясно: «Довольно крови и слез. Довольно!» Мы не хотим мстить... Мы такие же, как и вы, люди — люди, которые хотят строить дома, выращивать деревья, любить, жить с вами бок о бок, не теряя достоинства, проявляя симпатию, как представители рода человеческого, как свободные люди... Настало время мира.

Позже я прочитала замечательный комментарий главного раввина Великобритании, Джонатана Сакса, в котором он показывал, как библейские аллюзии пронизывают высказывания Рабина и придают им мистическую и пророческую силу. По словам дра Сакса, это был «религиозный момент» и, хотя «религия может питать конфликт... иногда она делает нас выше него»*.

Ицхак Рабин был убит 4 ноября 1995 года в конце своего выступления на митинге в ТельАвиве. Люди открыто оплакивали потерю этого человека, отдавшего свою жизнь за дело мира.

Три года спустя мне посчастливилось присутствовать на праздновании пятидесятилетия Израиля. Радость, как это нередко случается на Ближнем Востоке, и в этот раз была омрачена проявлением насилия. В тот момент, когда мы с премьерминистром Нетаньяху обсуждали ситуацию, пришло известие о том, что в ТельАвиве в результате взрыва начиненной гвоздями самодельной бомбы пострадало более 20 человек.

На следующее утро я решила отправиться в Иерусалим — город паломников. Могила Ицхака Рабина находилась в нижней части Национального кладбища на горе Герцль. Неподалеку покоилась Голда Меир Одна половина могилы была из белого алебастра и предназначалась для Леи Рабин (которая также теперь в мире ином), другая, где захоронен останки бывшего премьерминистра, — из черного мрамора. Она вы глядела очень просто, на ней не было ничего, кроме имени, начертанного на иврите. В соответствии с еврейским обычаем я положила на могилу гальку, которую привезла из Англии с корнуэльского побережья.

* Jonathan Sacks, Failth in the Future (London: Darton, Longman and Todd, 1995), pp. 9798.

Не так уж часто возникают международные проблемы, где компромисс был бы столь же необходимым и труднодостижимым, как и в конфликте между евреями и арабами в Израиле/Палестине. Всю свою политическую жизнь я старалась избегать компромиссов по той простой причине, что они, как правило, требуют отступления от принципов. В международных делах они нередко свидетельствуют о растерянности и слабости. Однако с годами я пришла к заключению, что арабоизраильский конфликт — исключение. Компромисс здесь действительно необходим. Потому, что обе стороны имеют бесспорные моральные основания. Потому, что ни одна из сторон не может добиться своего, не ущемив интересы другой. Потому, наконец, что интересы коллективной безопасности несопоставимо выше интересов, разделяющих стороны. Очень краткий и предельно упрощенный обзор исторических событий, я надеюсь, поможет подтвердить эти утверждения.

Моральное право как евреев, так и арабов на землю, известную под названием Палестина, имеет веское обоснование. Если не брать в расчет древние «библейские» притязания евреев (не потому, что они не заслуживают внимания, а оттого, что большинство неевреев не считает их достаточно убедительными), историю Израиля можно проследить вплоть до Декларации Балфура 1917 года, ставшей ответом на требования лидеров сионизма. В ней отмечалось, что британское правительство «благожелательно смотрит на возможность основания в Палестине национального государства еврейского народа и сделает все возможное для ее реализации; это, однако, не должно нанести ущерб нееврейским сообществам, существующим в Палестине, или правам и политическому статусу евреев в любой другой стране».

Нарушало ли это права арабов, и в какой мере — вопрос спорный, но подход, заложенный в Декларации, был положен в основу Палестинского мандата Лиги наций 1922 года и последующих международных деклараций.

Вопрос уперся в выделение территории для создания еврейского государства. Острота проблемы возросла с усилением еврейской иммиграции в середине 30х годов в связи с преследованиями со стороны нацистов, которые вылились в массовое уничтожение евреев. После войны Великобритания, столкнувшись с развернутой евреями террористической кампанией с требованиями отменить ограничения на иммиграцию и создать еврейское государство, приняла решение о полном уходе из региона. В 1947 году был принят план Организации Объединенных Наций

по разделу Палестины, аналогичный тому, что предлагала ранее Великобритания. План предусматривал выделение еврейскому государству 56% территории Палестины. Такой раздел, однако, не устроил арабов, которые стали нападать на еврейские поселения.

Не дожидаясь окончательного ухода Великобритании из региона, еврейские лидеры провозгласили создание государства Израиль. Это послужило сигналом к первой арабоизраильской войне, победу в которой, несмотря на огромное превосходство противника, одержал Израиль. В соответствии с последующими мирными договорами Израиль получил в свое распоряжение уже 75% территории Палестины. Начался исход арабов (по оценкам ООН, число беженцев достигло 700 тысяч человек) из земель, которые раньше принадлежали им, а теперь оказались под контролем Израиля.

Потребовалось еще одно поражение арабских государств в ходе так называемой «войны судного дня» 1973 года (в которой Израиль также понес тяжелые потери), чтобы заставить их сделать шаг к реальному урегулированию проблемы. Здравомыслящие арабы ясно понимали, что уничтожить Израиль не удастся. Необходимость устойчивого мира с арабскими соседями не менее ясно ощущали и здравомыслящие израильтяне. На этом фоне в 1977 году президент Египта Анвар Садат обратился к Израилю с мирными предложениями, которые закончились подписанием в 1979 году КемпДэвидского соглашения под эгидой США. В условиях мира и напряженности, терроризма и демонстрации израильской силы (как, например, в Ливане в 1982 году) положения этого соглашения оставались основой для урегулирования политической ситуации вплоть до конца 80х — начала 90х годов.

Именно в это время два события существенным образом изменили подходы израильтян и палестинцев друг к другу и к окружающему их миру. Первым была так называемая «интифада» — выступления палестинцев на о»упированных территориях против Израиля, которые в течение шести лет нарушали спокойствие и безопасность. Хотя Израиль вполне успешно справлялся с прямыми угрозами, устранить косвенные угрозы оказалось намного сложнее. Израильтяне начали понимать, что поддержания мира с соседними арабскими государствами недостаточно: если Израиль хочет мирной жизни, он должен решить палестинскую проблему. Такой вывод подкреплялся и демографическими данными. При сохранении оккупированных территорий в составе Израиля еврейское население вполне могло стать национальным мень

шинством. Наряду с 4,7 миллиона евреев в стране проживало 4 миллиона арабов, а уровень рождаемости у последних намного выше.

Другим поворотным событием стала война в Персидском заливе, которая оказала глубокое психологическое воздействие на все стороны — на израильтян, палестинцев и граждан арабских государств. Вопервых, уязвимость Израиля перед ракетами Саддама Хусейна изменила стратегическую ситуацию. Хотя надежно защищенные границы по прежнему оставались важными для Израиля, они уже не гарантировали безопасности. В этой связи идея обмена «земли на мир» вновь обрела привлекательность. Вовторых, палестинцы заняли диаметрально противоположную позицию. Поддержав Саддама Хусейна в войне против Кувейта, они потеряли расположение руководства Саудовской Аравии и других стран залива, которые на протяжении многих лет оказывали им политическую поддержку и материальную помощь, а также предоставляли рабочие места. Это сразу усилило необходимость поиска компромисса внутри Израиля. И, втретьих, арабские государства в ходе войны увидели неоспоримое доказательство военного и политического превосходства Америки. Стало ясно, что им придется проводить такую политику, которая приемлема для Вашингтона, и что Вашингтон никогда не допустит угрозы жизненным интересам Израиля.

Все это возвращает нас к словам Ицхака Рабина, произнесенным на лужайке у Белого дома. И, конечно, к суровому настоящему: когда я пишу эти строки, Израиль и Палестина находятся в состоянии, которое нельзя определить иначе, как вялотекущая война. Я не обольщаю себя надеждой, что могу (или должна) найти «решение» существующего конфликта. Эту нелегкую задачу должны взять на себя лидеры Израиля и Палестины. Однако, опираясь на собственный опыт, я хотела бы обратить внимание сторон на некоторые основополагающие принципы.

- **Единственным заслуживающим доверия внешним миротворцем являются Соединенные Штаты, а не ООН или Европейский союз.**
- **Вместе с тем даже США не могут навязать мир: противоборствующие стороны должны искренне принять его.**
- **Вполне понятно, почему Америку раздражает то, в чем она нередко усматривает упрямство Израиля: она стремится получить максимальную международную поддержку в войне против терроризма; однако Госдепартаменту не следует забывать, что Израиль**

испытал на себе ужас, который несут исламские террористысмертники, задолго до 11 сентября.

- **Поэтому нельзя ожидать, что Израиль поступится своей безопасностью. Если он когдалибо пойдет на такой безрассудный шаг и пострадает изза этого, его противодействие посредникам и палестинцам окажется беспредельным: «земля, отданная в обмен на мир» должна действительно нести мир.**
- **Ни посредникам, ни Израилю не следует забывать о том, что палестинским лидерам нужен зримый результат, т. е. движение к реальной автономии и, в конечном, итоге, к созданию независимого государства, иначе они просто не удержатся на своих местах, а на сцену выйдут более радикальные и более опасные фигуры, которые только и ждут удобного момента.**
- **Палестинское руководство, со своей стороны, никогда не сможет добиться доверия Израиля, если оно не арестует и не накажет тех, кто подстрекает к террору и осуществляет его на практике. Пока что Ясир Арафат не слишком склоняется к этому.**
- **Более того, палестинцам придется смириться с тем, что в случае создания собственного государства оно будет небольшим, уязвимым и (по крайней мере поначалу) очень бедным. Ему потребуется значительная поддержка со стороны Иордании; но в любом случае оно останется экономически зависимым от Израиля, — именно поэтому в интересах палестинцев сделать так, чтобы Израиль проявил максимум доброй воли при создании такого государства.**
- **Что бы ни преподнесло будущее, сторонам неизбежно понадобится терпение Иова: в конце концов, это святая земля, земля, за которую во все времена сражались больше, чем за любую другую, земля, где встречаются и соперничают три религии, и каждая из сторон может утверждать, что права именно она. Недаром Псалмопевец призывал: «Помолимся за мир в Иерусалиме»*. Он был прав. Мы должны сделать это.**

* Псалом 122.

Глава 7

Права человека и их соблюдение

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНСЕРВАТОРОВ

В наши дни лишь очень смелый политик способен открыто усомниться в правомерности использования вопросов соблюдения прав человека в качестве стержня внешней политики. Еще несколько лет назад я вряд ли поверила бы в то, что смогу занять такую позицию.

Как типичный представитель своего поколения, чьи взгляды сформировались под влиянием событий Второй мировой и начала «холодной войны», я вышла на политическую сцену с твердым, даже страстным, намерением защитить права личности от всесилия государства. Принципиальное и последовательное противодействие многоликому посягательству государства на свободы индивидуума было характерной чертой нашего подхода в 800 годы. Тому, кто в силу своей молодости или забывчивости сомневается в этом, нужно лишь полистать газеты того времени. Проповедь «крайнего» индивидуализма в ущерб обществу была моей главной виной с точки зрения левых. На самом же деле подобное обвинение в мой адрес совершенно необоснованно: для меня исполнение долга всегда стояло на первом месте. Здесь важно отметить, что были и такие, кто критиковал нас за недостаточное внимание к свободе личности.

Фундаментальное различие между консерваторами и социалистами заключается в том, что во внутренней политике первых больше заботит свобода, а вторых — равенство. Однако то же самое можно сказать и о внешней политике. При виде того, как новые левые упиваются своим плюрализмом и всесторонностью, невольно закрадывается мысль, что именно они (в предыдущем политическом воплощении) заставили консервативные правительства уважать права человека. Конечно, это нонсенс. Капиталистический Запад — вот кто заставил социалистический Восток обращаться со своими подданными как с людьми, а не пешками или рабами.

Именно об этом шла речь в «третьей корзине»* Хельсинкских соглашений, принятых в середине 70х годов — во время того, что не совсем

* Под «тремя хельсинкскими корзинам понимается»: обеспечение безопасности в Европе; сотрудничество в области науки и техники и охраны окружающей среды; сотрудничество в гуманитарной и других областях. — *Прим. пер.*

правильно называют периодом «разрядки». В рамках стратегии Советского Союза, нацеленной на разоружение Запада при сохранении собственного военного превосходства, Москва была готова пойти на некоторые уступки, чтобы смягчить западную критику систематического нарушения ею прав человека. Советам в конце концов пришлось согласиться с тем, что отношение государства к своим гражданам является] предметом законного беспокойства со стороны других государств. Они! пошли на уступку, поскольку полагали, что смогут нарушить эти обещания так же легко, как и другие**. На практике так оно и было, пока неослабное давление со стороны Запада не заставило их перейти к обороне.

Основная заслуга в этом принадлежит президенту Рейгану. В «Доктрине Рейгана», которая впервые прозвучала во время выступления! перед обеими палатами парламента в Лондоне в июне 1982 года, подчеркивалось, что «свобода — это не прерогатива нескольких избранных, а неотъемлемое и универсальное право каждого человека Она стала также ответом на так называемую «доктрину Брежнева», которая утверждала, что государство, однажды попав в социалистический блок, остается в нем навсегда. В отличие от великодушной, но неэффективной политики западных лидеров, доктрина президента Рейгана сделала свободу действенной через военную мощь и политическую волю.

Этот небольшой исторический экскурс достаточно наглядно показывает, что консерваторы имеют все основания говорить о правах человека. Именно наши усилия при почти полном отсутствии помощи со стороны мнимых либералов позволили значительной части населения земного шара добиться свободы, а большей части оставшегося населения — защитить ее. Так почему, спрашивается, нынешняя озабоченность правами человека беспокоит меня? Причина в том, что в них перестали вкладывать прежний смысл и стали использовать их в качестве инструмента для ограничения, а не распространения свободы.

ЧТО СЛЕДУЕТ ПОНИМАТЬ ПОД ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА

Для начала вспомним, откуда произошло понятие «права человека». Идея о том, что каждый человек представляет собой ценность сам по себе, вряд

** Мои собственные (совершенно иные) сомнения относительно хельсинкского процесса можно найти в книге The path to power (pp. 349-353).

ли нуждается в каком-либо специальном обосновании. На мой взгляд, в той или иной форме она присутствует во всех великих религиях. Согласившись с идеей неповторимости и вечности человеческой «души» мы должны признать, что человек — это «личность» и эта личность должна обладать достоинством и правами. Христианство (но ни в коем случае не действия, предпринимаемые от его имени) также подчеркивает роль личности, которая общается с Господом. Сегодня же более важным, чем принципы теологии или философии, стали те *допущения,* из которых мы исходим. А исходим мы из того, что к другим *следует* относиться так, как мы хотим, чтобы относились к нам — так называемое золотое правило), — даже когда нате поведение не соответствует идеалу.

Для английской (а затем и британской) традиции характерны прагматизм и практичность, а не высокомерные декларации. Надеюсь, меня правильно поймут, если я скажу, что британцы по складу ума более склонны к конкретным вещам. Это явно просматривается в конституционных документах, к которым мы обращаемся чаще всего. Тому, кто читает, к примеру, Великую хартию вольностей, возможно, покажется удивительной конкретность (и, несомненно, анахронизм) обязательств, принимаемых на себя королем. В Хартии говорится о тюрьмах, судебных исполнителях, судах присяжных, штрафах, замках и конфискации имущества, т. е. о том, что больше всего заботило в те времена высшее дворянство, которое выкручивало руки королю. Лишь две статьи Хартии и в наше время звучат с впечатляющей силой:

> Ни один свободный человек не может быть арестован, или заключен под стражу, или лишен права собственности, или свобод, или обычных прав, или объявлен вне закона, или изгнан, или обездолен любым иным способом; а мы не можем предпринимать никаких действий против него, кроме как по законному приговору равных ему или по закону страны (Глава 39).
>
> Никому за мзду не может быть вынесен неправосудный приговор, никому не может быть отказано в осуществлении права или справедливости (Глава 40)*.

Дальнейшее обсуждение положений Великой хартии вольностей можно найти на стр. 499503.

Точно так же читатель английского Билля о правах 1689 года, еще больше ограничивающего королевские прерогативы, укрепляющего власть парламента и закрепляющего результаты «Славной революции» прежних лет, увидит перед собой совершенно конкретный документ*. Он не устанавливает никаких новых принципов. Более того, обе палаты парламента не хотели никаких изменений. Они считали себя приверженцами *«существующих* законов и законодательных актов, прав и свобод)). Что придает Великой хартии вольностей и Биллю о правах значимость (а они действительно имеют большое значение), так это традиция, которая закреплялась ими и которая ими же и была создана. Та самая традиция, которая в течение последующих столетий лишь укреплялась и расширялась.

В ходе этого процесса права парламента и подданных страны органично расширялись. Конечно, его нельзя назвать непрерывным или равномерным, однако его движущая сила нарастала со временем изза того, что он был окружен некой таинственностью и узаконен. Процесс ограничения власти правительства и расширения свобод личности держался на двух столпах — общем праве и правах парламента (на практике — правах Палаты общин). В одни моменты более важным оказывалось первое, в другие — второе. Особенно в ХУП веке, в решающий для развития свободы в Англии период, судебные и политические решения имели единое русло. В самом деле, общий менталитет явно усматривался и в том, и в другом, в немалой мере, наверное, изза того, что многие выдающиеся судьи были одновременно и политическими мыслителями. Взять хотя бы сэра Эдварда Коука, главного судью, чьи решения неоднократно ставили под сомнение королевские прерогативы. Он был одним из основных разработчиков Петиции о правах в 1628 году. Когда человек уровня Коука заявлял, что не может быть власти превыше... Великой хартии вольностей)), от него исходила такая сила убеждения, которой не обладал ни глава кабинета министров, ни даже король. Поэтому к ХУШ веку Великобритания и приобрела статус самой свободной страны на земле. Но, как показала история, ее свобод оказалось недостаточно для американских колонистов.

По сравнению с законодательными актами и судебными решениями, которыми был отмечен долгий путь Великобритании к парламент

* Во время Славной (или Бескровной) революции 1688 г. король Яков 11 был низложен, а к власти пришла его дочь Мария вместе со своим мужем Вильгельмом Оранским, который правил под именем Вильгельма 111.

ской демократии и неоспоримому господству закона, американские аналоги —Декларация независимости (1776), Конституция Соединенных Штатов (1787) и Билль о правах (1789) кажутся более радикальными и амбициозными. В Декларации независимости с ее вызывающе открытым заявлением — *«мы* считаем само собой разумеющимся, что все люди созданы равными и в равной мере наделены Создателем неотъемлемыми правами..» — наиболее отчетливо слышна идеалистическая, даже утопическая тональность.

Попадаются такие, кто, приняв эти заявления за чистую монету, пытаются применять их без учета контекста, упуская, например, тот факт, что на протяжении долгих лет они уживались с существованием рабства. Честно говоря, даже смелые утверждения Томаса Джефферсона, как и их более прозаичные английские эквиваленты, должны рассматриваться в историческом контексте. Великие документы, определяющие политическую и правовую основу Соединенных Штатов, являются частью традиции, которая была английской и британской, прежде чем стать американской. Восставшие колонисты были полны скорби и негодования, но тем не менее в Декларации независимости они ведут речь о «наших британских собратьях», которые остаются «глухими к голосу справедливости и духовного родства». Дух британского правосудия и питающие его инстинкты еще более очевидны в терминологии американского Билля о правах с его ясными и реально действующими поправками к Конституции США, которые определяют процедуры контроля за федеральными институтами власти.

Таким образом, то, что Уинстон Черчилль назвал концепцией прав человека в англоязычном мире, имеет институциональный контекст и является порождением живой традиции*. Эта концепция не способна развиваться в вакууме, и никто до самого последнего времени не мог себе представить, что она может в нем применяться.

Стремление порассуждать отвлеченно о естественных правах, или правах человека, которые возникли раньше конкретных законов и не зависят от них, — тенденция, не проявлявшаяся в Америке вплоть до современной эпохи политкорректности, — было характерно для революционной Европы. Парадоксально, но чем более грандиозными и широкими оказывались замыслы в отношении естественных прав, тем более вероятной была потеря свобод в конце.

* См. также стр. 44.

Это можно увидеть на примере французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года и ее практических последствий. Документ начинается с удивительного и исторически недостоверного заявления о том, что «незнание, забвение или пренебрежение правами человека являются единственными причинами общественного зла и коррупции в правительстве». Далее мы узнаем, что «свобода заключается в возможности делать все, что не вредит другим. Поэтому осуществление естественного права каждого человека ограничено лишь пределами, которые гарантируют другим членам общества возможность пользоваться тем же правом. Эти пределы могут устанавливаться только законом». Ну а что такое закон? Документ определяет его как выражение общей боли». Возможно, некоторые из тех, кто разрабатывал Декларацию, понимали, какой смысл вкладывается во все это. Однако при прямом толковании очевидно, что приведенные аргументы сами нуждаются в доказательстве, а обоснования до невозможности расплывчаты. Глядя на процесс превращения революционной Франции в кровавую тиранию, оправданную этой доктриной фактически неограниченной центральной власти, становится ясно (особенно на английской стороне Ламанша), что гарантии, которые предоставляют личности обычай, устойчивая традиция и общее право, значительно прочнее «демократических» принципов, применяемых демагогами. Не случайно Эдмунд Берк, отец консерватизма, заметил по поводу естественных прав, что «их абстрактная безупречность на практике оборачивается пороком»*. Он был, как всегда, совершенно прав.

Американская и французская декларации оказали такое же влияние на конституции других государств, как и британская модель парламентской демократии и общее право — на политическое устройство бывших колоний. Вместе с тем первые международные конвенции, касающиеся прав человека, появились лишь в середине XX века.

В преамбуле Устава ООН (1945 г.) записано: **«Мы, народы объединенных наций, преисполнены решимости...** вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций..») Однако основные статьи Устава фактически закрепляют систему, в соответствии с которой суверенные государства, а не международ

* Edmund Burke, Reflections on the Revolution in France, Select Works of Edmund Burke (Indianapolis: Liberty Fund, 1999), p. 151. Эдмунд Берк (17291797) — политический философ, член парламента в 17651794 гг.

ные органы обладают полнотой власти в пределах собственных границ, законные основания для внешнего вмешательства предельно ограничены, а реальный контроль могут осуществлять лишь несколько великих держав. Соседство далеко идущих принципов и предельно ограниченных средств, позволяющих осуществить их, является характерной чертой международных рассуждений о правах человека в прошедший период.

Практически одновременно с Конвенцией о геноциде появился еще один основополагающий документ — Всеобщая декларация прав человека (1948 г.). В ней изложен целый ряд замечательных целей — как общих, так и конкретных, но при внимательном изучении ее текста быстро понимаешь, что понятие «свобода» здесь смешивается с другими вещами — добром, злом и безразличием, которые на деле могут противостоять свободе. Так, Конвенция провозглашает такие «права» как «социальная защищенность» (Статья 22), «право на работу... и защиту от безработицы» (Статья 23), «право на отдых и свободное время» (Статья 24), «право на уровень жизни, адекватный здоровью и благосостоянию [человека] и [его] семьи» и право на «образование», которое, среди прочего, должно «способствовать осуществлению деятельности ООН, направленной на поддержание мира» (Статья 25). И, наконец, «право на социальный и международный порядок, обеспечивающий всеобъемлющую реализацию прав и свобод, предусмотренных в настоящей Декларации» (Статья 28).

Документ, таким образом, есть не что иное, как попытка объять необъятное. Он объявляет массу достойных (как правило) целей «правами» без учета того, что их осуществление зависит от множества обстоятельств и, прежде всего, от готовности одной группы людей принять на себя проблемы другой. Помимо прочего, опасная расплывчатость изложения свидетельствует о трудностях, с которыми столкнулись разработчики, пытаясь обобщить эти цели. Несмотря на эти недостатки, я согласна с профессором Мэри Энн Глендон, которая считает, что «всеобщая декларация сыграла скромную, но не совсем уж незначительную роль в поддержании жизнеспособности духа свободы. За это ей вполне можно немного поаплодировать»*.

Сказанное во многом относится и к конвенциям ООН по правам человека, которые появились после Декларации. Эти конвенции затра

Неопубликованная лекция профессора Глендон, прочитанная в июле 2000 г. в Институте Соединенных Штатов при Университете Лондона.

гивали политические права женщин (1952), расовую дискриминацию (1965), экономические, социальные и культурные права (1966), гражданские и политические права (1966), дискриминацию женщин (1979), пытки (1984) и права ребенка (1989). Чтобы разобраться в том, чего же хотели добиться те, кто разрабатывал и подписывал эти документы, нужна книга, значительно большая по объему, чем эта. Мотивы, несомненно, были смешанными. Ясно одно: люди, ратифицировавшие эти соглашения от имени своих государств, в целом не сознавали, что они тем самым подрывают государственный суверенитет. Скорее всего, в конвенциях виделось пожелание, а не предписание, в противном случае они ни за что бы не допустили такого количества двусмысленностей и противоречий. Для правительств, заключающих договоры, способные практически повлиять на их поведение в собственных странах, туманная терминология, которая использована в названных документах, просто неприемлема. Еще раз повторю: это вовсе не означает, что международная озабоченность проблемой прав человека в XX веке была пустой тратой времени, — просто эти документы были ориентированы на международный порядок, предусматривавший существование суверенных государств, правительства которых, в конечном итоге, решали, применять их или нет. Это было, вне всякого сомнения, совершенно разумно. Надеюсь, из написанного здесь ясно следует, что рамки, ограничивающие власть государства, контроль за злоупотреблениями, законные права и гарантии, могут существовать только там, где они находят опору в национальной среде, институтах и обычаях. Конституции должны писаться в сердцах, а не на бумаге.

ГЕНОЦИД И НЮРНБЕРГ

На первый взгляд, очевидным исключением из этого ряда является Конвенция о предупреждении геноцида и наказании за него 1948 года. Этот документ был первой реакцией ООН на массовое уничтожение евреев в Третьем рейхе. Он отличался более узкой, чем можно было ожидать, направленностью, а именно рассматривал лишь случаи намеренного полного или частичного уничтожения групп людей по *национальному, этническому, расовому или религиозному признаку.* Например, деяния Пол Пота, который уничтожил два миллиона (почти четвертую часть) своих соотечественников в Камбодже в 19751979 годах, не подпадают под эту Конвенцию. Причина в том, что, когда дело дошло до

формирования документа, представители Советского Союза не допустили упоминания в нем групп, выделяемых по *политическому* признаку: Сталин, на руках которого была кровь 20 миллионов советских граждан, уж больно явно подходил под определение. Конвенция, что было необычным, не признавала суверенитета или неприкосновенности и устанавливала, что виновные должны нести кару «независимо от того, являются ли они законными правителями, должностными или частными лицами» (Статья IV).

В этом усматривается простой здравый смысл. Изза того, что геноцид — это преступление, которое может совершаться либо самой властью, либо при ее содействии, обычные процедуры национального судопроизводства вряд ли могут обеспечить гарантированное наказание. Лишь там, где, подобно сегодняшней Руанде, режим, виновный в геноциде, был свергнут, преступники могут быть привлечены к суду.

Таким образом, именно Нюрнбергский процесс является ориентиром при обсуждении преимуществ и недостатков международных уголовных судов, созданных для осуществления правосудия в отношении тех, кто обвиняется в самых ужасных преступлениях. К сожалению, то, что произошло в Нюрнберге, по выражению профессора Джереми Рабкина, «плохо помнится», и в результате из этого делаются неправильные выводы*.

На представителей обвинения на Нюрнбергском процессе, несомненно, очень большое влияние оказали свидетельства холокоста. Однако им в большей мере хотелось осудить нацистское руководство за планирование и развязывание «агрессивной войны» а не за «преступления против человечности». Иными словами, на нем главным образом фигурировали обвинения в развязывании войны против суверенных государств, а не в других правонарушениях. В этой связи, как заметил профессор Рабкин, «возникают сомнения, можно ли вообще считать Нюрнбергский процесс "международным» Обвинения выдвигали «соединенные Штаты Америки, Французская республика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, а также Союз Советских Социалистических Республик», а вовсе не «государства Организации Объединенных Наций», как предполагалось вначале. Нюрнбергский процесс иногда критикуют за то, что он представлял

* Jeremy Rabkin, «Nurenberg Misremembered», SAIS Review, summerautumn 199, pp. 223239.

собой «правосудие победителей». Именно им он и был, именно таким он и задумывался. Процесс был организован не нейтральными странами, а державами, которые совместно одержали победу над Германией и «оккупировали ее. Именно последним теперь принадлежала верховная власть.

Почему все это имеет большое значение? Да потому, что те, кто в наше время настаивает на еще большем вмешательстве международного правосудия в дела суверенных государств, не устают ссылаться на Нюрнбергский процесс. А это совершенно неправильно. Процесс состоялся лишь потому, что союзники одержали полную победу над Третьим рейхом, захватили в плен большую часть руководящей верхушки и собрали огромное количество неопровержимых документальных свидетельств.

Я не сомневаюсь в том, что 12 нацистских руководителей, приговоренных к смертной казни за участие в преступлениях, заслуженно понесли наказание. Холокост — величайшее преступление, совершенное когдалибо в отношении группы людей, нации или расы. Однако отношение к процессу, посредством которого эти ужасные личности получили по заслугам, как к суду со всеми его судьями и адвокатами, неоднозначно. Вместе с тем он намного менее неоднозначен, чем готовы допустить современные участники кампаний в поддержку международных трибуналов.

УГОЛОВНЫЕ ТРИБУНАЛЫ В ЮГОСЛАВИИ И РУАНДЕ

Конвенция по геноциду 1948 года предусматривала возможность создания международного трибунала, и в том же году Генеральная Ассамблея ООН назначила Международную законодательную комиссию для изучения «желательности и осуществимости» идеи. По целому ряду серьезных и практических причин из этой затеи ничего не получилось. И хотя такая идея всплывала неоднократно и прежде, толчком к созданию международных трибуналов стали случаи геноцида в бывшей Югославии и Руанде. Конфликту в бывшей Югославии и урокам, вытекающим из него, я посвящаю следующую главу. Здесь же хочу привлечь внимание наиболее влиятельных государств, и прежде всего западных, к очень веским аргументам в пользу создания трибуналов для разбирательств, связанных с этими двумя кризисами, которые не обя

зательно должны найти более широкое применение и в которых ни в коей мере не следует видеть подтверждение желательности создания международного уголовного суда.

Учреждение трибунала по бывшей Югославии (Резолюция СБ ООН 827 от 25 мая 1993 г.) и трибунала по Руанде (Резолюция СБ ООН 955 от 8 ноября 1994 г.) является признанием поражения Запада и более широкого международного сообщества. В странах бывшей Югославии — Словении, Хорватии и Боснии — Слободан Милошевич и его приближенные с помощью югославской армии и полувоенных банд сербских экстремистов вели войну против несербского населения. Делалось это настолько варварки и с таким бесстыдством, прямо под носом у Запада, что Европа и Америка должны были прекрасно все видеть. Тем не менее, по причинам, которые необходимо анализировать более тщательно в другом контексте, Милошевичу все сходило с рук. Более того, в какието моменты он получал то, что в Белграде воспринималось как «зеленый свет» продолжению начатого. В результате неправильных решений, принятых в самом начале конфликта в 1991 году, и упорных попыток разделить вину между жертвой и агрессором поровну величайшей державе мира, Америке, пришлось перед лицом нарастающего ужаса искать поддержки по всему миру. С приходом в Белый дом новой, более склонной к интернационализму, администрации, примерно совпавшим с пиком резни в Боснии, где, по оценкам, погибло около 200 тысяч человек, американцы стали активно проталкивать идею создания специального трибунала для осуждения виновных.

Я приветствую это решение, однако, честно говоря, хотела бы, чтобы такая политика проводилась с самого начала. С учетом прежних ошибок и ввиду слабости международного начала трибунал — самое лучшее, на что можно рассчитывать. Он является свидетельством долгожданной решимости прекратить кровопролитие. Тогдашний представитель США в ООН Мадлен Олбрайт приветствовала решение учредить трибунал словами: «Вновь восторжествовали принципы Нюрнберга. Мысль о том, что все мы несем ответственность по международному закону, возможно, теперь останется в коллективной памяти».

Подобная риторическая пышность была явно излишней. Я не считаю, что «все мы несем ответственность по международному закону» и уж точно не верю в то, что именно поэтому мы создаем специальные трибуналы для осуждения тех, кто виновен в геноциде.

Создание трибунала по Руанде также стало следствием провала усилий Запада и международного сообщества. Не могу сказать, что здесь я предвидела развитие событий лучше других. Однако наверняка существовали эксперты по межплеменной вражде в этой части Африки, которые должны были знать, что назревает. Этнические группы хуту и тутси периодически убивали друг друга на протяжении последнего полувека.

Тутси составляют меньшинство населения как в Руанде, так и в соседней Бурунди. В последней они тем не менее находятся у власти. Господствовали они и в Руанде, когда та была бельгийской колонией. В 1959 году хуту перебили значительную часть тутси с тем, чтобы обеспечить себе власть при получении независимости, которая была предоставлена в 1962 году. Они добились своего, но исход тутси заронил семена повстанческого движения, члены которого почти три десятилетия осуществляли вылазки с территории Уганды.

После долгих лет вооруженной борьбы все же удалось договориться о мире и разделении власти между племенами. Однако большая и влиятельная группировка экстремистски настроенных хуту осталась на непримиримых позициях. После того как 6 апреля 1994 года был сбит самолет президента Руанды, хуту по происхождению, что было, по всей видимости, делом рук экстремистов, в стране началось осуществление хорошо спланированного геноцида. Около 800 тысяч тутси были уничтожены самым жестоким и ужасным образом. В том же году правительство хуту было свергнуто вооруженными силами тутси, которые очень быстро привлекли к ответственности тех, кто был виновен в случившемся. Большинству экстремистов хуту все же удалось спастись бегством, а противоборство местного уровня стало все больше превращаться в часть более масштабной борьбы, которую в настоящее время ведут друг с другом различные африканские племена и государства на территории Демократической Республики Конго (бывшего Заира), заключая краткосрочные альянсы.

Как и на Балканах, взаимоотношения народов Центральной и Восточной Африки способны поставить в тупик даже самого внимательного эксперта, занимающегося проблемой международных отношений. Но, подобно Балканам, и здесь существуют определенные константы и основополагающие моменты, которые следует знать. Чтобы внешние воздействия были эффективными, их следует реализовывать на возможно более ранней стадии. А если внешняя сила, имеющая наиболь

шее влияние в регионе, не займет чьихллибо сторону (как на Балканах) или окажется не на той стороне (как в Руанде), результаты могут быть катастрофическими.

В Руанде с проблемами лучше всего может справиться Франция. У нее остались сильные связи с франкоязычным правительством хуту. Именно она вооружала и обучала армию хуту — по некоторым данным, чуть ли не до самого последнего дня. Когда французы в июне 1994 года ввели в страну свои войска, они прежде всего дали возможность потерпевшим поражение вооруженным экстремистам хуту укрыться на территории Конго. На этом фоне ошибки, неправильные выводы, медлительность, а иногда и сомнительные побуждения великих держав привели к катастрофе, последним средством предотвращения которой (как и в бывшей Югославии) является специальный трибунал.

Не стоит порицать судей и прочий персонал этих двух тесно взаимосвязанных трибуналов за то, что результаты их деятельности нередко вызывали разочарование. Если одной из целей учреждения трибунала по бывшей Югославии было предотвращение новых злодеяний, то она определенно не была достигнута. Печально известное избиение мусульман в боснийском городе Сребренице в июле 1995 года произошло почти через два года *после* начала работы трибунала. Лишь после того как сербские вооруженные силы понесли тяжелые потери, а западные государства фактически установили контроль над Боснией, петля, наброшенная на военных преступников, начала затягиваться. Лишь после нового поражения сербских вооруженных сил в Косово в 1999 году сербы восстали против Милошевича, отстранили его от власти, посадили в тюрьму, а затем доставили в Гаагу. В то время как я пишу эти строки, целый ряд самых отъявленных негодяев все еще гуляет на свободе. Иными словами, эффективность суда в значительной мере зависит от неподконтрольных ему процессов и, в особенности, от исхода военного конфликта. Суд приобретает смысл только в том случае, если его решения проводятся в жизнь с помощью силы — нередко силы британской армии.

Нельзя говорить и о том, что деятельность трибунала предлагает идеальную модель для более широкой правоприменительной практики. И вновь причина здесь не в недостатке честности и профессионализма участников. Как и в Нюрнберге, трибуналы по бывшей Югославии и Руанде руководствуются правилами, которые совершенно неприемлемы в обычном британском или американском суде. Правосудие

такого рода в исключительных условиях, например в условиях послевоенной Германии, Югославии и Руанды, несомненно, лучше, чем полное отсутствие такового. Вместе с тем из опыта его применения вовсе не следует, что международные судебные системы по самой своей природе лучше национальных, — отнюдь нет.

Как и в Югославии, трибунал по Руанде начал раскачиваться с большим трудом. Прошло четыре года, прежде чем он смог вынести свой первый приговор. Такая задержка, повидимому, является следствием целого букета административных ограничений (город Аруша в Танзании — не лучшее место для работы международного трибунала) и помех. Как и в Югославии, число приговоров, вынесенных трибуналом по Руанде, с тех пор значительно выросло. Несмотря на то что в результате работы трибунала более 40 человек было арестовано, а восемь — осуждено, большинство слушаний проходит в местных судах в Руанде. Там под стражей содержится более 120 тысяч человек, осуждено две тысячи человек, а 300 человек приговорены к смертной казни. Поскольку бои между тутси и хуту продолжаются в Конго и других местах, эти судебные разбирательства следует рассматривать, перефразируя Клаузевица, как продолжение войны другими средствами*. Но тогда может ли международное правосудие быть чемто иным, кроме как «правосудием победителей»?

ГИПОТЕТИЧЕСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД

Ответ на этот вопрос может быть утвердительным, но только в том случае, если у Соединенных Штатов и их союзников хватит безрассудства, чтобы отказаться от влияния на судебные решения и персонал в пользу гипотетического международного уголовного суда в Гааге. Предложение подчиниться такому невыборному, неподотчетному и практически наверняка враждебному органу, как тот, что предлагается создать, не может выглядеть в глазах победителей в холодной войне» иначе как насмешкой. К счастью, приход в Белый дом президента Джорджа У. Буша вселяет уверенность в том, что подобное никогда не произойдет. Я надеюсь, что администрация Буша займет ту же позицию,

Карл фон Клаузевиц (17801831) — прусский военный террорист и кадровый офицер.

что и один из наиболее ярых критиков идеи суда, а именно позицию «трех нет». Нет — финансовой поддержке, прямой или косвенной. нет — сотрудничеству. Нет — дальнейшим переговорам с другими правительствами по вопросу «совершенствования» Статута*. Остальные государства не должны сомневаться в том, что поддержка действий суда, которые наносят ущерб интересам Америки или ее персоналу, незамедлительно отразится на их взаимоотношениях с США.

А действия эти могут оказаться неправильными, даже ужасными, если согласиться с видением задач международного уголовного суда, предложенным Генеральным секретарем ООН. Кофи Аннан полагает, что:

> В перспективе международный уголовный суд должен обеспечить всеобщее правосудие. Видение такой перспективы дает простую и возвышенную надежду... Только тогда невинные жертвы далеких войн и конфликтов будут знать, что они тоже могут спокойно спать под защитой правосудия; что они тоже имеют права и что те, кто нарушает эти права, понесут наказание**.

«Видение) гна Аннана скорее всего обернется кошмаром, и тому есть целый ряд веских причин. Вопервых, на практике суд, скорее всего, будет заниматься преследованием военнослужащих или политиков в целом законопослушных стран, а не государствизгоев, которые просто не будут признавать его. Действительно, очень легко представить себе судебное преследование представителей Запада, для того чтобы обеспечить «баланс».

Второй неизбежный недостаток предлагаемого суда состоит в том, что для глобального судебного института потребуется глобальная полиция и хотя бы зачаточное глобальное правительство, которые будут обеспечивать реальное исполнение судебных решений. Именно поэтому проект находит такую поддержку среди сторонников того, что сегодня называют «глобальным управлением». Эти же самые энтузиасты также, что совершенно неудивительно, явно не испытывают энтузиазма по поводу нынешней униполярной международной системы

* John Bolton, Statement before the House International Relations Committee on the International Criminal Court and the American ServiceMembers' Protection Act of 2000, 25 July 200. Гн Болтон в настоящее время является заместителем госсекретаря по контролю над вооружениями и международной безопасности.

** Обращение к Международной ассоциации адвокатов, НьюЙорк, 11 июня 1997 г.

с Соединенными Штатами во главе. Они видят в новом суде возможность заставить американскую сверхдержаву и ее союзников отчитываться в своих действиях перед *«судом»* международного мнения. Столь примитивная антиамериканская направленность даже не маскируется. Когда Соединенные Штаты вместе с Израилем, Китаем, Ливией, Алжиром, Йеменом и Катаром остались в меньшинстве при голосовании в Риме по проекту устава суда (7 голосов против 120), в зале, как говорят, раздались бурные и продолжительные аплодисменты. Так активисты движения в защиту прав человека и иностранные дипломаты выразили свою радость при виде унижения Америки*.

И все же это вовсе не означает, что последнее слово останется за сторонниками идеи международного суда. Фундаментальная проблема никуда не исчезает: в мире нет такого средства принуждения, которое смогло бы преодолеть противодействие суверенных государств, не говоря уже о сверхдержавах, решениям суда. Более того, отсутствие инструментов невозможно преодолеть с помощью еще одной грандиозной конференции, на которой верховодят сторонники глобального управления, и создания новых международных институтов. Отсутствие глобальной полиции и глобальных армий лишь отражает тот факт, что подобные структуры не вписываются в систему демократической законности. Глобального правительства *не* существует потому, что *нет* глобального «государства» нет глобальной политической индивидуальности, нет глобального общественного мнения. Таким образом, реализовать пожелания Генерального секретаря ООН (без всякого сомнения, искренние) можно только в одном случае: как ни парадоксально, для этого нужно подавить демократические инстинкты, не поддаваться демократическому давлению и полностью лишить демократию реального смысла.

Третья причина, по которой международный уголовный суд не может принести ничего, кроме проблем, заключается в том, что с увеличением своей эффективности он будет ограничивать возможности вмешательства Запада в чьихлибо дела. Администрация Клинтона до

Унижение Америки со стороны тех, кто считает себя представителями «международного сообщества)), на этом не закончилось. В мае 2001 г. США по числу набранных голосов не прошли в Комиссию ООН по правам человека. Зато там теперь представлены Пакистан (с его военным правительством), Судан (с его исламистским режимом, который ведет гражданскую войну, направленную на геноцид), и СьерраЛеоне (полигон для ужасающих злоупотреблений). Прощай концепция ООН по правам человека!

пустила в дискуссии серьезный промах: она сначала поддержала принцип, а затем выступила против практики. Иными словами, расхвалив достоинства международного правосудия, США испугались — в какойто мере изза своевременного предупреждения сенатора Джесси Хелмса — и попытались ограничить возможности судебного преследования американских военнослужащих. Делегация США стала добиваться включения условия, предусматривающего обращение к Совету Безопасности ООН до того, как суд сможет приступить к расследованию конкретного конфликта. Это позволило бы Америке воспользоваться правом вето, хотя, надо думать, давление на нее в любом случае было бы значительным. Так или иначе, но другие делегации в Риме не были готовы принять такое условие. Таким образом, Америка оказалась в изоляции*.

Подобное развитие событий чрезвычайно опасно. Любое более или менее серьезное международное вмешательство обречено на неудачу без прямого или косвенного участия США. Однако если американским политикам, официальным представителям или военнослужащим будет грозить арест или судебное преследование, Соединенные Штаты вряд ли захотят участвовать в операциях по предотвращению агрессии или геноцида. Поэтому деятельность суда может привести к тому, что число (пользуясь словами Генерального секретаря ООН) «невинных жертв далеких войн и конфликтов», находящихся под защитой правосудия, уменьшится, а не возрастет.

Что действительно удивляет, так это позиция Великобритании, которая находится в авангарде всего этого. Учитывая антиамериканский уклон суда и то, что Соединенные Штаты по прежнему внушают страх своим противникам, действия последних, по крайней мере в первый момент, скорее всего, будут направлены против государства, которое считается ближайшим союзником Америки. В числе первых здесь стоит Израиль, поскольку израильтяне полностью сознают смысл происходящего и, следовательно, противятся созданию суда. Однако на втором месте находится Великобритания. Робин Кук, находившийся в тот момент на посту министра иностранных дел Великобритании, отнесся к подобным разговорам крайне легкомысленно. «Этот суд, — заявил он в программе Бибиси «Ньюснайт» —

* К моменту написания этого раздела 36 стран ратифицировали римский Статут Международного уголовного суда. Для того чтобы суд смог начать работать, Статут должен быть ратифицирован 60 странами.

создается не для того, чтобы расследовать деятельность премьерминистров Соединенного Королевства или президентов Соединенных Штатов»*. Он, без сомнения, сделал бы исключение и для министров иностранных дел.

Такая самоуверенность, однако, может выйти гну Куку боком. Статья VIII, например, среди «военных преступлений» подпадающих под юрисдикцию суда, называет «агрессивные действия в отношении гражданского населения» и «агрессивные действия в отношении гражданских объектов». На месте гна Клинтона, Блэра, их советников и подчиненных я бы не поручилась за то, что *ни одно* из действий, предпринятых в ходе военных операций против Саддами Хусейна, Слободана Милошевича или Усамы бен Ладена, не дает повода для обвинений по вышеназванным основаниям. Поскольку, на мой взгляд, действия Запада против всех этих преступников полностью оправданны, меня очень тревожит возможность судебных интриг**.

И последнее, почему я возражаю против создания международного уголовного суда, заключается в том, что он — всего лишь новейшее, хотя и очень яркое, проявление старой моды на интернационализацию правосудия на основе так называемого «обычного международного права» неизбежно ведущего к несправедливости. Задумаемся над тем, что произошло за последние годы. Джереми Рабкин замечает по этому поводу:

> Освобожденному от традиционных якорей международному праву больше не нужна реальная практика… Международный закон о правах человека является продуктом не судебной практики, а международной конференции. Для его принятия достаточно лишь абстрактного провозглашения. К тому же это не обязательно должен делать высший государственный орган. Просто берутся высказывания дипломатов на конференциях, которые кажутся весомыми, затем они препарируются толкователями так, чтобы придать им еще больший вес... Быстро вырастает

* The Times, 26 September 2000.

** После 11 сентября частенько можно слышать, что террор, развязанный бен Ладеном, является дополнительным аргументом в пользу создания международного уголовного суда. Это совершенно не так. Преступления были совершены на территории США и направлены главным образом против американских граждан. Если кто и должен здесь возбуждать уголовные дела, так это американские суды. В любом случае нет оснований полагать, что талибы выдадут бен Ладена и его приспешников международному суду.

словесная конструкция, которую начинают считать элементом «обычного международного законодательства»*.

Таким способом невозможно создать какойлибо закон. Это прямая дорога к недоразумениям, это неограниченные возможности для трактовки и необъективности. Именно это нам и принесет Международный уголовный суд, если мы не откажемся от идеи его создания. Тому, кто считает, что я преувеличиваю, рекомендую поразмыслить над делом сенатора Аугусто Пиночета Угарте, которому я отдала массу времени и сил на протяжении более чем пятисот дней, пока тот находился под арестом в Великобритании.

ДЕЛО ПРОТИВ ПИНОЧЕТА

Наша первая встреча с генералом Пиночетом произошла уже после того, как он оставил пост президента Чили, однако косвенно мы стали соприкасаться задолго до этого, еще в 1982 году во время Фолклендской войны. Тогда Чили предоставляли нам жизненно важную помощь, без которой, я уверена, наши потери были бы значительно серьезнее.

Наибольшее значение имела разведывательная информация. Чилийские ВВС обеспечивали нам раннее предупреждение о воздушных налетах ВВС Аргентины. Лишь позже я узнала об одной печальной детали. Незадолго до окончания конфликта чилийскую радиолокационную станцию дальнего обнаружения пришлось отключить на сутки для технического обслуживания, все сроки которого давно прошли. Последствия были трагическими. В тот же день, во вторник 8 июня, аргентинские ВВС успешно атаковали и уничтожили десантные корабли *Sir Galahad u Sir Tristram,* что привело к тяжелым потерям.

Помощь британской армии осуществлялась по секретному распоряжению президента Пиночета. Конечно, чилийцы делали это не просто изза традиционной симпатии к Великобритании, которая, надо заметить, действительно существовала и продолжает существовать. Аргентина, более сильный сосед Чили, в то время угрожала и им, поэтому в случае победы Великобритании выигрывала и чилийская военная хунта. Принимая решение об оказании помощи, президент Пи

* Jeremy Rabkin, Why Sovereignty (Washington DC: America Enterprise Institute, 1998), p. 55.

ночет, однако, сильно рисковал: в конце концов, мы ведь могли и проиграть войну.

Моя признательность чилийскому президенту и стране в целом, несомненно, повлияла на мое поведение впоследствии, когда экспрезидент Пиночет оказался в сложном положении. Мною, однако, двигали не только эмоции. В интересах страны необходимо сохранять верность своим союзникам. Государства в этом отношении очень похожи на людей. Если у вас репутация человека, который рассчитывает на доброжелательное отношение других, но не отвечает на него взаимностью, то доброжелательность иссякает. Держава средней величины с глобальными интересами, такая как Великобритания, особенно нуждается в добром отношении со стороны союзников в каждом регионе. Неопределенность намерений Аргентины в отношении Фолклендских островов, сохранявшаяся длительное время, наглядно подтверждает этот факт.

Пожалуй, стоит развеять еще одно заблуждение насчет моего отношения к сенатору (каковым он является в настоящий момент) Пиночету. Иногда говорят, что я отношусь безразлично к нарушениям прав человека, в которых обвиняют Пиночета, и поддерживаю его просто потому, что он много сделал для Великобритании во время Фолклендской войны. Не знаю, как бы я себя чувствовала, если бы считала, что он виноват в многочисленных преступлениях. На мой взгляд, его арест был ошибкой изза того, как он был осуществлен, изза того, как это сказалось на Великобритании и Чили, изза того, что мы получили опасный прецедент. Так или иначе, меня никогда не мучила проблема выбора, поскольку, с одной стороны, я не уверена во всех обвинениях, а с другой — убеждена в том, что в результате действий генерала Пиночета Чили превратилась в ту свободную и процветающую страну, которую мы видим сегодня.

В рамках этой книги нет места для углубленного изучения деталей того, что происходило в Чили в 70х и 80х годах. Однако я вполне могу привести основные моменты из моего выступления на закрытой конференции Консервативной партии в Блэкпуле в среду 6 октября 1999 года. Суть обвинений в адрес генерала Пиночета я тогда выразила одной фразой: «Левые никак не могут простить Пиночету того, что он, совершенно определенно, спас Чили и помог спасти Южную Америку».

Кроме того, я попыталась беспристрастно проанализировать свидетельские показания, с тем чтобы создать по возможности более или

менее связную картину — к моменту моего выступления я изучила множество деталей. Как открыто признал сам генерал Пиночет, во время военного переворота в сентябре 1973 года действительно имели место жестокости. Они случались и впоследствии. Мера ответственности за случившееся все же может быть установлена лишь в Чили, а не в Великобритании. Хотя Пиночет (с другими членами военной хунты) и находился во главе политического руководства, существует большая разница между политической и уголовной ответственностью, на которую просто не обращают внимания. Глава правительства должен нести значительную долю политической ответственности за все, что бы ни случилось, пока он находится у власти. Но это вовсе не означает, что он должен нести и *уголовную* ответственность за все, что делается с его санкции или без таковой, с его ведома или нет. Противоположная позиция, подчеркнула я в Блэкпуле, предполагает, что нынешний британский премьерминистр и министр внутренних дел должны нести уголовную ответственность за происходящее в тюрьмах и полицейских участках всего Соединенного Королевства и при необходимости могут быть выданы Испании, где будут держать за это ответ.

На самом деле, несмотря на наличие судебных атрибутов, процесс против сенатора Пиночета в Великобритании был политическим. Именно поэтому он требовал, как минимум отчасти, политического ответа. Я напомнила присутствующим о реальных и удивительных достижениях правительства Пиночета, которое превратило Чили из страны хаотичного коллективизма в образцовое для Латинской Америки экономически развитое государство с приличным жильем для граждан, хорошим медицинским обслуживанием, низкой детской смертностью, растущей продолжительностью жизни и эффективными программами борьбы с бедностью. В качестве противовеса разговорам о «диктатуре» Пиночета я привела тот факт, что именно он ввел конституцию, обеспечившую возврат демократии; именно он провел референдум по вопросу своего дальнейшего пребывания у власти; именно он, чутьчуть уступив по количеству набранных голосов, с уважением отнесся к результату и передал власть избранному преемнику*.

* Президент Пиночет получил 43% голосов на референдуме. Это выглядит не так уж и плохо на фоне 44,4% голосов, полученных Лейбористской партией под руководством Тони Блэра на всеобщих выборах в мае 1997 г., и 40,7% голосов, полученных в 2001 г.

Эти доводы в пользу положительной оценки деятельности президента Пиночета я считаю убедительными. Не менее убедительны и доводы, лежащие в основе отрицательной оценки отношения к нему в Великобритании с политической и юридической точек зрения. Из наиболее заметных моментов этого исключительного и позорного дела, моментов, которые имеют зловещий смысл для будущего, я приведу следующие:

1. Сенатор Пиночет прибыл в Великобританию по дипломатическому паспорту как специальный представитель своей страны.
2. Никто вплоть до момента ареста в лондонской клинике около полуночи в пятницу 16 октября 1998 года ни словом не обмолвился о той опасности, которая ему грозила; более того, Министерство иностранных дел сознательно ввело чилийское посольство в заблуждение насчет предстоящего ареста.
3. Ордер, по которому арестовали сенатора Пиночета, был, как позднее подтвердил суд, незаконным. По этому ордеру его незаконно держали под арестом шесть дней.
4. Британская служба уголовного преследования тем временем сотрудничала с испанской прокуратурой, которая выдала первый ордер на арест, с тем чтобы получить новый.
5. Испанская прокуратура первоначально выдвинула настолько абсурдное обвинение против сенатора Пиночета, что от него пришлось быстро отказаться. Пиночета, в частности, обвинили в «геноциде».
6. Британский окружной суд единодушно определил, что сенатор, как бывший руководитель государства, пользуется иммунитетом. Однако при рассмотрении апелляции лордысудьи подавляющим числом голосов постановили, что у него нет никакого иммунитета. Когда один из этих судей не смог подтвердить отсутствие своей заинтересованности в исходе дела, впервые в истории решение лордов было аннулировано. Во время повторного рассмотрения дела лордысудьи пришли к совершенно другому выводу: они решили, что у сенатора Пиночета действительно был иммунитет, но только до момента принятия Великобританией в 1988 году Конвенции по предупреждению пыток.

7. Это решение, наделившее Конвенцию новым качеством, которого прежде у нее не было, а именно правом отменять суверенный

иммунитет, оставило лишь одно из выдвинутых против сенатора Пиночета обвинений, приемлемое для британской прокуратуры, — нет, не применение пыток (как можно было подумать), а жестокость со стороны полиции.

8. Чтобы не останавливаться на полпути, испанская прокуратура почти сразу же отправила в Великобританию факсом дополнительные обвинения, предоставленные «правозащитными» организациями, изучать которые в деталях у Пиночета не было ни времени, ни желания.
9. Ни на одном этапе судопроизводства британские суды не рассматривали свидетельские показания и не предоставляли слова сенатору Пиночету, поскольку в соответствии с положениями Закона об экстрадиции 1989 года, который был введен в британское законодательство на основании Европейской конвенции по экстрадиции, слушание дела могло проводиться только в Испании.
10. Вероятность беспристрастного рассмотрения дела сенатора в Испании была минимальной, в немалой мере иза того, что многим из тех, кто мог свидетельствовать в его пользу, на территории Испании грозил арест. После принятия лордами судьями решения от 24 марта 1999 года ни одно из обвинений, по которым сенатор Пиночет подлежал экстрадиции в Испанию, не было связано с испанцами. Все вменяемые ему преступления совершались чилийцами против чилийцев на территории Чили. Тем не менее испанский суд настаивал на «подведомственности)) ему этих правонарушений.

Как известно, в результате напряжения, обусловленного арестом, состояние здоровья Пиночета ухудшилось. Накануне ареста он побывал в гостях у меня дома. Позже я два раза навещала его в небольшом арендованном доме в поместье Уэнтуорт неподалеку от Лондона. Пиночет находился под усиленной охраной, и первое время ему даже не разрешалось выходить на лужайку перед домом. Поэтому я могу с полным основанием говорить о том, как отразилось на нем это испытание.

Должна также отметить, что никогда раньше я не видела его таким ожесточенным. Он обвинял во всем лейбористское правительство Великобритании, однако неизменно добавлял, что о государстве нельзя судить по его политикам. Его поведение было очень достойным.

Поскольку сенатор Пиночет по состоянию здоровья не мог предстать перед судом, ему в конце концов позволили вернуться в Чили. Когда

чилийский самолет уже стоял на взлетной полосе, я привезла Пиночету в подарок серебряное блюдо с изображением разгрома испанской армады. Понятно, что чилийцы намного лучше знают собственную историю сражений с Испанией, чем нашу, поэтому я приложила к подарку записку с пояснением. В ней было написано следующее:

> Надеюсь, что к тому моменту, когда Вы будете читать это письмо, Ваш самолет будет уже на пути к Чили. Ваш арест в Великобритании — величайшая несправедливость, которая никогда не должна была случиться. С Вашим возвращением в Чили попытки Испании вернуться к судебному колониализму получат решительный и, уверена, окончательный отпор. В ознаменование этого посылаю Вам серебряное блюдо с изображением разгрома испанской армады. Такие блюда стали делать в Англии в честь другой победы над Испанией — победы нашего флота над испанской армадой в 1588 году. Не сомневаюсь, что Вы оцените этот символ по достоинству!

Меня позабавило то, что испанцы, которые все еще страдают от комплекса неполноценности по поводу армады, пришли в ярость от моего подарка, а министра иностранных дел Испании чуть не хватил удар. Я, очевидно, попала в точку.

В Чили сенатор Пиночет еще какоето время подвергался, на мой взгляд, больше политическому, чем судебному преследованию, хотя я и не могу судить об истинном положении вещей. Надеюсь, здравый смысл и сострадание к настоящему моменту взяли верх. Несмотря на темные стороны тех лет, чилийцы должны благодарить сенатора Пиночета за многое. И мне кажется, что большинство из них знает об этом.

Активисты движения в защиту прав человека и политики левого толка правы в одном: дело против Пиночета будет иметь очень широкие последствия. Первые его результаты уже видны. Достаточно посмотреть на то, как участились попытки использовать механизм международного правосудия для создания угроз или помех действующим и бывшим государственным деятелям*.

Бельгия со своими притязаниями на всеобщую юрисдикцию фактически не смогла даже вызвать в международный суд действующего государственного деятеля, против которого могли быть выдвинуты обвинения. В июле 2001 г. Ариэль Шарон, премьерминистр Израиля, отменил визит в Брюссель, после того как находящаяся там группа палестинцев подала на него в суд за совершение военных преступлений *(* 2001).

Мы фактически вошли в эру ниспровержения того базиса, на основе которого национальные государства традиционно вели свои дела. Постоянным нападкам на концепцию суверенного иммунитета может радоваться лишь тот, кто уверен, что никогда не окажется на месте высших должных лиц государства и ему не придется исполнять приказы государства в критической ситуации. Лидерам групп поддержки следовало бы запомнить, что по сути своей суверенный иммунитет направлен не на то, чтобы защищать государственных деятелей, совершивших серьезные преступления; он ограждает тех, кто санкционирует или осуществляет спорные действия, от политически инспирированных обвинений в судах недружественных иностранных государств. В результате отмены или ослабления такого иммунитета руководители станут с большой неохотой идти на трудные решения, особенно те, которые вызывают ярость организованного международного левого движения. Конвенция по предупреждению пыток, положения которой были истолкованы государственными обвинителями и судьями таким образом, чтобы они позволили арестовать сенатора Пиночета, может быть с успехом использована и во многих других случаях. В 1999 году организация «Международная амнистия» заявила, например, что пытки или жестокости со стороны служб безопасности, полиции и других органов государства отмечались в 132 странах, включая Францию, Испанию и Бельгию*.

Не меньше беспокоит и то, что дело против Пиночета продемонстрировало, насколько беспринципными становятся судебные и политические структуры при появлении возможности использовать международное право в своих целях. Конечно, эти люди видят себя совсем в ином свете. Они полагают, что борются за улучшение мира. Именно это и делает их столь опасными. Энтузиасты левого толка легко отказываются от осуществления надлежащих процедур и от базовых понятий справедливости, когда считают, что это сойдет им с рук. С их точки зрения, результат всегда оправдывает средства. Так действовали их предшественники, которые создали Гулаг.

Нам нужно действовать срочно, если мы не хотим допустить полного разрушения того, что традиционно считалось законностью. Мы должны доказывать, начиная с самых основ, преимущество национального правосудия перед международным.

* (*Daily Telegraph*, 3 July 2001).

В Великобритании нам необходимо сделать следующее:

- **изменить закон об экстрадиции таким образом, чтобы, используя слова американской конституции, «полное доверие и уважение» не распространялось автоматически на запросы судов таких стран (как, например, Испания в случае с делом против сенатора Пиночета), где беспристрастное разбирательство не может быть гарантировано*;**
- **тщательно продумать и принять закон о суверенном иммунитете и исходить из него, а не из решения судей, опирающихся на туманное обычное международное право;**
- **в свете судебных решений о применении Конвенции по предупреждению пыток выяснить, какие еще международные конвенции могут создавать неприемлемые риски в процессе ведения наших дел.**

Соединенным Штатам я бы настоятельно рекомендовала:

- **полностью отказаться от взаимоотношений с Международным уголовным судом и оказать максимальное давление на остальных, с тем чтобы и они поступили так же;**
- **использовать все свое влияние, для того чтобы не допустить новых попыток урезать суверенный иммунитет или распространить всеобщую юрисдикцию на вопросы, которые должны решаться демократическим путем и национальными судами.**

ЕВРОПА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Думаю, не стоит удивляться тому, что в значительной мере дело Пиночета обязано своими осложнениями Европе, а конкретнее — Европейской конвенции об экстрадиции. Я занимала пост премьерминистра, когда был принят Закон об экстрадиции 1989 года. Его принятие должно было позволить Великобритании ратифицировать Конвенцию. Это предполагало отказ от положения, в соответствии с которым государство, обратившееся с просьбой об экстрадиции, должно было предоставить «достаточные доказательства» т. е. предъявить улики, минимально необходимые для возбуждения дела против подозреваемого,

* В случаях терроризма я все же облегчила бы экстрадицию и депортацию См. также стр. 309-310.

если бы вменяемое ему преступление было совершено в Соединенном Королевстве. Пойти на такое решение пришлось под давлением со стороны других европейских государств, которым, как утверждалось, добиваться экстрадиции мешали технические сложности соблюдения правила «достаточных доказательств» а это, в свою очередь, означало, что и мы не могли рассчитывать на их сотрудничество в случае обращения с просьбой о выдаче подозреваемых британскому правосудию. Как я уже отмечала, сегодня совершенно ясно: надеяться на то, что суды всех европейских стран примут наши стандарты, было ошибкой.

Вместе с тем нужно учитывать не только европейский аспект. Европейская конвенция об экстрадиции 1957 года была инициативой Совета Европы, а не Европейского союза. Поэтому вместо «еще более сплоченного союза» как сказано в Римского договоре, в преамбуле Конвенции мы находим гораздо менее амбициозную задачу «усиления единства между членами [Совета]». Так или иначе, сегодня институты и Совета Европы, и Европейского союза имеют в значительной мере схожую повестку дня, а это — наступление наднационализма на национальный суверенитет. Как следствие, есть все основания связать в одно целое две последние «европейский» инициативы, которые выдвинуло нынешнее британское правительство.

Первая — это включение положений Европейской конвенции о защите прав человека в британское законодательство через принятие Закона о правах человека. Европейская конвенция о защите прав человека 1950 года обязывала государства континентальной Европы уважать права человека, что в Соединенных Штатах и Великобритании считалось само собой разумеющимся на протяжении столетий. Этот факт, о котором британские политики в то время и впоследствии дипломатично умалчивали, обязательно следует учитывать при анализе воздействия Европейской конвенции о защите прав человека на британское законодательство. Некое новое фундаментальное декларирование прав понадобилось лишь потому, что закрепленные на бумаге конституции европейских стран оказались неспособными гарантировать свободы личности столь же эффективно, как и неписаная конституция Соединенного Королевства. В том, что Великобритания решила включить Европейскую конвенцию о защите прав человека в свое национальное законодательство и, таким образом, впервые дать нам нечто, равносильное писаной конституции, видится глубокая ирония. Кроме того, это свидетельствует о путанице в мыслях.

И в Соединенных Штатах, и в государствах материковой Европы писаные конституции обладают одним серьезным недостатком. Они оставляют возможность судьям принимать решения, которые в норме должны приниматься демократически избранными политиками. Как минимум, это ведет к неопределенности границ действия законодательства. В худшем варианте это может привести к тому, что судьи начнут выполнять функции верховной власти. При этом политизация правосудия становится почти неизбежной. В конце концов политики, как, например, в Соединенных Штатах, добиваются права утверждать или отвергать кандидатуры судей, которые обладают столь огромной властью. Действительно, как только политизация правосудия достигнет определенного уровня, появляется необходимость политического утверждения, которое в определенной мере возвращает власть обратно в руки представителей народа. Поскольку я предпочитаю традиционную британскую процедуру назначения судей вместе с традиционными ограничениями судебной власти, на мой взгляд, включение Европейской конвенции о защите прав человека в наше законодательство окажется серьезной ошибкой.
Нельзя сбрасывать со счетов и собственные недостатки Конвенции. Утверждение о том, что сам подход континентальных европейцев к правам и законам кардинально отличается от нашего, — вовсе не урапатриотизм. В процессе развития свободы в Великобритании на возможности правительства использовать принуждение были наложены четкие ограничения: мы можем делать все, что прямо не запрещено законом. В европейском же понимании под правами обычно подразумеваются так называемые «реальные» права, гарантированные государством.

Европейские судьи также намного более склонны к широкому толкованию законодательных актов и выводам, которые идут вразрез с намерениями законодателей и тех, кто их выбрал. В последние годы — т. е. еще до изменения британского законодательства — Европейский суд по правам человека (который слушает дела о нарушениях Конвенции) нередко принимал такие решения, которые с точки зрения многих в Великобритании были невразумительными или просто неправильными. Например, в 1995 году суд постановил, что британские специальные подразделения в 1988 году (когда я была премьерминистром) нарушили права террористов из ИРА, так как те были убиты до того, как успели совершить задуманный ими террористический акт в Гибралтаре.

В 1996 году суд решил, что министр внутренних дел, наделенный властью парламентским актом, не имеет права определять, как долго несовершеннолетние преступники, задержанные «до тех пор, пока будет угодно Ее Величеству»*, могут содержаться в тюрьме. В 1999 году суд вынес постановление против давнего запрета на службу гомосексуалистов в вооруженных силах. А в мае 2000 года он обязал Великобританию выплатить по 10 тысяч фунтов стерлингов семьям десяти террористов из ИРА, убитых силами безопасности в Северной Ирландии.

Включение Европейской конвенции о защите прав человека в законодательство Великобритании приведет к тому, что подобный непредсказуемый активизм будет поощряться и в британских судах. Несмотря на отрицание того, что Закон о правах человека подрывает парламентскую независимость, на деле именно так оно и будет. Суды получат право издавать «заявления о несоответствию» в тех случаях, когда они усмотрят противоречие закона Европейской конвенции о защите прав человека. Теоретически законодательство остается таким же, как и прежде; однако на практике «ускоренная» процедура, дающая правительству возможность вносить поправки без предварительного обсуждения их правомерности, позволит очень быстро модифицировать законы. Вряд ли какое правительство, не говоря уже о нынешнем британском, откажется от возможности привести таким образом закон в соответствие с постановлением суда.

Изменения, вероятнее всего, затронут самые разные сферы. Порядок задержания и обыска подозреваемых полицией, правила освобождения изпод ареста под залог, процедуры вынесения пожизненных приговоров, условия содержания в тюрьмах, деятельность военных трибуналов и воинская дисциплина — наиболее очевидные их объекты. Но дестабилизирующее влияние попыток применения новых норм может оказаться еще серьезнее. Школы, больницы и охранные компании уже забеспокоились о возможном влиянии на них новшеств. Оправданны ли подобные опасения? Это выяснится очень скоро. Однако, принимая во внимание сочетание общей направленности судебного вмешательства, растущего сутяжничества и чрезвычайно сильного лоббирования со стороны влиятельных неправительственных организаций, причины для беспокойства более чем оправданны.

* Формула английского уголовного права, применяемая при назначении судом бессрочного лишения свободы. — *Прим. пер.*

Срочный анализ состояния национальной безопасности, проведенный после атаки террористов на Америку 11 сентября, высветил, или, что, пожалуй, точнее, более четко обозначил другую проблему, связанную с Европейской конвенцией и Законом о правах человека. Существующий в Великобритании порядок чрезвычайно осложнил экстрадицию или депортацию предполагаемых террористов, особенно в Америку. А скандальное злоупотребление процедурами предоставления убежища сделало почти невозможной проверку лиц, приехавших в страну. Это вполне может послужить прикрытием для опасных личностей, деятельность которых направлена против наших интересов или интересов наших союзников*.

Справедливости ради следует отметить, что на тему о том, как исправить положение, ведется немало дискуссий. Однако все без исключения законодательные инициативы в той или иной мере наталкиваются на суды — либо британские, либо на Европейский суд по правам человека. В целом необходимо восстановить базовый принцип, в соответствии с которым правительство наделяется полномочиями, позволяющими быстро принимать соответствующие меры, когда национальная безопасность оказывается под угрозой. Как минимум, положения Закона о правах человека не должны распространяться на те случаи задержания, депортации и предоставления убежища, которые затрагивают национальные интересы**.

Словно решив, что неопределенностей, связанных с Европейской конвенцией и Законом о правах человека, недостаточно, Европейский союз ввел еще один, пока еще туманный, элемент в виде так называемой Хартии фундаментальных прав. Думается, даже у преданного евроэнтузиаста возникает вопрос, зачем это Европейскому союзу с Европейским су

* О масштабах злоупотреблений в процедуре предоставления убежища свидетельствуют, в частности, два показателя. Вопервых, после окончания «холодной войны», т. е. с того момента, когда большая часть мира освободилась от тирании коммунизма, число тех, кто ищет убежища в Великобритании, примерно утроилось. Вовторых, в то время как во Франции убежище предоставляется лишь 5% потенциальных беженцев из Алжира, Великобритания удовлетворяет 80% обращений.

Мартин Хау в своем исследовании, посвященном этим проблемам, отмечает, что Статья 57 Европейской конвенции о защите прав человека разрешает государствам вводить «оговорки» об исключении конкретных законов из перечня подпадающих под действие Конвенции (Martin Howe, Tackling Terrorism: The human Rights Convention and the Enemy Within, London: Politeia, 2001). Это предполагает возможность выхода из нее с последующим повторным присоединением. Однако в любом случае есть веские основания для простого выхода из Конвенции, как я покажу несколько позже.

дом (в Люксембурге) понадобилось дублировать Европейскую конвенцию и Европейский суд по правам человека (в Страсбурге).

Британское правительство заявило, что Хартия — чисто декларативный документ. Один из министров даже предположил, что «люди будут брать его с собой в Европейский суд, как берут журнал Beano или газету Sun»*. Однако становится не до шуток, когда на фоне того, что произошло во взаимоотношениях Великобритании и Европы за последние годы, начинаешь задумываться, не превратятся ли подобные инициативы в вехи на пути создания европейского сверх государства. Вряд ли те, кто проталкивает Хартию, особенно французы, стали бы тратить на нее столько времени и сил, если бы она была лишь элементом возвышенной риторики. Их целью, до полной реализации которой может пройти несколько лет, является превращение Хартии в Конституцию Европы**.

Помимо прочего, чем, собственно, и объясняется заинтересованность наших французских друзей, такая Конституция должна под прикрытием обеспечения «социальных прав» лишить Великобританию всех преимуществ, которые ей дает более свободный рынок, менее жесткое государственное регулирование и более низкий уровень государственных расходов. Стоит лишь назвать некоторые из этих прав и немного поразмыслить над тем, как их могут интерпретировать сторонники экспансии и активисты Европейского суда, чтобы понять, к чему это может привести.

Каждый имеет право на работу в условиях, которые обеспечивают охрану его здоровья, безопасность и уважение достоинства (Статья 31).

Кто, спрашивается, будет определять, какие рабочие условия обеспечивают «уважение достоинства»?

> Для молодых людей условия работы должны устанавливаться в соответствии с их возрастом, они должны быть защищены от экономической эксплуатации и любой работы, которая может... помешать получению образования (Статья 32).

* Кит Ваз, занимал в то время пост министра по европейским делам в Министерстве иностранных дел; член парламента от Лейбористской партии с 1987 г. Beano — популярный в Великобритании юмористический журнал. Sun — одна из самых популярных британских бульварных газет.

** Лионель Жоспен, премьерминистр Франции, публично подтвердил приверженность страны «европейской конституции, стержнем которой является Хартия». Выступление в Париже 28 мая 2001 г.

Кто определит, что конкретно понимается под «эксплуатацией»? Кроме того, совмещение работы и образования всегда, в любом возрасте требует определенного компромисса.

> Политика и деятельность профсоюзов должны обеспечивать высокий уровень охраны здоровья человека (Статья 35).

Что значит «высокий»?

> Политика профсоюзов должна обеспечивать высокий уровень защиты потребителя (Статья 38).

Опять, что значит «высокий»?

Действительно, можно просто читать текст Хартии фундаментальных прав Европейского союза и искренне восторгаться каждой ее статьей. Однако опыт подсказывает, что за общими фразами кроются определенные цель и философия. Цель заключается в подчинении суверенных государств, демократических процедур принятия решения и национального законодательства международным институтам и группам давления. А в философии, прикрывающейся зонтиком «прав человека» явно угадываются традиционные левые взгляды, приспособленные к новым условиям. Этот факт настолько очевиден, что не видеть его могут лишь большие притворщики. Конечно, чтобы доказать чтолибо, недостаточно просто высказать мнение. С другой стороны, было бы чрезвычайно наивно не замечать того, что сегодняшние проповедники и проводники «прав человека» практически все без исключения принадлежат к определенному политическому лагерю.

Взять хотя бы такой факт. Вскоре после ареста Аугусто Пиночета, этой ненавистной для левых фигуры, испанский суд потребовал также выдачи международного ордера на арест героя левых, Фиделя Кастро, по обвинению в убийстве 51 европейца и американца (в том числе и пяти испанцев). Запрос был решительно отвергнут. Это при том, что число людей, ответственность за гибель которых лежит на Кастро, значительно превосходит число жертв, приписываемых Чилийской комиссией по установлению истины и примирению Пиночету: от 15 до 17 тысяч кубинцев были расстреляны по указанию Кастро, а еще тысячи погибли, пытаясь покинуть остров, тогда как за все время правления Пиночета погибло 2279 человек (включая служащих сил безопасности)*. Хотя

Данные по Кубе приведены в книге: Pascal Fontain, «Communism in Latin America», The Black Book Communism, p. 664.

у Кастро *в данный момент* и имеется возможность претендовать на суверенный иммунитет, он был вовсе не президентом, а лишь Выдающимся Революционным Лидером, когда совершались самые страшные злодеяния, что, несомненно, могло бы дать пищу для размышлений любому беспристрастному судье. Ну разве не символично, что именно представитель правых Пиночет, а вовсе не левых — Кастро — оказался на скамье подсудимых? В этом и заключается смысл всех сегодняшних «прав человека»

- **Консерваторы всего мира Должны начать контрнаступление против бригады Новых Левых, идущих под флагом прав человека, с той же энергией, с которой мы прежде боролись со Старыми Левыми.**

Что касается Великобритании, то здесь нам необходимо сделать следующее:

- **немедленно законодательно ограничить вредоносное воздействие Закона о правах человека;**
- **предоставить уведомление о намерении денонсировать Конвенцию через шесть месяцев, с тем чтобы лишить Европейский суд по правам человека возможности безответственно влиять на наше законодательство и демократические процедуры принятия решений;**
- **противодействовать любым попыткам навязать нам положения Хартии фундаментальных прав Европейского союза, хотя это, как я покажу ниже, должно осуществляться в контексте более серьезных изменений в отношениях Великобритании с Европейским союзом.**

Глава 8

Балканские войны

ДОВОДЫ В ПОЛЬЗУ ВМЕШАТЕЛЬСТВА

Говорят, Бисмарк однажды заметил: «Балканы не стоят жизни даже одного померанского гренадера» Мнение «железного канцлера» с тех пор приобрело немало приверженцев.

Сторонники «школы Бисмарка» полагают, что ни у Соединенных Штатов, ни у европейских стран нет существенных интересов в этом регионе, а следовательно, пусть местное население само разбирается со своими проблемами, или, что вернее, живет с ними. Для тех, кто поддерживает политику невмешательства ввиду отсутствия интересов, регион обычно представляется политическим болотом. История его видится в мрачных тонах. Лидеры кажутся иррациональными, а народы — откровенно невыносимыми. Нужно ли говорить, что в таких условиях обычные стратегические и моральные критерии просто неприменимы. Мы можем сетовать по поводу того, что происходит, однако так было всегда, так будет и впредь. Вот, в двух словах, взгляды, которые получили широкое распространение в средствах массовой информации в начале 90х годов, когда на Балканах начала проводиться политика геноцида.

Существует и другая точка зрения, которая распространена не менее широко, особенно сегодня, когда невмешательство стало выглядеть уже неприличным. В соответствии с ней Балканы — это лакмусовая

бумага, а значение происходящих там событий выходит далеко за пределы региона. Подобные взгляды особенно популярны у леволиберальных политиков. Эти люди убеждены, что прекратить порожденные национализмом войны и жестокости может, если говорить без обиняков, лишь отказ от национального суверенитета. Они полагают, что только международные органы — политические, военные и судебные — могут предложить приемлемые стандарты руководства. В том, как они стремятся превратить Балканский регион в своего рода квазипротекторат с участием НАТО, ООН и Европейского союза, видится их конечная цель — расширение выработанного там международного подхода и его использование во все возрастающей мере применительно к «глобальной деревне».

Я уже, надеюсь, достаточно ясно объяснила, почему, на мой взгляд, подобный утопический интернационализм не только нереален, но еще и вреден*. Задача государственных деятелей как в собственной стране, так и за рубежом заключается в том, чтобы, работая с человеческой натурой, пороками и т. д., пробуждать инстинкты и даже предрассудки, из которых можно извлечь пользу. Задача преобразования человечества и придания ему нового образа никогда ни перед кем не ставилась. На практике это означает, что попытка добиться абсолютной справедливости и прочного мира на Балканах может обернуться для Запада несоразмерным и неприемлемым отвлечением сил и ресурсов.

Проблема заключается в том, что первый, «бисмарковский», подход к региону был ужасной ошибкой в начале 90х годов. Реально политики полного невмешательства никогда не существовало. «Чистый» изоляционизм, пожалуй, был бы менее вреден, чем та политика, которая фактически проводилась. Запад, в конечном итоге, все же *вмешивался,* когда пытался не допустить развала старой Югославии и оказывал давление на тех, кто хотел выйти из нее. Западные государства в числе других поддержали эмбарго на поставки оружия, что дало агрессору ошеломляющее преимущество и фактически поощрило агрессию. Наконец, Запад неоднократно заставлял стороны заключать соглашения о прекращении огня (которые не выполнялись) и выдвигал угрозы (которые игнорировались). Поэтому политику Запада того времени правильнее было бы рассматривать как неэффективное вмешательство, а не как отмежевание.

* См. стр. 5760, 293298.

В любом случае крайне недальновидно подходить к национальному и стратегическому интересу без учета косвенных последствий кризиса, а не только прямых. Попустительствовать наглой агрессии, даже если ее прямые последствия кажутся ограниченными, всегда опасно изза того, что это создает прецедент. Вдвойне опасно, когда такая агрессия осуществляется в регионе, который находится в Европе, примыкает к границам стран НАТО да к тому же не отличается стабильностью.

Сейчас нередко забывают, сколько стран рисковали быть втянутыми в войны, развязанные Слободаном Милошевичем. Репрессии в отношении этнических венгров и других национальных групп в Воеводине грозили конфликтом с соседней Венгрией. Жестокости в отношении этнических албанцев в Косово вызывали негодование в соседней Албании и волнения среди албанского меньшинства в Македонии. Замыслы Сербии захватить или, как минимум, расчленить Македонию ставили это новое государство в череду тех, кому грозило уничтожение. А это, в свою очередь, не могло не затронуть старую союзницу Сербии — православную Грецию, которая всегда рассматривала Македонию с враждебностью хищника. Греция — не единственная страна НАТО, которая могла быть втянута в этот водоворот. Турция с ее историческими, культурными и религиозными связями с боснийскими мусульманами и почти двумя миллионами этнических боснийцев на ее территории испытывала справедливое возмущение происходящим в БосниеГерцеговине. Совершенно ясно, что конфликт, который способен втянуть в себя столько стран, в том числе и ближайших союзников Запада, не может не затрагивать наших собственных национальных интересов.

Есть и еще одна причина, по которой разумная стратегия на Балканах должна предусматривать дипломатическую жесткость, убедительную угрозу применения силы и, в случае обострения ситуации, эффективную военную акцию: это характер врага. Любая маломальски обоснованная оценка личности Слободана Милошевича, целей, которые он преследует, и средств, которыми он располагает, показывает, что его нужно было остановить и, что не менее важно, его *можно* остановить.

Цели, которые он вместе со своим окружением поставил, хорошо известны. Сербы, несмотря на то что могут быть предельно двуличными при ведении переговоров, не прочь грубовато, но довольно откровенно похвалиться своими замыслами. Мило Шевич в совершенно убийственной манере сделал это прямо накануне массовых этнических

чисток в Косово. Генерал Клаус Науманн, бывший председатель военного комитета НАТО, так передает содержание одного из разговоров.

Он [Милошевич] сказал нам: «Я решу проблему Косово раз и навсегда весной 1999 года».. Мы задали ему вопрос: «Как вы собираетесь сделать это, гн президент?»
«Мы поступим с ними так же, как с албанцами в Дренице в 1945 году»
Мы спросили его: Гн президент, нам неизвестно, что вы сделали с албанцами в 1945 году. Не могли бы вы пояснить?»
«Это очень просто. Мы собрали их и расстреляли», — прозвучало в ответ*.

Вторая часть оценки не менее важна. Сербская военная машина никогда не была такой сильной, какой ее хотели представить сами сербы и большинство международных наблюдателей. Ходит немало историй о том, как Тито с партизанами отвлекал на себя от 20 до 30 немецких дивизий во время Второй мировой войны**. Вместе с тем при проведении очевидной параллели из виду упускается тот немаловажный факт, что вооруженным силам Милошевича противостояли многочисленные и настроенные на решительную борьбу, хотя поначалу и хуже вооруженные отряды хорватов, боснийцев и косоваров. На этот раз именно сербы были оккупантами на территории других государств и находились в том же положении, что и в свое время немецкая армия. Вдобавок, югославская армия, которая, по некоторым оценкам, в начале конфликта была четвертой по численности в Европе, очень быстро стала страдать от дезертирства, упадка морального духа и потери огневой мощи в результате захвата вооружения или его уничтожения противником. Сербские полувоенные формирования, состоящие из так называемых «четников» на которые все больше опиралась регулярная армия, имели более сильную мотивацию, поскольку их питала примитивная ненависть к несербам. Однако они предпочитали насиловать и убивать гражданское население, а не сражаться с хорошо обученными профессиональными военными.

К этому я бы добавила еще одно соображение в поддержку необходимости проведения военной акции против Милошевича. Когда назре

* Fourteenth Report of the House of Communittee on Defence: The Lessons of Kosovo, 23 October 2000.
** Профессор Норман Стоун полностью развеял этот и другие мифы: Sunday Times, 16 August 1992.

вает угроза совершения ужасного злодеяния, а геноцид — именно такое злодеяние, Запад, в соответствии со своими моральными обязательствами, должен по возможности не допустить его или, если удастся, остановить. Это также может быть оправдано и с позиции широких национальных интересов. Но главное все же в том, что общество, где народ и политическое руководство перестают возмущаться при виде злодеяний такого масштаба, утрачивает человеческий облик. В некоторых случаях — а один из них, несомненно, Босния — наша совесть подсказывает нам, что положение, в котором оказались тысячи невинных мужчин, женщин и детей, не может продолжаться и не должно оставаться без внимания.

Подобные соображения — стратегические и моральные — вовсе не означают, что следует отказаться от критического подхода. Мягкость сердца не оправдывает размягчения мозга. Мы непременно должны оценивать, а если нужно и переоценивать с учетом ситуации, во что может обойтись для нас и наших вооруженных сил участие в конфликте. Сначала необходимо попытаться найти такие решения, которые не связаны с чрезмерным риском для наших людей, не забывая о том, что иногда осторожность не менее опасна, чем смелость. В случае военного вмешательства на Балканах, как, впрочем, и в других местах, мы должны продумать пути выхода из конфликта наряду с путями втягивания в него. Наконец, независимо от масштабов правонарушений, не стоит думать, что мы сможем исправить все и вся. Вместе с тем, я повторю, нам следует действовать предельно решительно и применять любую силу, которая потребуется для предотвращения, сдерживания или устранения зла.

ВУКОВАР

Для каждого из нас, особенно для политических лидеров, крайне важно хотя бы раз в жизни физически ощутить реальность зла. Мы знаем, по крайней мере должны знать, что зло существует. Но лишь когда мы можем увидеть его, прикоснуться к нему и почувствовать, чем оно пахнет, как это случилось во время моего визита в сентябре 1998 года в Вуковар, что в восточной части Хорватии, зло принимает реальный облик, который уже невозможно забыть.

Моему визиту в Хорватию той осенью предшествовала целая череда сложных переговоров. В 1993 году мне заочно было присвоено зва

ние почетного доктора Загребского университета за поддержку хорватов в их борьбе против коммунистического правления Белграда два года назад. Тогда мне пришлось отказаться от поездки в знак протеста против нападения хорватских экстремистов на мусульман в Боснии. На фоне одного из самых страшных эпизодов — резни в Ахмичи в апреле того года — мой визит мог быть воспринят Хорватией как свидетельство того, что мир не обратил внимания на подобное варварство. Хотя военные столкновения между двумя сторонами прекратились в следующем году, посещение страны выглядело неуместным вплоть до 1998 года.

В тот год территории хорватской Восточной Славонии окончательно (и мирно) воссоединились с Хорватией. Мне хотелось своими глазами увидеть ситуацию после ухода сербских оккупационных войск

и части сербского населения. Кроме того, после начала конфликта летом 1991 года Хорватия как новое демократическое государство, на мой взгляд, сильно нуждалась в поддержке, от Запада же до сих пор ей перепадали лишь жалкие крохи. Вот почему теперь я приняла приглашение президента Франьо Туджмана и правительства Хорватии.

Хорватия — абсолютно европейская страна, в некотором смысле даже в большей мере, чем Великобритания. Ее далматинское побережье по своей географии, истории и культуре является частью европейского Средиземноморья. В остальном же Хорватия — часть Центральной Европы. Хорваты, как и их соседи словенцы, с явным неудовольствием относятся к тому, что их считают представителями «балканских стран». (Если в дальнейшем я и буду использовать это понятие для обозначения всех стран бывшей Югославии, то лишь из соображений удобства.)

Дубровник, который мне также предстояло посетить в тот сентябрь, определенно самый красивый и достойный внимания среди далматинских городов. Именно поэтому варварские атаки югославской армии на этот город, следы которых я видела сама, так потрясли весь мир. Белград не мог придумать ничего глупее бомбардировки Дубровника. Она заставила международное мнение потребовать от руководителей западных стран жестких действий, да к тому же ускорила международное признание независимости Хорватии.

Думаю, для жителей Дубровника, в то время как они прятались в подвалах без воды и электричества, тот факт, что они попали в «новости», был слабым утешением. Однако те, кто оказался в Вуковаре, были лишены даже этого.

На старых фотографиях Вуковара, сделанных до того, как югославская армия и сербские полувоенные формирования разрушили его, можно увидеть очаровательный провинциальный город, центр которого выстроен в традиционном для Центральной Европы причудливом стиле эпохи Габсбургов. Через город протекает река, а местные жители в часы отдыха рыбачат и катаются на лодках.

По данным переписи населения, в 1991 году в Вуковаре проживало около 84 тысяч человек, 44% которых составляли этнические хорваты, 37% — этнические сербы, а оставшуюся часть — главным образом русские, словаки, венгры и украинцы. Иными словами, в нем можно было увидеть людей множества национальностей, которые жили вместе и ладили друг с другом, что опять же характерно для Центральной Европы.

Вуковар, который открылся моему взору, когда я подлетала к нему на вертолете днем в четверг 17 сентября 1998 года, представлял собой другую, пугающую картину. Разрушения потрясали тем, что были почти полными. Остатки остовов общественных зданий напоминали о мирной и достойной жизни, которая безвозвратно ушла. Небольшие приземистые частные дома, образующие ровные ряды, стояли без крыш, с выбитыми окнами, изрешеченными стенами и обугленными внутренностями. Вещи, валявшиеся тут и там среди груд мусора, усиливали ощущение насилия. Во многих зданиях неосторожно приблизившегося человека подстерегали миныловушки, земля вокруг также была нашпигована минами. Все без исключения церкви систематически подвергались артиллерийскому обстрелу. Там, где четники хотели оставить след, были намалеваны лозунги на кириллице. Некоторые дома, однако, имели вполне приличный и жилой вид. В этих домах раньше жили сербы, как, впрочем, живут и сейчас.

Не верьте, если вам скажут, что зло — это плод необдуманной вспыльчивости. Поезжайте в Вуковар. Вы увидите, что зло абсолютно хладнокровно.

Руины все же не дают полного представления о страданиях, которые принесла осада Вуковара, завершившаяся захватом города 19 ноября 1991 года. Не позволяет до конца прочувствовать их и вид больничных палат, где в ужасных условиях раненым и умирающим пытались помочь врачи и сестры, у которых день ото дня было все больше оснований опасаться за собственную жизнь. Пожалуй, лишь могилы говорят об истинном смысле произошедшего в Вуковаре, да и этой войны в целом.

От своего габсбургского прошлого хорваты унаследовали до определенной степени немецкую аккуратность. Поэтому статистика, касающаяся количества жертв, своей беспристрастной точностью напоминает отчет о научном эксперименте, осуществленном под международным контролем с целью опознания погибших перед перезахоронением. Эта статистика говорит, что был убит тысяча восемьсот пятьдесят один человек. Еще шестьсот семьдесят девять числятся пропавшими без вести (они, предположительно, также погибли). В Вуковаре и его окрестностях есть несколько массовых захоронений. В тот печальный осенний день я побывала на месте самого большого из них.

Самая большая из найденных могил примыкала к территории кладбища. Из параллельных траншей, выкопанных в красноватой глине,

было извлечено 938 трупов, которые предстояло перезахоронить. Возраст жертв колебался от шести месяцев до 104 лет от роду. Из тех, кого удалось опознать, 484 были хорватами, 38 — сербами, 28 — русскими, 11 — украинцами, а 16 — венграми.

Сотни людей, главным образом женщин, собрались у захоронения. Я зажгла свечу и поставила ее рядом с множеством других, символизировавших память о любимом человеке. Когда я, чтобы поговорить, подошла к женщинам, некоторые из которых были мне знакомы по встрече в моем лондонском офисе, они со слезами обступили меня. Многие показывали фотографии пропавших — словно в надежде на то, что кто-нибудь вроде меня может вернуть их живыми и невредимыми.

Могилу выкопали сербы, захоронив в ней трупы, собранные по всему захваченному городу. Однако на кукурузном поле недалеко от Овчара находилось нечто более зловещее. Там были обнаружены 260 пациентов из вуковарской больницы, которых боевики из сербских полувоенных формирований привезли на грузовиках, а затем после пыток расстреляли и сбросили в яму. К тому моменту, когда я туда попала, тела были перезахоронены в разных местах, а посередине раскисшего поля стоял крест. Я зажгла еще одну свечу у этого креста.

Думаю, стоит вспомнить историю захвата больницы, поскольку она ярко демонстрирует нам слабость международного сообщества. На следующий день после того, как защитники Вуковара согласились сдать город, но Международный Красный Крест и представители международного сообщества пока еще не прибыли на место, югославская армия заняла больничный комплекс. Пациентов начали вывозить оттуда, не дожидаясь международного надзора. Когда же вечером появились представители Красного Креста, их довольно грубо задержали сербские офицеры. Все это время пациентов под предлогом перевода в другую больницу тайно выводили через черный ход, где они попадали в руки четников.

Под конец мы на джипе отправились в другое место, где в то время велись раскопки. Работы велись в поле. Местечко называлось Сотин, — никогда не забуду этого названия. Не знаю, сколько людей нашли там свой конец. Те, кто занимался эксгумацией, прикрыли тела перед моим приездом, за что я им очень благодарна. Но на дальнем конце поля, где находился поросший ежевикой спуск к реке, лежали останки двух жертв. По всей видимости, сербы велели им бежать, а затем застрелили их как собак.

Я описываю увиденное мною в Вуковаре столь подробно прежде всего потому, что город требует восстановления и заселения, а этого не произойдет, если все тихо забудут о случившемся. Другая причина заключается в том, что три офицера югославской армии, обвиняемые в этих преступлениях, все еще находятся (в то время как я пишу эти строки) на свободе, а они должны предстать перед судом*.

Не буду утверждать, что Вуковар — единственный в своем роде: по всем отзывам, в Сребренице (Босния), с точки зрения масштабов уничтожения людей, было еще хуже. Я вовсе не хочу сказать, что хорваты совершенно невинны, — на некоторых из них лежит вся ответственность за события в Боснии в 1993 году. Однако в Вуковаре, как и в Сараево, мы видим лицо войны, которую вел и финансировал Белград. Жертвы имели разную национальность и религиозные убеждения. Преступники же были едины в фанатичной приверженности идее этнической чистоты, которой они добивались с помощью террора и насилия. Чтобы понять, откуда это пошло, нужно немного углубиться в прошлое Балканского региона.

Хронология ключевых событий на Балканах в 1987-2001 годах

1987 год

- Апрель — декабрь: Слободан Милошевич становится во главе Сербской коммунистической партии.

1989 год

- 27 февраля: югославские войска брошены на подавление волнений в Косово.
- 8 мая: Милошевич становится президентом Сербии.
- 28 июня: Милошевич выступает на массовом митинге сербов в Косовом Поле.

1991 год

- Май: начало хорватскосербского восстания.
- 25 июня: Словения и Хорватия провозглашают независимость.
- 27 июня: югославская армия вторгается в Словению.

* Это полковник (впоследствии он стал генералом) Миле Мркшич, капитан Мирослав Радич и майор Веселин Сливанчанин.

• 25 сентября: ООН налагает эмбарго на поставки оружия во все страны бывшей Югославии.
• 19 ноября: сдача Вуковара сербским войскам. **1992 год**

• 2 января: представитель ООН Сайрус Вэнс договаривается о прекращении огня в Хорватии.
• 15 января: Европейское сообщество признает Хорватию и Словению.
• 21 февраля: ООН направляет миротворческие силы в составе 14 тысяч человек в Хорватию.
• 29 февраля: БоснияГерцеговина провозглашает независимость. Боснийские сербы объявляют о создании отдельного государства.
• 5 апреля: боснийские сербы осаждают Сараево. **1993 год**

• 2 января: Сайрус Вэнс и Дэвид Оуэн представляют на Женевских мирных переговорах план разделения Боснии на 10 полуавтономных провинций.
• 22 февраля: ООН создает трибунал по военным преступлениям в бывшей Югославии.
• 6 мая: ООН объявляет шесть зон «безопасными» для боснийских мусульман: Сребреница, Жепа, Сараево, Бихач, Тузла и Горажде.
• 1516 мая: на референдуме боснийские сербы голосуют за создание независимого Боснийского сербского государства.

1994 год

• 5 февраля: 60 человек убито и 200 ранено в результате минометного обстрела Сараево.
• 18 марта: боснийское правительство и боснийские хорваты подписывают договор при посредничестве США.

13 мая: Пятисторонняя контактная группа объявляет о новом плане разделения Боснии.

• 20 июля: боснийские сербы отвергают мирный план.

21 ноября: НАТО наносит воздушный удар по сербскому аэродрому.

• 25 ноября: сербы незаконно задерживают 55 канадских миротворцев.

1995 год

• 1 мая: истекает соглашение о прекращении огня. Хорватия начинает наступление, с тем чтобы возвратить себе Западную Славонию (операция «Молния»).
• 26 мая: сербы захватывают заложников из числа миротворцев ООН. Всего захвачено 370 человек.
• 28 мая: сербы сбивают над Бихачем самолет с боснийским министром иностранных дел Ирфаном Любиянкичем. США, Великобритания и Франция посылают еще несколько тысяч военнослужащих в Боснию.
• 15 июня: сербы начинают обстрелы Сараево и других «безопасных» зон.
• 11 июля: сербы занимают «безопасную» зону в Сребренице.
• 1213 июля: тысячи мужчин мусульманского вероисповедания арестованы (позднее убиты), а 20 тысяч женщин, детей и стариков изгнаны в Тузлу.
• 25 июля: сербы захватывают Жепу. Трибунал по военным преступлениям обвиняет президента Боснийской Сербии Радована Караджича и генерала Ратко Младича в геноциде в Боснии. Лидер хорватских сербов Милан Мартич обвиняется в ракетном обстреле Загреба.
• 4 августа: Хорватия нападает на восставших сербов в Книне (Сербская Краина) и за четыре дня возвращает большую часть контролируемой сербами территории (операция «Шторм»).
• 28 августа: снаряд, выпущенный боснийскими сербами, убивает 37 человек на рынке в Сараево. ООН тайно выводит миротворцев из Горажде.
• 30 августа: НАТО наносит воздушные удары по артиллерийским позициям сербов вокруг Сараево. Сербы в ответ подвергают город обстрелу.
• 1 ноября: в Дейтоне, штат Огайо, начинаются переговоры по мирному урегулированию в Боснии.

• 21 ноября: подписывается Дейтонское соглашение. Пятьдесят один процент боснийской территории отходит МусульманскоХорватской Федерации, 49% — сербам.
• 22 ноября: Совет Безопасности ООН приостанавливает действие санкций против Сербии.
• 23 ноября: Караджич принимает план мирного урегулирования.
• 30 ноября: ООН голосует за прекращение миротворческой миссии к 31 января 1997 года.
• 1 декабря: НАТО дает согласие на размещение 60 тысяч военнослужащих в Боснии.
• 14 декабря: сербы, боснийцы и хорваты подписывают мирный план. Боснийское и сербское правительства соглашаются на официальное дипломатическое признание.
• 20 декабря: НАТО берет на себя руководство миротворческой миссией в Боснии.

1997 год

• 15 июня: Туджмана переизбирают президентом Хорватии.
• 15 июля: Милошевич становится президентом Югославии. **1998 год**

• 31 марта: Совет Безопасности ООН осуждает Югославию за чрезмерное использование силы в Косово и вводит экономические санкции.
• Август: сербские вооруженные силы атакуют поселения косовских албанцев в районе Дреницы, вынуждая тысячи людей спасаться бегством.

1999 год

• Январь: появляются доказательства массового убийства косоваров сербами в Рачаке.
• 6 февраля: в Рамбуйе, Франция, начинаются мирные переговоры. Милошевич отказывается присутствовать.
• 18 марта: делегация косовских албанцев подписывает в Рамбуйе план предоставления автономии. Сербы отказываются подписать его и на следующий день начинают военные учения в Косово.
• 24 марта: в Косово начинается воздушная война.

- 27 мая: трибунал по военным преступлениям в бывшей Югославии предъявляет обвинение Милошевичу.
- 9 июня: НАТО и руководство Югославии согласовывают условия вывода сербов их Косово.
- 10 июня: НАТО приостанавливает бомбардировки. Совет Безопасности ООН принимает Резолюцию 1244, санкционирующую ввод международного гражданского и военного персонала в Косово.
- 12 июня: российские военные занимают аэропорт в Приштине. Войска НАТО входят в Косово.
- 14 июня: этнические албанцы начинают возвращаться в Косово. За три недели вернулось более 600 тысяч человек.
- 20 июня: завершается вывод сербских войск из Косово.

2000 год

- 24 сентября: Воислав Коштуница одерживает победу над Милошевичем на президентских выборах в Югославии.
- 5 октября: Коштуница провозглашает себя президентом.

2001 год

- 1 апреля: Милошевич сдается сербским властям.
- 28 июня: Милошевича выдают гаагскому трибуналу по военным преступлениям в бывшей Югославии.

ВОЙНА ПРОТИВ СЛОВЕНИИ И ХОРВАТИИ

Провозглашение Словенией и Хорватией независимости 25 июня 1991 года выглядит вполне логичным с того самого момента, когда в 1918 году на карте появилась первоначальная Югославия, а точнее Королевство сербов, хорватов и словенцев. Нестабильность внутренне присуща многонациональным государствам. Они могут существовать лишь в двух случаях. Вопервых, при взаимном уважении населяющих их народов — государство тогда приобретает форму конфедерации, — а вовторых, при наличии авторитарной центральной власти, способной навязать свою волю. Югославия строилась по второму варианту, первоначально под королевским, а затем — коммунистическим диктатом. На протяжении практически всего своего существования Югославия находилась либо под авторитарным, либо под тоталитарным прав

лением. Как только центральная власть дала слабину, страну постигла участь другого искусственного образования, скрепленного коммунизмом, — Советского Союза.

Подобный анализ приоткрывает лишь часть реальной картины. Кончина Тито в 1980 году и введение системы «ротацию» федеральных президентов сделали внутренние противоречия Югославии более очевидными и ускорили процессы, ведущие к ее распаду. Вместе с тем стремление Словении, а вслед за ней Хорватии и Боснии к полной независимости становится понятным до конца, только когда сознаешь, что это ответная реакция на давление со стороны Сербии. Специалисты по истории Балкан нередко усматривают в событиях XГX века усиление агрессивного сербского национализма, нацеленного на создание «Большой Сербии», которая объединяла бы «сербов всего света». Появление той же самой программы уже в наше время, в середине 80х годов, в форме пресловутого Меморандума Сербской академии наук и искусств, было своего рода сигналом грядущего безумия. После утраты коммунизмом влияния на массы те, кто жаждал власти, нашли ему замену в виде непримиримого национализма. Вчерашние марксисты во многих странах Восточной Европы вдруг оказались убежденными патриотами. Но никому еще не удавалось осуществить это самопреобразование с большей ловкостью и с более тяжкими последствиями, чем Слободану Милошевичу в Югославии.

В определенном смысле Милошевич — загадочная фигура. Трудно сказать, был ли он просто авантюристом или с самого начала принял пронизанные ненавистью доктрины, которые его армия и полувоенные сербские формирования реализовали на практике? Так или иначе, с того момента как он впервые воспользовался этническими волнениями в Косово в 1987 году для устранения своих соперников и стал энтузиастом идеи «большой Сербии», само его существование зависело от подавления, изгнания, а при необходимости и уничтожения несербского населения.

Без Милошевича войн против входящих в Югославию государств вообще могло не быть, а если бы они и были, то вряд ли бы отличались такой же жестокостью и продолжительностью. Милошевичу удалось сделать реальностью самые безумные фантазии, которые только могли прийти в голову уроженца Балкан, потому что сам он вовсе не был безумцем. Как коммунистический босс он имел в своем распоряжении все ресурсы партии. Как умелый льстец он смог убедить целый

ряд тщеславных и легковерных представителей Запада в том, что в нем нужно видеть решение проблемы, а не ее корень.

Милошевич осуществил переворот в Югославской коммунистической партии, а Сербия — переворот в Югославии еще до того, как Словения и Хорватия приняли решение о выходе. Словенцам удалось отделиться, а все попытки югославской армии раздавить их с позором провалились. Однако в Хорватии проживало довольно много сербов, которые, с точки зрения Милошевича и его сообщников, должны были присоединиться к Сербии. С этой целью Белград вооружил хорватских сербов и подбил их на восстание против Загреба, после чего послал югославскую армию на «восстановление порядка» что означало лишь одно — поддержку восставших и изгнание несербов с их собственной земли.

Столкнувшись с этой проблемой, западные руководители, как я уже отмечала, допустили три серьезнейшие ошибки. Вопервых, они пытались сохранить целостность Югославии, когда было уже совершенно ясно, что это сделать невозможно. Это создало впечатление, что попытки югославской армии подавить сепаратистов силой не встретят внешнего противодействия. Вовторых, ввели эмбарго на поставки оружия во все государства бывшей Югославии. Это сделало словенцев, хорватов и боснийцев беззащитными перед лицом вооруженного до зубов агрессора. И, втретьих, попытались поровну разделить вину за случившееся, когда на деле одна из сторон являлась агрессором, а другая — жертвой. Это в определенном смысле поставило Запад на грань соучастия в совершенных преступлениях. Это был вовсе не «звездный час Европы», как заявил Жак Поос (который был тогда министром иностранных дел Люксембурга), а час европейского позора.

В январе 1992 года Словения и Хорватия получили наконец международное признание. Иногда это событие объявляют ошибкой и даже считают его причиной развязывания войны в Боснии. Все это вздор. Международное признание Хорватии как минимум ограничило замашки Белграда. Постепенно в Хорватии прекратились и военные действия. Что же касается Боснии, то сербы развернули кампанию за создание сербских анклавов еще *до того,* как в октябре 1991 года Босния провозгласила независимость. Война сербов против Боснии была не спровоцирована — она была спланирована.

Во всяком случае, к февралю 1992 года, когда ООН отправила в Хорватию 14 тысяч *«миротворцев»,* около трети ее территории находилось

в руках сербов. Силы ООН, таким образом, наблюдали, как в ходе этнических чисток хорватов выгоняли с их же земли, а когда Хорватия достаточно окрепла, чтобы дать отпор, стали защитниками сербских агрессоров. В результате Милошевич и армейское командование, которым международные посредники любезно позволили вывести тяжелое вооружение из Хорватии в Боснию, получили возможность применить его на новом месте против несербского населения.

На признание уроков, преподнесенных конфликтом в Хорватии, потребуется еще не один год. Однако выводы предельно ясны и сейчас, было бы только желание их сделать.

- **Не следовало пытаться сохранить целостность Югославии, когда входящие в ее состав государства заявили о своем намерении выйти из нее.**
- **Тот, кто подвергся нападению, имеет право на самооборону, и это право следует уважать.**
- **Осуждение агрессии против Словении и Хорватии на самом раннем этапе с последующим ультиматумом и военной акцией, включающей в себя воздушные налеты и поставку оружия осажденным, несомненно, спасло бы Вуковар и другие хорватские города.**

ВОЙНА ПРОТИВ БОСНИИ

Оглядываясь на историю этой войны, понимаешь, что реально беды Боснии пришли извне, причем в два приема: первый раз в виде политики сербского руководства, а второй — в виде неправильной трактовки событий и фатального вмешательства лидеров западных стран*.

Мнение Ноуэла Малколма, самого здравомыслящего и мудрого специалиста по балканской проблеме нашего времени, на мой взгляд, абсолютно правильно.

В основе геноцида в Боснии лежит все та же одиозная доктрина, что и в основе резни в Вуковаре, с одним лишь отличием: с хорватами она выливалась в ненависть, а с мусульманами говорила на языке презрения. Тому, кто хочет получить подтверждение этому, рекомендую по

* Noel Malcolm, Bosnia: A Short History(London, 1994), p. 251.

читать глубокую и волнующую книгу «*Теноцид в Босниш»* профессора Нормана Сигара*. Эту разновидность расистской идеологии в стиле «большой Сербию» предельно ясно выразила гжа Биляна Плавшич, которая одно время была героиней в глазах Запада, а теперь объявлена военной преступницей. Она отозвалась о боснийских мусульманах как о «генетическом дефекте на теле Сербии»*.

К тому, что произошло, приложил свою руку и внешний мир. Та самая политика «равной ответственности» которая лишила подход Запада к Хорватии моральной основы и практического эффекта, продолжилась и в Боснии. Международное сообщество не дало боснийским мусульманам возможности вооружиться. При этом оно не предоставило им маломальски серьезной защиты от отрядов боснийских сербов, в распоряжении которых оказались арсеналы югославской армии. Двусмысленные действия Запада повредили и нашим интересам. Они оскорбили мусульманский мир, где заговорили (и не без основания) о том, что мы никогда бы не допустили преступления такого масштаба, будь они направлены против евреев или христиан. К концу конфликта в Боснии стали появляться исламские экстремисты, и это в регионе, традиционно отличавшемся терпимостью, где ислам всегда имел европейский оттенок. В конце концов, Соединенные Штаты — в отличие от европейских стран, которые колебались до самого последнего момента, — почувствовали опасность и приняли меры. Увы, к тому времени погибло уже около 200 тысяч человек.

Осада Сараево началась в апреле 1992 года и продолжалась вплоть до февраля 199610. В течение всего этого времени страдания населения были неимоверными. Однако в других местах ситуация была еще хуже. Вдали от телевизионных камер руководство боснийских сербов при поддержке Белграда развернуло кампанию насилия и террора, включая массовые изнасилования, невообразимые пытки и концентрационные лагеря, результатом которой должно было стать изгнание несербского населения с территории, объявленной исторически сербской. В общем и целом более двух миллионов человек (при довоенном населении, составлявшем 4,3 миллиона человек) было изгнано из обжитых мест. По оценкам, 900 тысяч человек нашли убежище в соседних стра

* Norman Cigar, *Genocide in Bosnia: The Policy of EthnicCleansing (Texas A&M University Press,* 1995). Профессор Сигар и д-р Малколм были среди тех, кто снабжал меня бесценной информацией во время боснийского кризиса.

** The times, 12 January 2001.

нах и в Западной Европе, а 1,3 миллиона человек были вытеснены в другие районы Боснии*. В Хорватии и особенно в Боснии забота об этих людях имела чрезвычайно важное значение.

Потоки беженцев в значительной мере дестабилизировали обстановку, впрочем, именно на это и был расчет. Нарушение прежнего этнического баланса между мусульманами и хорватами в результате притока тысяч беженцев-мусульман в Центральную Боснию сыграло не последнюю роль в развязывании войны, которая началась между ними в марте 1993 года**.

На протяжении всего этого времени не раз устраивались международные конференции и назначались международные посредники, с тем чтобы усадить «враждующие стороны» за стол переговоров. Не сомневаюсь, что посредники делали все, что было в их силах. Но посредники не могли добиться отказа от захваченных территорий, а без желания Запада настоять на этом они лишь втягивались в процесс непрерывного укрепления и узаконивания власти агрессора. Иногда посредники невольно давали повод для еще большего кровопролития. Например, план, предложенный Сайрусом Вэнсом и лордом Оуэном, так называемый «план Вэнса — Оуэна» по разделению Боснии на 10 кантонов по этническому признаку послужил толчком к началу войны между мусульманами и боснийскими хорватами. В условиях, существовавших в начале 1993 года, обе стороны в предвидении раздела решили установить контроль над возможно большей территорией, прежде всего над этнически смешанной Центральной Боснией. БОСНИЙСКИМ сербам подобная борьба была только на руку, тем не менее это не склонило их к принятию плана Вэнса — Оуэна.

К концу 1992 года сербы захватили большую часть территории, на которую они претендовали. Хотя сербы составляли всего 31% населения, под их контролем оказалось 70% территории. С этого момента главной задачей стало изгнание оттуда не сербов, полное уничтожение даже следов их пребывания, культуры и религии. Для осуществления таких замыслов сербам требовалось время, особенно в районах с многочисленными имеющими прочные корни мусульманскими и хорватскими общинами. Они получили его по милости международного со

* Данные Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

** После кончины президента Туджмана появилась информация, подтверждающая причастность к ней Загреба, не исключены и новые откровения.

общества. Несмотря на то что боснийские мусульмане оправились от удара и перегруппировались, сформировали более подготовленную армию и лучше вооружились, сербы продолжали сохранять контроль над столицей Боснии Сараево и обстреливать население из орудий, когда хотели. От международного сообщества было мало проку, а иногда его действия только осложняли ситуацию.

Западу следовало разработать и начать осуществление последовательной программы, направленной на разгром агрессора и отказ от захваченных территорий. Да, это задача не из легких. Для ее решения нужно время. К тому же она требует отказа от претензии на то, что целью Запада является «умиротворение». Эмбарго на поставку оружия боснийцам следовало снять, России отвести второстепенную роль, а на возражения с ее стороны вообще не обращать внимания. Главенствующей должна была стать единственная глобальная держава — Америка, а не погрязшие в разногласиях европейские государства.

Нечто похожее на это в конце концов и произошло. Но ни тогда, ни после западные лидеры так и не сделали правильных выводов.

Нужно было прежде всего повернуть расклад сил против сербов, иными словами примирить мусульман и хорватов. В марте 1994 года соглашение, подписанное между ними при посредничестве Вашингтона, положило конец конфликту. Была основана Мусульманско-Хорватская Боснийская Федерация и одновременно подписан договор о союзе между Боснией и Хорватией. Новый альянс подкреплялся обучением и вооружением хорватской армии, которая превратилась в чрезвычайно эффективную силу. Когда события стали принимать другой оборот, Слободан Милошевич решил, что пришло время для переговоров. «Большая Сербия» практически достигла своих мыслимых пределов. Милошевич, помимо прочего, должен был знать, что плохо организованные банды, которые контролировали так называемую Сербскую Краину в Хорватии и боснийскую Сербскую Республику, были вовсе не так сильны, как представлялось Западу*. Поэтому летом 1994 года он постарался склонить боснийских сербов к принятию плана раздела Боснии, выгодного сербам, которым отходило 49% страны, в то время как Мусульманско-Хорватская Федерация получала оставшийся 51% территории.

* Я слышала об этом от хорватского и боснийского генералов в то время, и, как оказалось позднее, они были совершенно правы.

Боснийские же сербы, которые чувствовали себя довольно уверенно и не обращали внимания на угрозы Запада, не только отказались от соглашения, но и предприняли новые наступления. НАТО нанесло воздушные удары. Сербы в ответ захватили в плен более 400 международных миротворцев. Последствия прошлых ошибок стали очевидными как никогда. Военнослужащие вооруженных сил Запада в Боснии были теперь не активом, а пассивом, поскольку превратились в потенциальных заложников.

В 1995 году наступило время решительных действий. В мае хорватская армия восстановила контроль над захваченной ранее сербами Западной Славонией. В отместку сербы подвергли Загреб ракетному обстрелу, в результате которого шесть мирных граждан погибли, а 200 получили ранения. Быстрый успех хорватов, однако, наглядно продемонстрировал всю слабость сербских мятежников, оккупировавших Хорватию. Сербы в Боснии приняли на вооружение тактику своих хорватских собратьев и стали нападать на гражданские объекты. Так, в июне они усилили артиллерийские обстрелы Сараево и, что хуже, в июле захватили Сребреницу, так называемый «островок безопасности» ООН. Для Запада это был, пожалуй, самый унизительный и позорный эпизод кризиса. Для мусульман, живших в городе, это означало экспроприацию и изгнание, а для семи тысяч из них — смерть.

О том, что произошло дальше, писали много раз. Хорватия при поддержке со стороны боснийской армии, по большей части мусульманской, и вооруженных формирований боснийских хорватов сделала то, на что в течение четырех долгих и позорных лет не могло решиться международное сообщество. Она вместе со своими союзниками отбила у сербов значительную часть своей территории и в результате победы создала условия хотя бы для частичного возврата мира и порядка. Хорватская армия взяла 4 августа город Книн и прямо-таки пронеслась по Краине. Ввиду недостатка тяжелого вооружения из-за дурацкого эмбарго мусульманам не удалось добиться такого же успеха. Но факт остается фактом: не вмешайся Запад, лидеры которого, как всегда, постарались не допустить полной победы, крупнейшие боснийские города, находящиеся в руках сербов, Баня и Лука, были бы также освобождены. Это позволило бы спасти Боснию как страну, в которой различные этнические общины могли жить вместе под руководством Демократически избранной центральной власти. Баня и Лука, надо за

метить, были местом массированных этнических чисток, где сербы сжигали ненавистные им мечети и католические церкви — все то, что могло напомнить о много конфессиональном и многонациональном прошлом. Если какие города и заслуживали освобождения от сторонников этнической чистоты, так это Баня и Лука.

Даже справедливые войны не обходятся, особенно после стольких лет жестокости и насилия, без жертв со стороны гражданского населения. Теперь в их число попали сербы, которые бежали из вновь освобожденных районов, опасаясь возмездия. Некоторые были, без всякого сомнения, запуганы. Многие верили россказням своих лидеров о надвигающейся угрозе массовой резни. В Краине действительно отмечались случаи убийства, грабежей и поджогов со стороны вернувшихся хорватов.

Вместе с тем эти заслуживающие осуждения инциденты вовсе не умаляют значения победы хорватов и боснийцев над сербами в 1995 году для региона, как, впрочем, и для Запада. Без этой победы геноцид на Балканах и унижение Запада, несомненно, продолжались бы. Предпринимаемые некоторыми попытки поставить на одну доску операцию по возврату хорватской территории и предшествующую ей агрессию со стороны сербов нельзя назвать иначе как издевательством.

Воздушные удары НАТО по артиллерийским позициям сербов вокруг Сараево в тот момент ощутимо поддерживали вооруженные силы хорватов и мусульман. Опровергая мудреные обоснования, которыми нас пичкают военные источники, такое взаимодействие показало, что воздушные налеты могут быть эффективными и без крупномасштабного ввода сухопутных войск. Решение задач на земле вполне можно возложить на местные, а не международные вооруженные силы, конечно если те вооружены должным образом. Чтобы кто-нибудь не подумал, будто я сужу задним числом, приведу мои же слова, сказанные за три года до этого события:

> Некоторые утверждают, что Запад ничего не может сделать без втягивания в конфликт по образцу Вьетнама или Ливана и значительных потерь. Это, с одной стороны, паникерство, а с другой — оправдание собственной медлительности. Существует огромная разница между полномасштабным наземным вторжением, как во время «бури в пустыне», и целым набором форм военного вмешательства — от отмены эмбарго на поставку оружия в Боснию до вооружения боснийской армии и непосредственных ударов по военным объектам и средствам связи.

Я настаивала на том, что в случае поддержки агрессии боснийских сербов со стороны самой Сербии мы должны:

> ...предпринять военную акцию, включая авиационные бомбардировки мостов через реку Дрина, связывающих Боснию и Сербию, военного транспорта, огневых позиций вокруг [осажденных] Сараево и Горажде, военных складов и других объектов, используемых в военных целях. Нужно ясно показать, что, хотя мы и не воюем против сербского народа, атаке могут подвергнуться даже объекты на сербской стороне границы, если они имеют большое значение с военной точки зрения*.

События 1995 года показывают, что подобная тактика вполне работоспособна. Тем не менее мои предложения были реализованы на практике лишь на поздней стадии косовской кампании в 1999 году, да и то не в полной мере.

Дейтонское соглашение, подписанное осенью 1995 года, до сих пор составляет основу, на которой Босния функционирует — или не функционирует. Как и во всех предыдущих планах раздела, в нем уделяется слишком много внимания (ныне побежденным) боснийским сербам, которые были главной причиной проблемы. Сербы получили право на создание автономного образования, известного как Сербская Республика (Република Српска). Оно должно составлять часть Боснии-Герцеговины. Однако названия его институтов выдают замысел авторов соглашения: поскольку сербское образование называется «республикой» Босния-Герцеговина не может носить тот же титул.

Дейтонский документ чрезвычайно детализирован, что очень показательно. При его подготовке учитывались различные и нередко противоположные устремления и трения. Мусульмане подчеркивали аспекты, которые укрепляли и территориальное, и институциональное единство государства. Сербы, и в меньшей степени хорваты, упирали на то, что имело отношение к местной власти. Принципиальной частью соглашения была гарантия обеспечения возврата беженцев в свои дома. Без этого положения Дейтон означал бы раздел страны и победу сторонников этнических чисток и их спонсоров из Белграда.

До сих пор именно так и было. Несмотря на то что беженцы начали возвращаться на территорию Мусульманско-Хорватской Федерации,

* Цитаты взяты из моей статьи: New York Times, 6 August 1992. Информацию о моем участии в попытках спасти Боснию можно найти в книге: The path to Power, pp. 514-517.

власти Сербской Республики были полны решимости не допустить возврата национальных меньшинств в места, откуда их когда-то изгнали. Таким образом, из 715 тысяч вернувшихся беженцев 80% оказались в Федерации и только 20% — на подконтрольных сербам территориях*. Иногда можно услышать, что эти цифры ничего не значат. «Нельзя заставить людей жить вместе, если они не хотят этого» — так обычно говорят. Во многом это справедливо. Однако недопустимо, когда людям, которые *хотят* вернуться, не дают этого сделать.

На деле положение намного хуже. Хотя годы войны наверняка оставят глубокий и неизгладимый след, Босния, в которой отсутствует тесное переплетение верований и этническое единство, относится к числу стран, способных взорваться вновь. Я не отношу себя к тем, кто видит нашу цель в Боснии в создании некоего идеального мультикультурного государства. Вместе с тем я уверена, что политические конструкции, опирающиеся на насилие, шантаж и воровство, в конце концов разваливаются — и поделом.

Другим важным условием принятия дейтонского квазиделения Боснии-Герцеговины был арест военных преступников. Здесь заметного прогресса пока что нет. Правда, чуть ли не половина тех, кому было предъявлено публичное обвинение, уже попали в Гаагу. В то же время самые отпетые преступники, в частности Радован Караджич и Ратко Младич, как я уже писала, все еще на свободе. Хотя в Боснии находится 20-тьсячный контингент военнослужащих под командованием НАТО, некоторые секторы, особенно французский, — настоящий рай для негодяев. Конечно, давно пора привлечь к суду в Гааге Милошевича как инициатора столь масштабной трагедии. Но все же трибуналу лучше бы сосредоточиться на аресте и осуждении тех, кому уже предъявлено обвинение, а не заниматься делами второстепенных действующих лиц. В результате решительных и согласованных действий всех заинтересованных лиц в отношении главных виновников должно быть начато расследование, ибо, покуда они гуляют на свободе, не может быть и речи о возврате к нормальной жизни.

Сегодня раздается довольно много призывов пересмотреть Дейтонское соглашение. Это может означать одно из двух. Прежде всего, в этом видится предлог для того, чтобы отказаться от прошлых обязательств, перекроить карты и подготовиться к быстрому выводу войск западных

* Официальные данные по Боснии на 30 января 2001 г.

стран. Это, вероятно, повлечет за собой признание Сербской Республики как этнически чистого мини государства или даже этнически очищенной составной части Сербии. Подобное вознаграждение агрессора и наказание жертвы выглядело бы предосудительно с моральной точки зрения.

Это неразумно и с точки зрения политической, поскольку открывает зеленый свет очередной попытке хорватов создать в Герцеговине свое этнически чистое мини-государство, что приведет к конфликту и возможности создания не имеющего выхода к морю, экономически нежизнеспособного, радикального мусульманского государства. Подобная перспектива вряд ли кого обрадует. Как случалось уже неоднократно, ошибка неизбежно ударит по интересам Запада.

С другой стороны, пересмотр условий Дейтона вполне может вылиться в серьезную попытку заставить руководство Сербской Республики принять назад тех, кого изгнали их предшественники. Боснийских сербов можно поставить перед альтернативой: если они не обеспечат возвращения беженцев, то потеряют право на свою автономию. А правительство в Белграде следует предупредить, чтобы оно не рассчитывало на помощь Запада до тех пор, пока боснийские сербы не выполнят своих обязательств.

Если боснийские сербы убедятся в серьезности намерений Запада, угроза потери автономии заставит их пойти навстречу нашим требованиям. Это же сделает и Белград, который всегда имел значительно большее влияние на руководство боснийских сербов, чем открыто признавал. Уход со сцены Милошевича и его друзей сделает план более реальным.

Я убеждена в том, что сейчас как никогда необходимо еще одно последнее и решительное усилие. Не стоит сомневаться в том, что оставшиеся сербские экстремисты будут сопротивляться изо всех сил. Но мира не добиться до тех пор, пока над ними не будет одержан верх. Только после их поражения международное сообщество сможет постепенно сократить военное присутствие и, в конце концов, отказаться от него. Необходимо создать широкую социальную и политическую основу для мира, после чего предоставить местным жителям возможность реализовать его. Для этого мы должны укрепить военную силу правительства в Сараево и сделать его способным противостоять новым угрозам. Еще не поздно дать шанс Боснии и ее народам.

Из сказанного я делаю следующие выводы:

- **Уход из Боснии после стольких страданий и усилий не имеет морального оправдания и неразумен политически.**
- **Дейтонское соглашение необходимо использовать таким образом, чтобы сохранить Боснию как единое государство, субъекты которого имеют широкие полномочия, а также обеспечить беженцам возможность вернуться в свои жилища.**
- **В то же время мы должны реально смотреть на вещи. Не следует заниматься строительством государства-утопии. Наша цель — создать широкую основу для мира и стабильности и передать власть местным демократическим силам.**
- **Пришло время предпринять последнее энергичное усилие, которое позволит добиться этого.**

ВОЙНА В КОСОВО

Во время посещения Загреба в сентябре 1998 года я выступила с лекцией, в которой были такие слова: «террор и притеснения, которые прекратились в Хорватии и даже Боснии, переместились сейчас в Косово, где сторонники этнической чистоты вновь занимаются своей работой. Где и когда прекратится это безумие?»*

Сегодня нам это уже известно. Запад наконец взялся за Милошевича, и тот не выдержал. Я много раз критически высказывалась по поводу того, как ведется косовская кампания, однако, по моему глубокому убеждению, это справедливая и необходимая война, а премьер-министр Тони Блэр, в адрес которого неоднократно звучала критика с моей стороны, на этот раз продемонстрировал настоящую решительность.

Стоит только появиться сомнениям в том, что кампания НАТО приведет к успеху, как тут же из всех щелей выползают критики. Поскольку некоторые из них принадлежат к правому политическому крылу, я сочла необходимым публично объявить о своей поддержке, которая уже была выражена г-ну Блэру частным образом. В другой своей речи, произнесенной на обеде в ознаменование двенадцатой годовщины с момента моего избрания на пост премьер-министра, я объяснила, почему операция в Косово должна быть доведена до конца.

* Лекция на экономическом факультете Загребского университета 16 сентября 1998 г.

Я призвала тех, кто пребывал в нерешительности по поводу кампании, обратить внимание на неприемлемость последствий бездействия. Не следовало забывать, что Слободан Милошевич — это не мелкий головорез местного масштаба. Он планировал использовать потоки беженцев из Косово для дестабилизации обстановки в соседних с Сербией государствах и ослабления своих противников, т. е. сделать то, что уже неоднократно проделывалось в других государствах бывшей Югославии. Соседние страны были просто не в состоянии принять два миллиона изгнанных этнических албанцев, не подвергая себя риску взрыва, в который могли втянуться Греция и даже Турция — страны, входящие в НАТО. Это, несомненно, чрезвычайно весомые стратегические факторы, но существовал еще и моральный аспект. Я показала, что режим Милошевича опирается на идеологию геноцида и представляет собой подлинно чудовищное зло. В заключение было сказано: «Для сомнений здесь нет места — эта война должна быть выиграна... Я уверена, народ Великобритании готов довести ее до конца, он знает, что наше дело правое»)*.

В том, что и взлет, и падение Слободана Милошевича связаны с Косово, есть нечто символичное. Именно там в 1987 году он впервые с успехом использовал ксенофобию сербов для устранения руководства Сербской коммунистической партии и утверждения собственной власти. Именно тогда, эксплуатируя 600-летнюю годовщину битвы в Косово, которая произошла в 1389 году и вокруг которой было создано множество будоражащих воображение (но не соответствующих действительности) мифов, он поднял сербский национализм на уровень агрессивного безумия**. Именно поражение Милошевича в Косово привело, наконец, к крушению созданного им режима.

Пока шла война в Боснии, идеология «Большой Сербии» проводилась и в Косово, но другими средствами. 0 том, как осуществлялось систематическое запугивание этнических албанцев, я узнала от самозваного президента Косово, д-ра Ибрагима Руговы, в апреле 1995 года, незадолго до поражения сербов, приведшего к заключению Дейтонского соглашения. Лишенные в результате политики национальной дискриминации возможности работать, получать образование и медицинское

* Речь на обеде, Лондон, 20 апреля 1999 г.

* Ноуэл Малкодм критически и в то же время беспристрастно анализирует эти и другие сербские мифы насчет Косово в книге: Kosovo: A short History (London, 1989).

обслуживание, албанцы, которые составляли 90% населения, не стали прибегать к насилию, а создали систему параллельных институтов. Они даже избрали собственного «президента». Д-ра Ругова, человек с умеренными взглядами и мягкими манерами, высокообразованный интеллектуал, оказался в центре движения сопротивления. Несмотря на выдвинутое требование полной независимости, он, пожалуй, в то время вполне мог согласиться на возврат Косово автономии, уничтоженной головорезами Милошевича, и гарантии основных прав человека. Однако в Дейтоне проблему Косово практически проигнорировали. В результате непрекращающегося давления со стороны сербских властей возмущение косоваров стало приобретать более радикальные и жесткие формы, в частности была создана Армия освобождения Косово (АОК). В условиях эскалации напряженности и участившихся столкновений в какой-то момент сербы решили, что наступило время для «окончательного решения» проблемы. НАТО, пытаясь не допустить политического и гуманитарного кризиса, организовало в феврале-марте 1999 года мирные переговоры в Рамбуйе, а когда Белград отказался выполнять предложенные условия, начало бомбардировки.

Несмотря на успех НАТО, нельзя закрывать глаза на серьезные недостатки операции, которые сегодня стали очевидными. Прежде всего, поначалу наблюдался неоправданный оптимизм относительно нашей способности добиться нужного результата от Милошевича, не причиняя серьезного ущерба Сербии. В результате на начальной стадии кампания проводилась не слишком энергично. Этим воспользовался Милошевич, который, вместо того чтобы просить пощады, изгнал из родных мест более миллиона этнических албанцев (при их общей численности 1,7 миллиона человек). Даже спустя неделю, в апреле, когда интенсивность воздушных ударов возросла, а в самой Сербии было уничтожено значительное число целей, нашим самолетам не разрешалось (как правило) летать ниже 5000 м, что заметно тормозило ход операции. Изучение традиционных целей сербов в Косово, которые с XK века сводились к изменению этнического баланса в их пользу, должно было подсказать западным стратегам, что произойдет и на этот раз. И хотя изгнание албанцев вряд ли удалось бы предотвратить, вполне возможно было заранее подготовиться к приему беженцев.

Это очень серьезный промах. Были еще и технические недостатки, которые я упоминала ранее. Однако анализ уже произошедших событий с целью дискредитации кампании кажется мне неуместным.

Взять хотя бы дискуссию о реальных масштабах жестокостей со стороны сербских вооруженных сил в Косово до начала кампании и во время ее проведения. Что здесь можно сказать, когда практически каждый день вскрываются новые факты? Этот процесс начался еще до отправки Милошевича в Гаагу, а теперь, надо думать, он еще больше ускорится. Однако самое главное — то, как сербы обращаются с людьми другой национальности, — мы уже знаем по Боснии. Их риторика в отношении косоваров ничем не отличается от той, что использовалась в отношении мусульман в Боснии. Не сомневаюсь, что Милошевич со своими пособниками готовил геноцид подобного масштаба и для Косово. Уже одного этого намерения было достаточно, чтобы оправдать любые меры, позволяющие не допустить исполнения задуманного.

Или вот еще нередко отмечают, что, хотя представители НАТО и другие официальные лица заявляли, что целью кампании было предотвращение гуманитарной катастрофы, непосредственный ее результат — ускорение и углубление катастрофы. Мне никогда не нравились попытки оправдать военное вторжение чисто гуманитарными соображениями по причинам, о которых я уже говорила выше*. Вместе с тем следует помнить, что массовое изгнание сербами этнических албанцев из Косово началось *до* первых бомбардировок НАТО. Уже к маю 1999 года 700 тысяч косоваров были вынуждены покинуть свои дома и бежать в соседние государства, в частности в Боснии-Герцеговину, Албанию, Македонию и Черногорию. Вдобавок к этому, по оценкам, еще 600 тысяч были перемещены внутри страны**. Логика политики Милошевича требовала удаления значительной части населения. Действия НАТО привели лишь к ускорению реализации этих планов. При этом не следует забывать, что *без* акции НАТО беженцы никогда бы не смогли вернуться назад.

И последнее. Говорят, что операция полностью провалилась, поскольку не привела к возрождению многонационального Косово, так как более 150 тысяч сербов (около трех четвертей первоначальной численности сербского населения) вынуждены были бежать, опасаясь мести албанцев. Этот аргумент также не лишен изъяна. Войны всегда создают проблемы, которых в мирной обстановке просто не существует. Вряд ли можно было ожидать, что мусульманское большинство будет

* См. стр. 57-63.

** «Erasing History: Ethnic Cleansing in Kosovo», US State Department, May 1999.

почтительно относиться к сербскому меньшинству, едва избежав сербского геноцида. Точно так же судетские немцы в Чехословакии после Второй мировой войны расплачивались за действия Германии. Тот, кто развязывает войну и терпит в ней поражение, должен быть готов к последствиям. Лишь самый необъективный человек не может этого понять. В действительности, как я объясню несколько позже, необходимы меры по защите сербов, которые остаются в Косово, и гарантированная возможность вернуться для тех, кто этого хочет. Впрочем, я вовсе не уверена в том, что многие захотят жить на совершенно разоренной и все более чужой территории. Мы можем считать операцию в Косово успешной хотя бы потому, что она предотвратила выселение целого народа. А то, что для этого пришлось в какой-nо мере поступиться справедливостью, следует воспринимать как неотвратимое последствие войны.

Одержав победу, мы должны распорядиться ее результатами с умом. Существуют два подхода, которые, к сожалению, очень распространены в дипломатических кругах в силу инерции, но ни в коем случае не должны использоваться. Первый — это попытка удержать Косово в составе так называемой Федеративной Республики Югославия, т. е. Сербии-Черногории.

Даже до косовской кампании лишать подавляющее большинство населения возможности самоопределения было бы неразумным. Ну а после войны против сербов любая попытка заставить косоваров остаться в рудиментарной Югославии, где властвуют сербы, выглядит немыслимой. Статус Косово в бывшей Югославии, по конституции Тито 1974 года, мало чем отличался от статуса республик, которые отделились и получили международное признание*. Ноуэл Малколм характеризует его следующим образом:

> ...[На] практике [Косово] пользовалось теми же правами, что и республика: имело собственный парламент, верховный суд, центральный банк, полицию и силы территориальной охраны; оно было официально объявлено (начиная с 1968 года) частью федеративной системы и имело прямое (не через Республику Сербию) представительство на феде

* Югославская конституция 1974 года предоставляла право на самоопределение таким республикам, как Словения, Хорватия и Босния, но не давала его автономным краям Воеводина и Косово. Последние входили в состав одновременно и Республики Сербии, и Федеративной Республики Югославии.

ральном уровне. По всем стандартным критериям конституционного анализа Косово являлось в первую очередь федеральной единицей и лишь потом — составной частью Сербии*.

К этому могу только добавить, что в любом случае, когда речь идет о выборе наилучшего пути, нет особой причины придерживаться буквы конституции коммунистического государства, написанной четверть века назад.

Есть, конечно, и такие, кто полагает, что сохранение Косово в составе рудиментарной Югославии необходимо для обеспечения стабильности в регионе. Подобный аргумент, на первый взгляд, имеет значительно больший вес в свете того, что происходит в соседней Македонии, но и он теряет свою убедительность при более глубоком рассмотрении.

В Македонии довольно значительна доля этнических албанцев (до трети населения), отношение к которым со стороны славянского большинства далеко не всегда было хорошим. Трения значительно усилились в 2001 году. В то время как я пишу эти строки, они достигли такой остроты, что вполне могут привести к развязыванию гражданской войны. Часть повстанцев из числа этнических албанцев имеет тесные связи с Косово.

Чем все это обернется, не знает никто. Ясно лишь одно: отказ этническому албанскому большинству в соседнем Косово в референдуме по вопросу независимости явно не поможет Западу предотвратить взрыв в Македонии. Напротив, подавление этого стремления еще больше подогреет албанский радикализм в регионе. Запад однажды уже ослабил позицию д-ра Руговы и его умеренных сторонников, оставив их за рамками Дейтонского соглашения в 1995 году. В результате появилась радикальная АОК. Если страны НАТО сейчас воспротивятся независимости Косово, насилие, терроризм и милитаризация лишь усилятся. Вряд ли это можно считать рецептом достижения стабильности.

Второй, не менее распространенный (и плохо продуманный) подход к будущему устройству Косово предполагает создание своего рода бессрочного протектората под управлением международных и неправительственных организаций. Такой вариант настолько нереалистичен, что обычно его даже не воспринимают всерьез. Это скорее теоретическая возможность, а не практическое предложение. Дело в том, что су

* Noel Malcolm, «Kosovo: Only Independence Will Work», The National Interest, winter 1998-1999.

ществует немало людей и заинтересованных организаций, которые хотели бы интернационализировать все проблемные регионы мира и, таким образом, сформировать постоянную потребность в своих якобы незаменимых услугах. Подобные попытки следует решительно отвергать как в Косово, так и в других местах. У национальной демократии могут быть свои недостатки, особенно на Балканах, но она определенно лучше, чем международная бюрократия. Помимо прочего, она дешевле, что также немаловажно. Жители Косово должны знать, что в конечном счете именно они принимают решения и несут ответственность за свою судьбу.

Мы должны, следовательно, дать обещание провести в течение четко определенного периода (не более одного-двух лет) референдум по будущему устройству Косово с последующим признанием его результатов со стороны международного сообщества. Конечно, для его проведения необходимо создать справедливые условия. Сербы и другие национальные меньшинства должны получить возможность вернуться*. Только тот, кто будет уличен в серьезных преступлениях, может лишиться права на возвращение. Крайне важно, чтобы референдум проводился исходя из условий, которые преобладали до недавних потрясений. В противном случае он узаконит этнические чистки, а это в равной мере недопустимо, независимо от того, кто окажется в роли жертв — сербы или албанцы.

Итак, мне бы очень хотелось, чтобы в Косово реальностью стало следующее:

- **практическая программа реорганизации и возвращения беженцев;**
- **четко определенные временные рамки проведения референдума по независимости;**
- **последующий быстрый, но упорядоченный вывод международных сил из Косово;**
- **гарантии НАТО по обеспечению безопасности Косово и предупреждению авантюризма со стороны Сербии в будущем.**

* В новой конституции, возможно, придется предусмотреть гарантии соблюдения прав человека и защиту сербских святынь.

БАЛКАНЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КОСОВО

Самая значительная победа международного сообщества в странах бывшей Югославии не имеет никакого отношения к дипломатии: это отстранение от власти Слободана Милошевича. Хотя у Милошевича осталось множество сторонников, именно он был инициатором балканских войн, именно он был больше всех заинтересован в их разжигании. Его отправка в Гаагу открывает перед регионом новые перспективы.

К большому сожалению, в настоящее время нет полного понимания того, как следует использовать сложившуюся ситуацию. Это видно, например, по количеству энергии, расходуемой на облегчение жизни преемнику Милошевича — президенту Воиславу Коштунице. Да, Коштуница может сыграть положительную роль. Хотя, как и другие члены югославского правительства, он разделяет устремления Милошевича в его войнах против несербов, г-н Коштуница — не коммунист, что является несомненным плюсом. Его считают честным человеком, что также немаловажно. Но Европейский союз чересчур опрометчиво принял Сербию в мировое сообщество. Она вполне заслужила определенной помощи, после того как продемонстрировала готовность сотрудничать с Гаагским судом. Однако поощрять режим подачками за соответствие требованиям, которые он должен был признать без всяких разговоров, на мой взгляд, не совсем правильно. Было бы безусловно неразумным осыпать Сербию деньгами, пока нет реальных доказательств изменения ее курса. Главное, что должно измениться, как я уже отмечала выше, — это отношение Сербии к Боснии. Необходимо также, чтобы перед судом предстали все остальные обвиняемые в преступлениях, которые совершались от имени (и долгое время с одобрения) сербского государства.

Сербия находилась во власти идеологии, имеющей немалое сходство с той, что господствовала в Германии в 300 годы. Подобно Германии она нуждается в очищении от этого яда. Лишь после того, как сербы признают свою вину и раскаются в том, что было сделано, Сербия сможет стать полноправным членом международного сообщества. Не раньше.

В международной дискуссии по поводу Сербии и ее соседей сквозят все те же ошибочные представления, что и в начале балканской катастрофы 90х годов. Большая их часть исходит от приверженцев так называемого Пакта о стабильности в Юго-Восточной Европе, который был предложен министрами иностранных дел стран Европейского союза в Кельне 10 июня 1999 года. Инициатива с этим странным назва

нием предполагает обеспечение «прочного мира, процветания и стабильностью» в регионе посредством поощрения регионального сотрудничества, развития рыночной экономики и «интеграции в структуру [Европейского союза]». Все это звучит весьма благопристойно. Сомнительны, однако, исходные посылки.

Прежде всего, разве балканские войны разразились в результате экономической неразвитости региона? Нет. Нищета — это результат, а не причина конфликта. Каким образом процветание *само по себе* может предотвратить будущие войны?

Во-вторых, разве верно, что эти войны разорили регион *в целом?* Нет, только те страны бывшей Югославии, где проживало достаточно много сербов, которых Белград хотел объединить под своим началом. Так каким образом здесь может помочь более широкое региональное сотрудничество?

И, в-третьих, разве есть основания считать, что роль Европы во время конфликта была положительной и что расширение этой роли неизбежно приведет к принятию правильных решений? В действительности их тоже нет. Мир и стабильность вернулись в регион вопреки, а не благодаря усилиям Европейского союза.

Это не означает, впрочем, что Европа не может помочь. Открытие ее рынков для товаропроизводителей всего региона наверняка позволит тем, кто стремится к миру, продавать товары и восстанавливать свои страны. Возможна также и целенаправленная, жестко контролируемая помощь. Но ее объемы не должны быть слишком большими. Босния, например, уже достигла того состояния, при котором международная помощь приносит больше вреда, чем пользы, поскольку ведет к развитию коррупции и зависимости. То же самое вполне может произойти и в Косово, и в Сербии.

Реально вся международная деятельность Европейского союза на Балканах строится на представлении, которое все еще довлеет над дипломатами, о том, что мотивом этой войны, а точнее всех войн, является национальная самобытность и национальный суверенитет. Карл Бильдт, специальный посланник Генерального секретаря ООН на Балканах, например, призывал:

> ...к постепенному созданию структур многоуровневого суверенитета... призванных обеспечить как развитую автономию, так и широкую европейскую интеграцию, позволить со временем перекинуть мост через

пропасть, которая, в противном случае, будет постоянно угрожать стабильности региона. Неизбежной альтернативой образованию новых национальных государств в регионе является создание новых европейских и региональных структур*.

В том же мрачном духе, в каком он предупреждал об опасности развала старой федеративной Югославии в 1991 году, Европейский союз предостерегал Черногорию против выхода из состава Сербии. Думается, международные дипломаты могли бы уже понять, к чему приводят попытки втолковать другим народам, в чем заключается их национальный интерес. Жизнь в условиях скромного достатка, без сербов, которые притесняют их и обирают до нитки, рано или поздно обязательно покажется черногорцам привлекательной. Но именно Сербия, а не мы должна убедить их в обратном, предложив достаточно благоприятные условия. Я бы на месте черногорцев постаралась отделиться как можно скорее.

Европейский союз никогда не придет к разумной политике в отношении Балканских стран по одной весьма простой причине. ЕС, а точнее класс, который находится у власти, не может принять ценность идеи самостоятельности, поскольку она подрывает саму концепцию единой Европы. Поэтому вместо того, чтобы стимулировать развитие национальных государств и их прогресс, ЕС всегда будет пытаться подавить или подорвать его. Это плохо для всех, а особенно для Балканских стран, где унижение и срыв замыслов создают риск более масштабного и разрушительного разгула националистических страстей.

Западу следовало бы более широко подходить к понятию национализма, увязывая его с демократией и регулируемой законом свободой. Я озвучила эту мысль на лекции в Загребе в 1998 году:

Национальным следует считать совсем не то государство, в котором живет всего лишь одна нация. Это государство, где кровные узы и история большинства придают населению особое единство и сплоченность. Национальные меньшинства при этом вовсе не лишаются тех прав, которые дает гражданство. Государство, в конце концов, — это не то же самое, что племя. Это юридический субъект. Таким образом, забота о правах человека... дополняет чувство государственности, что делает национальное государство прочным и демократичным.

* Carl Bildt, «A Second in the Balkans», Foreign Affairs, January-February 2001.

Я уверена, что именно к такому убеждению придет новое поколение политиков — мужчин и женщин, которые не испорчены тоталитарным мировоззрением прошлого, — в Юго-Восточной Европе. Эту философию, кстати, называют консерватизмом.

Глава 9

Европа: грезы и кошмары

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

На моем веку большинство проблем, с которыми сталкивался мир, так или иначе зарождались в материковой части Европы, а их решение приходило извне. Подобное обобщение особенно справедливо в отношении Второй мировой войны. Нацизм, в конечном итоге, — это европейская идеология, а Третий рейх — претензия на господство в Европе. И тому, и другому противостояла решимость Великобритании, стран Содружества и, конечно, Америки. Итогом стала великая победа свободы. Жители материковой части Европы воспользовались результатами, которых, в общем-то, добились не сами, — некоторые до сих пор обижаются, если им говорят об этом.

Подобное заключение, правда в несколько ином плане, справедливо и для «холодной войны». Хотя марксизм стал имперской идеологией прежде всего в Советском Союзе, который нельзя ограничить рамками Европы, сам он также имеет европейские корни. Не следует забывать, что Карл Маркс был европейским мыслителем; он формировал свои идеи, опираясь на опыт революционной Франции, и, к сожалению, писал свои работы в Британском музее — задолго до того, как они приняли реальный политический образ в Санкт-Петербурге и Москве. В конечном итоге именно либеральные демократические ценности англоязычного мира, провозглашенные из Вашингтона, оказались абсолют

ным противоядием от коммунизма. Во второй раз (или в третий, если взять также и Первую мировую войну, несмотря на то что ее проблемы были несколько сложнее) спасение пришло иза Атлантики.

На личном уровне могу сказать, что немалую толику моей энергии во время работы в качестве премьер-министра забирала Европа, и, если бы начать все сначала, думаю, она потребовала бы ее в еще большей мере Конечно, Великобритании в те дни не приходилось вести воину против европейской сверх державы. Но и тогда не обходилось без напряженной борьбы по вопросам, имевшим колоссальное национальное и международное значение. Заглядывая вперед, в столетие, которое только началось, можно с уверенностью утверждать, что столкновениеинтересов и идей не прекратится.

Именно поэтому я считаю необходимым более пристально взглянуть на то, что поставлено на карту, с точки зрения глобальной перспективы (главным образом в этой главе) и с позиции Великобритании (в следующей главе). Обрисовывая проблемы, я буду предлагать некоторые возможные решения. Адресованы они, однако, совсем не единой Европе. Ей и так давно пытаются давать советы немало британских и прочих критиков. Говоря без обиняков, заниматься этим пустая трата времени: как я покажу далее, она в целом принципиально нереформируема. Мои предложения поэтому предназначены тем, кто еще не успел втянуться в проект и, следовательно, не находится в фатальной зависимости от него.

НОВЫЕ ГОСУДАРСТВА ДЛЯ СТАРОЙ ЕВРОПЫ

Большую часть периода .холодной войны границы западных государств, обозначенные в наших атласах, были на удивление незыблемыми и казалось, они навсегда сохранятся такими. В Азии и тем более в Африке все было значительно более подвижным и нечетким, хотя даже и там появлялись скорее новые названия, а не границы, когда европейские колонии начали одна за другой получать независимость. Самая же главная граница проходила между коммунистическими и некоммунистическими странами, причем первые независимо от их символических названий и титулов находились в сфере влияния Советского Союза или Китая, а вторые, обладая политической независимостью, пользовались официальным или неофициальным покровительством Соединенных Штатов.

После окончания «холодной войны» однако, четкая и понятная картина радикально и, похоже, навсегда изменилась. За несколько лет в Европе появилось больше государств, чем после 1918-1919 годов, когда были подписаны Версальский и Трианонский мирные договоры. Конечно, большинство этих государств были ОБЫМИ)) совсем не потому, что у них отсутствовали политические предшественники. Тем не менее в бывшем Советском Союзе и на Балканском полуострове карты были перекроены так, что политики до сих пор не могут перевести дух, а картографы подсчитать прибыль. Это одна из характерных особенностей нашего времени.

Вместе с тем одновременно проявилась и обратная тенденция. В то время как страны Восточной и Центральной Европы, Балканского региона и бывшего Советского Союза пытались создать жизнеспособные национальные институты, страны Западной Европы занимались заменой своих собственных институтов на интернациональные. В последнее время никто уже даже не притворяется, что Европейский союз — это экономическая организация свободно сотрудничающих независимых государств. Не думаю, например, что континентальные коллеги г-на Блэра могли бы повторить нечто подобное его обещанию «не иметь ничего общего с европейским сверхгосударством» и «неизменно отстаивать британские интересы и нашу независимость»*, а потом высказаться в защиту единой валюты. Только в Великобритании находятся люди, способные нести этот вздор и при этом надеяться, что им поверят. Беспристрастный анализ новейшей истории ясно показывает, в каком направлении идет развитие. Все последние события глобального масштаба — воссоединение Германии, потрясения на финансовых рынках, война на Балканах, рост значения Америки как сверхдержавы — подталкивали к созданию политически единой Европы. Мы подошли к роковой черте, но английское правительство, похоже, этого не заметило.

Конечно, в некотором смысле заблуждения насчет истинных целей Европейского союза вполне объяснимы. Никто и никогда еще не видел ничего подобного. Государства, нужно признать, — в какой-то мере всегда искусственные образования. В конце концов, без интриг Бисмарка не появилась бы объединенная Германия, по крайне мере построенная на основе Пруссии. Практически то же самое можно сказать и о

* Tony Blair, «I’m a British Patriot», Sun, 17 March 1997.

Кавуре с его проектом создания объединенной Италии на основе Пьемонта. Даже самые старые национальные государства — Великобритания и Франция — являются результатом сделок и дипломатических усилий и, в определенной мере, сохраняют целостность именно благодаря им. Государство — дело рук человека, а не природы.

Это еще более справедливо в отношении империй. Они, прежде всего, нуждаются в сильной и преданной элите, которая, используя свои способности и стратагемы, поддерживает их целостность или обеспечивает расширение. То, что империи строятся исключительно на силе, а не согласии (хотя культура и может со временем создать определенные связи), делает их в высшей степени продуктом интриг и уловок.

Спрашивается: каким образом в эту картину может вписаться Европа? Зарождающуюся федеративную Европу нельзя считать национальным государством*. Она строится на подавлении, или, как это преподносят ее горячие сторонники, на замещении концепции национальной самобытности. Акции федеративной Европы нередко направлены на формирование своего рода «нации» европейцев — отсюда и гимн Европы, и флаг Европы, и программы культурной и воспитательной пропаганды, и многое другое. Однако процесс формирования нации, как можно догадаться, требует времени. Кроме того, он, безусловно, должен идти вслед за процессом создания институтов, которым занимаются евроэнтузиасты, — никак не впереди. По сути, приоритет Европейского союза совершенно ясен: создать правительство, а остальное приложится.

Так можно ли считать рождение новой Европы процессом создания империи? Есть и более близкая параллель — высокомерие элиты и сосредоточенность на себе, которые характерны для наднационального правящего класса. И все же совершенно ясно, что Европа не является империей в традиционном смысле. Это не держава, обладающая военной мощью, всеобъемлющим технологическим превосходством или безграничными ресурсами, хотя, надо сказать, она хотела бы приобрести и то, и другое, и третье.

* Надо сказать, что термин «федерализм» имеет различную трактовку. В Америке этот термин означал возврат штатам прав и полномочий, которые, вопреки положениям Конституции США, были переданы федеральному правительству. В Европе под федерализмом обычно понимается практика, существующая в Федеративной Республике Германия, т. е. в государстве с верховной властью центрального правительства и определенной автономией на местном уровне. Именно в этом смысле я и буду использовать данный термин.

Европа фактически более напоминает государство или империю, поставленную с ног на голову. Не располагая по большей части тем, что могло бы составить прочное основание для государственности или имперской власти, она реализует себя лишь через закрепленные за нею права. Нужно только взглянуть на десяток-другой занудных выдержек из директив, циркуляров, отчетов, коммюнике и того, что исходит из ее «парламента», как становится ясно, что Европа — это, по сути, синоним бюрократии. Это правительство бюрократов для бюрократов. Ошеломляет вовсе не абсолютная численность чиновничества Европейского союза: она составляет примерно 30 тысяч человек, что меньше, чем штат муниципалитета Бирмингема, хотя к этому надо еще добавить национальное чиновничество, задачи которого определяются европейским регулированием. Нет, в абсолютную бюрократию Европу превращает то, что *она замкнута исключительно на себя.*

Структуры, планы и программы Европейского союза следует воспринимать просто как существующие ради них самих. Декартовское «я мыслю, следовательно я существую» в европейском преломлении принимает вид «я существую, следовательно я действую», хотя, как и другие международные бюрократии, действует Европа значительно менее эффективно, чем предполагалось. Когда один из посетителей Ватикана однажды спросил папу Иоанна XXIII, сколько народу работает там, тот ответил: «Примерно половина». Это вполне применимо и к Европе.

Движение в направлении бюрократического европейского сверхгосударства — трудно подобрать другое определение тому, что появляется на свет, — имеет огромное значение для мира в целом. Тем не менее каждый раз во время поездок за пределы Европы меня поражает недопонимание происходящего. Вплоть до последнего времени в Америке и на Дальнем Востоке основное внимание уделялось деталям торговых соглашений. Когда же сменяющие друг друга британские правительства — не в последнюю очередь и то, которое возглавляла я в 80-е годы, — расходились во мнениях с остальной Европой, особенно с наиболее влиятельным тандемом Франция — Германия, это воспринималось просто как историческая причуда или борьба национальных интересов.

Сегодня подобное восприятие начинает меняться, особенно в Вашингтоне. Что называется, успели в последний момент. Глубоким заблуждением является мысль о том, что проекты, которые противоре-

чат здравому смыслу, не могут осуществляться всерьез. Создание нового европейского сверхгосударства как раз и есть такой проект. Наступил момент, когда мир должен наконец взглянуть на него открытыми глазами; если это возможно, остановить его; если нет — ограничить его и справиться с ним.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ

Бисмарк, имя которого уже появлялось на этих страницах и к мнению которого следует относиться со всей серьезностью, точно знал, как надо воспринимать призывы к европейскому идеализму. «Я постоянно слышал слово "Европа", — как-то заметил он, — от тех политиков, которые хотели добиться от других держав того, чего не осмеливались потребовать от своего собственного имени». То же самое я могу сказать и о себе.

Идея Европы, я подозреваю, в немалой мере использовалась для надувательства. Не просто национальные интересы, а огромное множество групповых и классовых интересов (особенно сейчас) успешно скрываются под мантией синтетического европейского идеализма. Почти религиозное благоговение перед словом «Европа» идет рука об руку с явно материалистическим крючкотворством и коррупцией. Я попытаюсь объяснить низкие мотивы всего этого несколько позже. Сейчас же хочу остановиться на тех возвышенных аспектах, которыми обставлена идея, поскольку их последствия вызывают более серьезную озабоченность.

Нередко говорят, что история европейского проекта восходит к замыслу ряда политиков континентальной Европы, государственных деятелей и мыслителей создать такую наднациональную структуру, которая сделала бы войны в Европе невозможными. С этой целью Францию и Германию необходимо связать друг с другом, первоначально экономически, а затем, постепенно, и политически. Такое решение, конечно, имело историческое значение. Основу первого этапа осуществления европейского плана интеграции — Европейское объединение угля и стали, учрежденное 18 апреля 1951 года, — заложили Жан Монне и Робер Шуман. Этот план затем был провозглашен в знаменитой (или печально известной) преамбуле подписанного 25 марта 1957 года Римского договора, где была поставлена задача создания «еще более

* Я очень признательна Джеффри Гедмину за то, что он обратил мое внимание на эту цитату.

сплоченного союза». План продолжал существовать и укрепляться вплоть до сегодняшнего дня, когда Европа оказалась на пороге создания федеративного сверхгосударства. К сказанному можно добавить, что этот мотив был *не единственным.* Интеграция не входила, например, в число моих целей или целей Консервативной партии, как я их тогда понимала, в *700,* 800 и 900 годы. Однако реально в то время господствовали идеи Монне, Шумана, де Гаспери, Спаака и Аденауэра, а не Тэтчер (и даже не де Голля и Эрхарда)*.

Я хочу сказать, что за созданием европейского сверхгосударства стояло не просто желание предотвратить войны в Европе. Стремление к нему возникло намного раньше. Если национализм осуждают за притеснение национальных меньшинств, то наднационализм заслуживает еще большего осуждения, поскольку он предполагает подчинение целых государств. Именно это и происходит в Европе. На вершине своего расцвета в ХУ! столетии габсбургская Священная Римская империя, например, стремилась к всемирному господству. Аббревиатура A-E-I-O-U (Austria est imperare orbi universo) — Австрии предначертано править миром), служившая девизом Габсбургов, лаконично и предельно ясно выражает их замыслы. На деле этого удалось достичь лишь отчасти, да и то ненадолго. Вслед за Габсбургами на более короткий, но значительно более кровавый период Европу оседлал Наполеон Бонапарт. Наполеоновская программа объединения Европы выглядит такой современной не только изза того, что она написана на французском языке. Например, одной из целей Бонапарта было, как он выразился, создание «валютного единства по всей Европе». Позже он заявил, что его кодекс общего права, система университетского образования и денежно-кредитная система «превращают Европу в единую семью. Никто не будет покидать дома, путешествуя по ней»**. Президент нынешнего Европейского центрального банка вряд ли мог сформулировать идею лучше.

* Жан Монне (1888-1979) — французский финансист и высокопоставленный чиновник, которого нередко называют отцом-основателем Европейского общего рынка; Робер Шуман (1886-1963) — находясь на посту министра иностранных дел Франции, предложил так называемый «план Шумана», в соответствии с которым было создано Европейское объединение угля и стали; Альчиде де Гаспери (1881-1954) — премьер-министр Италии в 19451953 гг.; Поль Анри Спаак (1899-1972) — поочередно занимал посты премьер-министра и министра иностранных дел Бельгии, высокопоставленный представитель международного сообщества; Конрад Аденауэр (1876-1967) — первый канцлер Западной Германии (1949-1963).

** Процитировано: Luca Einaudi, National Institute Economic Review, April 2000

В Адольфе Гитлере с его устремлениями к европейскому господству вполне можно увидеть последователя Наполеона. Терминология, которой пользовались нацисты, жутковато напоминает ту, что в ходу у нынешних еврофедералистов. Гитлер, в частности, высокомерно говорил в 1943 году о «кучке мелких нацию», которые должны быть уничтожены во имя создания единой Европы*.

Я вовсе не хочу сказать, что сегодняшние сторонники европейского единства склонны к тоталитаризму, хотя известность им принесла совсем не пропаганда терпимости. Просто мы должны уяснить из уроков европейской истории, во-первых, что программы европейской интеграции не обязательно несут благо; во-вторых, что желание осуществить грандиозные утопические планы нередко связано с серьезной угрозой свободе; и в-третьих, что попытки объединить Европу предпринимались и раньше, однако их конец был далеко не таким счастливым, как хотелось бы.

В ответ на это, безусловно, скажут, что цель нынешнего предполагаемого европейского политического союза совсем иная уже потому, что объединение происходит без применения силы, а его официальный мотив — сохранение мира. Но такой аргумент более не может быть убедительным, если вообще когда-либо был таковым.

Сомнительно, чтобы Европейское объединение угля и стали, общий рынок, Европейское экономическое сообщество или Европейский союз, не говоря уже о зарождающемся европейском сверхгосударстве, могли играть заметную роль в предотвращении как прошлых, так и будущих военных конфликтов. Побежденная, расчлененная и униженная Германия не могла быть источником проблем на протяжении всей «холодной войны» а *другие* государства уже давно (фактически со времен Наполеона) не инициировали войн в Европе. Угроза во время «холодной войны» исходила от Советского Союза, мир и свободу в Западной Европе защищало НАТО во главе с США, а не европейские институты. Даже сегодня американское военное присутствие в Европе — важнейшая гарантия безопасности европейского континента перед лицом угроз со стороны стран бывшего Советского Союза и возрожденных амбиций Германии. Поверьте, это ни в коей мере не преувеличение. По всей видимости, пацифистские возможности евро

* Процитировано Джоном Лохландом в его углубленном исследовании истоков еврофедералистской мысли: John Laughland, The Tainted Source: The Undemocratic Origins of the European Idea (London, 1997), p. 19.

энтузиастов раздуваются сверх меры с тем, чтобы убедить нас в необходимости объединения Европы для обеспечения мира, в то время как она активно пытается стать крупнейшей военной державой.

Идея Европы, впрочем, не вызвала бы столь сильного резонанса, будь она связана лишь с картелями, комиссарами и единой политикой в сфере сельского хозяйства. Как человек, глубоко разочарованный тем, что делается от имени «Европы» я вижу это совершенно отчетливо. Европейский миф не становится менее влиятельным оттого, что это миф. Причина здесь в том, что в умах множества людей он ассоциируется с цивилизованным образом жизни. Например, в качестве противопоставления нередко, особенно во Франции, приводится вульгарность американских ценностей. В глазах же многих евроэнтузиастов Европа представляется в какой-то мере реализацией идей законности и правосудия, уходящих корнями в Древнюю Грецию и Рим. С точки зрения утонченных умов, властвовать должны соборы в готическом стиле, картины эпохи Возрождения и классическая музыка XK столетия. Европейская идея, похоже, может практически неограниченно видоизменяться. В этом и заключается ее прелесть. Если вы набожны, она — олицетворение христианского мира. Если вы либерал, она принимает вид философии просветителей. Если вы человек правых взглядов, она является вам оплотом против варварства отсталых континентов. Если же вы придерживаетесь левых взглядов, она воплощает в себе интернационализм, торжество прав человека и помощь третьему миру. Однако за столь безграничной трансформируемостью этой чудесной концепции Европы на деле кроется не что иное, как пустота.

Европа в любом ином смысле помимо географического — совершенно искусственное построение. Нет ни капли смысла в перемешивании Бетховена и Дебюсси, Вольтера и Берка, Вермеера и Пикассо, соборов Парижской Богоматери и Святого Павла, отварной говядины и тушеной рыбы, а затем в преподнесении их как элементов «европейской музыкальной, философской, художественной, архитектурной или гастрономической реальности. Если Европа чем-то и способна очаровать нас, так это своими контрастами и противоречиями, а не связностью и единством. Трудно представить себе что-нибудь менее подходящее для создания успешного политического блока, чем эта предельно неоднородная смесь. Я подозреваю, что в действительности даже самые фанатичные евроэнтузиасты в глубине души понимают это. Они ни за что не признаются и будут утверждать прямо противоположное, но на

деле их чем-то не устраивает повседневная реальность общественной жизни в Европе. Именно поэтому они и пытаются гармонизировать и регулировать ее, а в конечном итоге превратить в нечто совершенно иное, лишенное корней и формы, но зато соответствующее их утопическим планам.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

«Европейская» самобытность, если таковая существует, заметнее всего проявляется в том, что нередко называют европейской экономической и социальной моделью. Эта модель хоть и имеет различные формы в различных европейских странах, тем не менее заметно отличается от американской модели, а точнее, резко с ней расходится. Чтобы охарактеризовать философию, стоящую за ней, и не отождествлять ее со старомодным социализмом, вполне можно воспользоваться некоторыми высказываниями Эдуарда Балладура, который был в свое время премьер-министром Франции: «Что такое рынок? Это закон джунглей, закон природы. А что такое цивилизация? Это борьба против природы»*.

Г-н Балладур — чрезвычайно тонкий и умный французский политик правоцентристского толка. Но он совершенно ничего не понимает в рынках. Рынки не существуют в пустоте. Они требуют взаимного признания правил и доверия. Начиная с определенной ступени развития, только государство, устанавливающее меры веса, системы измерения, правила и законы против мошенничества, спекуляции, картелей и т. п., может обеспечить функционирование рынков. Конечно, рынок — любой рынок — неизбежно ограничивает власть государства. На рынке инициатива принадлежит частным лицам, цены определяются предложением и спросом, а результаты неизбежно непредсказуемы. Однако представление рыночных процессов как примитивных и диких свидетельствует о крайне поверхностном и извращенном понимании того, что составляет основу западной цивилизации и обеспечивает прогресс**.

Во Франции враждебное отношение к рынкам, особенно к международным рынкам, на которых государства торгуют друг с другом,

* Financial Times, 31 December 1993.

** Более полно природа рынков и основы их функционирования рассмотрены в главе 11.

имеет очень глубокие корни. Возможно, французы по складу своего характера более спокойно, чем британцы, относятся к существенному вмешательству государства в экономику и высокому уровню регулирования. Довольно высокая эффективность французской экономики в последние десятилетия, безусловно, подтверждает это.

Вместе с тем в европейской экономической модели есть и германский вариант, который, учитывая размер Германии и ее богатство, пожалуй, имеет более высокую значимость. В то время как французы предпочитают статизм — именно они и придумали это слово, — немцы более склонны к корпоратизму. Нет, их нельзя назвать антикапиталистами, но их концепция капитализма, которую иногда называют рейнским капитализмом, предполагает ограничение конкуренции, благосклонное отношение к картелям и высокий уровень регулирования. Под термином «социальный рынок» кроется другой атрибут этой системы. Это выражение придумал Людвиг Эрхард*, хотя, я полагаю, позднее оно ему разонравилось, поскольку его стали использовать для оправдания широкого вмешательства государства и высоких государственных расходов. Это означает, что немцы сегодня получают более высокие социальные выплаты, чем нормально приемлемо для «сетки безопасности»** в Великобритании с точки зрения любого, за исключением представителей левого крыла Лейбористской партии. Немцы пока еще пытаются сопротивляться настоятельной потребности ограничить эти расходы.

И французы, и немцы, однако, сходятся в том, что экономическая политика, проводимая Америкой и, в значительной мере, Великобританией после 1979 года, является для них неприемлемой. Так, в газете Le Monde министры финансов Франции и Германии заявили: «Чрезмерное стремление неолибералов к не регулированию рынков труда привело не столько к созданию рабочих мест, сколько к блокированию реформ. Мы уверены в том, что европейская социальная модель — это наш козырь, а не препятствие»***.

В действительности целый ряд авторитетных исследований вполне убедительно доказывает прямо противоположное. Изучая результаты

* Людвиг Эрхард (18971977) — министр экономики Западной Германии (19491963); канцлер Западной Германии (19631966).

** «сетка безопасности» — система социальных гарантий, система поддержания государством неимущих слоев населения. — *Прим. пер.*

*** Oscar Lafontain and Dominique Strauss-Kahn, Le Monde, 15 January 1999.

предпринимаемых Францией и Германией попыток повысить занятость путем ограничения рабочего времени, Кит Марзден отметил, что, несмотря на сокращение среднего число отработанных часов, уровень безработицы в обеих странах вырос. В противоположность этому в Соединенных Штатах, где люди стали работать дольше, и в Великобритании, где продолжительность рабочего времени не изменилась, наблюдалось значительное сокращение безработицы. Точно так же не привели к увеличению числа рабочих мест для молодежи и европейские программы раннего выхода на пенсию. Их результатом стало лишь повышение социальных налогов и еще большее обременение бизнеса. В конечном итоге г-н Марзден приходит к следующему выводу:

> Существует четко выраженная обратная зависимость между уровнем государственных расходов и уровнем безработицы. В США, где доля государственных расходов относительно ВВП на 22% ниже, чем во Франции, уровень занятости на 15% выше. Уровень госрасходов Великобритании на 8% ниже, чем в Германии, а уровень занятости при этом выше на 7%*.

Другое исследование, выполненное Биллом Джеймисоном и Патриком Минфордом, высветило целый ряд пагубных с экономической точки зрения характеристик европейской социальной модели: более высокий уровень государственных расходов, более высокий суммарный уровень налогообложения, более высокие социальные отчисления. В наибольшей мере отрицательный эффект обусловлен высокими корпоративными налогами и высоким уровнем регулирования, особенно рынков труда. Оттого, что результат здесь в высшей степени предсказуем, этот пример преднамеренного нанесения себе ущерба собственными руками не становится менее впечатляющим: «контраст по сравнению с Соединенными Штатами разителен. С 1970 года в экономике США было создано почти 50 миллионов рабочих мест, а в Европейском союзе — всего лишь 5 миллионов»**.

* Keith Marsden, Handicap, Not Trump Card: The Franco-German Model isn't Working (Centre fot Policy Studies, July 1999).

** Bill Jamieson and Patrick Minford, Britain and Europe: Choices for Change (Politeia and Global Britaian 1999).

Государственные расходы и безработица в 1999 году		
Государственные расходы, Уровень безработицы, % от ВВП % от численности работающих		
Великобритания	39,1	6,1
Германия	45,9	8,8
Франция	52,1	11,3
Италия	48,3	11,3
Зона евро	46,8	10,0
США	30,0	4,2
Япония	38,1	4,7

Источник: OECO Есопогтс ОиНоо, ОесетЬег 2000: Аппех ТаЫе 28

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПЕНСИОННЫЙ КРИЗИС

С тем, чтобы показать различие между европейской и американской моделями под другим углом, воспользуемся замечательным наблюдением Фридриха фон Хайека. В книге «Дорога к рабству) впервые опубликованной в 1944 году, Хаейк написал:

> Проводимая в настоящее время повсюду [в Европе] политика предоставления защиты то одной группе, то другой очень быстро создает условия, при которых стремление к защищенности становится сильнее любви к свободе. *Причина в том, что каждый раз при предоставлении полной защиты одной группе незащищенность остальных неизбежно возрастает** (курсив автора).

Европейская модель является прямо-таки воплощением этой картины: она ставит защищенность превыше всего и в своем стремлении уменьшить риск неизбежно подавляет предприимчивость. Именно в этом основная причина европейского пенсионного кризиса, смысл которого пока еще не везде понимают.

Конечно, в немалой мере кризис обусловлен демографической ситуацией, падением рождаемости во многих слоях западного общества. Мож

* F.A. Hayek, The Road to Serfdom (London: Routlendge and Kegan Paul, 1979), p. 95.

но рассуждать о причинах этого и о связи с современными ценностями, социальными установками и институтами. Можно также поспорить о том, как следует модифицировать политику таким образом, чтобы остановить падение рождаемости в долгосрочной перспективе. Однако эти дискуссии, несмотря на их увлекательность, не имеют отношения к тому кризису, который *сегодня* переживает значительная часть Европы.

Сам комиссар Европейского союза по внутреннему рынку и налогообложению Фриц Болькештейн признал, что Европа имеет дело с «пенсионной бомбой замедленного действия». По его словам, отношение числа работающих к числу пенсионеров должно упасть с 4:1 до 2:1 к 2040 году. Он заметил также, что если бы нефундированные пенсионные обязательства некоторых стран — членов Союза отражались в отчете об исполнении государственного бюджета, они выглядели бы как долг в размере 200% ВВП*. Наиболее тяжелую форму кризис приобретает в Италии. Ее коэффициент фертильности, равный 1,2, — самый низкий в мире, а пенсионная система — одна из самых дорогостоящих. На нее уходит более 15% ВВП, или 33% фонда заработной платы. По оценкам, эта доля к 2030 году должна возрасти до 50%**.

Страны континентальной Европы попали в западню, безболезненного выхода из которой, похоже, не существует. Естественно, они не могли знать, к чему приведут демографические процессы. Но они прекрасно знали еще несколько лет назад, что не могут позволить себе таких щедрых жестов в адрес пенсионеров. В Великобритании мы именно из-за этого в 1980 году перестали увязывать размер пенсии с размером дохода (сейчас она индексируется в зависимости от роста цен). А в 1986 году сократили бюджетное финансирование государственной пенсионной системы, привязанной к получаемым гражданами доходам (SERPS), и стали поощрять переход на частные системы пенсионного обеспечения. В результате будущие обязательства государства были снижены до приемлемого уровня. Великобритания к настоящему вре

* Speech to the Friends of Europe, 6 February 2001.

** Демографы считают, что коэффициент воспроизводства, т. е. коэффициент фертильности, необходимый для сохранения численности населения, должен составлять 2,1. В Италии правоцентристская администрация Сильвио Берлускони пыталась справиться с пенсионным кризисом еще в 1994 году, когда появились его первые признаки. Сейчас Берлускони и его коллегам предоставлен еще один шанс (см. стр. 378379.). Цифры заимствованы из книги Питера Дж. Петерсона: Peter G. Peterson, Gray Dawn: How the Coming Age Wave will Transform America and the World (New York: Random House, 1999), p. 77-78.

мени инвестировала в пенсионные фонды больше средств, чем все европейские страны вместе взятые. Хотя страны Европейского союза и пытаются периодически сократить свои социальные обязательства, ни одна из них не решилась предпринять столь же значительные шаги. Результат известен: всего лишь три страны, а именно Соединенные Штаты, Великобритания и Япония, владеют тремя четвертями мировых активов пенсионных фондов*.

Как страны материковой части Европы собираются решать свои проблемы, непонятно. Но кто-то, совершенно определенно, будет разочарован — либо пенсионеры, либо работающее население. По всей видимости, официальная статистика фактически занижает возможные масштабы этого разочарования. Причина здесь в том, что мало выразить проблему в терминах государственных финансов, ее можно понять лишь в терминах справедливости в отношении поколений. В этом нет абсолютно ничего умозрительного. Если одно поколение будет знать о том, что ему придется взвалить на себя дополнительное бремя обеспечения другого поколения, оно сделает все, лишь бы избежать этого. Оно либо потребует отмены прошлых обещаний, либо не будет работать, либо перестанет платить налоги, а самые талантливые люди просто уедут. Социалистические правительства, которые пытались повышать налоги до предела, очень хорошо знакомы с этим. Именно поэтому даже правительства левого толка в наши дни стараются понизить предельные налоговые ставки. Отталкиваясь от существующих условий и используя концепцию «счетов поколений» — «представляющих собой сумму всех будущих чистых налогов (т. е. уплаченных налогов за вычетом полученных трансфертных платежей), которые граждане определенного года рождения будут выплачивать всю свою жизнь при сохранении текущей налоговой политики», — Нилл Фергусон и Лоренс Дж. Котликофф дали оценку изменений, необходимых для достижения «баланса поколений». Масштаб предстоящих изменений показывает хотя бы то, что, например, девяти странам Европейского союза потребуется сократить государственные расходы более чем на 20%, если они хотят достичь баланса**.

* Peterson, Gray Dawn p. 164. На практике первой страной, которая решилась на подлинно радикальные шаги в направлении создания национальной системы частных пенсионных фондов, была Чили. Это произошло в 1981 г., когда у власти находилось правительство Пиночета.

** Niall Ferguson and J.Kotlikoff, «The Degeneration of EMU», Foreign Affairs, March-April 2000.

ЕДИНАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЗАЩИТА ПРОИЗВОДИТЕЛЯ

Европейская пенсионная проблема — относительно новое явление. В отличие от нее сельскохозяйственная проблема существует очень давно. Хотя Общий рынок ведет свое начало от проекта, направленного на выработку общей политики на рынке угля и стали, стержнем всей структуры с момента принятия Римского договора стала единая сельскохозяйственная политика (ЕСХП)*. Политические лидеры и их политика приходят и уходят. Программы реформ рождаются и умирают. Но ЕСХП живет вечно. Никто никогда не пытался всерьез обосновать ее. То время, когда нам говорили, что без ЕСХП Европа рискует остаться без продовольствия, давно прошло. Несмотря на неоднократные попытки реформировать ее, предпринимаемые не в последнюю очередь с подачи Великобритании, ЕСХП так и осталась расточительной, наносящей ущерб окружающей среде и чрезвычайно дорогостоящей. Она поглощает примерно 30 млрд. фунтов стерлингов — около половины суммарного бюджета ЕС**. И все же эта политика продолжает действовать, поскольку главным образом из-за нее менее развитые в промышленном плане страны Европы мирятся с другими европейскими программами, снижающими их конкурентоспособность. Кроме того, в ней кроется причина, по которой многие страны стремятся вступить в ЕС.

ЕСХП поднимает стоимость продуктов питания для потребителей из ЕС и тем самым повышает наши издержки и сдерживает рост. Она также снижает цены на продукты питания во всем мире. Дотируемый европейский экспорт продовольствия лишает фермеров из более бедных стран средств к существованию. Все поставлено буквально с ног

* Цели единой сельскохозяйственной политики были очерчены в тексте Римского договора 1957 года. В их число вошли «повышение производительности труда в сельском хозяйстве», «улучшение условий жизни в сельскохозяйственном сообществе», «стабилизация рынков», «Создание запасов продовольствия» и «обеспечение приемлемых для потребителей цен на продовольствие». ЕСХП не предусматривает введения на свободном внутреннем рынке сельскохозяйственной продукции каких-либо тарифов или квот, но зато предполагает протекционистские меры, при которых предпочтение получают фермеры Европейского сообщества. Стабильность цен на сельскохозяйственную продукцию, устанавливаемых Советом министров, поддерживается с помощью экспортных субсидий и интервенций. Более полное описание механизма работы ЕСХП можно найти в работе Ричарда Хауарта: Richard Howarth, «The CAP, Institute of Economic Affairs, June 2000, pp. 4-5.

** Howarth, «The CAP: History and Attempts at Reform», p. 5.

на голову. Индустриальным странам нужна дешевая рабочая сила; аграрные страны должны обеспечить доход своим крестьянам. И те, и другие проигрывают от ЕСХП.

ЕСХП также является орудием глобального протекционизма. По некоторым оценкам, на нее приходится 85% всех дотаций на сельскохозяйственную продукцию в мире*. Неудивительно, что это вызывает широкое возмущение. Другие страны, видя подобную несправедливость, сами с меньшей охотой идут на компромиссы и взаимоприемлемое решение споров.

Европейский союз вовсе не единственный, кто субсидирует сельское хозяйство и занимается протекционизмом в торговле. Однако и в том, и в другом отношении он, несомненно, является самым злостным глобальным нарушителем. По оценкам, ЕСХП обходится мировой экономике в 75 млрд. долларов ежегодно, причем две трети этой суммы европейцам приходится оплачивать через более высокие цены, неэффективность производства и экономические перекосы. Остальное приходится на страны, не входящие в ЕС, в результате упущенных возможностей экспорта сельскохозяйственной продукции**.

Другое авторитетное исследование показывает, что в настоящее время европейская экономика закрыта протекционистскими мерами почти так же, как и 10 лет назад. Профессор Патрик Мессерлин подсчитал, что по всем аспектам стоимость подобной защиты эквивалентна 7% от ВВП всех стран Европейского союза и составляет около 600 млрд. долларов***.

Стремление к протекционизму, проявляющееся не только в ЕСХП, но и при решении множества торговых споров (связанных, например, с кино продукцией, бананами и говядиной, полученной с использованием гормональных препаратов), заложено в самой природе проекта создания объединенной Европы. Нежелание открыто торговать с внешним миром является лишь отражением нежелания принимать условия открытых рынков у себя в стране. Следует знать, что ЕС и его пред

* Graeme Leach, EU Membership – What's the Bottom Line?, Institute of Directors Policy Paper, March 2000.

** Данные оценки принадлежат экономистам Бренту Борреллу и Лайонелу Хаббарду. Процитировано: Denise H. Froning and Aaron Schavey, «How the United States Executive Memorandum, 7 7 March 2001.

*** «Europe's Burden», The Economist, 22 May 1999.

шественники никогда не были заинтересованы в свободной торговле. Как и раньше, они остаются своего рода таможенным союзом, т. е. группой стран, которые, допуская свободную торговлю друг с другом, отгораживаются общими тарифами от остального мира. За последние 40 лет уровень этих тарифов резко снизился — в среднем с 12 до 3% — в результате заключения международных торговых договоров. Но тем не менее концепция свободной глобальной торговли никогда не была и никогда не будет привлекательной для европейских стран.

Теоретически фундаментальные реформы ЕСХП, если таковые когда-либо произойдут, могут устранить одну из основных причин, по которым ЕС является оплотом протекционизма. Однако сочетание высоких налогов, жесткого регулирования и высоких издержек, с одной стороны, и отсутствия гибкости, обусловленного единой валютой и процентной ставкой, с другой, в любом случае будет толкать Европу на путь протекционизма. Даже правила Всемирной торговой организации оставляют множество лазеек, пользуясь которыми ЕС может скрытно защищать своих производителей, например с помощью «антидемпинговых» мер. Торговые партнеры Европы должны иметь в виду, что ЕС не преминет воспользоваться ими.

При выходе на мировую сцену европейское сверхгосударство, несомненно, попытает пропагандировать свои идеи в сфере экономики, как, впрочем, и в других областях. Оно будет бороться с «неолиберализмом», т. е. с верой в свободные рынки, которые министры финансов Франции и Германии так откровенно осудили в газете Le Mond. Оно постарается заменить существующую модель международной торговли и финансов на более управляемую, читай более бюрократическую. В конечном итоге европейцы потерпят неудачу. Однако этот «конечный итог») может наступить очень не скоро, а до того времени они успеют создать массу проблем.

ВСЕ ШИРЕ И ШИРЕ...

В подобной ситуации может показаться странным, что ЕС буквально осаждают страны, желающие в него вступить. Недостатки системы, что ни говори, у всех на виду. Тем не менее вопрос расширения чаще других обсуждается в европейских кругах, по крайней мере на публике.

Подтверждение тому — декабрьский саммит 2000 года в Ницце, посвященный подготовке к дальнейшему расширению Европейского со

юза. Присутствовавшие на нем доказывали, что увеличение числа членов с 15 до 27 потребует институциональной реформы, которая должна упростить процесс принятия решений, т. е. отмены национального права вето*. Несложно увидеть, насколько это соответствует федералистской программе. Что вызывает сомнение, так это искренность, с которой страны ЕС относятся к расширению.

В 80-х годах и на протяжении большей части 90х Великобритания оставалась в первых рядах сторонников расширения Сообщества. Находясь на посту премьер-министра, я очень хотела, чтобы освободившиеся от диктаторских режимов Испания и Португалия получили возможности и стабильность, столь необходимые для процветания демократии. И я, и сменивший меня Джон Мейджор еще более страстно желали видеть среди членов Сообщества бывшие коммунистические страны Центральной и Восточной Европы — по той же самой причине. Расширение границ свободной и процветающей Европы на восток было неотъемлемой частью программы превращения Европы в континент сотрудничающих национальных государств, о чем я прямо заявила в своем выступлении в городе Брюгге в 1988 году. Тогда я напомнила присутствовавшим о том, что «мы всегда будем [т. е. должны] видеть в Варшаве, Праге и Будапеште великие европейские города». После падения в следующем году Берлинской стены этот аргумент стал еще более неоспоримым. Теперь, когда старая политическая стена, отделявшая Запад от Востока, рухнула, дальнейшее экономическое размежевание Европы с помощью тарифной стены было совершенно неоправданным.

Увы, Европейское сообщество сделало прямо противоположное. Вместо того чтобы открыть двери для бывших коммунистических государств — за исключением Восточной Германии, которая присоединилась к Западу, не спросив его разрешения, — их оставили один на один с демпинговыми ценами ЕСХП и мелочной системой торговых квот. Спустя 12 лет после крушения коммунистической системы Польша, Венгрия, Чешская Республика и иже с ними все еще ожидают своей очереди.

Расширение Сообщества на восток, которое традиционно привлекало британцев и немцев, всегда вызывало значительно меньше эн

* В «следующую волну» стран-андидатов входят Болгария, Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чешская Республика, Эстония.

тузиазма у французов и государств юга Европы. Особой тайны из причин этого никто не делает. Пытаясь помочь бывшим коммунистическим странам создать эффективные экономические системы по западному образцу, правительства Великобритании рассчитывали на то, что, пользуясь жаргоном ЕС, «расширение» будет происходить при отказе от «углубления». В случае увеличения числа членов до 27 (с учетом всех стран-претендентов) создание федеративного сверхгосударства, на наш взгляд, становится совершенно невозможным. Разногласия и потенциальные конфликты между членами при этом будут слишком велики.

Для немцев расширение на восток привлекательно с другой стороны и отражает другие геополитические интересы. В документе ХДС/ХСС под названием «Размышления о Европе) от 1 сентября 1994 года они определены следующим образом:

> Единственную возможность предотвратить возврат к нестабильной довоенной системе, где Германия оказывается на границе между Востоком и Западом [довольно оригинальное изображение Третьего рейха в тридцатые годы!], дает интеграция центрально и восточнсевропейских соседей Германии в европейскую послевоенную систему и налаживание широкомасштабного сотрудничества с Россией... Если европейская интеграция не будет развиваться, соображения собственной безопасности могут вынудить или подтолкнуть Германию к *самостоятельной стабилизации Восточной Европы традиционным путем* (курсив автора).

В противоположность этому французы не ищут друзей или клиентов в Восточной Европе за исключением, в какой-то мере, Румынии. Франция, а в еще большей степени Греция, Испания и Португалия, крайне озабочены тем, как скажется принятие новых членов со значительным и примитивным аграрным сектором на ЕСХП и тех привилегиях, которые она им дает.

Пока немцы приветствуют вступление бывших коммунистических стран в Союз, этот процесс, хотя и черепашьим шагом, но все же идет. Вместе с тем в последнее время в Германии стали появляться признаки сопротивления расширению. Германский комиссар ЕС по вопросам расширения Гюнтер Ферхойген, например, заявил, что в Германии следует провести референдум, прежде чем продолжить расширение. 0бщественное мнение в стране, похоже, решительно против свободного притока товаров, услуг и, прежде всего, рабочей силы с востока. Замет

нее всего враждебное отношение к приближающемуся приобретению полноправного членства Польшей*.

Нынешнее британское правительство, по всей видимости, все еще поддерживает скорейшее расширение. Однако возникают сомнения, есть ли в такой политике смысл. Развитие событий в Европейском союзе в течение последнего десятилетия явно свидетельствует о том, что «углубление», т. е. настойчивое аккумулирование все большей власти европейскими институтами, позволяющей попирать национальные устремления и интересы, будет продолжаться и в дальнейшем независимо от масштабов «расширения» членства. Как видно из решений, принятых в Ницце, даже туманные перспективы расширения используются в качестве предлога для принятия мер, направленных на дальнейшую централизацию. Давняя же надежда Великобритании на то, что появление новых членов приведет к фундаментальному реформированию финансовой политики ЕС, в первую очередь ЕСХП, по всем признакам становится все более иллюзорной.

По этим причинам аргументы в пользу расширения ЕС больше не убеждают меня. Несмотря на то что я прекрасно понимаю весь комплекс исторических, политических и экономических факторов, которые обусловливают стремление стран Центральной и Восточной Европы к полноправному членству, меня одолевают сомнения, разумно ли это в сложившихся условиях. После ухода с поста премьеринистра у меня было немало откровенных и дружеских (в прямом, а не дипломатическом смысле этого слова) бесед с ведущими политическими фигурами этих стран. Большинство из них под нажимом признают, что их беспокоят возможные последствия вступления в ЕС. Эти люди, прожив большую часть века под властью социалистической бюрократии и хорошо зная, как растаптываются национальная индивидуальность и права, отнюдь не горят желанием попасть под правление Брюсселя. Хотя многие глубоко озабочены нестабильностью, идущей с востока, и все еще стремятся получить гарантии, связанные с членством в ЕС (а также и в НАТО), у них практически нет иллюзий относительно господства Германии в Европе. Это также является причиной беспокойства, но вряд ли кто признается в этом публично.

Европейские политики и должностные лица имеют обыкновение снисходительно рассуждать о том, как много еще предстоит сделать пре

* «Germany Goes Cool on Polish Hopes to Join EU», The Times, 10 October 2000.

тендентам в области модернизации и открытости их экономических систем, прежде чем они смогут получить доступ в Союз. Но реально европейцев беспокоит *собственная* неготовность к конкуренции с дешевой продукцией. Если в процессе подготовки к вступлению в ЕС бывшие коммунистические страны добьются полного соответствия правилам и нормам, действующим в Европе, они лишатся львиной доли своей нынешней конкурентоспособности. Когда же это произойдет, их низкие темпы роста вполне могут быть использованы в качестве предлога для очередной отсрочки принятия в ЕС. С моей точки зрения, странамандидатам следует еще раз тщательно и всесторонне обдумать, является ли полноправное членство в Европейском союзе именно тем, чего они хотят на самом деле. Заключение договоров о свободной торговле с ЕС, Северной Америкой (МАРТА) и, конечно, с Великобританией (о которой пойдет речь в следующей главе) может с точки зрения их интересов оказаться более подходящим вариантом.

Подытоживая сказанное, хочу подчеркнуть следующие моменты:

- **Старые доводы в пользу расширения Европейского союза в нынешней ситуации потеряли свое значение.**
- **На Европейский союз следует оказать нажим, с тем чтобы он пошел на заключение договоров о свободной торговле со странамиандидатами.**
- **Необходимо также прекратить разрушение аграрного сектора этих стран, занижая цены на их сельскохозяйственную продукцию в ущерб фермерам.**
- **Правительствам странандидатов стоило бы поискать другие пути модернизации экономики и расширения рынков — такие, которые не требуют отказа от суверенитета, подчинения Германии и повышения издержек производства.**

УГРОЗА ДЕМОКРАТИИ

Странамандидатам неплохо также иметь представление о том, как функционирует Европейский союз. Его стиль крайне трудно выразить одним словом — это фактически невероятная смесь авторитаризма, бюрократии и интервенционизма, с одной стороны, и соглашательства, отсутствия стимулов и неэффективности — с другой. Европейский союз вечно полон всяких планов, программ и проектов. Результат по боль

шей части — неэффективная мешанина. Руководство невероятно красноречиво, однако его решения — объект торговли. Его претензии на великодержавность не имеют себе равных, однако средства, имеющиеся в его распоряжении, ограничены, а попытки занять место на мировой сцене лишь все усложняют.

Возможно, самый серьезный недостаток этого оперяющегося сверхгосударства заключается в том, что оно не является демократическим, не будет демократическим, да и в принципе не может стать таковым. Дело здесь вовсе не в постоянно склоняемом «демократическом дефиците» который обычно связывается с несоответствием полномочий Европейской комиссии и Европарламента. На деле эта дискуссия исходит из ложной предпосылки. И Комиссия, и Парламент проводят одну и ту же федералистскую программу, а она не является демократической.

Подлинная причина, по которой дееспособная панъевропейская демократия не может существовать, заключается в отсутствии панъевропейского общественного мнения. Сколько бы попыток наладить связи между политическими партиями различных европейских стран ни предпринималось, эти партии будут ориентироваться на национальные программы и вопросы, поскольку именно от них зависит их успех и будущее. Влияние же европейских вопросов на результаты выборов скорее всего будет негативным, ибо то, что идет на пользу Европейскому союзу, например открытые границы или более свободная иммиграция, вызывает всеобщее раздражение.

Хотя это и банально, но нередко забывают о том, что между государствами Европейского союза существуют чрезвычайно серьезные языковые барьеры: в нынешних государствах-членах люди говорят не менее чем на 12 основных языках*. Даже у высокообразованной элиты, достаточно хорошо владеющей иностранными языками, образ мыслей может быть очень далеким от того, который характерен для носителей языка. Именно поэтому для подавляющего большинства европейского населения понятие естожительство) имеет национальный или местный, а не континентальный смысл**.

* На английском, греческом, датском, ирландском (гэльском), испанском (кастильском), итальянском, немецком, нидерландском, португальском, финском, французском и шведском языках.

** Так, опрос европейцев в возрасте от 21 до 35 лет показал, что лишь один из трех ощущает себя европейцем, а не жителем собственной страны. Этот показатель, правда, варьирует в зависимости от страны: 40% молодых итальянцев считают себя

Конечно, со временем европейцы могут поголовно перейти на английский (если это и шутка, то лишь наполовину)*. Если такое случится, можно всерьез подумать о выводе демократии на панъевропейский уровень. Сегодня же, да и в обозримом будущем, увеличение числа наднациональных решений будет означать все большее отдаление Европы от демократии.

Ни одна из множества предложенных схем введения в Европе новой «конституции» не может изменить сложившейся ситуации. Для меня совершенно очевидно, что самые твердые сторонники еврофедерализма зачастую в начале своей политической карьеры увлекались детским утопизмом, слегка замешанным на революционном принуждении конца 60-х и 70-х Годов. Некоторые из них от рождения ошибочно судят практически обо всем, даже когда изменяют свою позицию на прямо противоположную. Взять хотя бы изложенные 12 мая 2000 года в Берлине взгляды министра иностранных дел Германии Йошки Фишера, чьи откровения во времена, когда он был молодым политиком леворадикального толка, попеременно развлекали и шокировали немецкую публику, на то, что он назвал «завершением европейской интеграции». Решением текущих проблем герр Фишер считает следующее:

> ...Переход от союза государств к полновесной парламентской структуре, имеющей форму Европейской Федерации... Это предполагает наличие такого европейского парламента и правительства, которые будут реальной законодательной и исполнительной властью в Федерации. Федерация должна строиться на основе учредительного договора.

Далее он доказывает необходимость:

> ...завершения политической интеграции... [через] создание центра тяжести. Это группа государств, заключающая новый европейский рамочный договор и создающая ядро Федерации. Но основе такого договора Федерация может создавать свои собственные институты: *правительство, которое в пределахЕС будет единодушно выступать от имени чле*

в первую очередь европейцами, а в Великобритании этот показатель достигает лишь 25%. Time Magazine survey, 26 MarcЬ 2001.

Помимо родного языка 41% европейцев знают английский, 19% — французский, а 10% — немецкий язык. Более того, 70% европейцев считают, что в ЕС все должны знать английский язык. Europeans and Languages, Eurobarometr Report, 54, 15 February 2001.

нов группы по любому вопросу, сильный парламент и избираемый путем прямого голосования президент (курсив автора)*[1].

Чтобы ктонибудь случайно не принял это за провокационный пробный шар, замечу, что весь этот пакет был позднее одобрен остальными. Президент Жак Ширак во время выступления в германском бундестаге высказался за формирование «первоначальной группы» европейских стран во главе с Францией и Германией, которые стремятся к более глубокой политической интеграции*[2]. В развитие этой мысли канцлер Шредер призвал преобразовать Европейскую комиссию в «сильный европейский орган исполнительной власти» с выборным руководителем, иными словами создать Европейское правительство*[3] Вслед за этим Лионель Жоспен, премьер-министр Франции, посвоему приукрасил проект федерализации. Несмотря на то что его идеи расходились с идеями канцлера Германии по некоторым аспектам — он хотел видеть более широкое экономическое регулирование и менее влиятельную Европейскую комиссию, — мсье Жоспен был полностью на стороне «европейского правительства зоны евро»*[4]. Франкогерманская ось (хотя сейчас вернее было бы называть ее германо-французской), совершенно очевидно, продолжает исправно функционировать, несмотря ни на что. Увы, Великобритания не может на нее эффективно воздействовать, даже если бы ее нынешнее правительство и захотело это сделать.

Возведение гигантской федеративной суперструктуры есть не что иное, как строительство нового европейского сверхгосударства. Отрицать это и называть новое образование «сверхдержавой», как настаивает Тони Блэр, — пустая софистика*[5]. Я подарю экземпляр моих мемуаров любому, кто сможет убедительно объяснить, что такое европейская сверхдержава, которая не является сверхгосударством. Почему-то мне кажется, что моим запасам мемуаров ничто не угрожает.

*[1] Выступление в Университете Гумбольдта, Берлин, 12 мая 2000 г. Интересно отметить, что очень похожие взгляды выражает еще один бывший проповедник левых взглядов и революционер, ныне член Европарламента от Партии зеленых Даниэль Ко-Бендит. Guardian, 10 November 2000.

*[2] Речь в германском бундестаге, Берлин, 27 июня 2000 г.

*[3] Предложения канцлера Шредера изложены в документе под названием «В ответе за Европу», проект которого опубликован Социало-демократической партией Германии 30 апреля 2001 г.

*[4] Выступление в Париже 28 мая 2001 г.

*[5] Выступление Тони Блэра на Польской фондовой бирже, Варшава, 6 октября 2000 г.

Как я уже объясняла, до тех пор, пока не будет подлинно всеевропейского общественного мнения, что, в свою очередь, должно привести к возникновению подлинно всеевропейского самосознания, Европа не может быть демократической. Если подобный довод покажется не слишком обоснованным, то нужно лишь взглянуть на многочисленные факты презрительного отношения европейских политиков и чиновников к обычным демократическим процедурам. Думаю, следующих примеров будет вполне достаточно.

Немцы уверены, что главным символом их послевоенных достижений была марка, опекаемая Немецким федеральным банком с достойным подражания мастерством. Стоит ли удивляться тому, что подавляющая часть населения хотела сохранить ее. В ходе опроса общественного мнения в 1992 году 84% респондентов высказалось в пользу референдума по вопросу присоединения к Маастрихтскому договору. Почти 75% высказались решительно против отмены национальной валюты*. Однако никакого референдума так и не было, а немецкая марка была принесена в жертву новой валюте — евро. Политическая и деловая элита Германии приняли решение, а мнение большинства оказалось никому не нужным. Вместе с тем это мнение так и не изменилось: в соответствии с опросом, проведенным в марте 2001 года, 70% немцев были против введения евро**. Похоже, это никого не интересовало.

Когда датчане, которым удалось добиться проведения референдума, проголосовали 2 июня 1992 года за отказ от Маастрихта, проевропейски настроенная датская политическая элита решила, что голосование будет продолжаться до тех пор, пока не получится нужный результат. Вдобавок к этому тогдашний британский министр иностранных дел Дуглас Херд предостерег Данию, что повторное «нет» приведет к «изоляции» страны и может спровоцировать «кризис, способный подорвать положение Дании в ЕС»***. В результате таких угроз датчане изменили свое мнение и 18 мая 1993 года покорно проголосовали «за»

Брюссель, однако, подобно хулигану, которому поначалу все сходило с рук, продолжал угрожать датчанам до тех пор, пока не зашел слиш

* Результаты опроса, проведенного Институтом Виккерта и журналом Stern, опубликованы в газете The, 23 September 1992.
** *Daily Telegraph,* 3 April 2001. ***
The Times, 27 April 1993.

ком далеко. Возмутительное замечание Педро Солбеса, европейского комиссара по экономическому и валютному союзу, в марте 2000 года по поводу того, что «неполное членство далее неприемлемо: член ЕС должен быть участником экономического и валютного союза» не оказало никакого влияния на результаты референдума в сентябре того же года*. Пятьдесят три процента проголосовавших, невзирая на предупреждение, высказалось против единой валюты. Тем не менее можно не сомневаться: еврократия добьется своего**.

Это касается и Швейцарии. Швейцарцы прекрасно себя чувствовали без Европейского союза. У них было все — и процветание, и стабильность, и свобода, поэтому были все основания считать, что вряд ли кто захочет расстроить существующее положение дел. Но проевропейское федеральное правительство Швейцарии думает иначе. На референдуме 4 марта 2001 года 77% швейцарцев высказались против вступления в ЕС. Ни один из кантонов не проголосовал «за». Несмотря на это, федеральное правительство продолжает твердить о своем намерении присоединиться к ЕС в ближайшие 510 лет.

Странам, подобным Швейцарии, и государствам Центральной и Восточной Европы (по примеру датчан, трезво взвесивших ситуацию перед голосованием на последнем референдуме) следовало бы повнимательнее присмотреться к тому, как Европейский союз обошелся с Австрией. В октябре 1999 года австрийцы проголосовали за ликвидацию старой, продажной системы распределения власти и льгот между левыми и правыми. Пятьдесят четыре процента избирателей поддержали Австрийскую народную партию и Австрийскую партию свободы. Нет никаких оснований считать, что результаты были подтасованы. Все произошло совершенно мирно и спокойно. Правая Партия свободы, возглавляемая Йоргом Хайдером, честно заработала 27% голосов. Но Совет министров ЕС, в котором преобладают левые, при поддержке президента Ширака ввел политические санкции против Австрии в расчете на то, что австрийцы вернут к власти левых. В качестве довода, подтверждающего правоэкстремистскую опасность для Европы,

* Daily Telegraph, 16 March 2000.

** Одна из самых последних размолвок между еврократией и демократией произошла в Ирландии, где после того, как на референдуме большинство проголосовало против договора, заключенного в Ницце, европейский комиссар по вопросам расширения Гюнтер Ферхойген заметил: «Результаты референдума в одной стране не могут заблокировать проект, который значит так много для политического и экономического будущего объединенной Европы» (The Times, 9 June 2001).

приводились различные высказывания герра Хайдера. Закрадывается, однако, подозрение, что в не меньшей мере неодобрительное отношение ЕС к Партии свободы связано с ее скептическим отношением к европейской интеграции. Вне всякого сомнения, европейцы полагали, что маленькая Австрия быстро пойдет на попятную, но санкции привели к обратному эффекту. Австрийцы, которые вовсе не пылали любовью к Хайдеру, сплотились вокруг правительства. Они испытывали глубокое возмущение. В ЕС поняли, что перегнули палку, а это может сказаться на результатах приближающегося референдума в Дании. Как оказалось, беспокойство было не напрасным. Тогда была избрана тактика «сохранения лица» и 12 сентября 2000 года после отчета, подготовленного «тремя мудрецами» санкции были тихо сняты*.

Грубая попытка вопреки воле австрийского народа получить национальное правительство, характер которого устраивает страны — члены ЕС, предельно ясно характеризует образ будущего. В этой связи нельзя не обратить внимания и на угрозу канцлера Шредера, неуклюже брошенную в сторону Италии в самый разгар австрийского кризиса. Подобную акцию было обещано предпринять и против нее, если она допустит приход к власти правых сил**.

На деле все, чего опасаются левые деятели от ЕС, сконцентрировано в лице Сильвио Берлускони и его партии «Форца Италиа», а также партий «Северная лига» и «Национальный альянс». Синьор Берлускони — динамичный бизнесмен, а не замшелый бюрократ. Он и его партнеры принадлежат к числу твердых антикоммунистов. Его программа ориентирована на освобождение компаний от государственного контроля. Коалиция «Дом свободы» — умеренно консервативная группировка, взгляды которой сходны с теми, что проповедуют консерваторы в Великобритании и Соединенных Штатах. Но это уже чересчур для левоцентристских еврофедералистов, которые совершенно не верят в преданность синьора Берлускони их грандиозной задумке похоронить национальные государства под конструкцией единого сверхгосударства. Развернутая в средствах массовой информации по всей Европе кампания очернения синьора Берлускони преследует единственную цель: заставить итальянский электорат пойти на попят

* В «тройку мудрецов» вошли: Мартти Ахтисаари, бывший президент Финляндии; Йохен Фровайн, директор Института Макса Планка в Гейдельберге; Марселино Ореха, бывший министр иностранных дел Испании.

** The Times, 19 February 2000.

ную и отдать предпочтение левым. Это настолько возмутительно, что я выступила с поддержкой в его адрес в открытом письме, направленном в итальянскую прессу. В нем, в частности, говорилось: «Это не первая попытка европейского масштаба запугать национальный электорат. Однако она вполне может стать последней, если Италия откажется встать на колени».

Письмо получило широкий резонанс и, возможно, возымело действие. Так или иначе, итальянцы в массе своей проголосовали за партии, входящие в «Дом свободы» и за правительство Берлускони, которое, если сохранит единство, реально может превратить Италию в эффективное, процветающее и современное государство.

В случае с Италией — крупнейшим европейским государством, входящим в состав первоначальной шестерки, — у левых правительств стран ЕС хватило благоразумия, чтобы удержаться от прямых угроз применения санкций. Но это вовсе не значит, что к более мелким государствам — вроде Австрии — подход будет таким же, осмельсь они проголосовать за партии, неугодные ЕС. На этот случай европейский Совет министров, находящийся в Амстердаме, уполномочен определять, имеются ли в государстве — члене ЕС «Серьезные и непрекращающиеся нарушения» принципов «Свободы, демократии, уважения прав человека» и т. п., а затем приостанавливать частично или полностью права этого члена (Статья 7)*. В Ницце возможности Европы угрожать тем, чья политика не устраивает большинство правительств стран-членов, были существенно расширены в результате уточнения языка, используемого в Амстердаме. Так что теперь Совет министров может оперировать понятием «явный *риск* серьезного нарушения» (курсив автора). Так мало-помалу идет расширение центральной власти и выхолащивание права национального демократического выбора.

Оборотной стороной отсутствия демократии в ЕС является отсутствие отчетности. Интерес общества просто недостаточен для того, чтобы ставить под постоянный и эффективный контроль поведение европейских политиков и высокопоставленных чиновников. Отдаленность причинной связи открывает простор для злоупотребления властью,

* На деле ЕС не осмелился поступить таким образом с Австрией, поскольку подобных нарушений там просто быть не могло, а использовал механизм «двусторонних» санкций со стороны всех членов ЕС, чтобы добиться того же результата. Типичный европейский трюк.

нецелевого использования общественных средств, а в некоторых случаях и для коррупции.

Стоит лишь прочитать убийственное заключение «комитета независимых экспертов» по заявлениям о фактах мошенничества, злоупотребления в управлении и семейственности от 15 марта 1999 года. Там говорится о таких вещах, как:

.. .утрата контроля политических властей над администрацией, которой они должны управлять (Параграф 9.2.2);

случаи, когда комиссары или комиссии в целом повинны в мошенничестве, несоблюдении правил или злоупотреблениях в управлении их службами или зонами ответственности (Параграф 9.2.3);

создание... «государства в государство» (Параграф 9.2.8);

использование общественных фондов (в некоторых случаях незаконное) для приведения в соответствие поставленных целей и выделенных на них ресурсов (Параграф 9.4.3);

невозможность найти хотя бы одного человека, обладающего чувством ответственности (Параграф 9.4.25).

В этом нет ничего удивительного. Если к системе централизованного принятия решений добавить завесу секретности и отсутствие реального обсуждения целей и средств, вряд ли стоит ожидать чего-то иного, кроме как взяточничества и некомпетентности. Ситуация не изменится, даже если подбирать и назначать безукоризненно честных людей с самыми прочными моральными устоями. Ее не поправить ни технической, ни процедурной реформами вроде тех, которые предложил вице-президент Европейской комиссии Нил Киннок.

В соответствии со сложившейся в Европе практикой, проблемы, возникающие в результате расширения неподотчетной центральной власти, неизменно используются для еще большего ее расширения под тем предлогом, что это нужно для устранения этих проблем. Так, в ответ на возмутительный уровень мошенничества в ЕС было предложено создать европейскую систему уголовного и процессуального права специально для борьбы против мошенничества с бюджетными средствами Сообщества, т. е., по существу, федеральную систему уголовного судопроизводства. Эта система, известная посвященным как *Corpus Juris* предполагает учреждение должности Европейского общественного обвинителя с представителем в каждой из столиц. Ряд специаль

ных национальных судов, функционирующих по общим европейским правилам, будет выдавать «европейские ордера на арест» и сможет по требованию Обвинителя заключать потенциальных ответчиков в тюрьму на длительные сроки без судебного разбирательства[*1].

Институт присяжных заседателей исключается из этих специальных судов, а предлагаемые европейские определения преступлений, связанных с мошенничеством, с одной стороны, неясны по содержанию, а с другой — значительно шире, чем, например, в британском законодательстве. Совершенно ясно, что это лишь первый шаг. Перспектива угадывается в положениях Амстердамского договора, который дает членам ЕС полномочия на «сближение, при необходимости, норм уголовного права» и «осуществление совместных судебных действий»[*2]. Реализация предложений находится пока на начальной стадии. Но после принятого на саммите в Тампере в октябре 1999 года решения учредить EUROJUST — орган, в котором должны быть представлены обвинители, судьи и полицейские чиновники от каждого государства-члена, — и недавнего предложения создать «европейское судебное пространство» можно не сомневаться: они обязательно материализуются в той или иной форме[*3]. Рассматриваемые попутно призывы превратить Европол во всеевропейский аналог ФБР лишь дополняют картину того, что произойдет, когда еврофедералисты добьются своего[*4].

Таким образом, подводя итог, я делаю следующие выводы:

• Европейский союз принципиально не может быть «демократической» структурой: попытки достичь этой иллюзорной цели на

[*1] Европейская комиссия надеялась добиться быстрого принятия этого предложения под предлогом событий 11 сентября. Однако, как заметил Мартин Хоу, «существующие предложения по введению всеевропейских ордеров на арест мало чем помогут в борьбе против терроризма, но зато подорвут и без того неадекватные основные гарантии, предоставляемые Европейской конвенцией по экстрадиции» (Tacking Terrorism, p. 20).

[*2] Статьи 29 и 31 Договора о Европейском союзе с поправками и новой нумерацией, внесенными Амстердамским договором.

[*3] Предложение по Правилам, регулирующим общую деятельность Сообщества по ускоренному созданию европейского судебного пространства по гражданским делам, было представлено Комиссией 5 июня 2001 г.

[*4] В документе СДПГ под названием «В ответе за Евроггр (30 апреля 2000 г.) канцлер Шредер предложил преобразовать Европол в «оперативную европейскую полицейскую структуру, наделенную исполнительной властью». В своем выступлении в Париже 28 мая 2001 г. мсье Жоспен одобрил такой подход.

деле ведут к еще большему ущемлению прав национального электората.

- **Точно так же не может быть и программы реформ, которая способна сделать политиков и должностных лиц ЕС реально подотчетными.**
- **Самое большее, что может сделать в настоящее время Великобритания и другие государства-члены, которым небезразлична их собственная демократия, — это противодействовать кампаниям запугивания и клеветы всякий раз, когда ЕС применяет эту тактику против кого-либо.**

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВАЛЮТА — ПРОГРАММА ДЛЯ СВЕРХГОСУДАРСТВА

Вплоть до настоящего момента самым значительным проявлением замыслов по созданию полноценного сверхгосударства является введение единой европейской валюты*. Этот проект имеет главным образом политический, а не экономический смысл. Право эмитировать валюту — фундаментальный атрибут суверенного государства, а вовсе не символический или технический вопрос. Недаром во все века нарушение этого права фальшивомонетчиками считалось тягчайшим преступлением и каралось соответствующим образом. Современные континентальные сторонники евро даже не пытаются скрывать реальное положение вещей, в этом отношении они намного откровеннее своих британских коллег.

> Мы стремимся к политическому объединению Европы. Без валютного союза не может быть союза политического и наоборот (экс-канцлер Гельмут Коль)**.

* Последствия введения евро для Великобритании подробно рассмотрены в главе 10. Двенадцать стран-участниц — Бельгия, Германия, Греция, Испания, Франция, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Австрия, Португалия и Финляндия — переходят на евро в следующем порядке: к концу 1998 г. учреждается Европейский центральный банк (ЕЦБ); 1 января 1999 г. фиксируются обменные курсы евро и старых национальных валют, а ЕЦБ устанавливает единую процентную ставку; с 1 января по 30 июня 2002 г. евро обращается параллельно с национальными валютами; к 30 июня 2002 г. национальные валюты изымаются из обращения.

** The Times, 6 November 1997.

Введение единой европейской валюты ни в коей мере не было чисто экономическим решением. Валютный союз нужен для того, чтобы мы, европейцы, могли продолжать движение к политической интеграции (канцлер Герхард Шредер)*[1]

Введение единой валюты прежде всего не экономический, а суверенный и поэтому политический акт (министр иностранных дел Германии Йошка Фишер)*[2]

Совет министров финансов 11 стран зоны евро превратится в кокономическое правительство Европь (бывший министр финансов Франции Доминик Строссан)*[3]

Единая валюта — это самый серьезный отказ от суверенного права с момента создания Европейского сообщества на основе Римского договора... Когда говорят, что этот шаг ведет к политическому союзу, то делают логичное заключение, однако при этом упускают из виду нечто принципиально важное. Заключение вполне логично, поскольку невозможно, предприняв такой шаг, не пойти дальше. Из виду же упускают то, что такое решение по существу политическое, ибо смысл его в отказе от одного из главнейших атрибутов суверенитета, которым пользуются наши национальные государства (бывший премьеринистр Испании Фелипе Гонсалес)*[4]

Теперь нам нужно экономическое правительство для зоны евро (премьеринистр Франции Лионель Жоспен)*[5]

Кто-кто, а уж эти люди должны знать, о чем говорят. К ним стоит прислушаться. Без выпуска собственной валюты и управления ею (под «управлением» я понимаю создание условий для свободного колебания курса, что в большинстве случаев является желательным) государство не может проводить собственную экономическую политику. Оно не может больше устанавливать свои процентные ставки в соответствии с су

*[1] Выступление в Немецком федеральном банке, Франкфурт, 30 августа 1999 г. Financial Times, 31 August 1999.
*[2] Выступление в Европейском парламенте 12 января 1999 г. Daily Telegraph, 13 January 1999.
*[3] Интервью: The Times 1 January 1999.
*[4] Franfukter Allgemeine Zeitung, 27 May 1998.
*[5] Выступление в Париже 28 мая 2001 г.

ществующими условиями: это делают за него наднациональные органы власти исходя из наднациональных критериев. Возможности государства противостоять экономическим потрясениям или реагировать на экономические циклы при этом значительно сужаются. Его вынуждают искать выход из затруднительных ситуаций исключительно в фискальной сфере.

Однако как раз из-за того, что власть и полномочия были переданы на наднациональный (в данном случае европейский) уровень, страна, использующая единую валюту, лишается возможности проводить ту политику в сфере расходования, налогообложения и заимствования, которую она и ее электорат считают необходимой. Наивно полагать, что налоговые и валютные власти могут долго оставаться политически разобщенными: ведь даже «независимые» национальные банки, которые устанавливают процентные ставки, в конечном итоге подотчетны политическим институтам, наделяющим их полномочиями. Положение Маастрихтского договора о том, что «государство-член не отвечает по обязательствам центральных правительств, региональных, локальных или других властей или органов другого государства-члена» вряд ли просуществует долго*. На территории евро будет не только единая валюта, там будет единый бухгалтерский баланс. Шаг в этом направлении уже сделан в так называемом «Пакте стабильности» успешно навязываемом Германией в качестве условия приема экономически слаборазвитых стран в зону евро. В дополнение к Маастрихту Пакт устанавливает новые ограничения на осуществление заимствований и предусматривает высокие штрафы для нарушителей правил. В сочетании со стремлением к гармонизации систем налогообложения, вытекающим из искаженной интерпретации понятия «Единого рынка» подталкивание стран к делегированию права принятия фискальных решений европейскому руководству неизбежно превратит страны-члены в некое подобие «местных органов власти». Это будет завершением создания «европы регионов» в том виде, как ее представляет Маастрихт.

Я уверена в следующем:

- **Единая европейская валюта обречена на экономический, политический и социальный провал, хотя точные сроки, обстоятельства и последствия этого пока невозможно назвать.**

* Статья 10413.

- **Отсюда следует, что государствам, которые еще не присоединились к проекту, лучше воздержаться от такого шага.**
- **Спасти евро невозможно, какие бы попытки ни предпринимала Америка или международное сообщество, поскольку сами основы существования зоны евро изначально порочны.**
- **Главнейшая задача неевропейских стран состоит в том, чтобы свести к минимуму вредное воздействие европейской политики на мировую экономику.**

ЕВРОПЕЙСКАЯ АРМИЯ — ПРОГРАММА ДЛЯ «СВЕРХДЕРЖАВЫ»

Как я уже отмечала, европейское сверхгосударство по замыслу его архитекторов должно превратиться в сверхдержаву. Корни этого стремления следует искать во Франции. Именно она на протяжении многих лет хотела стать военной альтернативой НАТО, возглавляемому США. Планы Европейского союза по созданию самостоятельной интегрированной системы обороны открывают перед Францией уникальную возможность достичь своей цели. Эти планы стали осязаемыми совсем недавно — после того, как правительство Тони Блэра отказалось от традиционного британского, как, впрочем, и своего собственного, их неприятия. Оно пошло на это в декабре 1998 года в Сен-Мало совсем не по каким-либо значимым соображениям безопасности, а с тем, чтобы подправить свою европозицию в тот момент, когда она пошатнулась в результате отказа присоединить фунт стерлингов к Европейскому валютному союзу.

В Сен-Мало британское и французское правительства согласились, что ЕС «должен обладать возможностью автономных действий, опираясь на соответствующие вооруженные силы, располагать процедурой принятия решения об их использовании и быть готовым сделать это в случае международных кризисов». С этой целью Европейскому союзу «необходимо иметь соответствующие военные структуры... *за рамками* НАТО»* (курсив автора).

В развитие этих планов декабрьский саммит 1999 года, состоявшийся в Хельсинки, определил, что ЕС должен иметь возможность в течение

* Совместная декларация франксбританского саммита, Сен-Мало, Франция, 34 декабря 1998 г.

60 дней развернуть на период не менее года группировку уровня корпуса (60 тысяч военнослужащих) с соответствующим командованием, службами контроля, разведки и материально-технического обеспечения, а при необходимости — с военно-воздушными и военноморскими частями. Для формирования таких европейских «сил быстрого реагирования» может потребоваться резерв порядка 200 тысяч военнослужащих. Нет нужды говорить, что это масштабное предприятие.

К моменту декабрьского саммита 2000 года в Ницце проект приобрел еще более ясные очертания. Отчет по европейской политике в сфере безопасности и обороны, выводы которого были одобрены в Ницце, содержал ряд сознательно допущенных двусмысленностей, предназначенных для внутрибританского потребления и включенных по просьбе Великобритании, с тем чтобы успокоить Пентагон. Так, с одной стороны, в отчете отмечено, что стлан не предполагает создания европейской армииж Но, с другой стороны, этапы его реализации не оставляют сомнения в том, что создается нечто очень похожее на европейскую армию. Отчет утверждает, что цель «заключается в предоставлении ЕС возможности в полной мере исполнять свою роль на международной сцене». Он подчеркивает, что среди задач сил быстрого реагирования будет «проведение военных акций при разрешении кризисов, включая выполнение миротворческих миссий». В отчете говорится о том, что предполагается создать действующие на постоянной основе Европейский комитет по политике и безопасности, Военный комитет и штаб. А среди принципов работы значится «сохранение независимости Союза в принятии решения».

Что же кроется за этим словоблудием на самом деле? На мой взгляд, есть все основания считать, что вместо увеличения европейского вклада в НАТО страны ЕС с подачи Франции осознанно приступили к созданию в лучшем случае альтернативы, а в худшем — конкурирующей военной структуры и вооруженных сил.

Конечно, существуют границы, далее которых европейцы вряд ли смогут пойти в одиночку. Границы эти определяются практическими возможностями, а вовсе не политикой. На практике же европейские силы демонстрируют полную неспособность эффективно действовать при выполнении «миротворческой» т. е. боевой, роли, например на Балканах, без американской разведывательной информации, тяжелой транспортной авиации и высокотехнологичного оружия. Таким образом, европейские силы быстрого реагирования не могут претендовать

ни на европейский масштаб (они не справятся с ним без поддержки США), ни на быстрое реагирование (у них нет возможности быстрого развертывания), ни даже на значительную силу. Астарые проблемы всех международных сил — различные языки, решения, принимаемые коллегиально, разделение полномочий и соперничество — при этом серьезно усугубляются отсутствием того, что делает эффективным НАТО, а именно американского руководства.

Тони Блэр во время своего первого визита в Вашингтон для встречи с новьш президентом предоставил г-ну Бушу (что тот впоследствии подтвердил) целый ряд заверений, касающихся новой военной структуры. В частности, было обещано, что шланирование операций [европейских сил быстрого реагирования] будет осуществляться в рамках НАТО» и даже что будет создано «объединенное командование». Аналогичным образом Джефф Хун, министр обороны Великобритании, обещал, что «ЕС не будет отнимать ресурсы у НАТО, дублировать его мероприятия, создавать отдельные военные структуры или осуществлять планирование операцию»**.

Я не понимаю, как подобные заверения можно согласовать с тем, что говорится в тексте соглашения, принятого в Ницце. Не вижу я и способа совместить их с целями французских и других сторонников проекта. Генерал Жан-Пьер Кельш, начальник штаба вооруженных сил Франции, заявил, что «[у НАТО] нет права первого выбора. Если ЕС будет действовать должным образом, он сможет заняться урегулированием кризиса на очень ранней стадии, еще до того как ситуация осложнится. НАТО не имеет к этому никакого отношения. На определенном этапе европейцы могут принять решение о проведении военной операции. Независимо от того, будут в ней участвовать американцы или нет»***. По мнению Юбера Ведрина, министра иностранных дел Франции, вооруженные силы ЕС должны сами осуществлять «основные функции планирования операций» а генерал Густав Хагглунд, предсе

* На пресс-конференции, проведенной президентом Джоржем У. Бушем и премьерминистром Тони Блэром в Кемп-Дэвиде 23 февраля 2001 г., президент Буш сказал: «[г-н Блэр] заверил меня в том, что европейская оборона никоим образом не будет подрывать НАТО. Он также сказал мне, что будет создано объединенное командование, а планирование предполагается осуществлять в рамках НАТО, и только полный отказ НАТО от участия в какой-либо операции может подтолкнуть силы обороны к самостоятельным действиям».

** Daily Telegraph, 28 March 2001

*** Daily Telegraph, 28 March 2001.

датель постоянного Военного комитета ЕС от Финляндии, считает, что европейские силы быстрого реагирования должны быть «независимыми», а не «придатком НАТО»*.
Французы и те, кто разделяет их точку зрения, так настойчиво добиваются военной самостоятельности Европы именно потому, что видят в ней жизненно важный атрибут новой европейской сверхдержавы, способной соперничать с Соединенными Штатами. Каким образом г-н Блэр собирается в этих условиях выполнять обещания, данные президенту Бушу, я совершенно не представляю. Если ему не удастся сделать этого, всего лишь одна неумная и легкомысленная инициатива может принести трансатлантическим взаимоотношениям больше вреда, чем что-либо другое после Суэцкого кризиса 1956 года.
Что же до президента Буша, то, я думаю, он поступил совершенно правильно на той первой встрече, приняв высказывания г-на Блэра за чистую монету. Он очень точно подобрал слова, когда высказался « поддержку точки зрения [г-на Блэра]» на основании полученных от него конкретных заверений. На месте премьер-министра я бы обратила не меньшее внимание и на другое высказывание г-на Буша на той же самой вашингтонской пресс-конференции — в отношении Китая, в намерениях которого у американцев были все основания сомневаться: «Я полагаю, доверять надо до тех пор, пока не будет доказано обратное». Ключевые слова здесь — «до тех пор пока».

Кто прав, выяснится очень скоро. Если европейцы действительно хотят расширить свое участие в НАТО, они могут продемонстрировать это очень просто: все, что нужно, — увеличить военные расходы. Они могут также быстро осуществить переход на профессиональную армию, как это сделала Великобритания. Они могут приобрести передовые военные технологии. В конце концов, если этого не сделать в ближайшее время, разрыв между военными потенциалами европейцев и США станет таким, что они просто не смогут сражаться вместе.

К сожалению, на мой взгляд, европейские оборонные планы на деле нацелены не на поддержку наших американских друзей на поле боя, а на оспаривание их глобального главенства. Великобритания никогда не должна принимать в этом участия.

* *Sunday Times, 4 March 2001; Daily Telegraph, 12 April* 2001.

Итак, совершенно очевидны следующие моменты:

- **Основной мотив создания независимых европейских вооруженных сил имеет политическое, а не оборонное происхождение.**
- **Этот мотив, первопричиной которого являются устремления французов, толкает к соперничеству, а не сотрудничеству с НАТО во главе с Америкой.**
- **Возможности Великобритании трансформировать инициативу в нечто иное в настоящее время незначительны, хотя мы должны все же попробовать добиться этого.**
- **Любая европейская армия (как бы она ни называлась) всегда будет иметь ограниченные возможности и существенно зависеть от США.**
- **Европейский военный проект вполне способен подорвать сплоченность альянса, о чем предупреждают ключевые фигуры администрации США.**
- **Если не будет уверенности в том, что мы сможем предотвратить это, Великобритания должна отказаться от участия в порочных европейских военных проектах.**

РОДИТСЯ ЛИ НОВОЕ ГОСУДАРСТВО?

Введение единой валюты, способной соперничать с долларом, небольшие, но быстрые шаги в направлении создания собственных вооруженных сил, заменяющих НАТО, стремление сформировать общее судебное пространство, бесцеремонно вторгающееся в сферу действия национальных правовых систем, и нынешний проект разработки европейской конституции, в центре которого находится выборное правительство, есть не что иное, как атрибуты одного из самых грандиозных проектов нашего времени. Его авторы прекрасно знают об этом. Претензия на аналогию с созданием Соединенных Штатов Америки совершенно очевидна. Не случайно в разговорах евроэнтузиастов нет-нет да проскочит выражение «Соединенные Штаты Европы»*.

* Призывы к созданию Соединенных Штатов Европы особенно часто можно было услышать от Гельмута Коля. Вот один из них: «К концу нынешнего столетия должен быть заложен фундамент Соединенных Штатов Европ» (выступление в Гарвардском университете, репортаж о котором был опубликован в газете Boston Globe, 8 June 1990).

Претензия эта глубоко порочна и одновременно символична. Порочна потому, что Соединенные Штаты опирались с самого начала на общий язык, культуру и ценности, Европа же не может похвастаться ни тем, ни другим, ни третьим. Порочна она и потому, что Соединенные Штаты складывались в ХУШ веке и превращались в подлинно федеральную структуру в ХК — под воздействием *событий,* прежде всего связанных с войной. В отличие от этого вропа)) — результат *планов.* По своей сути она — классическая утопия, монумент тщеславию интеллектуалов, программа, обреченная на провал, — неясны лишь масштабы конечного урона.

По этим же причинам она символична не только для европейских, но и для неевропейских стран. Скорее всего, движения в направлении создания Соединенных Штатов Европы, европейского сверхгосударства уже не остановить. Конечно, случиться может всякое. Америка, например, может сорвать европейские планы по созданию альтернативы НАТО. Европейская валюта может рухнуть под давлением внешних потрясений и внутренних разногласий. Маловероятно, но может случиться и так, что Франция или Германия — главная движущая сила процесса — откажутся под давлением электората от попыток заменить демократические национальные институты на бюрократические европейские. Абсолютной определенности не существует нигде, даже на территории евро. Но я сильно сомневаюсь в том, что это произойдет на практике. Уж больно велика инерция движения.

Неевропейским странам, и прежде всего Америке, остается лишь по возможности смягчить тот вред, который несет с собой новая Европа, а затем, когда безумие пройдет, — а так и будет иза отсутствия общего интереса, — помочь собрать осколки. У Великобритании, однако, есть другой выбор, о чем я и буду говорить дальше.

Глава 10

Великобритания и Европа: время пересмотреть отношения

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Часто повторяют как заклинание, что Великобритания опоздала на европейский «поезд», а потому потеряла возможность как-то влиять на выбор конечного пункта назначения*. При этом, естественно, подразумевается, что Великобритания должна в дальнейшем участвовать во всех новых европейских инициативах и оказывать на них максимальное «влияние». Однако чем больше мы узнаем о европейском проекте и чем больше задумываемся над его историей, тем менее убедительной кажется даже первая часть этого тезиса.

* Вот, например, слова бывшего министра иностранных дел Великобритании Джеффри Хоу (ныне лорда), сказанные во время выступления на конференции Консервативной партии в 1990 году: «Следующий европейский поезд, хотя конечный пункт его назначения пока еще не определен, несомненно пойдет в направлении европейского валютного союза. Где окажется Великобритания на этот раз — в кабине машиниста или в последнем вагоне?» (The Times, 12 October 1990). Или слова канцлера Гельмута Коля, обращенные к германскому кабинету министров после отказа Дании от Маастрихтского договора в 1992 году: «следует сделать все необходимое, чтобы не допустить остановки европейского поезда» Boston Globe, 8 June 1992).

История современного движения за европейскую интеграцию, хотя, как я уже отмечала, у него и был целый ряд предшественников, реально ведет отсчет от *50х* годов*. Отношение британского правительства к европейскому проекту в послевоенные годы было, по правде сказать, довольн-таки неоднозначным. Слова Уинстона Черчилля, например, допускают различную трактовку.

Черчилль неоднократно с воодушевлением расписывал перспективы европейского объединения. Намного сложнее сказать, как он представлял себе место Великобритании в этом процессе. В Гааге в мае 1946 года Черчилль выразил надежду, то западные демократии Европы могут установить еще более близкие дружественные отношения и прийти к еще более тесному объединеник. С его точки зрения, ще существовало причин, по которым нельзя было бы под покровительством международной организации [т. е. ООН] создать Соединенные Штаты Европы, восточные и западные, и объединить этот континент так, как это не удавалось никому со времен падения Римской империю). Вместе с тем в той же самой речи он замечает, что шолитика Великобритании и стран Содружества все более тесно переплетается с политикой Соединенных Штатов и лежащее в основе этого единство взглядов и убеждений все глубже пронизывает англоязычный *мир».* Как прикажете совмещать эти великие, но прямо противоположные концепции на практике? **

Годом позже, выступая в Альбертхолл в Лондоне, Черчилль вновь обратился к этой теме и фактически изложил дейную концепцию Европь. По его словам, сли объединенная Европа окажется жизнеспособной, Великобритания должна будет стать полноправным членом европейской семьи Среди того, что, несомненно, следует считать не более чем пышной риторикой независимого во взглядах патриота, встречается, однако, предупреждение: ..без объединенной Европы не будет и шансов на создание мирового правительства. Когда же дело дошло до прозы жизни, структура безопасности, которую он предлагал в своей речи, оказалась совсем иной:

* В дальнейшем я буду опираться на памфлет Уильяма Кенуэя «Европейский союз — момент истины» (дополненная публикация: *Eиropean ouna,* 5/89, 1998) и пользоваться данными, касающимися первого заявления Великобритании о вступлении в Общий рынок в 1961 г., из официальных документов, которые собраны в книге Лайонела Белла (Lionel Bell, The Throw that Failed: Britain's Original Application to Join the Common Market, London: New European Publications Ltd, 1995, pp. 140-196).

** Выступление перед Генеральными штатами (парламентом) Нидерландов, Гаага, 9 мая 1946 г.

В Конституции [Организации Объединенных Наций], принятой в СанФранциско, прямо предусмотрено создание региональных организаций. Объединенная Европа образует одну крупную региональную единицу. Есть Соединенные Штаты вместе со всеми зависимыми от них государствами; есть Советский Союз; есть Британская империя и Содружество;

и есть Европа, с которой Великобритания имеет глубокую связь. Вот четыре столпа глобального Храма мира*.

По правде говоря, даже в самых смелых своих пророчествах Черчилль, похоже, не видел Великобританию составной частью Соединенных Штатов Европы, хотя и полагал, что она должна поощрять и поддерживать их. Еще в 1930 году в статье по поводу тогдашних федералистских идей, которая была написана для нькйоркской газеты Saturday Evening Post он так выразил свой взгляд:

Отношение Великобритании к объединению или едеративным свя*зям»* будет, прежде всего, определяться исходя из преобладающей концепции Объединенной Британской империи. Любой шаг, который делает Европу более процветающей и более мирной, осуществляется в британских интересах... У нас есть собственная мечта и собственная цель. Мы с Европой, но не в ней. Мы связаны, но не включены в состав. Мы заинтересованы и ассоциированы, но не присоединены**.

В послевоенные годы Черчилль продолжал придерживаться этого взгляда, который нельзя назвать недальновидным или нереальным. Он был совершенно прав тогда, представляя Великобританию как страну с уникальным международным положением, которое дает ей уникальные преимущества. Она находилась внутри трех взаимосвязанных орбит — Содружества, англомериканских отношений и Европы, иными словами в выигрышной позиции, для использования которой требовалась значительная свободадействий. Отказ Великобритании от своих суверенных прав в пользу федеративной Европы поэтому полностью исключался. Именно по этой причине Черчилль, вновь оказавшись на посту премьеринистра в 1951 году, отодвинул на задний план проевропейскую риторику и продолжил линию прежнего лейбористского правительства, которая не предполагала присоединения Великобритании ни к Европеи

* Выступление в Альбертхолл, Лондон, 14 мая 1947 г.
** Timothy Bainbridge (ed.), The Penguin Companion to European Union (London: Penguin, 2000), p. 43.

скому объединению угля и стали, ни к Европейскому оборонительному сообществу. Нетрудно заметить, что в 1953 году Черчилль выступал в палате общин практически в том же ключе, в котором была написана статья 1930 года.

> Какова же наша позиция? Мы не члены Европейского оборонительного сообщества и не собираемся становиться частью федеративной европейской системы. В то же время у нас сложились особые отношения и с тем, и с другим. Ситуацию можно охарактеризовать с помощью предлога но не мы с ними, но не в них*.

Ностальгические мотивы в отношении к Европе у Черчилля не появились и к концу жизни. Эндрю Робертс, один из лучших знатоков того периода, рассказывает, как 1962 году фельдмаршал Монтгомери застал [Черчилля] в постели с сигарой в зубах, когда тот требовал принести ему еще бренди и осуждал намерение Великобритании вступить в Общий рыною)**.

Вместе с тем к тому времени в мире произошло три важнейших изменения. Первое и самое важное было следствием удара по британской самонадеянности в результате неудачи в конфликте вокруг Суэцкого канала в 1956 году. Можно долго приводить аргументы в поддержку суэцкой операции и против нее, я хорошо помню, как сама участвовала в дебатах того времени***. Однако вывод, который большинство британских политиков извлекли из этого, был однозначным: Великобритания не может больше полагаться на Соединенные Штаты и, ввиду убывающего политического значения Содружества, ей необходимо присоединиться к европейскому Общему рынку, или, точнее, к Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС). Вторым было признание того, что входящая в ЕЭС «шестерка» (Франция, Западная Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург) развивались более успешно, чем первоначально предсказывалось. В ретроспективе это вовсе не кажется удивительным: экономика опустошенных войной стран с хорошо образованной и высокомотивированной рабочей силой просто обязана демонстрировать высокие темпы роста в процессе восстанов

*' Речь, открывающая дебаты по внешней политике в палате общин (Hansard, 11 May 1953, Col. 891).

** Andrew Roberts, «Lies, Damn Lies», Sunday Times, 28 July 1996. Я очень признательно гну Робертсу за его помощь в подборе высказываний Черчилля.

*** Более подробно об этом рассказывается в книге: The Path to Power, pp. 8791.

ления. В то время Великобритания, которая погрязла в ограничительной практике, усугубленной военными условиями, завидовала европейским достижениям. Европа, казалось, показывает нам путь преодоления трудностей, вдвойне привлекательный оттого, что не требует проведения болезненных реформ. Ну а третьим моментом стало то, что Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), на которую мы возлагали большие надежды, довольно быстро, справедливо ли, нет ли, но вызвала разочарование.

Гарольда Макмиллана, сменившего Антони Идена на посту премьерминистра после отставки последнего в результате провала суэцкой операции, вполне можно назвать горячим сторонником Европы. Однако он был тонким политиком, да к тому же еще и прагматиком. Его оценки геополитических реалий даже сейчас вызывают уважение, что бы там ни говорили о сделанных выводах. Взять, например, его отчет перед кабинетом министров в апреле 1961 года после возвращения из Вашингтона. Протокол выступления дает ясное представление о позиции премьеринистра.

> За последние годы коммунистический блок расширился в ущерб Западу. Чтобы этого не допустить в дальнейшем, ведущие западные страны должны сплотиться еще теснее. Вместе с тем события, происходящие в Европе, ведут в обратном направлении. Если страны Общего рынка создадут закрытое политическое объединение по главе с Францией, это еще больше усилит политическую разобщенность в Европе и окажет разрушительное действие на Североатлантическое сообщество. Такой перспективы можно избежать, если Соединенное Королевство совместно с некоторыми членами семерки [т. е. ЕАСТ] присоединятся к политическому объединению шести, помогут создать в Европе стабильную политическую структуру и не допустят чрезмерного господства Франции, а впоследствии и Германии*.

В словах Макмиллана содержалось то, что можно назвать аргументом сторонника атлантизма в пользу Европы. Именно этот подход упорно навязывали ему во время визита в Соединенные Штаты. С того момента Америка непрерывно подталкивала Великобританию — по крайней мере до недавнего времени — к все более глубокой интеграции с Европой.

* Bell The Throw that Failed, Appendix D, p. 179.

В определенном смысле этот аргумент был убедительным. Действительно, перед лицом советской экспансии Запад чрезвычайно нуждался в единстве. С этой точки зрения процветающая и объединенная (Западная) Европа вполне могла помочь одержать победу над Востоком в олодной войне В Вашингтоне в то время, как, впрочем, и впоследствии, полагали, что Великобритания, используя свой авторитет (и, между прочим, получая выгоду в результате процветания), сможет стать главным противовесом Франции, возглавляемой тогда непредсказуемым и вспыльчивым генералом де Голлем. Эхо того периода бродило по Госдепартаменту США вплоть до недавнего времени. На мой взгляд, его отголоски все еще слышатся в Министерстве иностранных дел и на Даунинстрит, хотя англосаксонские надежды на то, что Великобритания сможет видоизменить Европу, и галльские опасения по тому же поводу давнымавно потеряли актуальность.

Вашингтон, таким образом, на этот раз расценил Париж почти настолько же роблемным как и Москву. Как ни парадоксально, но именно де Голль, а не Кеннеди и не Макмиллан лучше других осознал значение ситуации. Де Голль не питал особой любви к Великобритании, но понимал нас очень хорошо. Возможно, именно иза того, что у него было меньше евроидеализма и больше национализма, чем у Макмиллана, он и знал, как надо себя вести. В результате де Голль сказал британскому премьеринистру, что он ротив объединенной Европы;

эта идея бесполезна, неразумна и нежелательна, а ее итогом может быть только материалистическая, бездушная масса, в которой нет места для идеализма... Национальную самобытность европейских стран необходимо сохраниты). А среди национальных государств Великобритания всегда чувствует себя третьим лишним. На знаменитой прессонференции в январе 1963 года де Голль так объяснил причины своих возражений относительно вступления Великобритании в ЕЭС:

> Англия является... островным государством, морской державой, которая связана через торговлю, рынки, поставки продовольствия с очень разными и нередко далекими странами. Ее экономическая деятельность связана главным образом с промышленным производством и коммерцией и лишь в незначительной мере с сельским хозяйством. Она имеет... четко выраженные и своеобразные обычаи и традиции. Короче говоря, существо, структура и экономика Англии глубоко отличаются от того, что есть в континентальных государствах... Совершенно ясно, что

единство всех ее членов, очень многочисленных и несходных, не может быть вечным и что в конце появится колоссальное Атлантическое сообщество, зависимое от Америки и возглавляемое ею, которое очень быстро поглотит Европейское сообщество*.

Де Голль был прав лишь отчасти, но часть эта, с британской точки зрения, имела наибольшее значение. По своей истории и интересам Великобритания и в самом деле была принципиально иным национальным государством, чем те, которые участвовали в троительстве)) Европы. Следовало бы еще добавить, поскольку сам де Голль не мог сделать этого, что экономические различия — далеко не все. Богатая история непрерывного конституционного развития Великобритании, уважение к своим общественным институтам, честность ее политиков и неподкупность ее судей, тот факт, что со времен норманнского завоевания на ее землю не ступала нога о»упанта, и то, что ни нацизм, ни коммунизм не смогли установить контроль над ее политической жизнью, — вот что отличает Великобританию от континентальной Европы. Но, повторяю, генерал был прав ровно настолько, насколько позволяла его гордость: Великобритания *действителъно* иная. Именно поэтому у нее периодически возникают разногласия с другими европейскими странами, несмотря на все усилия британских политиков.

Де Голль, однако, ошибался в другом. Он полагал, что его собственную принципиальную и патриотичную, временами необоснованную и вздорную, политику отстаивания национальных интересов Франции продолжат преемники. Он искренне верил в *Еигоре йез еШз* — Европу суверенных государств. Увы, конечным пунктом, к которому идет европоезд, является федерализм, а не голлизм.

Французское вето на вступление Великобритании в Общий рынок казалось в свое время тяжелым ударом. В стране практически не было тех — даже среди сомневающихся в выгодах вступления, — кто считал, что де Голль прав. Его выходку называли ребяческой, оскорбительной и иррациональной. Но после того как первоначальная досада прошла, желание присоединиться к Общему рынку охватило британских политиков с еще большей силой. Возникал даже вопрос, а не является ли столь решительный отказ де Голля свидетельством выгод, которые дает

* Выступление Шарля де Голля на прессконференции 14 января 1963 г. (Charles G. Cogan, Charles de Gaulle: A Brief Bibliography with Documents, Boston: St Martin's Press, 1996, pp.200-201).

членство. Знал ли он нечто такое, о чем прежние британские руководители не догадывались? В конечном итоге лейбористское правительство Гарольда Вильсона подало в 1967 году новое заявление, которое опять было отвергнуто Францией.

Я стала членом парламента в результате всеобщих выборов 1959 года, поэтому могу судить об этих событиях если не как эксперт, то уж точно как знающий человек. В те времена я полностью разделяла господствовавшее тогда убеждение, что вступление в ЕЭС на любых предложенных условиях было необходимым с точки зрения британских национальных, особенно экономических, интересов. Я также считала очень важным сохранение связей с Содружеством и выполнение наших обязательств перед ним. Как и всем, кто преклонялся перед Реджи Модлингом*, архитектором Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), мне казалось, что заслуги этой организации серьезно недооцениваются. И все же я была за вступление в Общий рынок.

Тед Хит, который сменил Реджи Модлинга на посту лидера Консервативной партии в 1965 году (в его поддержку голосовала и я), был убежденным евроэнтузиастом. Походивший в чемо на Макмиллана, еще более пылкий, но, пожалуй, менее тактичный, он вынес из опыта своей службы во время войны глубокое убеждение в том, что единство Европы жизненно важно для мира и процветания. В случае победы Теда на всеобщих выборах Великобритания наверняка стала бы добиваться вступления в Общий рынок с еще большим упорством. А с учетом того, что в 1969 году де Голль уступил место президента Жоржу Помпиду, вступление неожиданно стало вполне возможным.

Когда в январе 1973 года Великобритании наконец удалось вступить в Европейское экономическое сообщество, я, как министр образования, входила в состав кабинета. Тогда это решение попрежнему виделось мне как необходимое и правильное. Мы ясно понимали, что условия, в частности в сферах рыболовства и сельского хозяйства, были для нас не слишком выгодны. Однако более широкие экономические преимущества, казалось, перевешивают недостатки. Прежде всего, нам нужно

* Реджиналд Модлинг (19171979) — министр торговли (19591961), министр колоний (19611962), министр финансов (1962-1964), министр внутренних дел (19701972). Комитет Модлинга, назначенный Организацией европейского экономического сотрудничества в 1959 г., заложил основы создания Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), которая была учреждена в 1960 г.

было прорвать европейскую тарифную стену и получить возможность свободно продавать свои товары на рынках «шестерки» с их 190 миллионами потребителей.

Силы, которые продолжали толкать Европу совсем в другом направлении, оказались на деле намного серьезнее, чем мы предполагали. Боюсь, что с нынешней точки зрения мы были немного наивными. Однако это не может служить оправданием, поскольку нас предупреждали. Оглядываясь назад, понимаешь: Инок Пауэлл, твердивший в течение тех лет о том, что вступление в Общий рынок влечет за собой в конечном итоге не решение экономических проблем, а недопустимую потерю суверенитета, был абсолютно прав*.

Наиболее весомым доводом в пользу вступления в ЕЭС, как я уже отмечала, был доступ на европейские рынки. В те дни, задолго до Уругвайского раунда переговоров в рамках ГАТТ *х* и 90х годов, результатом которого стало значительное снижение тарифов во всем мире, средний уровень внешних европейских тарифов составлял 12%. Поэтому, пока Великобритания находилась вне Европейского таможенного союза, ее торговля наталкивалась на серьезные препятствия. Все остальные выгоды, на которые обычно ссылались, даже тогда выглядели намного туманнее. Говорили, например, что наша промышленность станет более эффективной, поскольку острая конкуренция внутри Общего рынка поможет избавиться от практики ограничений и ослабит обструкцию со стороны профсоюзов. На практике эти выгоды так и не материализовались: после вступления в ЕЭС ситуация в британской промышленности осложнилась как никогда раньше.

Возникает вопрос: почему же тогда плюсы и минусы вступления не были рассмотрены более внимательно и взвешены более тщательно? Этого не произошло, как мне теперь представляется, по трем основным причинам. Воервых, как ясно видно из официальных документов, вьшущенных в то время, те, кто непосредственно отвечал за переговоры, считали какиеибо дебаты неуместными. Основа, на которой присоединилась Великобритания, не оставляла нам шансов чтоибо изменить в Европе: мы должны были согласиться на то, что нам предложили. Покойный сэр Кон (УНейлл так писал о переговорах 1970-1972 годов в своем отчете:

* Инок Пауэлл (1912-1998) — член парламента от Консервативной партии (1950-1974), член парламента от ольстерских юнионистов (1974-1987), министр здравоохранения (1960-1963), министр обороны теневого кабинета (1965-1968).

> ...Наши переговоры в целом были частными, несущественными и второстепенными. Развитие событий в 1969 и 1970 годах дало шанс, а это было важнее, чем сами переговоры. Значение имели лишь вступление в Сообщество и возврат нашей позиции, позволяющей быть в центре европейских дел, которую мы утратили в 1958 году. Обсуждались только средства достижения этой цели и приемлемость цены. Переговоры, таким образом, касались Сообщества в том виде, в каком оно предстало перед нами, каким оно оказалось. Его политика не была существенной для нас, хотя многие ее аспекты вызывали протест*.

Можно не сомневаться в том, что участники переговоров проявляли благородство себе во вред. Должна сказать, я на собственной практике убедилась, что это далеко не лучший способ добиться приемлемого решения в Европе, как, впрочем, и в любом другом месте.

Всвторых, с конца *50x* годов казалось, что ни по одному показателю достойной альтернативы ЕЭС не существует: ни Содружество, ни ЕАСТ, ни какойибо другой торговый партнер не были тем, что нужно. В основе подобного восприятия лежало странное, непроизвольно возникающее чувство беспомощности и изоляции. Страна утратила связь со своей миссией. Вот многие и полагали, что ЕЭС дает нам еще один шанс найти свою судьбу и повлиять на судьбы других.

И, вретьих, как в 1970-1972 годах (во время дебатов по поводу вступления), так и 1975 году (во время референдума по вопросу прекращения членства) был сделан целый ряд вводящих в заблуждение заявлений о сути происходящего. Я с удовольствием обошлась бы без цитирования того, что тогда говорилось, однако откровенный расчет не позволяет этого сделать. Поэтому я все же приведу три примера.

> Это не будет проектом по созданию федеративной Европы... К тому же те члены Сообщества, которым мила федеративная система, но известна точка зрения правительства Ее Величества и оппозиционных партий здесь, готовы отказаться от своих устремлений, так что Великобритания должна быть членом**.

> Сообщество не является федерацией провинций или стран. Это Сообщество великих и признанных государств, каждое из которых имеет

* Sir Con O'Neill, Britain's Entry into the European Community: Report on the Negotiations of 1970-1972 (London: Frank Cass, 2000), p. 355.

** Эдуард Хит, выступление в палате общин (Hansard, 25 February 1970, Col. 1221).

свою индивидуальность и традиции... Вопрос о какомибо разрушении национального суверенитета просто не стоит... Все страньучастницы признают, что попытка навязать мнение большинства в случае, когда затрагиваются национальные интересы одного или нескольких членов, противоречит самим основам Сообщества*.

Движение Общего рынка к экономическому и валютному союзу создавало определенную угрозу занятости населения в Великобритании. Нас могли вынудить ввести фиксированные обменные курсы фунта, что привело бы к ограничению промышленного роста, а следовательно, и к сокращению числа рабочих мест. Эта угроза устранена**.

Как оказалось, ни одно из этих утверждений не соответствовало истине по причинам, которые были рассмотрены в предыдущей главе. Насколько в то время в них верили те, кому они принадлежали, мне неизвестно.

В других своих работах я подробно рассказываю и о своих собственных взаимоотношениях с Европейским сообществом в период между 1979 и 1990 годами, когда я была премьеринистром***. Здесь же я остановлюсь лишь на основных проблемах и их значении.

Очень быстро стало очевидным, что условия, на которых Великобритания присоединилась к ЕЭС, были неудовлетворительными по многим причинам. Это, а также крайне противоречивое отношение в рядах Лейбористской партии к проблеме членства в Общем рынке заставило правительство Джеймса Каллагэна предпринять попытку ересмотреты) условия британского членства, прежде чем вынести вопрос на референдум. На практике пересмотр ничего не дал и ни на пенс не сократил непомерные взносы Великобритании. К 1979 году, когда я стала премьерминистром, страна несла убытки по всем статьям.

* White Paper on The United Kingdom and the European Communitites, HMSO Cmnd. 4715, July 1971, pp. 89. Любопытно, что двадцать лет спустя сэр Эдуард Хит в прощальном выступлении в Палате общин дал совершенно другую трактовку содержания этого документа: редметом моей гордости является успех на переговорах о вступлении Соединенного Королевства в Европейское сообщество... *Современный мир доказывает, что мы. должны разделить свой суверенитет с нашими европейскими соседями... Я не сомневаюсь в том, что объединенная Европа будет существоватъ вечно»* (курсив автора). (Hansard, 9 May 2001, Col. 116.)

** Britain's New Deal in Europe — официальная правительственная листовка, циркулировавшая по всей стране во время референдума 1975 года по вопросу членства в Европейском сообществе.

*** См. *THe Вошп Згеег Уеагз,* pp. 6064, 536559, 727767.

В момент моего прихода на Даунишстрит Великобритания покрывала чуть ли не самую большую долю расходов ЕЭС, хотя по доходу на душу населения находилась только на седьмом месте. После нескольких лет крайне сложных переговоров, в процессе которых наши партнеры использовали любые предлоги для проволочек, мне удалось на саммите 1984 года в Фонтенбло добиться существенного и постоянного сокращения взносов Великобритании. Нам должны были возвратить примерно треть наших чистых взносов в возмещение переплаты. За период с 1985 по 2000 год сумма возврата превысила 28 миллиардов фунтов стерлингов*.

Длительная борьба за более справедливые условия для Великобритании открыЛа мне многие стороны ЕЭС, большинство из которых нельзя назвать привлекательными. Вместе с тем, каким бы странным это ни казалось моим критикам, да и мне самой в ретроспективе, я сохранила в какойо мере евроидеализм. Я попрежнему верю, что жесткий тон и твердая позиция на переговорах, которые практиковались мною с 1979 года, могли бы резко уменьшить, если не устранить, недостатки, отбрасывающие Европу назад; что можно сформировать программу, способную превратиться в движущую силу экономического прогресса. Например, в середине моей карьеры в качестве премьерминистра, примерно с 1984 по 1988 год, очень много внимания уделялось разработке и реализации идеи единого европейского рынка.

Единый рынок — во многом британская инициатива, хотя это вовсе не означает, что никто больше не проявлял интереса к этой идее — по разным мотивам. Цель его, какой ее видела Великобритания, заключалась в реализации идей Римского договора, который тогда казался мне договором кономического либерализма Программа единого рынка предполагала уничтожение всех етарифных барьеров)). Последние возникали, например, иза различия в национальных стандартах охраны здоровья и безопасности, правил и политики государственных закупок, направленных на дискриминацию иностранных товаров, и чрезмерно усложненных таможенных процедур.

Расчет был на то, что без этих барьеров значительно оживится внутриевропейская торговля, усилится экономический рост и улучшится ситуация с занятостью. Циркулировали довольно амбициозные пока

* ОГПсе оГ МаПопа! БаНзисз апс! «Еиореап Ршапсе: 811116111 оп Ле 2000 ЕС Висе!;
апс! теазигез 10 соипег Гаис! апс! Гтага! гтзтапаетепЬ), Стпс!. 4771. Данные приведены в ценах 1998 г.

затели потенциального улучшения и того, и другого, и третьего. Представленный Европейской комиссией доклад Че»ини предсказывал разовый прирост европейского ВНП на уровне 5% (с последующим ежегодным повышением на 1%) и создание в перспективе 5,5 миллиона новых рабочих мест*. Подобные прогнозы, однако, в силу того, что строились на оценках эффекта более широкой конкуренции и более значительного масштаба, неизбежно были гипотетическими.

Более важными, по крайней мере с моей точки зрения, представлялись потенциальные выгоды для Великобритании. При нашем развитии сферы услуг и при действовавшей уже тогда менее жесткой и более прозрачной, чем у европейских конкурентов, системе регулирования британская экономика, по всем расчетам, должна была во многом выиграть.

Программа создания единого рынка предусматривала осуществление около 280 мероприятий, направленных на гармонизацию стандартов и технических требований и, таким образом, открывающих рынки. С тем чтобы столь грандиозное предприятие дало эффект в течение пятилетнего периода, мы добились принятия программы значительным большинством голосов в Сообществе. Без этого она не смогла бы преодолеть корыстные интересы страчленов, чьи правительства несомненно воспользовались бы правом вето.
Великобритания, как инициатор, продолжала оставаться движущей силой единого рынка. Поначалу я надеялась избежать межправительственной конференции по разработке нового договора, которая, со всей очевидностью, могла быть использована во вред. Лишь когда стало ясно, что другие члены ЕЭС преисполнены решимости ее провести, мне пришлось смириться с этой идеей. Но даже тогда я пыталась сделать все возможное, чтобы Европейская комиссия не могла использовать свои дополнительные полномочия для усложнения регулирования или создания угрозы жизненно важным национальным интересам. В конце концов, на совете в Люксембурге было торжественно сделано енеральное заявленио) с согласованными условиями Единого европейского акта, которое гласило:

> Настоящие положения ни в коей мере не ущемляют права государствчленов принимать по их усмотрению любые меры с целью контроля

* РаоЬ СессЫш (еВ.), 1992, *ТНе Еигореап СНаНепе: ТНе ВепеШ 0/0 пе Еигореап Маге!* (Еигореап Сотггюп, 1988).

иммиграции из третьих стран, а также борьбы с терроризмом, преступностью, торговлей наркотиками и незаконной торговлей предметами искусства и старины*

Сегодня, с высоты прошедшего десятилетия, можно судить о достоинствах и недостатках Единого европейского акта. Поскольку ему дано уже немало оценок, в массе своей критических, я чувствую себя просто обязанной привести и свою собственную. Первое, на что следует ответить, — принесла ли Программа создания единого рынка те выгоды, на которые так рассчитывали? На этот счет мнения экспертов расходятся* Основная трудность, несомненно, заключается в необходимости построения выводов на неизбежно шатких результатах гипотетического анализа, т. к. невозможно сказать, что было бы *без* Программы создания единого рынка. Ясно лишь одно: надежды в значительной мере оказались неоправданными.

С одной стороны, Программа вполне могла бы в сочетании с другими независимыми глобальными факторами помочь расширению конкуренции и открытию рынков. Но с другой, процесс гармонизации привел во многих случаях к еще более жесткому регулированию, как показал неутомимый борец против бюрократической глупости Кристофер Букер. Значение этого становится понятным, если учесть, что в своей основе новое регулирование касалось британской экономики в целом, а не ограничивалось только теми компаниями, которые экспортировали продукцию в ЕЭС. Экспорт же в ЕЭС составлял лишь 15,5% британского ВВП* Тем, кто был полностью ориентирован на внутренний рынок или вел дела со странами, не входящими в ЕЭС, дополнительное регулирование не приносило ничего, кроме убытков.

Так или иначе, самым главным, на мой взгляд, было то, что в ходе обсуждения условий Единого европейского акта мы, в Великобритании, допустили две вполне понятные, но явные ошибки. Прежде всего, мы решили, что дополнительные полномочия, предоставленные Комиссии, не будут широко использоваться после завершения Программы

[91:1] Более подробную информацию об этих и других событиях в Европе можно найти в книге *ТНе опт гее! Уеагв,* рр. 546559.

[*2] Взвешенный анализ результатов можно найти в работе: ЬеасЬ, *Еи МетЪегзЬЬр — Наз {Не ВоИот ЬЫе?,* рр. 3136.

[*3] СЬпзорЬег Вооег апс! КлсЬагс! МогЬ, *ТНе СазНе оЬЫез: УНу ВпШп Миз! Се! ОШ ()/ Еигоре* (ЬопсЬп: ОисоггЬ, 1996).

[*4] *Есопот5 УогШ т Ригез,* 2001.

создания единого рынка. В самом деле, если принять, что конечная цель изменений — создание функционирующего должным образом рынка, то нет никаких оснований видеть в процессе нечто бесконечное. Да, мы лишились права вето, это предусматривалось Единым европейским актом с тем, чтобы не позволить правительствам противодействовать прогрессу. Однако вряд ли кто мог предположить, что Комиссия не только продолжит издавать законы с той же скоростью, но и будет протягивать свои законодательные щупальца все дальше.

Целью, как говорили тогда, было создание шоля для игры в равных условиях)). Эта фраза звучала обнадеживающе, но на деле вводила в серьезное заблуждение относительно торговли. Свободная торговля позволяет фирмам различных стран конкурировать. Однако поскольку оле для игры в равных условиях)) устраняло конкурентные преимущества, обусловленные различием систем регулирования, оно фактически снижало доходы от торговли. Более того, каждому британскому школьнику известно, что, как ни выгравнивай поле для игры, на нем всегда останутся бугорки, ямки и прочие неровности. В определенный момент нивелирование и укатывание, подсыпку грунта и его удаление необходимо прекратить, иначе нормальная игра может просто прекратиться. Подобный взгляд на вещи, естественный для тех, кто понимает сущность предпринимательства, к сожалению, крайне трудно довести до сознания европейских бюрократических утопистов.

Вторая ошибка, тесно связанная с первой, заключалась в том, что мы тогда и впоследствии всерьез принимали гарантии, которые нам давали. Сейчас мне кажется, что Европейская комиссия или большинство европейских правительств вообще никогда не интересовались экономикой. Они воспринимали и продолжают воспринимать экономическую стратегию как некий эквивалент политики, а политику — лишь как борьбу за власть и больше ничего. Единый рынок, таким образом, привлекал те силы (они уже тогда пользовались влиянием, несмотря на мой успех с возвратом переплаты Великобритании), которые видели в нем инструмент централизации принятия решений. А мысль о том, что дополнительные полномочия должны использоваться лишь по прямому назначению, по всей видимости, никогда ими всерьез не рассматривалась.

Европейская комиссия и Европейский суд действуют рука об руку в поисках, использовании и расширении любой лазейки. В этом они вполне могут рассчитывать на поддержку большинства страчленов

и Европейского парламента, которые разделяют федералистскую мечту и глубоко преданы идее создания социальной и экономической модели, довольно подробно описанной в предыдущей главе. Очень похоже, что кампания по созданию оциальной Европы столь милой сердцу Жака Делора*, тогдашнего председателя Европейской комиссии и человека, которого больше других следует благодарить (или винить) за то, что произошло, довольно скоро обретет такое же значение, как и «экономическая Европа являющаяся целью единого рынка.

Таким образом, положения Единого европейского акта были неправомерно использованы для проталкивания корпоратистского и коллективистского законодательства в Великобританию с черного хода. Например, Директива о рабочем времени была принята Комиссией со ссылкой на положения об охране здоровья и безопасности Статьи *118,* которые были введены в Римский договор Единым европейским актом. Отнесение Директивы к сфере охраны здоровья и безопасности вместо социальной сферы означает, что ее можно пропихнуть, не имея квалифицированного большинства при голосовании, в обход британского вето. Эта уловка была принята на вооружение Европейским судом в 1996 году. Сами по себе социальные меры могут казаться вполне безобидными и даже привлекательными. Однако их введение есть не что иное, как нежелательное вмешательство в дела Великобритании, да и цель этого очевидна — понизить нашу конкурентоспособность. Теперь, когда правительство лейбористов так недальновидно подписалось под европейским социальным разделом, следует ожидать еще больше подобных подарков.

Во фразе диный европейский рыною) первые два слова существенно перевесили по значимости третье. Взаимное признание стандартов, а в некоторых случаях сведение их количества к минимуму, приемлемо *лишь 6 той мере,* в какой это облегчает торговлю. Когда же гармонизация начинает преследовать другие цели, она превращается в дорогостоящее и бюрократическое занятие. Если гармонизация не ограничивается техническими стандартами и документацией, а начинает распространяться на трудовое законодательство, социальную защиту и налогообложение, она оказывает чрезвычайно пагубное воздействие на экономику. Это происходит потому, что соревнование между стра

Жак Делор (род. в 1925 г.) — министр финансов Франции (19811984), председатель Европейской комиссии (19851994).

нами в создании наиболее благоприятных международных условий для развития предпринимательства является мощным двигателем экономического прогресса. Стоит только удушить это соревнование, и европейские правительства без колебаний встанут на путь повышения расходов. Результат может быть только один — бегство капитала и талантов в неевропейские страны. Венчает все, конечно, не укладывающееся ни в какие рамки разрушение демократии, когда не подотчетный никому наднациональный орган власти решает вопросы, которые по всем меркам должны находиться в ведении национальных правительств. С учетом приведенных соображений, а также принимая во внимание, что глобальные тенденции к свободной торговле преобладают над теми, которые действуют в Европе, я не могу считать Единый европейский акт оправдавшим надежды. История не позволяет нам вернуть прошлое, однако она дает возможность нам и нашим наследникам извлечь уроки из того, что случилось. Именно это мы и должны сделать сейчас.

К концу моего пребывания на посту премьеринистра сильное беспокойство стало вызывать использование мер, предназначенных для создания единого рынка, в целях навязывания регулирования социалистического характера путем действий черного хода Было совершенно ясно, что Великобритания ведет борьбу за либерализацию и децентрализацию Европейского сообщества в одиночестве и, похоже, без какихибо надежд на победу. Конечно, тактические альянсы с другими странами по тому или иному конкретному вопросу могли существовать, но, кроме Великобритании, больше никто не проявлял интереса к превращению Сообщества в общий рынок с благоприятными для предпринимательства условиями: у других стран были другие приоритеты. В конце концов, нужно было обладать немалым бесстрашием, чтобы не спасовать перед призраком изоляции и просто сказать етж Такая стратегия, несомненно, требовала изрядной политической воли и поддержки со стороны партии, — как оказалось, на последнее я уже не могла рассчитывать.

Мой уход с поста главы правительства открывал возможности для благополучного и более быстрого продвижения в направлении федерализма. Так оно и случилось. При моем преемнике, который очень надеялся на то, что Великобритания сможет занять место в кердце Европы)), в феврале 1992 года был подписан Маастрихтский договор. Хотя он и закреплял право Великобритании отказаться от единой валюты, его подписание открывало дорогу для реализации этого сомнительно

го предприятия в других областях. Договор ввел понятие вропейского гражданства)) и единую политику в сфере обороны, оторая со временем может привести к созданию общей системы обороны)). Помимо этого был учрежден так называемый омитет регионов)), представлявший собой не что иное, как еще одну попытку подорвать суверенитет национальных государств снизу. Отказ же Великобритании от социального раздела на практике, как я уже отмечала, не помешает Европейской комиссии попытаться с тем или иным успехом навязать стране более высокие социальные расходы.

Как видно, отношение Великобритании к европейскому проекту существенно менялось в зависимости от политики правительства и личности преьеринистра. Вместе с тем европейская проблема всегда будет, да и должна быть, предметом споров, в которых основные политические партии предлагают разные подходы. Когда я окидываю взглядом десятилетия, прошедшие с момента вступления Великобритании в ЕЭС в 1973 году, меня поражает та общность, которая была у всех британских правительств, включая и мое собственное. Значение ее, пожалуй, тем больше, чем очевиднее различия.

Возможно, это прозвучит банально, но мы действительно делали все от нас зависящее, чтобы отстоять в Европе британские национальные интересы, хотя и смотрели на них под разнымй углами. И все же, если ктото из нас чегсто и добивался, то не более чем частичного изменения невыгодных условий нашего членства.

В 1972 году Тед Хит пошел на ограничение вылова рыбы, принял потрясающе расточительную ЕСХП и согласился на чрезмерно высокие финансовые взносы ради более существенных экономических выгод. Но рыбку из пруда вытащить так и не удалось, зато труда пришлось вложить предостаточно.

Что до меня, то я добилась фундаментального пересмотра размера наших финансовых взносов в Европу и, таким образом, устранила одну из основных проблем, с которой ни Теду, ни Джиму Каллагэну вслед за ним не удалось справиться. Финансовое бремя Великобритании тем не менее осталось и продолжает оставаться несправедливо большим. Усилия по реформированию ЕСХП и европейских финансов были успешными лишь отчасти. Суть единственной реальной попытки Великобритании создать в Европейском сообществе благоприятные рыночные условия — единый рынок — была в конечном итоге извращена европейской бюрократией. Партнеры Великобрита

нии затем против нашей воли навязали Европе идею экономического и валютного союза. Джон Мейджор, в какойо мере иза своего характера, а в какойто — в силу обстоятельств его прихода на пост премьеринистра, пытался защищать интересы Великобритании, добиваясь отдельных исключений (по единой валюте, по социальному разделу), вместо того чтобы блокировать движение к федерализму, которое, я подозреваю, он не одобрял. Несмотря на это, Европейская комиссия упорно и довольно успешно навязывает британской промышленности нежелательное регулирование. Победа, которая, как казалось Джону, была одержана в Маастрихте в результате поддержки принципа убсидиарности)), предполагавшего, что высший орган власти не должен принимать решений по вопросам, которые могут быть решены на более низком уровне, на деле не привела к Европе, где власть принадлежит национальным правительствам. И никогда не приведет. Еще одно предательство.

Даже решительно проевропейское новое лейбористское правительство Тони Блэра столкнулось с тем, что его призывы к европейской оброй воле» ничего не дают. От него пспрежнему требуют гармонизации налогообложения, а именно изменения ставок НДС, налогообложения компаний и горючего. А на подходе еще проблемы регулирования рынка труда и пограничного контроля. Попытка правительства Блэра улучшить свой проевропейский образ с помощью участия в европейских силах обороны была использована французами в качестве козыря в их антиамериканской игре, что поставило под удар стремление тна Блэра — надеюсь искреннее — сохранить позицию Великобритании как надежного союзника Соединенных Штатов.

Анализируя эти процессы, нетрудно заметить, что любые уступки Великобритании или ее инициативы в Европе неизменно обращаются против первоначальных намерений и, в конечном итоге, против нее самой. Почерк, тон и характер британских правительств может меняться, но попытки установить модус вивенди с Европой в любой значимой сфере политики всегда заканчивались неудачей. Результат давали лишь серьезные угрозы разрыва, в частности мои в начале 30-х годов. Но даже они, хотя и приносили ощутимые победы, не могли и не могут изменить направления движения Европы в целом.

К тому же, а это в настоящий момент приобрело решающее значение, чем больше власти переходит от национальных государств к Брюс

селю, тем сложнее отклонить или наложить вето на те новые меры, которые вредят нашим интересам. Например, постоянно растет число решений, принимаемых квалифицированным большинством голосов, а не единогласно. Вдобавок к этому ограничиваются наши возможности по формированию блокирующего меньшинства*. Что же касается так называемого Люксембургского компромисса, т. е. договоренности о возможности использования государством права вето в случае принципиальной угрозы его национальным интересам, то он, по всем признакам, ныне предан полному забвению**.

Подход Консервативной партии, практикуемый ею в последние годы, ясно выражен в лозунге Европе, но не под ее башмаком)). Довольно правильно в качестве модели, к которой нужно стремиться. Но, спрашивается, возможно ли это? А что, если нет? Сегодня, когда всеобщие выборы 2001 года остались позади, нам крайне необходимо взглянуть на политику в отношении Европы с реальных позиций, а не с точки зрения лозунгов или того, что нам хотелось бы видеть.

СДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ ФУНТ

Наша первоочередная задача — не допустить ухудшения ситуации. Упразднение же фунта и переход на евро иначе как значительным ухудшением не назовешь. Консервативная партия поступила совершенно правильно, пообещав на последних выборах сохранить фунт. Однако она сочла уместным ограничить это обещание одним парламентским сроком. К сожалению, хотя на практике это вполне оправданно — никто всерьез не думает, что консервативное правительство, возглавляемое Уильямом Хейгом, могло бы отказаться от фунта, — ограниченное обязательство не слишком логично. Основные доводы против перехода Великобритании на единую европейскую валюту, в конце концов, не зависят от обстоятельств: они обусловлены принципиальными убеждениями, которые невозможно ни приукрасить, ни принизить,

* В соответствии с договором, заключенном в Ницце, вес голоса Великобритании в Европейском совете министров должен снизиться с 11,5 до 8,4% при увеличении числа членов Европейского союза до двадцати семи.

** Люксембургский компромисс, к которому «шестерка» пришла в январе 1966 года, применялся на практике до середины ЗСх годов, несмотря на то что никогда официально не признавался ни Европейской комиссией, ни Европейским судом. Я высказалась за его восстановление во время выступления в палате лордов в июле 1992 г.

даже если бы консерваторы этого захотели. Нелогичный компромисс в данном случае лишил Консервативную партию, как и в 1997 году, того, что могло бы быть жизненно важным источником силы и поддержки. Оппоненты партии получили лишнюю возможность выпятить ее разногласия; ничтожное проевропейское меньшинство в партии не угомонилось; часть избирателей предпочла Партию независимости Великобритании, позиция которой, на их взгляд, была более ясной и твердой. Можно спорить о том, какие уроки следует извлечь из последней предвыборной кампании и ее результатов. Однако сомнений в оценке неизменно стыдливого отношения к единой валюте быть не может. Консервативная партия должна идти на будущие выборы с обещанием сохранить фунт стерлингов — так же, как она обещает сохранить нашу свободу и суверенитет, — навечно. Великобритания ни в коем случае не должна отказываться от своей валюты. А Консервативная партия ни в коем случае не должна притворяться, что это не так*.

Причина, по которой должно быть именно так, а не иначе, очевидна любому британскому патриоту. Как я уже отмечала в предыдущей главе, право эмитировать валюту и управлять ею — фундаментальный атрибут суверенитета. Суверенитет, в свою очередь, — необходимое, хотя и не достаточное, условие для сохранения свободы и демократии. Недостаточно оно в силу того, что правительство, находящееся у власти, может быть или стать тиранническим или авторитарным. Тем не менее суверенитет — необходимое условие, поскольку, если правительство не обладает подлинными полномочиями или властью, т. е. не является *реалъным правителъством, о* соблюдении положений конституции не может идти и речи, а демократический мандат теряет свой смысл.

Иногда споры по поводу суверенитета расширяются и запутываются столь изощренно, что разобраться в них может лишь гений**. Одно совершенно ясно: передача Европейскому союзу права эмитировать валюту наряду с другими полномочиями является значительным шагом к потере суверенитета. При этом наносится сокрушительный удар по нашей демократии. Я посвятила этому вопросу статью, которая была опубликована во время предвыборной кампании в маеюне 2001 года.

* Я очень рада тому, что новый лидер Консервативной партии Айан Данкан Смит — патриот до мозга костей, — похоже, согласен с этим.

** К счастью, одним из таких гениев является Ноуэл Малколм, который разбивает ложные доводы в своем памфлете (Мое! МасЯт, *Зепзе оп Зоуегепу,* Сепге Гог РоИсу Без, 1991).

Без своей валюты Великобритания не сможет проводить собственную экономическую политику... Нетрудно понять, что ставится на карту. При единой валюте будет действовать единая процентная ставка, уровень которой устанавливается с учетом потребностей вовсе не Великобритании, а других стран — вот уж поистине рецепт скатывания к циклу умпад)) в экономике*. Помимо этого нас будут толкать с нарастающей и, в конечном итоге, непреодолимой силой к тому, чтобы мы предоставили Европе еще и право верстать наш бюджет. Действительно, с так называемым актом стабильности который ограничивает размер бюджетного дефицита, и углубляющейся гармонизацией налогов направление движения очевидно.

Прибавьте к этому социальное регулирование, спущенное из Брюсселя, с такими прложениями, которые Комиссия сочтет удобными для себя, и результат ясен. Основные рычаги, от которых зависит экономическое процветание Великобритании, будут вырваны из наших рук. А ведь именно за них и ведется борьба во время каждых выборов в нашей стране**.

Следует учитывать, что аннулирование фунта не является эквивалентом создания валютного совета — денежной системы, при которой страна привязывает свою денежную единицу к какойибо иностранной валюте, например к американскому доллару. Она может пойти на такой шаг по разным причинам, например для повышения доверия к своей антиинфляционной стратегии или просто иза значительных масштабов торговли со страной, к чьей валюте осуществляется привязка. Однако подобные соглашения имеют ограничения, как бы политики и банкиры ни пытались доказать противоположное. Их свободно заключают, их так же свободно и расторгают.

В отличие от этого, Маастрихтский договор, который вводит единую европейскую валюту, не содержит положений, предусматривающих выход из него. Президент Европейской комиссии Романо Проди вроде бы намекнул, что страна, отказавшаяся от своей валюты, в случае если передумает использовать евро, может выпустить ее снова***. Однако,

Это был намек на то, что премьеринистр и его коллеги пугали возвратом умов и спадов)) времен правления тори. На самом деле бумов было значительно больше, чем спадов, но это уже другая история.

опу ВЫг *18* Соттес! 1:0 Ье ЕхППсПоп оГ Впгат *ОаИу ТегарН,* 1 пе 2001. Интервью с Дэниелом Ханнаном: ез, Уои сап Ьеауо), *ЗресШог, 27* Мау 2000.

учитывая положение протокола Маастрихтского договора, которое прямо указывает на еобратимость характера движения Сообщества к третьему этапу развития Экономического и валютного союза это кажется довольно странным. Если синьор Проди действительно знал, о чем говорил, то его слова были неискренними. Конечно, у любого европейского государства есть право на любом этапе объявить об одностороннем выходе из Союза или об отказе от евро. В случае Великобритании, как я покажу дальше, традиционная конституционная доктрина вообще не допускает полного отказа от этого права или его утраты нашим парламентом. Однако технические и финансовые сложности, связанные с возобновлением эмиссии национальной валюты, после того как золотовалютные резервы государства были переведены в Европейский центральный банк, а национальный центральный банк приобрел статус отделения ЕЦБ, могут испугать кого угодно. Тогдашний европейский комиссар по экономическому и валютному союзу Ив Тибо де Сильги выразил общепринятый взгляд, когда сказал напрямик: договоре нет положения, предусматривающего право выхода для страны, которая присоединилась к валютному союзу. Процедур выхода не существует. Именно поэтому вы должны быть абсолютно уверены в правильности своего решения, когда вступаете.

Я абсолютно уверена. Мы не должны вступать.

Итак, есть очень веские принципиальные политические и конституционные причины, по которым Великобритании не следует переходить на евро. Помимо них имеется и масса экономических соображений. Не последнее место среди них занимает опыт, полученный Великобританией, когда фунт стерлингов был частью Европейского курсового механизма (ЕКМ). Следование за немецкой маркой с марта 1987 года, что вполне можно считать кшеофициальной)) (а с моей точки зрения — неправомочной) политикой ЕКМ, вынуждало удерживать процентные ставки на низком уровне и, как следствие, мириться с ростом инфляции. Официально фунт присоединился к ЕКМ в октябре 1990 года, за месяц до моего ухода с Даунинстрит. Моя позиция была ясной: процентные ставки должны устанавливаться исходя прежде всего из денежнскредитной политики, определяемой внутренними услови
ями"

* *THe Tгmез,* 26 Арп! 1997.

** **См.** *THe Oomnгee! Yeагз,* p. 724.

От этого впоследствии отказались. К Европейскому курсовому механизму стали относиться так, как к нему всегда относились сами европейцы, а именно как к прелюдии к экономическому и валютному союзу. Поддержание определенного курсового паритета получило приоритет перед всеми остальными экономическими соображениями. Подобная негибкость имела катастрофические последствия. Когца процентные ставки по немецкой марке поднялись в результате массированных заимствований с целью покрытия издержек, связанных с присоединением Восточной Германии, ЕКМ заставил повысить процентные ставки и по фунту, что углубило и продлило экономический спад. Наконец, в *«черную»* — или *«бел.ую»,* как иногда доказывают, — среду (16 сентября 1992 года) после продажи около 11 миллиардов фунтов стерлингов из золотовалютного резерва и повышения процентной ставки до 12% (а наследующий день и до 15%) фунт пришлось вывести из ЕКМ. Несмотря на зловещие предсказания, он устоял. А экономика, вместо того чтобы обрушиться, начала восстанавливаться, чего нельзя было сказать о репутации экономической политики тогдашнего консервативного правительства.

Будь Великобритания в то время в составе Европейского экономического и валютного союза, не избежать нашей экономике еще более серьезных последствий, поскольку оковы были бы еще тяжелее. Давление на британскую промышленность нельзя было бы облегчить путем снижения процентной ставки и стоимости валюты. Мы прочно увязли бы в чрезмерно ограничивающей свободу действий денежнокредитной политике и несоразмерных процентных ставках. Единственное, что можно было противопоставить углубляющемуся спаду, это дотации, перераспределение рабочей силы и снижение заработной платы. Ну, и какому правительству это понравится? Вот над чем следует задуматься тающему меньшинству британских сторонников отказа от фунта в пользу евро.

На самом деле для Европы в целом просто не может существовать равильной)) процентной ставки или равильного)) обменного курса. Экономика европейских стран слишком разнообразна. Великобритания же вдобавок к этому имеет свои особые трудности, поскольку ее экономика коренным образом отличается от экономики большинства соседей.

Британская экономика обладает и в обозримом будущем будет обладать значительно большей чувствительностью к изменениям процент

ной ставки, чем экономика стран материковой части Европы. Объясняется это тем, что в отличие от них у нас высокий уровень переменных ипотечных долговых обязательств в силу традиционного значения, придаваемого собственности на жилье. Другим отличием является то, что наш экономический цикл в целом не совпадает с экономическим циклом на континенте: он намного ближе к экономическому циклу Соединенных Штатов. Великобритания — крупная нефтедобывающая страна, чего нельзя сказать о Европе. Мы также намного больше, чем европейцы, зависим от так называемых кщевидимых статей дохода т. е. услуг и доходов от инвестиций. Наконец, иза того (как я покажу позже), что значительная доля нашей торговли приходится на неевропейские страны и, следовательно, не деноминируется в евро, выгода, получаемая от устранения издержек, связанных с неустойчивостью обменных курсов относительно евро, для нас не так существенна. В самом деле, фиксирование нашего обменного курса в Европе означало бы фактическое повышение волатильности фунта относительно доллара, вместе с которым он обычно двигался. И еще, в ответ тем, кто твердит, что им нужна общая валюта, легко доступная во всех концах света, скажу, что такая валюта уже есть, она называется американский доллар.

Для процветания Великобритании единая европейская валюта вовсе не обязательна. Переход на евро не нужен для обеспечения свободы торговли: Североамериканское соглашение о свободной торговле (ЫАРТА), в котором участвуют США, Канада и Мексика, прекрасно функционирует (лучше, чем ЕС, что я продемонстрирую дальше) без него. Евро, однако, вполне может повредить свободной торговле в глобальном масштабе (а это несоразмерно сильно скажется на Великобритании), поскольку единая валюта защищает более высокие издержки и подогревает европейский протекционизм. Вопреки мрачным предсказаниям, раздававшимся накануне введения евро, сегодня совершенно ясно, что переход на новую валюту не так уж и обязателен для благополучия лондонского Сити: Сити занимает ведущее положение в торговле евро и успешно процветает. Обусловлено это высоким профессионализмом и международной репутацией Сити как финансового центра, а также благоприятным налоговым режимом и регулированием, существующими в Великобритании вопреки, а не благодаря ЕС. Не нужна единая европейская валюта и для привлечения инвестиций. В 1999 году Великобритания была самой привлекательной среди стран ЕС для прямых иностранных инвестиций, доля которых выросла с 25 до 27%, что в два

раза выше, чем у Франции, и в три раза, чем у Германии*. Иностранцы вкладывают средства в нашу страну иза того, что налоговое бремя, ложащееся на бизнес, у нас значительно ниже, чем в странах материковой части Европы. Именно это имеют в виду французы, когда протестуют против так называемого оциального демпинга

Отказ от фунта и переход на евро имел бы чрезвычайно разрушительные последствия. Это, помимо прочего, еще и очень дорогое удовольствие: только разовые затраты Великобритании, по оценкам, со

ставят от 31 до 35 миллиардов фунтов стерлингов*. Невзирая на его несвоевременность и разорительность, правительство все же развернуло программу ОДГОТОБКЮ) промышленности к переходу, о котором подавляющее большинство британской общественности даже и слышать не желает. Опросы общественного мнения показывают, что от 60 до 75% респондентов высказываются против**. Похоже, это нисколько не смущает политикоюрократическую элиту, которая в Великобритании, как и в других странах Европы, уверена, что должна добиться европейской интеграции любой ценой и что История (с большой

буквы) на ее стороне***.

Итак, из приведенных выше соображений вытекают следующие

выводы:

- **Отказ от фунта в пользу евро приведет к существенному ущемлению права Великобритании управлять собственными делами и, таким образом, нанесет недопустимый удар по демократии.**
- **Предполагаемые экономические выгоды от введения евро либо не существуют, либо незначительны, либо могут быть получены другими средствами.**
- **Великобритания несет значительно более ощутимые экономические потери от введения евро, чем любое другое европейское государство.**
- **Великобритании не следует допускать даже возможность отказа от фунта.**

' И *тиШ Ле Еиго Соз! иКВштез* Ноизе оГ Соттопз ТгаВе апВ ЫВизиу ЗеЬс! СотппПее КероП, 7 МоуетЬег 2000. Количественные оценки основаны на исследованиях, осуществленных компаниями КРМС СопзиШп и СЬапгеу УеПасой ИРК.

В мае 2001 г. опрос, проведенный агентством МОШ по заказу газеты *Зип,* например, показал, что 70% респондентов высказываются против единой европейскои валюты и лишь 24% — в ее поддержку. В ходе опроса, проведенного центром ЮМ для газеты *СиагсИап* в том же месяце, 67% респондентов заявили, что скажут «нет» на референдуме по евро.

[6] Такой подход наглядно иллюстрируют высказывания тогдашнего министра иностранных дел Робина Кука, который, когда ему напомнили, что опросы свидетельствуют о негативном отношении большинства к евро, заявил: «Меня радует, что те же самые опросы, в которых большинство высказывается против введения евро, показывают и то, что три четверти опрошенных уверены в неизбежности его введения» *(ТНе Пте* 7 Ту 2000).

ЧЛЕНСТВО В ЕС:
ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ

Нередко говорят, что даже мысль о выходе Великобритании из Европейского союза недопустима. Однако отбрасывание мысли об этом, как, впрочем, и о чемибо другом, — плохая замена обоснованному суждению. Только беспристрастно взвесив плюсы и минусы, можно решить, какой путь правилен.

Немало сил было затрачено, чтобы не допустить (возможно, с самыми лучшими намерениями) возникновения этого вопроса, по крайней мере до референдума о переходе Великобритании на евро. Я хорошо понимаю, почему многие противники Экономического и валютного союза думают, что это было правильным. Им, как и сторонникам евро, известно, о чем говорят результаты опросов общественного мнения, а говорят они о том, что, в то время как против отказа от фунта явное большинство, за выход из ЕС высказывается хоть и ощутимое, но все же меньшинство*. Евроэнтузиасты сознают, что единственный их шанс победить на референдуме по евро — это представить все так, словно речь идет о членстве в ЕС. По всей видимости, они собираются прибегнуть к старой тактике нагнетания паники, которая с успехом была использована в 1975 году, когда подавляющее большинство проголосовало за сохранение членства в ЕЭС.

Это, конечно, бессовестный обман. Что бы там ни говорили европейские комиссары и проевропейские политики, совершенно ясно, что решение вводить или не вводить единую валюту не влияет на права Великобритании как члена ЕС, закрепленные различными европейскими договорами. Существует один момент, к которому евроэнтузиастам следовало бы отнестись со всей серьезностью. Спекуляция на том, что отказ от евро будет означать отказ от ЕС, может поставить их в очень неловкое положение, если они не наберут нужного количества голосов. В этом случае результаты вполне справедливо будут восприняты как

* Опрос, выполненный центром ЮМ в январе 2001 г. по заказу программы Бииси удэй дал следующие результаты: 53% респондентов полагают, что Великобритания должна оставаться в ЕС, 30% голосуют за выход, а 16% не определили своего отношения. В ходе опроса, проводившегося агентством МОК! в апрелеае 2001 г. для газеты *Зип,* был задан вопрос: ак бы вы ответили, если бы сейчас проводился референдум о том, должна ли Великрбритания остаться в ЕС или выйти из него?)). За сохранение членства высказались 48% опрошенных, 43% поддержали выход, а 9% не определили своего отношения.

мандат на пересмотр отношения Великобритании к ЕС, в том числе и на односторонний выход. Меня вполе устроил бы такой вариант. А вот устроит ли он их? Пустые предостережения о неизбежной катастрофе могут неожиданно стать самоосуществляющимися. Я уверена, что историю о маленьком мальчике, который в шутку кричал: олкЬ), — а потом действительно был съеден, следует перевести на все европейские языки.

О том, к чему нас толкают паникеры, можно сказать и еще което, хотя сомневаюсь, что они согласятся с этим. Концепция евро яснее всего остального показывает направление, в котором те, кто стоит у власти в Европе, намерены двигаться: это федеративное сверхгосударство. Единая европейская валюта — очередной элемент сверхгосударства наряду с европейской правовой системой, европейской внешней политикой, европейской армией, европейским парламентом и европейским правительством. В этом смысле дебаты вокруг евро есть не что иное, как часть расширяющихся, необходимых и давно назревших дебатов об отношении Великобритании к Европейскому союзу, который быстро превращается в нечто большее, чем просто союз.

Поэтому я возвращаюсь к тому, с чего начала. Давайте же, наконец, и в самом деле *подумаем о* том, чего мы хотим от Европы в том виде, как она есть, определим на основе трезвого расчета, сможем ли мы добиться этого, и, если окажется, что нет, зададимся вопросом: может быть, вообще лучше создать новое торговое соглашение?

Был уже целый ряд попыток составить своего рода алано прибылей и убытков от членства Великобритании в ЕС. Однако результаты разнятся, поскольку ЕС приобретает новые полномочия, да и условия за пределами Европы не остаются неизменными. Помимо прочего, намного легче нарисовать финансовую картину, чем представить экономическую ситуацию в целом.

Даже после возврата переплаченных взносов, которого я добилась в середине ВО годов, Великобритания остается крупным неттсплательщиком в бюджет ЕС. В 2000 году мы внесли 2,4 миллиарда фунтов стерлингов. С момента вступления в ЕЭС наш чистый вклад достиг 54,7 миллиарда. Вместе с тем чистый вклад, т. е. наши выплаты за вычетом того, что мы получили, не дает полного представления о ситуации. Бруттсвзнос, составивший в 2000 году 5,9 миллиарда фунтов стерлингов, также имеет значение, поскольку именно он является статьей государственных расходов, направляемых в значительной мере совсем не на те цели, которые предпочли бы британское правительство

и избиратели*. Между прочим, этот показатель неизменно удивительным образом теряется в потоке лукавых цифр, указывающих на то, как много различные регионы и районы Соединенного Королевства олучают)) от Европы. Я вполне согласна с бывшим министром финансов Норманом Ламонтом (ныне лордом), который заметил, что это апоминает предвыборный лозунг мэра СаПаулу в Бразилии: ворую, но часть украденного возвращаю**.

Причиной, по которой Великобритания несет убытки от участия в Европе, как всегда является единая сельскохозяйственная политика. ЕСХП ведет к бюрократизации и нерациональному использованию природных ресурсов. Но наиболее серьезный урон экономике она наносит в результате взвинчивания цен на продовольствие, что особенно тяжело сказывается на таких развитых урбанизированных странах, как Великобритания.

Как и другие последствия членства в ЕС, эффект ЕСХП трудно поддается количественной оценке. Например, нельзя, сравнив цены на продовольствие в ЕС и на мировом рынке, сказать, что разница и есть то, что мы переплачиваем. Причина проста: иза того, что ЕС занимается демпингом при поставках излишков своей продукции на мировые рынки, мировые цены находятся на более низком уровне, чем могли бы быть в ином случае. Тем не менее Патрик Минфорд считает, что ЕСХП в обычный год обходится примерно в 6,5 миллиарда фунтов стерлингов. При расчете из стоимости продовольствия, приобретенного по более высоким ценам, вычитались выплаты британским фермерам, а затем прибавлялись потери реального дохода от сокращения потребления продуктов питания. Эта сумма возрастает до 15 миллиардов фунтов стерлингов (около 1,5% ВВП), если учесть чистый взнос Великобритании в ЕЭС на покрытие дефицита и текущих расходов по ЕСХП***.

ОГПсе оГ Маюпа! аизПсз апс! игореап Ршапсе: ЗШетеп!: оп Ле 2000 ЕС Висе!:
апс! теазш 1:0 соипег Ггаис! апс! Гтага! пштапаетепЬ, Стпс!. 4771. Данные приведены в ценах 1998 г.

гтап Ьатопг, *Зоуегеп ВпШт* (Впзо!: ОисоПЬ, 1995), р. 86.

Рапс МтГогс!, *ВпШт апс! Еигоре: ТНе ВаШпсе ЗНее* Сетге Гог Еигореап §(1108 апс! Еигореап Визтезз Кеу!, МСВ итуегзу Ргезз, 1996, р. 3. Профессор Минфорд любезно предоставил мне последние данные. Исследование Рут Ли из Института директоров дало аналогичный результат. По ее оценке, ЕСХП обходится британской экономике в 910 млрд. фунтов стерлингов. Она отмечает, что в 1999 г. британские налогоплательщики фактически выплатили фермерам других стран ЕС субсидии в размере 2 млрд. фунтов стерлингов (Ки!:!! Еea, *САР: А СаШие ()/ РаПиге, ТНе еейог КасИса! Кегт,* 100 КезеагсЬ Рарег, МоуетЬег 2000, р. 6).

Суммарные прибыли и убытки Великобритании от членства в ЕС оценить еще труднее. Например, действительно ли свободная торговля со странами, входящими в ЕС, — это неотъемлемый атрибут членства в ЕС? Или всеаки можно договориться о благоприятных условиях доступа на эти рынки в обход ЕС? (Я рассмотрю такую возможность ниже.) Далее, хотя для неэкономиста это может быть неочевидным, но за нахождение внутри европейского тарифного барьера Великобритания должна чемо *расплачиватъся.* Как и при старой системе имперских преференций, доступ к защищенным рынкам, несмотря на первоначальную привлекательность, может на деле пойти во вред глобальной конкурентоспособности промышленности*. Но европейский тарифный барьер в настоящее время не так уж и высок, так что достоинства и недостатки членства в ЕС с точки зрения торговли практически равнозначны.

Так что же остается в балансе? С одной стороны, имеется то, что с моей точки зрения является «самым неблагоприятным» сценарием, а именно анализ Национального института экономических и социальных исследований (НИЭСИ), в соответствии с которым одовой уровень производства в Соединенном Королевстве вне ЕС будет примерно на 2% ниже». При этом может произойти некоторое сокращение числа рабочих мест, хотя «нет никаких оснований ожидать, что за пределами ЕС Великобритания столкнется с массовой безработицей». Исследователи допускают, что не ЕС Соединенное Королевство сможет закупать продовольствие по более низким ценам, а также сократить статьи расхода в результате прекращения выплаты взносов в европейский бюджет». Вместе с тем они убеждены, что коти выгоды не покроют убытков от более высоких тарифов и административных расходов при экспорте, а также от сокращения числа инвесторов»**.

Хотя исследование и подчеркивает невыгодность выхода из ЕС, оно полностью опровергает безграмотные в экономическом и социальном плане утверждения паникеров, в частности Кита Ваза, тогдашнего министра по европейским делам, о том, что выход из Европейского союза

* Этому и другим взаимосвязанным вопросам посвятил свою статью Мартин Вулф (МаПш (ЯГ, ЫпИп оГ ипЙипЬЫэЬ), *Ртапсш! Ттез,* 18 пе 1996). Имперские преференции — система льготных ввозных пошлин, действовавшая в торговле между Великобританией и ее колониями с 1932 г. до распада империи в бО гг.

** Ме! Раш апВ Саггу Уоип, *СопйпеШ Сш* ОД? *ТНе Масгоесопотк Ттрасг оВШгзН УпМгаа! гот Ле* £[7, МаНопа! Ызшге оГ Есопопис апс! Зсша! КезеагсЬ, ЕеЬгиагу 2000.

повлечет за собой потерю 3,5 миллиона рабочих мест*. Я сомневаюсь в обоснованности других выводов НИЭСИ, поскольку не верю в невозможность установления особых торговых отношений с ЕС. Я также не думаю, что выход из ЕС может неблагоприятно отразиться на инвестиционной привлекательности Великобритании, мнение НИЭСИ по этому вопросу далеко не беспристрастно**. Иностранных инвесторов, как показывают реальные факты, значительно больше волнуют наши затраты, а не доступ к европейскому рынку сам по себе. Поскольку вне ЕС у нас появляется больше возможностей по снижению издержек, я полагаю, что приток инвестиций не уменьшится. На мой взгляд, в случае отказа от ЕСХП мы, скорее всего, снизили бы и объемы субсидирования сельского хозяйства. Снижение же цен на импортное продовольствие, которое НИЭСИ оценивает в 20%, вполне может оказаться еще более существенным.

Мнение Патрика Минфорда, высказанное в 1996 году, т. е. *до того,* как лейбористское правительство подписало социальный раздел Маастрихтского договора и пообещало сделать все, чтобы присоединить Великобританию к Экономическому и валютному союзу, мне кажется более здравым: «не стоит рассуждать о том, какие доводы перевешивают — за участие в Европейском союзе или против него. Имеет смысл попытаться сделать это участие успешным, хотя бы иза того, что в него вложено так много. Но если, несмотря на все наши усилия, наши партнеры не позволят создать условия для успеха, то мы сможем покинуть союз с уверенностью в том, что поступаем правильно»***.

Есть, однако, и такие, которые считают, что доводы в поддержку британского членства в ЕС не стоит воспринимать как нечто реальное. Возможно, изза того, что я родилась в семье лавочника, а может быть потому, что на посту премьеринистра привыкла отдавать предпочтение реальной действительности, я не могу согласиться с этим. Если мы сталкиваемся с неудовлетворительным отношением к себе, но не

* Кит Ваз, интервью: *ОаНу ТегарН,* 19 РеЬшагу 2000.

Я очень признательна ду Брайану Хайндли за то, что он позволил мне воспользоваться проектом введения к пересмотренному и исправленному изданию брошюры, написанной им совместно с Мартином Хау (Впап НшсЦеу апс! МаПш Ное, *ВеПег ОУОШ?: ТНе Вепез ог Созгз оЕУ МетЪегзШр,* ТЕА, 1996). Д? Хайндли подчеркивает, что неблагоприятное влияние на приток инвестиций чрезмерно преувеличивается, и указывает, что в отчете за 2000 г. Комиссия по международной торговле США оценивает его как езначительноо).

*** МшГоп!, *ВпШт апй Еигоре: ТНе ВаШпсе ЗНее* р. 33.

имеем реальной возможности изменить его, и если при этом постоянно урезают наше право на самоуправление, это, на мой взгляд, достаточное основание для отказа от дальнейшей интеграции с Европой.

С моей точки зрения, например, утверждения о том, что вхождение в состав более крупного образования, т. е. Европы, повышает авторитет Великобритании, совершенно неубедительны. Такое представление неверно потому, что опирается на три ошибочные посылки.

Вопервых, оно исходит из того, что лияние или, вернее, власть является самоцелью. Это не так. Расширение способности повелевать другими странами через объединение с многонациональным колоссом — крайне непривлекательный и абсолютно не соответствующий либеральным ценностям довод в пользу интеграции с Европой. Свобода всегда лучше несвободы. Политик, который утверждает обратное, должен вызывать подозрение.

Всвторых, сторонники этого взгляда предполагают, что интересы Великобритании неизбежно и полностью совпадают с интересами других стран Европы. И вновь нет никаких оснований считать, что это так. Как я уже показывала, Великобритания действительно «другая». На самом деле я уверена: если бы политики европейских стран захотели разобраться в этом вопросе беспристрастно и с пониманием дела, они обнаружили бы, что интересы их стран также «различны» и существенным образом противоречат друг другу. Увы, на территории евро это не что иное, как ересь, и евроинквизиция очень быстро разожгла бы политические погребальные костры. В любом случае, как это понял еще де Голль, британская экономика и геополитические интересы уникальны и уникальным образом отличаются от европейских. Не видеть этого и заниматься поисками наименьшего общего европейского знаменателя — глубокое заблуждение.

И, вретьих, крайне сомнительно, чтобы Европу, когда она ысказывает единое мнение» (в чем нас частенько пытаются убедить), ктонибудь реально слушал. Репутация Европы как игрока на международной арене незавидна. Это колосс на глиняных ногах, чьи отчаянные попытки добиться серьезного отношения вызывают смех. У нее слабая валюта и инертная, негибкая экономика, в значительной мере опирающаяся на скрытый протекционизм. У нее сокращающееся, стареющее население и, за исключением Великобритании, вооруженные силы, которые нельзя назвать впечатляющими. Ну и, наконец, опять же за исключением Великобритании, — не имеющая системы дипломатия. Суще

ствуют намного более эффективные способы укрепления международного положения страны, чем участие в общей европейской внешней политике, не говоря уже об общей европейской системе обороны.

ВОЗМОЖНЫЕ ВЫХОДЫ

Что же нам следует делать? Очевидный путь — попытаться в максимальной мере сохранить существующий порядок вещей и, одновременно, отказаться от нынешних и будущих механизмов, которые наносят ущерб нашим интересам и ограничивают свободу действий. Такой подход должен дать результат с точки зрения любого здравомыслящего человека, особенно здравомыслящего члена Консервативной партии:
в конце концов, стремление избегать ненужных изменений — это традиционный атрибут консерватизма. Я высказала эту точку зрения, в частности, во время выступления в Гааге в 1992 году:

> Обязательно ли участие всех без исключения членов Сообщества в каждой новой европейской инициативе? Вполне может случиться так, что, особенно после расширения, лишь часть из них пожелает перейти к следующему этапу интеграции...
> Мы должны стремиться к многовариантной Европе, в которой группы стран, такие как шенгенская группа, могут находиться на различных уровнях кооперации и интеграции. Конечно, подобная структура будет лишена а»уратности миллиметровой бумаги. Однако она сможет вобрать в себя все многообразие посткоммунистической Европы*.

К тому времени, когда я добралась до детального анализа ситуации в Европе, примерно три года назад, меня очень сильно стало беспокоить направление развития событий. Я видела в попытке создать вухуровневук Европу (в которой Франция, Германия и некоторые другие страны могли бы быстрее других осуществлять интеграцию), уже прочно занявшей место в повестке дня, возможность для Великобритании пересмотреть некоторые условия ее участия в ЕС. Вместе с тем нужно было зорко следить за тем, чтобы попытки сформировать *«ящ)о»* не ущемляли наших основных интересов. Так, этим странам нельзя было позволять навязывать другим членам ЕС свои приоритеты, в ча

Выступление на лобальной коллегию), Гаага, 15 мая 1992 г. *СоНес ЗреесНез,* по. 51.

стности в области регулирования единого рынка. Я настаивала на том, чтобы ценой согласия Великобритании на изменение Маастрихтского договора было индивидуальное изменение условий ряда положений, например размера нашего взноса по ЕСХП, которые в тот момент наносили нам ущерб*.

Было ли это предложение реальным в тот момент, когда я его выдвигала? На этот вопрос трудно ответить. Маастрихт к тому времени уже приобрел статус закона, и было совершенно ясно, что разговоры о децентрализации в значительной мере не более чем сотрясение воздуха. Маастрихт, кроме того, заложил основу единой валюты, хотя Великобритания и отказалась от нее. С введением единой валюты будет сделан новый скачок в направлении европейского федерализма. Однако у власти в Великобритании пока еще консервативное правительство, и, несмотря на мои сомнения по поводу его здравомыслия в сфере европейских дел, я уверена, что партия приложит все силы, чтобы удержать его от движения к федерализму.

Так или иначе, я начала выдвигать альтернативные предложения, предусматривавшие еще более радикальные изменения в наших взаимоотношениях с ЕС и направленные на сохранение или (если вам так больше нравится) восстановление законного суверенитета Великобритании. Я, например, предложила нести поправку в Закон о европейских сообществах, которая устанавливает примат решений парламента над всеми законами Сообщества, с четкой оговоркой о том, что он может прямым постановлением не признавать законодательство Сообщества». В числе прочих предложений был и «перечень защищенных вопросов, по которым может принимать решение только парламент, включая вопросы конституционного устройства и обороны»**.

Уверена, эти предложения, найди они поддержку, вполне могли составить основу полномасштабного пересмотра условий нашего участия в ЕС. Однако правительство Мейджора смотрело на вещи иначе, да и в парламенте не было необходимого большинства, чтобы одобрить хотя бы одно из них.

Положение изменилось, когда после всеобщих выборов 1997 года во главе Консервативной партии встал Уильям Хейг. Он сознавал необходимость переосмысления наших подходов и, в границах благоразумия,

* *ТНе РсИН Ю Роег,* p. 502. ** *ТНе РаЛ Ю Роег,* pp. 504505.

пытался сделать это. Увы, к тому времени Консервативная партия сдала свои позиции. Лейбористское правительство Тони Блэра пришло на Даунинстрит с твердым намерением идти по пути федерализма. В результате Великобритания приняла Социальный раздел Маастрихтского договора, от которого Джон Мейджор в свое время отказался. Г-на Блэр заявил о своем принципиальном согласии отказаться от фунта и перейти на евро, хотя и оставил дату этого события открытой. Опаснее всего то, что Великобритания, долгое время являвшаяся противницей европейской военной интеграции, теперь стала ее сторонницей. Договоры, подписанные в Амстердаме и Ницце, облегчают реализацию проекта федерализации. На ближайшее будущее Великобритания получила правительство, которое готово жертвовать суверенитетом в еще большей степени и резко возражает против любых попыток восстановить его.

В такой ситуации, принимая во внимание быстроту, с которой идет процесс федерализации в Брюсселе и других европейских столицах, у будущего консервативного правительства вряд ли будет возможность пересмотреть условия участия и одновременно сохранить членство Великобритании в ЕС. Даже сейчас создание альянса, способного остановить или хотя бы замедлить процесс (я уж не говорю о том, чтобы повернуть его вспять), требует полной трансформации взглядов Франции и Германии, а также беспрецедентного успеха британской дипломатии. Предполагать же, что это станет возможным лет, скажем, через пять, совершенно нет оснований. Именно поэтому я считаю, что на разговоры об зменяемой геометрии *«уровнях»,* «многовариантности», ибких условиях» и т. п. не стоит более тратить времени. Переубедить никого не удастся. А впрочем, этого и не нужно делать.

Итак, какие же у нас имеются возможности улучшения условий взаимоотношения с другими странами, входящими в ЕС? На самом деле наше положение довольнстаки выигрышное. Дело в том, что Европейский союз нуждается в нас больше, чем мы нуждаемся в нем. Просто мы поставили себя в Европе так, что это не позволяет нам в настоящее время эффективно использовать собственные преимущества.

Возьмем, например, следующие три выигрышные позиции. Вопервых, мы являемся нettсимпортером продукции из остальных стран ЕС: в 1998 году объем нашего импорта составил 16 миллиардов фунтов стерлингов*. Как сторонник свободной торговли я прекрасно по

* *ик Тгайе Зшшисз 1998,* ОГПсе оГ Маюпа! Ззсз.

нимаю, что это вовсе не игра с нулевой суммой. Торговля приносит выгоду всем участникам. Но факт остается фактом: импорт Великобританией европейских товаров имеет огромное значение для европейских компаний и их работников. Тысячи рабочих мест обязаны своим существованием британскому импорту. Если мы попробуем пересмотреть наши торговые отношения с ЕС, как бы резко на это ни реагировали европейские политики, рабочие ЕС заставят их держать наши рынки открытыми. А это, в свою очередь, будет означать открытость и европейских рынков*. Европа не смогла бы позволить себе торговую войну с Великобританией, даже если бы ВТО и разрешила такое.

Всвторых, Европа очень нуждается в доступе к нашим территориальным водам и рыбным запасам. Мы, как я уже отмечала, и так очень много вкладываем в ЕСХП, поэтому перспектива прекращения подобных подарков вполне может поставить ЕС на дыбы. Однако помимо этого Союз и, прежде всего, Испания получает еще одно чрезвычайно важное экономическое преимущество, а именно — доступ к нашим рыбным запасам.

Пожалуй, больше всего при вступлении в ЕЭС Великобритания потеряла в сфере рыболовства. С тем, чтобы получить контроль над рыбными запасами четырех вступающих стран — Великобритании, Норвегии, Ирландии и Дании, — европейцы признали рыбные запасы «общим ресурсом», к которому все страньчлены получали равный доступ. (Норвежцы, возмутившись этим, отказались вступать в ЕЭС сначала в 1972, а потом и в 1994 году и живут с тех пор вполне благополучно: ВВП на душу населения в стране — третий по величине в Европе.) Несколько лет спустя, в соответствии с международным законодательством национальная зона рыболовства была расширена с 12 до 200 миль. После истечения десятилетнего переходного периода с момента вступления Испании с ее огромным рыболовецким флотом в ЕЭС Великобритания в полной мере ощутила неприятные последствия этого. Рыбные запасы стали истощаться, попытки же Ев

* Не буду делать вид, что официальные соглашения о свободной торговле с Европой могут обеспечить действительно всеобъемлющий свободный доступ к рынкам. Европейские нетарифные барьеры, например антидемпинговые пошлины или угрозы их применения, которые защищают, в частности, рынки компьютеров и товаров длительного пользования, всегда будут работать против нас. Но абсолютно свободная торговля, как и все прочие абсолютные вещи, крайне редко встречается в жизни. Я очень признательна Патрику Минфорду за то, что он напомнил мне об этом ограничении.

ропы не допустить этого ни к чему не привели. На деле они принесли больше вреда, чем пользы. Абсурдная система квот заставила выбросить значительную часть выловленной рыбы в море, что нанесло ущерб окружающей среде. Британский рыболовецкий флот был резко сокращен — число судов для глубоководного промысла упало с нескольких сотен до 14, а набеги испанских рыбаков были узаконены судом против воли британского парламента*.

Так дальше продолжаться не может. Если Великобритания решит продемонстрировать свою независимость и вернет контроль над собственными водами в двухсотмильной зоне, в Брюсселе, конечно, поднимется шум, но мы тогда будем вправе сами регулировать доступ в них на основе двусторонних договоров с другими странами. Это не только будет эффективным средством защиты ресурсов — как гласит старая истина, заботится только хозяин, — но и сделает те страны, которые желают ловить рыбу в британских водах (а в них вылавливается 80% вропейско рыбы), очень сговорчивыми как по этому, так и по другим вопросам.

В-третьих, несмотря на то что европейцы горячо отстаивают идею общей внешней политики, общей политики безопасности и обороны, им прекрасно известно, что Великобритания как европейская держава всегда стоит особняком. Наш язык, наши связи, обусловленные торговыми отношениями и политическим влиянием, наше мировоззрение, наша близость к Америке, наши средства ядерного сдерживания придают нам глобальный статус, хотя и не статус сверхдержавы. Даже Франция, которая стоит к нам ближе других, не является более глобальной силой в том же смысле, что и Великобритания. Для того чтобы Европейский союз превратился в глобальную державу (как он рассчитывает), он должен сотрудничать с Великобританией. Возможно, даже для того, чтобы вытащить его силы ыстрого реагирования» из сложного положения, обусловленного избытком высокомерия и недостатком современного вооружения.

* По делу компании РасЮПате в феврале 2001 года 97 испанским рыбакам была выплачена компенсация в размере 55 млн. фунтов стерлингов, поскольку Европейский суд признал британское правительство виновным в необоснованной дискриминации иностранных рыбаков на основании Закона о коммерческом судоходстве 1988 г. Дело против Великобритании было возбуждено консорциумом испанских владельцев рыболовецких судов во главе с испанской компанией РасоПате ЬЫ., который заявил, что не может добиться регистрации своих судов для ведения промысла в британских водах.

Итак, отталкиваясь от этих предпосылок, мы должны сформировать реалистичную основу, которая позволила бы отстаивать наши интересы и, одновременно, продолжать сотрудничество с европейскими странами. Что для этого нужно делать?

В качестве предварительного шага, на мой взгляд, будущему консервативному правительству следует публично объявить о том, что оно будет добиваться фундаментального пересмотра условий участия Великобритании в ЕС. Ясно сформулированные задачи необходимо изложить в елой книге Этих задач пять.

Вспервых, с точки зрения Великобритании отношения с Европейским союзом не могут считаться удовлетворительными до тех пор, пока Европа не перестанет рассматривать нас в качестве субъекта ЕСХП. Выход из этой системы должен привести к разрешению проблемы с выплатой излишних взносов и получению доступа к рынкам более дешевого продовольствия — и то, и другое крайне желательно и чрезвычайно популярно среди избирателей. Одновременно может быть создана система поддержки сельскохозяйственного сектора, которая ориентирована на рациональное природопользование и учитывает наши конкретные условия.

Всвторых, мы должны, как я уже отмечала, прекратить наше участие в Общей рыбопромысловой политике. Необходимо установить такую систему использования рыбных запасов, которая давала бы приоритет нашим рыбакам и создавала условия для эффективной защиты ресурсов. Это опять же чрезвычайно популярные аспекты, по крайней мере в Великобритании.

Вретьих, нам необходимо отказаться от всего, во что нас втянуло проведение общей внешней политики, общей политики безопасности и обороны. Очень вероятно, что к моменту переговоров о пересмотре условий крупные британские воинские подразделения будут, если тну Блэру удастся осуществить свои намерения, переданы под европейское командование, имеющее собственный штаб оперативного планирования, военную доктрину и приоритеты. Хотя мы должны придерживаться политики нанесения наименьшего ущерба выполнению текущих задач и обязательств, Великобритании необходимо вернуть свои вооруженные силы под собственный контроль либо под контроль НАТО.

Вчетвертых, мы должны добиваться, насколько это возможно, реализации основных разумных целей Единого европейского рынка —

признания общих стандартов и создания открытых рынков, лишенных субсидий, перекосов и нетарифных барьеров, — но без зарегулированности, злоупотреблений властью со стороны Комиссии и нежелательного вмешательства Европейского суда. Я говорю асколько возмож*но»* по той простой причине, что, как отмечалось выше, совершенно неясно, остались ли у нас еще шансы на это. Может случиться так, что придется договариваться о новых условиях, которые закрепляют неполный набор выгод единого рынка, но зато позволяют избавиться от существующих в настоящее время недостатков.

Это подводит нас к пятой и последней задаче: Великобритания должна восстановить контроль над своей торговой политикой. В настоящее время это за нас делает ЕС в рамках Общей коммерческой политики. Однако то, что подходит ЕС в целом, с его раздутым аграрным сектором, не устраивает нас. Наши интересы находятся, прежде всего, на глобальных рынках. Они не ограничиваются европейскими рынками, где у нас в настоящее время нет какихибо особых условий доступа, за исключением тех, что гарантированы правилами ВТО. Глобальные рынки к тому же на протяжении многих лет развиваются значительно быстрее европейских и, по всей видимости, сохранят эту тенденцию и в будущем.

Мы живем в мире, где расстояния перестали играть роль непреодолимого препятствия для коммерции. Это ясно видно по размаху нашей торговли со странами, находящимися за пределами Европы. Объемы британской торговли с неевропейскими странами значительно превышают суммарный объем торговли любого члена ЕС. Наиболее важной ее частью являются услуги — самый динамичный сектор нашего экспорта. В 1999 году Великобритания являлась крупнейшим инвестором в мире, а наиболее привлекательным объектом наших инвестиций были Соединенные Штаты*. Америка также — самый значительный источник иностранных инвестиций в британскую экономику; этот факт нередко упускается из виду на фоне превознесения японских инвестиций и хорошо известной склонности некоторых японских бизнесменов видеть Великобританию в зоне евро.

Получив свободу действий, мы сможем переориентировать нашу торговую политику на использование в своих интересах национальных и глобальных тенденций.

Процесс пересмотра условий нашего участия в ЕС, построенный на основе перечисленных задач, не должен быть слишком длительным. Надо показать нашим партнерам, что нас не удовлетворят косметические коррективы или обещания решить проблемы в будущем.

Иностранные инвестиции

Прямые британские инвестиции за рубежом по состоянию на конец 1999 года			Прямые иностранные инвестиции в Великобританию по состоянию на конец 1999 года		
Страна, регион	млрд. фунтов стерлингов	%	Страна, регион	млрд. фунтов стерлингов	%
Германия	10,9	2,6	Германия	38,4	15,3
Франция	12,9	3,0	Франция	19,1	8,4
Италия	3,0	0,7	Италия	1,1	0,5
Голландия	69,0	16,3	Голландия	37,3	15,7
Ирландия	27,2	6,4	Ирландия	2,6	1,1
(ЕС)	(150,2)	(35,5)	(ЕС)	(103,7)	(45,6)
Швейцария	5,7	1,3	Швейцария	8,0	3,5
США	185,4	43,8	США	90,2	39,7
(Американский континент)	(207,2)	(48,9)	(Американский континент)	(100,8)	(44,3)
Япония	3,7	0,9	Япония	3,1	1,4
(Азия)	(25,3)	(6,0)	(Азия)	(4,9)	(2,2)
Австралия	9,4	2,2	Австралия	5,0	2,2
Африка	9,9	2,3	Африка	1,1	0,5
Источник: ОГПсе оГ Маюпа! ЗаНзсз, 13 ОесетЬег 2000. Чистые активы всего: 423,3 млрд. фунтов стерлингов			*Источник:* ОГПсе оГ ЬІаЬопа! §131181105, 13 ОесетЬег 2000. Чистые активы, всего: 227,4 млрд. фунтов стерлингов		

С самого начала должно быть ясно, что для достижения целей мы готовы сделать все вплоть до одностороннего выхода из ЕС. На первый взгляд такая тактика может показаться провокационной, но на деле в ней есть глубокий смысл. Нас просто не воспримут всерьез, если мы дадим шанс заподозрить, что согласимся в конце концов со всем, что бы нам ни предложили.

Конечно, нам нужно быть готовыми к осуществлению своих угроз. По причинам, которые были рассмотрены выше, вряд ли стоит сильно рассчитывать на то, что ЕС пойдет на серьезные преобразования ради Великобритании. Скорее всего, следует готовиться к выходу из ЕС в том виде, который он приобретет к моменту переговоров о пересмотре условий, и установлению новых связей с европейскими и неевропейскими странами на совершенно другой основе. Хотелось бы сделать процесс расставания предельно мирным, однако дружба — улица с двусторонним движением, и перед лицом континентальной истерики может потребоваться изрядная толика твердости. Здравый смысл в конечном итоге возьмет верх, как это нередко случается в жизни, в результате обычного эгоизма. Как только партнеры почувствуют серьезность наших намерений, они сразу начнут серьезно думать о том, как установить новые и более стабильные отношения, удовлетворяющие интересам и той, и другой стороны.

Перед нами открыт целый ряд возможностей. Прежде всего, можно проводить политику односторонней свободной торговли. Такое решение на самом деле намного более логично и привлекательно, чем может показаться на первый взгляд. И практика, и экономическая теория показывают, что свободная торговля — самый лучший путь использования естественных преимуществ страны. Наглядный пример этого — крошечный Гонконг. Гонконг приобрел свое богатство, будучи беспошлинным портом практически с нулевыми импортными тарифами. Из страны, довольствующейся скромным уровнем жизни 40 лет назад, он превратился в государство, ВВП которого на душу населения выше, чем в Великобритании. Тому, кто хочет найти хорошее применение своим способностям и ресурсам, на открытом международном рынке нечего бояться, кроме самого себя.

Могут, конечно, возразить, что односторонняя свободная торговля для Великобритании политически нереальна. И это вполне может оказаться правдой. Интересы потребителей никогда не смогут полностью возобладать над интересами производителей. Тем не менее такая возможность заслуживает рассмотрения уже потому, что развеивает заблуждение по поводу диночества золяцию) и згнания)), в котором окажется Великобритания, покинув ЕС. Страны торгуют друг с другом, или, вернее, их население покупает и продает товары через границу, лишь потому, что это выгодно. Нам вовсе не нужно уговаривать людей торговать с нами, если у нас есть то, что им нуж

но, того качества, которое им требуется, по цене, которую они готовы заплатить*.

Другой возможностью является присоединение к Североамериканскому соглашению о свободной торговле (ЫАРТА). Я активно отстаиваю этот вариант вот уже нескольких лет подряд не только по экономическим, но и по стратегическим соображениям — как путь укрепления трансатлантических связей НАТО. Первоначально мне виделось даже некое *Североатлантическое* соглашение о свободной торговле, в которое помимо нынешних членов МАРТА (Соединенных Штатов, Канады и Мексики) входил бы и ЕС. Такой вариант теоретически все еще возможен, однако сейчас я не уверена, что он реален. Европейский союз не проявляет подлинной заинтересованности в осуществлении реформ, необходимых для получения права на вступление. Более того, европейское стремление к централизации стало основным пунктом повестки дня и, по всей видимости, останется таковым в обозримом будущем. В результате с течением времени у ЕС и МАРТА остается все меньше общего.

Таким образом, Великобритании, скорее всего, придется устанавливать взаимоотношения с МАРТА на основе отдельного соглашения, в чем серьезно заинтересованы и некоторые круги в США. Так, сенатор Фил Грамм, до недавнего времени занимавший пост председателя сенатского комитета по банкам, жилищному строительству и городскому развитию, активно призывал к принятию Великобритании в МАРТА**.

Преимущества ЫАРТА перед ЕС многообразны и существенны. Прежде всего, там ощутимо больше состоятельных потребителей, чем в зоне евро. Экономика входящих в него стран развивается быстрее. Рынки более открыты и сильнее связаны с глобальной экономикой. В странах ЫАРТА значительно меньше пользуются субсидиями. Они более привлекательны для внешних инвесторов. И, наконец, там намного успешнее создаются новые рабочие места: с 1992 года число рабочих мест выросло на 38% в Мексике и на 13% — в Канаде и США против 3% в странах зоны евро***.

* Подробнее вопросы, касающиеся рынков и торговли, рассмотрены на стр. 490—497.

** игоЬшс! апВ МАРТА: ТЬе У! Гтот Асгсз Ле Аапис зреесЬ Ьу ЗепаЮг РЫ! Сгатт 1:0 Ле СепПе Гог РоПиса! ЗисЦез, 4 ТЫу 2000.

*** КеЬ Магзеп, *Тоуагз Тгау о/Сотгесе»: ЕигоШгк! апс! ЫаШ Сотрагес!* (Сепге Гог РоИсу ЗикНез, у 2000), р. 19.

Наибольшее значение имеет, пожалуй, не превосходство потенциала МАРТА по сравнению с ЕС, а тот факт, что МАРТА — это не таможенный союз и не политиксадминистративная структура с грандиозными устремлениями. Это именно то, за что она себя выдает, — ассоциация свободной торговли. Участие в МАРТА, следовательно, не лишает страну права устанавливать торговые отношения с другими странами по своему усмотрению и в любой момент. А это подводит нас к третьей возможности — глобальной зоне свободной торговли (РТА).

Идею РТА выдвинул Джон Халсман, исследователь из фонда Непе РоипДайоп, в качестве овой торговой стратегии эпохи глобализации))*. Д? Халсман высказывается за участие в РТА Великобритании (причем нам с Соединенными Штатами отводится роль уставных членов), а также Сингапура, Бахрейна, Чешской Республики и Чили и прочих. Организация должна строиться на основе добровольного объединения стран, экономику которых можно считать наиболее свободной с точки зрения обеспечения свободы торговли и инвестиций, защиты прав собственности. Подобная организация могла бы не только способствовать процветанию ее участников, но и служить всем остальным образцом для подражания. Кроме того, точно так же, как и МАРТА, она ни в коей мере не должна мешать участникам самостоятельно решать свои собственные дела.

ЫАРТА или глобальная РТА, а может быть, и некая иная организация свободной торговли должны оставлять Великобритании полную свободу завязывания новых торговых отношений со странами — участницами Европейского союза. В идеале, конечно, вступить в них было бы лучше до официального прекращения полного членства Великобритании в ЕС — излишние потрясения никому не нужны. Несмотря ни на какие обстоятельства, было вполне резонно попытаться сохранить в определенной мере наши нынешние торговые отношения. По причинам, упомянутым выше, ЕС, несомненно, пожелает сохранить эти отношения. Чем *болъше* будет его желание сделать это (не выходя за рамки ВТО), тем более благоприятным для нас будет окончательное соглашение.

Прецеденты уже существуют. В 1992 году Норвегия, Исландия и Лихтенштейн, то есть страны, ранее входившие в ЕАСТ, за исключением Швейцарии, заключили с ЕС соглашение о создании Европейской

* Ьп С. НиЬтап, *ТНе УогШ Тигпей ШЫзе ир: А Ые ТгскИп Аепа ог Ле Ае* (?/ *СЪЪаИзаНоп,* Ь соттегапез Ьу Рапс МтГогс!, МагПп Нслуе, ОауЫ а5 апс! ВШ ате5оп, Ызгие оГ Есопотк АГГаз, 2001.

экономической зоны (ЕЕА). С тех пор они ведут свободную торговлю с Европейским союзом, иными словами получили право на свободное перемещение товаров, услуг, людей и капитала. Они пользуются беспрепятственным доступом к Европейскому единому рынку, но при этом остаются вне таможенного союза, единой сельскохозяйственной, финансовой и внешней политики, а также прочих юридическсбюрократических европейских штучек.

Главная проблема этих стран заключается в том, что от них фактически требуют выполнения всех директив по единому рынку, не спрашивая их мнения о форме, которую эти директивы принимают. Существует также механизм, с помощью которого их эффективно подталкивают, если не заставляют, принимать решения Европейского суда, интерпретирующие нормы директив. Подобное положение нельзя считать удовлетворительным, поскольку во взаимоотношениях преимущество получает ЕС.

Великобритания, однако, существенно отличается от таких стран, как Норвегия (население 4,4 миллиона человек) и Исландия (население 270 тысяч человек), не говоря уже о Лихтенштейне (население 32 тысячи человек). Их вес при ведении переговоров вряд ли можно сравнивать с весом Великобритании, чье население составляет 59,5 миллиона человек, а ВВП — второй по величине в Европе. Мы смогли настоять на участии Великобритании в разработке законодательства, касающегося единого рынка, чего, правда, нельзя сказать о других программах ЕС, например ЕСХП.

Европейская экономическая зона — не единственно возможная модель для нас. Вот еще один недавний и более близкий нам прецедент, который создала Мексика, являющаяся участницей МАРТА. В ноябре 1999 года она и европейцы заключили соглашение о свободной торговле — пожалуй, самое полное за все время существования ЕС. Оно касается свободного перемещения товаров (в том числе и сельскохозяйственных) и услуг, прав на интеллектуальную собственность, инвестиций, государственных закупок и конкуренции. В то же время (подобно МАРТА, но в отличие от ЕЕА) соглашение не предусматривает свободного перемещения людей*. Положения, относящиеся к директивам по единому

* «Свобода)) в этой сфере, как ни крути, всегда была проблематичной ввиду необходимости ареста террористов и других преступников, борьбы с нелегальной иммиграцией и необоснованным предоставлением убежища. В этом смысле МАРТА, пожалуй, предлагает лучшее решение, чем ЕЕА.

рынку и их интерпретации, сформулированы здесь в более приемлемом виде. Решения Европейского суда не распространяются на Мексику. Торговые споры между ЕС и Мексикой разрешаются путем переговоров между официальными представителями каждой из сторон, а если они не могут договориться, то вопрос передается для решения в ВТО.

Торговые блоки		
Ассоциации свободной торговли: ЕС, ЕЕА, ЕАСТ, МАРТА		
ЕС	ЕЕА ЕАСТ	АРТА
Австрия	Австрия Исландия	Канада
Бельгия	Бельгия Лихтенштейн	Мексика
Великобритания	Великобритания Норвегия	США
Дания	Дания Швейцария	
Финляндия	Финляндия	
Франция	Франция	
Германия	Германия	
Греция	Греция	
Нидерланды	Нидерланды	
Ирландия	Ирландия	
Италия	Италия	
Люксембург	Люксембург	
Португалия	Португалия	
Испания	Испания	
Швеция	Швеция	
	Исландия	
	Лихтенштейн	
	Норвегия	

Мексика — крупное государство с населением 95 миллионов человек и большими возможностями роста, однако ее экономический потенциал меньше трети британского. Мексика добилась заключения справедливого договора в результате воздействия на ЕС извне; Великобритания же, принимая во внимание ее способность создавать проблемы в случае неподобающего отношения к ней, может добиться значительно большего, действуя изнутри.

Мексика, помимо прочего, показывает, как участник особой зоны свободной торговли (ЫАРТА) может вести свободную торговлю с та

моженным союзом (ЕС). Теоретическая проблема, как сделать, чтобы импортированная продукция третьих стран не попадала от одного участника зоны свободной торговли к другому (поскольку это затрудняет выстраивание торговых отношений с третьими странами), оказывается разрешимой. Для этого, как в случае с ЕЕА, нужно лишь оговорить процедуры определения роисхождения Как правило, продукция, которая содержит материалы, происходящие не из ЕС или Мексики, должна пройти существенную переработку в пределах зоны свободной торговли, чтобы к ней мог быть применен пониженный или нулевой

тариф.

Подобная система, правда, имеет определенные недостатки, однако они обычно преувеличиваются. Хотя правила для Мексики на бумаге выглядят более строгими, чем для ЕЕА, на практике различий не так и много. Положение, предусматривающее существование полномоченных экспортеров)), сглаживает процесс торговли, а в последние годы число технических бюрократических препятствий значительно уменьшилось.

Тому, кто сомневается в возможности создания масштабной работоспособной зоны свободной торговли, следует познакомиться с результатами работы МАРТА. Огромное достоинство подобного подхода заключается в том, что он оставляет за Великобританией право управлять собственными делами и, как следствие, дает возможность по мере развития событий адаптировать политику в соответствии с национальными интересами*.

Ну и, наконец, необходимо упомянуть Швейцарию — единственную участницу ЕАСТ, которая не присоединилась к ЕЕА. Швейцария уникальна по многим причинам. Тем не менее все то, чего она добилась во взаимоотношениях с ЕС, без особого труда может получить и Великобритания. Швейцария ведет свободную торговлю с ЕС и имеет порядка 150 двусторонних соглашений. Одно из них, ожидающее ратификации в ЕС, касается свободного перемещения рабочей силы. Хотя модель ЕАСТ и не идеальна, она все же вполне приемлема. Помимо этого, рассматривая варианты Швейцарии, а также участников

* Детальный анализ этого соглашения приведен в работе Рональда Стьюартарауна: КопаЫ ЬІеагВгоп, Ье МехксЕЦ Ргее Тгае АгеетепЬ), *СЪЬа! ВггШп Вггещ Ыо* 8, 2 пе 2000. Я признательна гу Стьюартурауну за его ценные пояснения, касающиеся различных аспектов мексиканскевропейского соглашения о свободной торговле.

ЕЕА, не следует забывать, что торговля с Европой намного важнее для нее, чем для нас. Великобритания — игрок в полном смысле слова глобальный.

Все затронутые вопросы по существу экономические, но это ни в коей мере не умаляет их значимости: тот, кто смотрит на роблему хлеба с маслом)) свысока, обычно имеет на своем столе чтснибудь более вкусное, чем просто хлеб и масло. Тем не менее в центре наших взаимоотношений с другими участниками и институтами ЕС лежит распределение властных полномочий. При любом исходе переговоров об изменении отношений с ЕС британский парламент должен возвратить себе полномочия, которые были утрачены по условиям Римского договора и последующих его изменений, а также в результате решений Европейского суда и действовавшего заодно с ним британского. Без восстановления парламентского суверенитета наши взаимоотношения с Европой не могут считаться удовлетворительными.

Иногда говорят, что даже если Великобритания и захочет выйти из ЕС по результатам референдума, она все равно не сможет сделать этого, поскольку у нее нет такого права. Именно это пытаются доказать, по крайней мере в Европе. Действительно, ни в Римском, ни в Маастрихтском, ни в других договорах нет положений, прямо предусматривающих выход или денонсацию. Справедливо и другое, с учетом стремления ЕС к приобретению все новых полномочий, свойственных государству: на определенной стадии превращения Европейского союза в сверхгосударство Великобритания вполне может потерять свой суверенитет. Подобная точка зрения может, судя по текущим тенденциям в юридической мысли, на этой последней стадии найти отражение и в решениях британских судов.

Однако мы пока еще не дошли до этой стадии. Не следует забывать один принципиальный момент, а именно то, что Соединенное Королевство, если пользоваться языком юристовеждународников, является уалистическим а не онистическим)) государством. Это означает, что международное законодательство рассматривается нашим внутренним правом как отдельная система. Таким образом, международные договоры не приводят (за исключением особых случаев, к которым наша ситуация не относится) к возникновению законных прав или обязательств, которые могут приниматься к исполнению в британских судах. Отсюда следует, что Великобритания вполне правомочна выйти из состава ЕС или изменить условия взаимоотношений с ним,

поскольку парламент может в любой момент по своему усмотрению прекратить исполнение законов Сообщества в британских судах*.

Есть и еще один момент, о котором следует помнить. Вряд ли сыщется человек, который относился бы к закону с большим уважением, чем я. Вместе с тем закон обретает реальную силу, только если он находит отклик в сердцах и умах людей. В конечном итоге наличие или отсутствие суверенитета зависит от власти конституционного правительства страны, обеспечивающей лояльность граждан или (в британской системе) повиновение подданных.

Конечно, четкого перехода здесь не существует, именно поэтому так опасно добиваться изменения устоявшихся политических институтов и разрушения связанных с ними привычек и отношений. И все же можно не сомневаться: население Великобритании уверено в том, что страна подвластна конституционно избранному правительству, а не руководству ЕС. Пока такое положение сохраняется, традиционная доктрина независимости парламента (или, точнее, монарха в парламенте) продолжает действовать. При этом сохраняется и абсолютное право парламента принимать или отвергать законы.

Иногда случается так, что тактика, которую до того считали совершенно неприемлемой, неожиданно оказывается единственно возможной. Такой поворот произошел, например, когда после нашей победы на выборах в 1979 году возглавляемое мною правительство отказалось от традиционной кейнсианской экономики и стало проводить монетаристскую политику, которая в послевоенные времена, по общему признанию, была немыслимой. Через это же прошел и Рональд Рейган во время своего президентского правления. Как он иронически заметил, размышляя об американском экономическом возрождении: учше всего работоспособность нашей экономической программы подтверждает то, что ее перестали называть рейганомикой)).

Уверена, рано или поздно то же самое произойдет и в Европе. Будущее со всей ясностью покажет, что такой ненужный и противоречащий здравому смыслу проект, как создание европейского сверхгосударства, не может быть ничем иным, кроме как величайшим безрассудством современной эпохи. И если Великобритания с ее традиционно прочными позициями и глобальным предназначением окажется вовлеченной

* Я признательна королевскому адвокату Мартину Хоу за консультацию по этим вопросам.

Глава 11

Капитализм и его критики

ТРАДИЦИОННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Как это ни странно, но существо капитализма, основанного на свободном предпринимательстве, или просто капитализма, который шествует победоносно практически по всему миру, понимают далеко не все. Никогда еще так много не говорили о рынках. Левоцентристские правительства, даже, например, в Юго-Восточной Азии, и реформированные коммунистические правительства правдами и неправдами стремятся к внедрению рыночных механизмов. Они сознают, что у них нет альтернативного пути создания богатства, которое им, как и всем левым, хотелось бы обложить максимально возможными налогами. При этом мало кого интересуют другие неотъемлемые атрибуты капитализма, не говоря уже о системе моральных и социальных ценностей, существование которых он предполагает.

Подобное расчленение опасно. Системы, которые принимаются просто из-за того, что они «работают», не укореняются. Один из основополагающих принципов, на которых строится свободный рынок, как, впрочем, и все, что может называться свободным, заключается в непредсказуемости результатов. Экономика, как и человек, может заболеть: в настоящее время симптомы заболевания, например, проявляются во всемогущей американской экономике. Как и у человека, в этот момент большое значение имеет наличие внутренних ресурсов, необходимых для выздоровления. Если единственной причиной, по которой свободное предпринимательство становится основой экономической политики, являются сиюминутные прагматические соображения, рано или поздно, как только сгустятся грозовые облака, такая политика собьется с курса.

Капитализм, основанный на свободном предпринимательстве, на определенном уровне представляется настолько простой системой, что как и подмывает не видеть в ней системы вообще. В действительности это самая естественная вещь в мире. Адам Смит выразил эту мысль предельно кратко:

> "Разделение труда, дающее так много преимуществ, — это не плод человеческой мудрости, которая предвидит, какое богатство оно несет с собой, и сознательно использует его для этой цели. Это неизбежное, хотя и очень медленно и постепенно проявляющееся последствие *определенного стремления человека, не рассчитанного на столь отдаленную выгоду: стремления платить натурой, заниматься натуральным обменом и менять одну вещь на другую* (курсив автора)."

Стремление к повышению своего благосостояния путем торговли — общая черта людей, по крайней мере до определенной степени. И, как отмечает Адам Смит, эта черта не свойственна никому, кроме людей.

Это стремление есть проявление своекорыстия, или того, что Смит называл «эгоизмом». Именно оно лежит в основе экономической жизни, поскольку поддерживает обмен между людьми, которые не являйся родственниками, друзьями и даже знакомыми. Это просто здравый смысл. Нельзя рассчитывать на то, что совершенно незнакомые люди будут отдавать нечто нужное вам по доброте душевной. Нет, человек должен показать другим, «что в их интересах сделать для него то, что ему нужно». В наши дни ничто не изменилось, поскольку, как очень верно замечает Смит, «вовсе не от щедрот своих мясник, пивовар или булочник предлагают нам продукты к столу, а потому, что у них есть собственный интерес»

Такой подход и взгляд на вещи, который он несет в себе, испокон веку приводят некоторых в смущение. Хотя сам Адам Смит не развивает эту мысль, нетрудно прийти к заключению, что важнейшим средством удовлетворения потребностей человечества является рынок, а его движущей силой — эгоизм.

На самом деле это не так. Смит, который был прежде всего философом-моралистом, а уже потом экономистом, не считал эгоизм ни единственным, ни тем более главнейшим принципом. «Человеколюбие» (которое мы можем сегодня называть альтруизмом) было реальной основой добродетели. Вот его собственные слова: «Через сочувствие другим... ограничение нашего эго и проявление нашей благосклонности идет совершенствование человеческой природы».

Понимание этого не теряет своей значимости и сегодня. Те из нас, кто верит, что только капитализм, основанный на свободном предпринимательстве, может быть надежной основой экономического прогресса, вовсе не утверждают, что в жизни нет места для благотворительности, а значение имеют лишь материальные вещи. Нет, мы говорим о том, что использование стремления человека к собственному индивидуальному благу в подавляющем большинстве случаев лучше всего позволяет удовлетворить потребности всех людей. Это правило справедливо всегда, за исключением тех случаев, когда имеются не вызывающие сомнений основания думать иначе. Например, крепкая семья, где любовь, долг, готовность идти на жертвы и другие соображения довлеют над эгоизмом индивидуума или, как минимум, смиряют и ограничивают его. Примерно то же самое можно сказать и о закрытых специализированных организациях, например монастырях и других религиозных общинах. Однако в более широких группах, члены которых не только не могут заботиться друг о друге, но и просто знать о чужих потребностях, реальнее и, пожалуй, продуктивнее всего исходить из преобладающей роли эгоизма.

Из сказанного следуют два вывода — негативный и позитивный. Негативный вывод заключается в том, что любой человек, претендующий на особые полномочия, права или привилегии, исходя из альтруистических, а не эгоистических побуждений, должен вызывать сильное подозрение. Глубоко скептическое отношение к побудительным мотивам тех, кто добивается власти над другими, — одна из самых здравых и характерных черт британской демократии. К сожалению, для того чтобы этот скептицизм наряду с политической сферой пустил корни еще и в сфере экономической, нужно на деле пройти через социализм 70-х годов и реформы 80-х. Современный мир слишком охотно верит в благородство регулирующих органов и чиновничества — отсюда и столь высокая значимость теории общественного выбора, которая исходит из того, что за каждым правительственным актом стоят заинтересованные круги.

Позитивный вывод, вытекающий из допущения, что эгоизм в целом преобладает в реальном мире, значит не меньше, а может быть даже и больше. Его смысл в том, что свободный рынок обладает колоссальными преимуществами, которые можно получить, *не прибегая* к нереальным домыслам о человеческой природе и попыткам насильственно придать ей форму или трансформировать. «Не из благотворительности» — большей свободы, чем заключено в этой фразе, пожалуй, невозможно себе представить.

Итак, краткий анализ формулировок Адама Смита показывает, что капитализм, основанный на свободном предпринимательстве, опирается на психологически присущее человеку «стремление платить натурой, заниматься натуральным обменом и менять». Это стремление, направляемое тем, что Смит называет «невидимой рукой», приобретает форму экономического порядка, в результате которого индивид, стремящийся к своей собственной выгоде, создает материальные блага для общества в целом.

Капитализм, однако, имеет свои институты, а здесь уже нужно обращаться к современным мыслителям, прежде всего к Фридриху Хайеку. Его идею «самопроизвольного порядка» в обществе, который возникает без вмешательства всеведущей и всемогущей центральной власти и позволяет свободному обществу функционировать в рамках закона, пожалуй, следует считать самой выдающейся. Хайек применяет это понятие далеко за пределами экономической сферы — к правилам и обычаям, которые обеспечивают само существование современного общества. Он утверждает, например, «что наша цивилизация обязана не только своим происхождением, но также и жизнеспособностью тому, что нельзя определить иначе, как развернутое общественное сотрудничество — порядок, который чаще, иногда не совсем верно, называют капитализмом».

На мой взгляд, можно выделить пять условий, необходимых для эффективной работы капитализма, основанного на свободном предпринимательстве. При этом под эффективной работой я подразумеваю одинаково хорошее обслуживание индивидуальных и общественных интересов всех участников. Первым основным условием является наличие частной собственности. Собственность имеет принципиальное значение, поскольку она приносит стабильность и уверенность. Общество, в котором есть сомнения по поводу того, кому что принадлежит, не может рассчитывать на продолжительное и успешное развитие. Это настолько фундаментальное условие, что напоминание о нем может показаться банальным и даже излишним. Тем не менее оно далеко не всегда принимается полностью. Достаточно лишь взглянуть на трудности, с которыми в Китае сталкивается защита того, что называется интеллектуальной собственностью, чтобы понять, насколько жизненно важно понятие патента для распространения изобретения.

Одна из последних работ перуанского экономиста Эрнандо де Сото демонстрирует огромную значимость права собственности в современном мире. Детальное исследование, проведенное в ряде стран третьего мира, позволило синьору де Сото сделать вывод о том, что их развитие сдерживается невозможностью превращения имущества в капитал. Он обнаружил, например, что в Египте богатство, накопленное бедняками, в 55 раз превышает объем всех прямых иностранных инвестиций.

Однако они держат эти ресурсы в юридически порочных формах: дома, построенные на земле без должного оформления права собственности;

бизнес без образования юридического лица и с неопределенной ответ-

ственностью; производство, расположенное там, где финансисты и инвесторы не могут его видеть. Поскольку права на эту собственность не имеют должного документального оформления, ее невозможно быстро превратить в капитал, невозможно выставить на продажу за пределами узкого местного сообщества, где все люди знакомы и доверяют друг другу, невозможно использовать в качестве обеспечения займа или пая против инвестиции*.

В странах, где права собственности остаются неопределенными и официально не признанными, со всей ясностью видна роль частной юбственности как краеугольного камня капиталистической модели развития.

С собственностью тесно связано и второе основное условие, необходимое для успеха свободного предпринимательства, а именно закон-юсть, или господство права. Эта фраза обычно с такой легкостью сле-ает с языка, что мы частенько забываем, насколько разнообразны и лубоки ее последствия. На мой взгляд, превосходное определение за-юнности дал Роджер Скратон:

Форма правления, при которой власть может проявляться не иначе как в соответствии с процедурами, принципами и ограничениями, установленными законом, а любой гражданин может получить через суд возмещение от любого другого гражданина, независимо от его власти, и от должностных лиц самого государства за любое действие, нарушающее закон**.

В наш век демократии, когда основные политические права в целом южно считать гарантированными, законность приобретает чрезвычай-:ую практическую значимость для экономической сферы. Я уже отме-ала, какой ущерб отсутствие законности нанесло посткоммунистичес-ой России и другим странам бывшего Советского Союза.

Причина в том, что произвол и непредсказуемость несовместимы созданием богатства. Рабочим нужна гарантия получения вознагра-ения за труд. Инвесторам необходима уверенность в том, что они могут получить прибыль от вложенного капитала. Бизнесмены должны знать, что их прибыль не будет изъята сегодня и в будущем в ре

зультате принятия нормативных актов, имеющих обратную силу. Все участники экономической жизни страны нуждаются в защите от вымогательства и коррупции. При невыполнении этих условий сложные расчеты и цепочка взаимоотношений, лежащие в основе экономического роста, разрушаются, а процветание прекращается. Экономическая деятельность в этом случае, скорее всего, переместится в «черный», или неофициальный сектор. Например, в странах ОЭСР (т. е. в странах со свободным рынком) на черный сектор экономики в среднем приходится не более 14% ВВП, тогда как в африканских странах он составляет 54%*.

Наряду с писаными нормами, составляющими законодательство, существуют еще и неписаные правила (то, что еще называют «культура») — третий основной элемент, от которого зависит существование капитализма. Это сфера неосязаемого, но, как показывает приведенное выше высказывание Хайека, совершенно реального. Понятно, что одни культуры, или, по крайней мере, их основные ценности, более благоприятны для существования капитализма, основанного на свободном предпринимательстве, и, следовательно, для экономического прогресса, чем другие.

Не так уж и трудно назвать, не придерживаясь какого-либо особого порядка, те установки, которые делают общество более ориентированным на предпринимательство. В их число входят любознательность, творческое воображение, изобретательность, прилежность и готовность принять на себя риск. Эти установки нередко несут в себе отражение различных религиозных и философских традиций. Можно ожидать, что общество, допускающее крайне ограниченную свободу воли и отводящее большую роль судьбе, будет сильно отличаться от общества, которое наибольшее значение придает творческому началу человека и уникальности индивидуума. Иудейско-христианская традиция, которая в различных формах преобладает на Западе, принадлежит ко второй категории. Традиции же великих азиатских религий следует отнести к первой, как и (насколько нам известно) религиозные традиции Африки. Евреи и христиане с уважением относятся к работе. Их религии твердо стоят на том, что Человек должен быть хозяином своего окружения, — он вовсе не побочный его про-

1,укт, как полагаю пантеисты. Евреи и христиане, помимо этого, об-гадают чувством линейного течения времени, а не придерживаются детерминистской веры в циклы и повторяющиеся фазы. Все это помогло сформировать взгляды западного общества на самое себя, сво-IX членов и окружающий мир. Несмотря на множество форм и ого-юрок, именно эти взгляды обусловливают сегодня экономический трогресс и наш уровень жизни.

Конечно, подобная картина не может в полной мере объяснить при-гины успеха незападных стран, в частности стран Дальнего Востока. Как [уже отмечала выше, «азиатские ценности» если и играют какую-то юль в успехе этих стран, то весьма ограниченную. Справедливым бу-1,ет добавить, что он вряд ли был бы возможен без притока западных ехнологий и методов. Что же касается Африки, лежащей к югу от Са-сары, то здесь влияние Запада до сих пор не проявилось каким-то су-щественным образом, но это, как я объясню позже, не имеет никакого ггношения к порокам колониализма или постколониализма.

Таким образом, культурное наследие в целом в значительной мере шределяет ход развития современных экономических систем. Это обус-ювлено, прежде всего, его отношением к изобретательности. Воздавая должное достижениям каждого индивида и допуская возможность про-ресса, западное общество создало основу для свободного экспериментирования.

Надо признать, всегда находились такие, кто считал, что возможно-;ти для изобретения сужаются или даже исчезают. В 1899 году руководитель патентного ведомства США сказал буквально следующее: «Все, гго можно было изобрести, уже изобретено»*. Тем не менее еще нико-*лу* в западном обществе не удавалось остановить поток изобретений. Эн постоянно подстегивается, его темп не снижается.

Это ведет к другой, не менее важной, роли культуры: она позволяет)бществу разглядеть потенциал изобретения и эффективно использовать его. Китайцы изобрели тачку, стремя, жесткий хомут, компас, бу-лагу, книгопечатание, порох и фарфор. Они на столетия опережали)стальной мир в технологии производства ткани и чугуна. Однако ни)дно из этих изобретений не было использовано должным образом. эолее того (возможно, это уникальное явление), по замечанию одного

из выдающихся специалистов в этой области, «в истории китайской промышленности были случаи забвения технологий и движения вспять»*.

Впрочем, было бы неверно полагать, что *только* от культуры зависит успех утверждения капитализма. Сторонники культурного детерминизма, как, впрочем, и детерминисты всех сортов, одновременно излишне оптимистичны и пессимистичны. Культура сама по себе восприимчива к воздействиям. Ее ценности могут в какие-то моменты больше, а в какие-то меньше способствовать развитию инициативности и предприимчивости. Предпочтения совершенно очевидным образом меняются, когда рынки усваивают нововведения, смакуют новые возможности, иногда в буквальном смысле, пример — распространение в Азии американских сетей ресторанов быстрого питания, в котором некоторые видят самое яркое на сегодня проявление глобализма**.

Культура также отражает физические и политические условия, в которых она формируется. А это уже подводит нас к четвертому важнейшему условию успешного развития свободного предпринимательства — несходству различных государств и конкуренции между ними.

Я уже касалась этого вопроса, когда рассуждала о выгодах, которые давало Европе отсутствие единой политической власти. Великий философ англосаксонской свободы Джон Стьюарт Милл очень хорошо выразил эту мысль, когда написал:

> Что заставляло семейство европейских государств совершенствоваться, а не оставаться застывшей частью рода человеческого? Вовсе не какое-то исключительное качество, присущее им (поскольку оно, когда существует, является следствием, но не причиной), а невероятное разнообразие характеров и культур. Отдельные люди, классы, нации были совершенно непохожи друг на друга; они шли совершенно разными путями, каждый из которых вел к определенной ценности; и хотя во все времена те, кто шел разными дорогами, проявляли нетерпимость друг к другу, а каждый из них думал, что было бы неплохо заставить остальных избрать его путь, их попытки помешать развитию других редко оказывались успешными, но у каждого было время, чтобы воспользоваться тем благом, которое предлагали другие. Именно этому разнооб-

разию путей Европа, по моему убеждению, обязана своим поступательным и многогранным развитием*.

Милл совершенно прав. А мы можем пойти еще дальше. Капитализм — враг насильственного единообразия. Источник его успеха в разнообразии и индивидуальности, которые он поощряет. Есть все основания считать, что эта особенность не менее важна, чем более широкие культурные аспекты, для успешного функционирования системы свободного предпринимательства. В качестве примера можно взять роль беженцев и иммигрантов в развитии предпринимательства. Евреи, изгнанные из Испании и Португалии в конце XV столетия, гугеноты, вытесненные из Франции в XVII столетии, английские нонконформи-сты, эмигрировавшие в Америку, китайские общины, разбросанные по всему Дальнему Востоку, восточно-африканские азиаты, эмигрировавшие в Великобританию в начале 70-х годов, — все они были щедрым источником предприимчивости и богатства.

Капитализм не может не замечать разнообразия культур, но он совершенно не различает цвета кожи. Предрассудкам нет места в свободной экономике, поскольку они ведут, в конечном итоге, к бедности. В этом нет ничего загадочного. Это просто другое представление известного утверждения Адама Смита. Именно потому, что мы проводим экономические операции *не* «из благотворительности», мы вряд ли воздержимся от их осуществления «из недоброжелательности». Независимо от того, какими руками сделана вещь — черными, белыми, коричневыми или желтыми, — она остается вещью, и ее купят в любом месте, если цена и качество приемлемы. Рынок — значительно более мощная и надежная освободительная сила, чем любое правительство.

К частной собственности, законности, благоприятной для предпринимательства культуре и разнообразию независимых и конкурирующих государств — к этим четырем обязательным факторам следует добавить еще и пятый, который необходим для реального процветания капитализма. Последним необходимым элементом является благоприятное налогообложение и регулирование. Конечно, в определенном смысле пятый элемент есть не что иное, как продолжение второго — законности. Безусловно, произвол в государстве со стороны различных групп политиков или чиновников и отсутствие известной, предсказуе

мой и повсеместно применяемой совокупности правовых норм, отправляемых объективными и честными судами, чрезвычайно отрицательно сказываются на бизнесе. (Достаточно взглянуть на сегодняшнюю Россию и некоторые другие страны бывшего Советского Союза.) Однако для того чтобы получить от капитализма максимально возможное, налоговое бремя должно быть не просто справедливым — оно должно быть *легким.*

ПУТЬ ИСТИННЫЙ И ПУТЬ ТРЕТИЙ

В наши дни это понимают все, даже левоцентристские правительства. Повышение ставок налогообложения сверх определенного уровня ведет к снижению налоговых поступлений, поскольку пропадает смысл работать и заставлять работать капитал — именно это демонстрирует знаменитая кривая Лаффера. Аналогичным образом на производство, а вместе с ним и на накопление богатства, действует и слишком жесткое регулирование. Чрезмерное налогообложение и зарегулированность ведут к бегству талантов и капиталов в места с более благоприятным экономическим климатом. И, наконец, как ни парадоксально, но и чрезмерные налоги, и чрезмерное регулирование, которое является продолжением государственного контроля, в конечном итоге приводят к *ограничению* власти государства из-за того, что экономическая деятельность начинает осуществляться в обход закона, и перемещаться в неофициальный, или «черный», сектор экономики. Как бы ни осуждали этот процесс законодатели и налоговые службы, он тем не менее служит последним убежищем, а вернее, своего рода предохранительным клапаном, не позволяющим подняться давлению в ответ на слишком сильное нажатие со стороны государства.

Левоцентристские правительства, подобные нынешнему британскому, и те, что находятся у власти в большинстве стран Европы, вроде бы понимают это. Однако их понимание сродни пониманию ученых собачек в цирке. Опытные дрессировщики научили их ходить на задних лапках, в шляпе и подвывать в такт музыкальному сопровождению. Но понять, что означают эти действия, они не в состоянии. Они делают так потому, что за это их кормят.

Левые не возводят необходимость ограничения государственного бремени в разряд *принципа.* Это может показаться огульным обвинением, но реально это не требует доказательств, поскольку именно отсутствие понимания является основополагающим символом их политики. Их главное заблуждение заключается в уверенности, что именно государство создает богатство, которое затем распределяется (или перераспределяется) между отдельными людьми. В наши дни левые, конечно, не говорят об этом так прямо; но они тем не менее исходят из этой посылки. Реальная же суть экономического процесса прямо противоположна, поскольку богатство создается отдельными людьми. Они делают это, прилагая свои усилия, знания и капитал — так, как великолепно описал Адам Смит почти две сотни лет тому назад, — именно таким путем они и создают «богатство народов».

Политик левого толка никогда не начинает с вопроса: «На каком основании правительство изымает дополнительный фунт (доллар, иену или евро) из кармана граждан?» Вместо этого он говорит: «А почему бы нет?» В глазах политиков этого рода, где бы они ни находились, богатство — коллективно, а не индивидуально, оно их, а не наше. Как превосходно заметил консерватор и мыслитель Ричард Уивер, «идеи имеют последствия»**. К сожалению, это относится и к плохим идеям, а идея богатства в представлении социалистов, пожалуй, самая отвратительная. Чего им не понять никогда, так это того, что капитализм лучше всего работает при самом минимальном регулировании. Как я уже отмечала, было бы неправильным предполагать, что рынки

могут существовать в какой-либо форме, кроме вульгарной или неудовлетворительной, без *определенной* основы из обязательных правил. Эти правила, естественно, должны были усложняться по мере упорядочения капитализма и развития рынков. Например, в то время как на примитивных рынках правила касались лишь мер и весов, на более развитых они уже имели отношение к свободе конкуренции и прозрачности бухгалтерского учета. И все же факт остается фактом: любое регулирование является ограничением свободы, любое правило имеет свою стоимость. Вот почему, как и брак (пользуясь словами молитвенника), регулирование не должно «быть ни предпринято, ни взято необдуманно, легкомысленно или без всякой причины».

Государственные расходы и налогообложение также в силу своей природы ограничивают свободу, хотя сегодня мало кто считает это серьезным доводом. К сожалению, даже в правоцентристских партиях, особенно европейских, многие молчаливо рассматривают государственные расходы как благо, а частные — как зло или, в лучшем случае, нечто нейтральное. По правде говоря, это вовсе не новое явление. На него указал еще Хайек, когда остроумно посвятил свою книгу «Дорога к рабству» «социалистам всех партий». Радости от этого, однако, мало. Казалось бы, политики должны были извлечь уроки из прошлых ошибок. Так нет, правоцентристские партии продолжают тягаться с левоцентристами в поддержке всех основных программ государственных расходов, особенно программ расходов на социальные службы. Это не только глупо, но и сбивает с пути. Глупо потому, что левоцентристские партии неизменно переигрывают правых в этой игре — на то они и левые, в конце концов. Сбивает же с пути потому, что, принимая государственные расходы и налоги за нечто большее, чем необходимое зло, мы забываем о ключевых ценностях свободы.

В некоторых случаях налоги, конечно же, абсолютно необходимы — эти случаи хорошо известны и, за исключением чрезмерно высокого налогообложения, не вызывают споров. Оборона, судебно-правовая система и подобные им службы, например, являются предметом первоочередной заботы государства и налогоплательщиков. Базовое медицинское обслуживание и образование, предоставляемые бесплатно тем, кто действительно не может заплатить за них, также входят в эту категорию. Впрочем, из того, что такие услуги необходимы, вовсе не следует, что они должны предоставляться непосредственно государством или бесплатно.

Доводы в обоснование того, где должна проходить разграничительная линия между общественным и частным, будут приводиться вечно, и это совершенно естественно. Однако есть один принципиальный довод против *любого* увеличения государственных расходов — а именно то, что они всегда, независимо от значимости цели, несут с собою риск ослабления страны как в материальном, так и в моральном плане.

Материальное ослабление — следствие обременения процесса создания богатства. В странах, экономику которых можно считать преуспевающей в плане темпов роста, дохода на душу населения и создания новых рабочих мест, государственные расходы, представленные в виде доли от национального дохода, как правило, низки. Очевидные примеры — Америка и азиатские «тигры». В Европе то же самое можно сказать о Великобритании. Нельзя утверждать, что из этого правила нет исключений. И уж точно нельзя быть уверенным, что низкий уровень государственных расходов может сам по себе гарантировать процветание, когда в других областях экономики проводится ошибочная политика. Свидетельство тому — недавние проблемы Японии*. Однако исследования подтверждают то, что нам подсказывает здравый смысл: чем больше кусок пирога, отхваченный правительством, тем меньше достается всем. Один из экономистов, изучая эффект долгосрочного увеличения расходов правительства, пришел к следующему выводу:

> Совершенно ясно, что последствия от увеличения государственных расходов в течение последних сорока лет были чрезвычайно значительными с точки зрения упущенного роста объема производства. В лучшем положении находятся США, где

объем национального производства оказался на 37%ниже, чем мог быть при сохранении доли государственных расходов на уровне 1960 года, а в худшем — Швеция, которая упустила возможность подъема уровня жизни на 334%**.

Теперь посмотрим на проблему морального ослабления страны в результате чрезмерного контроля со стороны правительства. Общество, которое контролируется настолько жестко, что у людей совершенно отсутствует возможность выбора (конечно, если хватит воображения гакое представить), просто не позволяет людям приобрести никаких моральных качеств. Возьмем более близкий к реальности пример: в :тране, где на государственном обеспечении находится абсолютно все, зет места для благотворительности и нет потребности в самопожертвовании. Этот принцип легко доказать от обратного, не прибегая к до

* Хочу отметить, что значительное увеличение государственных расходов — с 27% от ВВП в 1960 г. до 47% в 1996-м — сопровождалось ухудшением экономических показателей Японии. Ситуацию не улучшило и последнее повышение расходов. Эту мысль проводит в своей работе Дейвид Б. Смит, см. ниже.

мыслам. Соединенные Штаты — самая богатая и свободная страна на земле; не удивительно, что она также и самая щедрая. Ежегодно американцы выделяют более 200 миллиардов долларов на благотворительность*. Этой же традиции следует и Великобритания, где свобода личности и личная ответственность неразрывно связаны друг с другом, — отсюда и богатая история создания благотворительных фондов и добровольного участия в них. Чем больше мы надеемся на то, что далекие государственные власти справятся с трагедиями нашей жизни, тем меньше делаем сами, тем больше разрастается отвратительная язва эгоистичного материализма.

Я пыталась провести эту мысль несколько лет назад в интервью журналу *Woman's Own*. Это потревожило осиное гнездо, но, как я и предполагала, осы стали жужжать вокруг совсем не того предмета. Сказано же тогда было следующее:

> Полагаю, прошли те времена, когда многие люди верили в то, что все их проблемы должно решать государство. «Я в трудном финансовом положении — мне дадут субсидию»; «Мне негде жить — правительство обязано предоставить мне жилье». Они перекладывали решение своей проблемы на общество. Да если хотите знать, никакого общества нет. Есть мужчины и женщины, есть семьи. И ни одно правительство не может ничего сделать, иначе как действуя через людей, а люди должны в первую очередь следить за собой. Наш долг заботиться о себе, а уж потом о своем соседе. Люди же слишком много думают о правах, забывая об обязанностях. Права просто не может быть, если сначала не выполнена обязанность**.

За свою политическую жизнь я сделала несколько высказываний, которые потом хотелось переформулировать. К приведенной цитате это не относится, и все же она вызвала фурор. Фразу «никакого общества нет» до сих пор повторяют (в отрыве от контекста, естественно) левые политики, журналисты, а иногда и представители духовенства, когда хотят кратко выразить то, что, по их мнению, было неправильным в 80-е годы и в чем заключается изъян «тэтчеризма». Однако с их доводами не все в порядке. Если я ошибаюсь и на права действительно

ют моральных ограничений, то чем они в таком случае оправдывают -раницы, в которых сами держат государственные расходы и налоги? Почему бы тогда вообще не перераспределить все и вся?

Левые пытаются ответить на этот не имеющий ответа вопрос» придумывая новые определения и всячески расхваливая концепцию «тре-гьего пути». Социалисты никогда не жалели времени на придумывание новых названий для своих верований, поскольку прежние быстро устаревали и компрометировали себя. Любопытно, что в эволюции юдобных определений наблюдается своего рода круговорот. Так, «социал-демократия» первоначально была одним из марксистских течений. Затем она уступила место «демократическому социализму». Потом, когда «социализм» — демократический и недемократический — вышел из моды, «социал-демократия» обрела новую респектабельность. Сегодня от новых левых мы так часто слышим о «сообществе» [community] (в своих речах г-н Блэр использует это словечко не скупясь), что впору ожидать появления на свет термина «коммунизм» во всей его красе. Однако надеюсь, что этого не случится.

«Третий путь», можно предположить, является компромиссом лежду капитализмом и социализмом. Но г-н Блэр придерживается иного мнения. Как он объясняет в длинной и нудной статье на данную тему, это скорее «обновленная социал-демократия»**. Ну, если так, то понятно...

Как устойчивое словосочетание «третий путь» уже миновал пик сво-;й популярности. Такая фраза никогда не нравилась канцлеру Шредеру, который предпочитал по-тевтонски чеканную «новую середину». Эна казалась жидкой размазней и мосье Жоспену, в лице которого Запад ближе всего подошел к образу социалистического премьер-министра, а кроме того, служила причиной замешательства в Соединенных Цтатах даже при президенте Клинтоне, не говоря уже о президенте Джордже У.Буше. Как сказал один из американских журналистов, «теперь мы знаем, куда выводит третий путь: в левый ряд скоростного шоссе в сторону государства с расширенным социальным обеспечением»***. Похоже, выражение «прогрессивное управление» ныне вытес

няет «третий путь» из лексикона влиятельных кругов левого толка. Рождается очередная банальность.

Можно, конечно, высмеивать словоблудие и интеллектуальные выверты новых левых, но им тем не менее удается убедить население многих европейских стран и большую часть остального мира в том, что капитализм, основанный на свободном предпринимательстве, нуждается в укрощении, ограничении и сдерживании путем государственного вмешательства. Они добились этого из-за все еще существующего недопонимания того, что капитализм содержит *в себе* нечто, обеспечивающее прогресс общества в целом. Ему не нужно, чтобы социализм придерживал руль и способствовал продвижению вперед. Покуда правительство продолжает вмешиваться и не ограничивает свою деятельность теми моментами, которые необходимы для успешного функционирования капиталистической экономики (они были перечислены выше), результаты будут плачевными.

Это хорошо видно на примере развития Великобритании после 1997 года под руководством лейбористского правительства, снискавшего (хотя и не вполне справедливо) определенную репутацию за свою экономическую компетентность. Премьер-министр Тони Блэр и министр финансов Гордон Браун при разработке экономической политики решительно отказались использовать фундамент, заложенный консерваторами в 80-х годах. Инфляция держалась на низком уровне, а передача права проводить денежно-кредитную политику Банку Англии помогла успокоить Сити. Предельные ставки подоходного налога были невысокими. Хотя и отмечалось некоторое укрепление влияния тред-юнионов, основные реформы периода правления консерваторов продолжали действовать. В целом ничто не предвещало возврата полнокровного социализма.

Но это было не все. Лейбористы, например, провели существенное и дорогостоящее ужесточение регулирования*. Главное же, было ощутимо увеличено налоговое бремя. Так называемые «скрытые налоги», которые должны были привлекать минимальное внимание со стороны общественности и политиков, были направлены против бизнеса и тех, кто осуществляет накопление. Они отбили у людей интерес к созданию традиционной семьи (была отменена налоговая льгота для се-

шейных пар), к покупке собственных домов (была отменена льгота по :судам на приобретение недвижимости и повышен гербовый сбор при покупке домов), к увеличению пенсионных вкладов (было введено налогообложение пенсионных фондов) и к приобретению медицинских :траховок (было отменено снижение налоговой ставки для пожилых тодей)*[1]. В довершение выросло число людей, уплачивающих подоходный налог по наивысшей ставке (40%), поскольку нижние границы доходов, облагаемых налогом, были подняты с учетом роста цен, а не зарплат.

Дальше — больше. Один из аналитиков заметил: «Налоговое бремя де просто увеличилось, структура налоговой системы изменилась таким образом, что стала в большей мере препятствовать повышению доходов. Нынешняя налоговая система менее нейтральна, в большей лере направлена против накопления и более сложна по сравнению с тем, что было четыре года назад»*[2].

Суммарное чистое повышение налогов за время работы парламен-га последнего созыва (с 1996/1997 по 2001/2002 год) составило 52,7 мил-1иарда фунтов стерлингов в денежном выражении. Иначе говоря, на-юговые изъятия с момента прихода к власти Лейбористской партии выросли на 50%, а британские налогоплательщики выкладывают дополнительно 1 миллиард фунтов стерлингов в неделю за это удовольствие*[3]. Налоговые и социальные выплаты теперь составляют 46,1% от личных доходов по сравнению с 42,1% в 1996-1997 годах. Стоит ли удивляться, что это сопровождается ощутимым ухудшением экономи-юских показателей, особенно экономического роста и роста производительности труда*[4].

Во время работы над этой книгой невозможно было сказать, как конкретно объявленное широкомасштабное увеличение государственных расходов отразится на государственных финансах. Однако если тогда оно казалось полным безрассудством, то сейчас и подавно выглядит таковым.

Общие выводы, тем не менее, совершенно ясны.

- **Капитализм может работать должным образом, только если обременение частных лиц и бизнеса налогами и государственным регулированием незначительно.**
- **Левые — даже постсоциалистические левые — принимают этот тезис не полностью: они не видят в налогообложении и регулировании ограничения свободы.**
- **Консерваторы во всем мире должны бороться за то, чтобы сокращение расходов, понижение налогов и ограничение регулирования стали главнейшими принципами — это необходимо также и с политической точки зрения.**
- **Даже ограниченный отход от истинного пути — пути капитализма, основанного на свободном предпринимательстве, — имеет отрицательные последствия, которые будут только усугубляться, пока побеждают левоцентристские партии и их программы.**

МОРАЛЬНАЯ ОСНОВА И ЕЕ КРИТИКИ

Меня всегда поражало, с какой ловкостью левые — как старые, так и новые, — ухитряются напускать на себя вид непревзойденного и совершенно невыносимого морального превосходства. Ладно бы социалисты просто периодически объявляли, что более компетентны в управлении государственными делами — мы как раз переживаем один из таких периодов, — так они еще *каждый раз* претендуют на более высокие моральные стандарты по сравнению с консерваторами. Это ясно проявляется в тех критических высказываниях, которые они отпускают в адрес капитализма.

Первое обвинение против капитализма я на самом деле уже упоминала, когда касалась взглядов и представлений Адама Смита. Суть его в том, что капитализм — это зло, поскольку в основе его лежит своекорыстие, или эгоизм. Как показывает Смит, стремление к собственной выгоде — единственная реальная основа функционирования ры-

ночной экономики, или того, что Хайек называет «расширенным порядком». Эту мысль можно продолжить.

Накопление богатства — процесс сам по себе морально нейтральный. Правда, как утверждается в христианском вероучении, богатство несет с собой соблазны. Так это же самое делает и бедность. В любом случае вряд ли беспокойство за совесть богатых является причиной критики обогащения при капитализме. Как мы распоряжаемся этим богатством — вот что должно волновать и критиков, и нас, — во благо или во зло. Джон Уэсли сказал: «Не приписывайте деньгам людские пороки». А я бы к «деньгам» добавила еще: «и капитализму».

Тем не менее больше всего критиков раздражает сам процесс накопления денег, а не то, на какие цели мы их пускаем. Этот процесс, на их взгляд, принципиально несправедлив на двух уровнях. Прежде всего, они усматривают несправедливость в том, что не все находятся в равных стар-говых условиях. Ну, а вторая несправедливость видится в том, что неко-горые на финише получают больше, чем им нужно, а другие — меньше. Подобный взгляд несет в себе ошибку, на которую консерваторы, к сожалению, в силу своей тактичности (или слабости) зачастую не считают нужным указывать. Суть ее состоит в отождествлении понятий «справедливый» и «равный» как в рассуждениях о равенстве возможностей (первый :лучай), так и в рассуждениях о равенстве результатов (второй случай).

Чтобы понять, в чем заключается ложность этого уравнения, нужно лишь немного подумать. При всем уважении к авторам американской декларации независимости не могу согласиться с тем, что все мужчины (и женщины) созданы равными, хотя бы с точки зрения их характеров, :пособностей и одаренности*. Даже если бы они были таковыми, семейная и культурная среда, не говоря уже о случайных факторах, очень бы-:тро изменила бы ситуацию. Согласитесь, по характеру и воспитанию мы зсе разные. Если это несправедливо, тогда справедливости нет и в самой юизни. Хотя это и говорят (обычно облекая мысль в форму жалобы:
жизнь несправедлива»), реально фраза ничего не значит. Когда кто-то :казал Вольтеру, что «жизнь тяжела», тот спросил: «По сравнению с чем?»

Это не значит, что государство не должно делать ничего для устранения неблагоприятных факторов, от которых страдают определенные группы людей и отдельные граждане. Так и должно быть в развитой

стране, которая может позволить себе такую роскошь, как хорошее базовое образование и медицинское обслуживание для всех независимо от платежеспособности. Я поддерживаю также программы, помогающие людям составить начальный капитал и обзавестись некоторой собственностью. Именно эти цели находились в центре программы, осуществлявшейся консервативным правительством Великобритании в 80-х и 90-х годах. Но программы и политику следует формировать так, чтобы они не деформировали рынок и не разрушали стимулы.

Там, где это возможно, деятельность правительства в сфере социального обеспечения должна оставлять индивидууму максимальный выбор:

например, лучше использовать образовательные ваучеры или кредиты, а не централизованное финансирование; снижение налоговых ставок, а не всеобъемлющие субсидии. Тот же самый принцип следует соблюдать, принимая меры по обеспечению расовой и культурной гармонии в обществе. Дискриминация людей по цвету кожи, расе, полу или убеждениям — моральное зло; она, кроме того, вносит нестабильность, да к тому же противоречит экономическим интересам государства в целом. Однако использование системы квот при назначении или продвижении по службе людей из определенных слоев есть не что иное, как недопустимое покушение на свободу, даже если и делается из лучших побуждений. Это не помогает и тем, кого система должна поддерживать. Представители целевых групп могут страдать от опеки; их профессиональная репутация при назначении на должности, которые они заняли бы и без того в силу собственных заслуг, принижается, поскольку в них видят привилегированных; на них могут обижаться, к ним могут плохо относиться*.

На самом деле нам нужно очень четко представлять свои цели. Существует много доводов в поддержку попыток улучшить положение неимущих. Но это не имеет ничего общего с попыткой создать рай на земле. Правительства должны крайне осторожно подходить к увязыванию социальной политики с тем, что обычно называют «социальная справедливость». Как однажды заметил Хайек, «[социальный] — скользкое прилагательное, [которое] имеет свойство лишать смысла определяемые им существительные»**.

«Социальная справедливость» может завести свободное общество в еще более мутные воды, если под ней понимать не только равные возможности, но и равные результаты. Неравенство — неизбежная цена свободы. Если людям дают возможность самим принимать решения, то один поступает более расчетливо и творчески, чем другой. Помимо прочего, некоторым еще и везет. В любом случае в природе не существует утвержденного набора критериев, позволяющих распределять богатство и прочие выгоды по заслугам. Впрочем, если бы он и существовал, правительство или какой-либо иной орган не в состоянии получить всей необходимой для принятия решения информации. Наконец, поскольку в правительстве тоже работают грешные люди, а о политиках в этом смысле даже и говорить не стоит, налицо все возможности для разных сделок, использования влияния и старомодной коррупции.

Все эти недостатки очень ярко проявлялись в странах с коммунистическим режимом. Об этом написано столько книг, что, я думаю, они могли бы заполнить целый зал библиотеки Британского музея. При этом забывают одно: те же недостатки в той или иной мере присущи *всем* социалистическим системам, какими бы мягкими они ни были. Правительство, в число целей которого попадает достижение равенства (не путайте с равенством перед законом), становится опасным для свободы*.

Именно поэтому те, кто ставит свободу превыше всех прочих политических целей, как это делаю я, стремятся к справедливости без всяких прилагательных и полагаются на законы, а не на методы социальной инженерии. Пока все мужчины и женщины действительно равны перед законом, пока закон эффективно исполняется и честно отстаивается в суде, у них, независимо от того, каким богатством они обладают, нет оснований жаловаться на «несправедливость» отношения. Они сами определяют, как им распорядиться своей жизнью и собственностью. Они несут полную ответственность за успехи и неудачи, а в жизни любого человека предостаточно и того, и другого. Действующее же правительство, если оно действительно предано свободе, избегает введения перераспределительного налогообложения и прочего вмешательства, направленного на социальное планирование, поскольку знает, что

это, несмотря на сопутствующую болтовню насчет социальной спра ведливости, принципиально *несправедливо.*

Ничуть не меньше, чем от политиков, капитализму традиционш достается от священнослужителей, которые клеймят его за чрезмернув суровость и несправедливость и призывают к противодействию. У ни:

на это есть полное право — точно так же, как у меня есть право не со глашаться. Вместе с тем мне очень хочется, чтобы они в полной мер* представляли последствия того, к чему призывают.

Поскольку я не католичка, то без смущения могу сказать, что ны нешний папа Римский в этом отношении (как и во многих других мудрее некоторых своих предшественников*. Его взгляды имеют глу бокий смысл для людей всех верований, да и для неверующих. Возмож но, своими экономическими и философскими пристрастиями он обя зан реалиям социализма, которые он своими глазами видел в родной Польше. По крайней мере, на мой взгляд, об этом свидетельствует великая энциклика *Centesimus Annus* папы Иоанна Павла II. Размышляя о падении коммунизма и несостоятельности социализма, папа спраши вает:

> Можно ли утверждать, что после крушения коммунизма именно капитализм стал победившей социальной системой и что именно капитализм должен быть целью стран, пытающихся перестроить свои экономику и общество? Действительно ли это та самая модель, которую нужно предлагать странам третьего мира, которые ищут путь к реальному экономическому и общественному прогрессу? Совершенно ясно, что ответ не может быть простым. Если под капитализмом понимается экономическая система, признающая основополагающую и позитивную роль бизнеса, рынка, частной собственности и вытекающей из этого ответственности за средства производства, а также свободное творчество людей в экономической сфере, тогда ответ определенно будет положительным, хотя лучше было бы говорить о бизнес-экономике, рыночной или просто свободной экономике. Но если капитализм воспринимается как система, где свобода в экономической сфере не ограничена жесткими правовыми рамками, которые ставят ее на службу свободе в целом и превра-

щают ее в конкретную грань этой свободы, имеющей этическую и религиозную сущность, то ответ будет определенно отрицательным*.

Не буду зачислять Иоанна Павла II в ряды безоговорочных сторонников свободного рынка — он таковым не является. Но я полностью разделяю его взгляд. На самом деле я не знаю ни одного проповедника капитализма, который бы считал, что он не должен идти в паре с торжеством закона. Что касается меня, то я полагаю, что свобода (и жизнь) не ограничивается экономикой. Лично я не считаю, что капитализм, просто из-за того, что он отражает порочную человеческую природу, не может породить добропорядочное общество и цельную культуру. Эвинг Кристол четко выразил эту мысль еще двадцать лет назад, когда написал: «Враг либерального капитализма сегодня не столько социализм, сколько нигилизм. К сожалению, либеральный капитализм воспринимает нигилизм не как врага, а как еще один великолепный бизнес-шанс»**.

Дальнейшее развитие этой темы выходит за рамки не только данной главы, но книги в целом.

Тому, кто считает, что прочная моральная база капитализма, основанного на свободном предпринимательстве, существует, следует так и говорить об этом, опираясь на моральные доводы, а не только на утилитарные.

Мы должны:

- **всеми способами подчеркивать, что деньги морально нейтральны: значение имеет лишь то, как они используются;**
- **проводить четкое различие между равенством перед законом, что является неотъемлемой частью свободы, и другими видами равенства, которые, как правило, ограничивают свободу;**
- **формировать программы групповой и индивидуальной помощи неимущим так, чтобы они не деформировали рынки и не уничтожали стимулы; предпочтительным следует считать расширение возможности выбора и приобретения собственности;**

- **принципиально отвергать понятие «социальной» справедливости, которая уничтожает справедливость подлинную;**
- **помнить, что капитализм хорош и плох настолько, насколько хороши и плохи строящие его люди.**

ЧУВСТВО ВИНЫ, БЕДНОСТЬ И ТРЕТИЙ МИР

В приведенной выше выдержке из *Centesimus Annus* папа упомянул проблемы третьего мира. Он, как и многие другие, полагает, что если капитализм, основанный на свободном предпринимательстве, не работает на пользу бедняков в бедных странах, то с ним принципиально что-то не так. Это серьезное обвинение, но я уверена, что на него можно ответить. Опыт третьего мира подтверждает, хотя и отрицательными примерами, опыт развитого мира; и тот, и другой ясно показывают, что нам нужно больше экономической свободы, а не меньше.

Отправной точкой для любого анализа, несомненно, должны быть факты, собранные за возможно больший период времени. Так вот, они свидетельствуют о том, что существует сильная корреляция между экономической свободой и процветанием. Практически всегда действует следующее правило: чем свободнее экономика страны, тем выше доход на душу населения, и наоборот, чем менее свободна ее экономика, тем ниже душевой доход. Приведенная ниже таблица наглядно демонстрирует это.

Конечно, это не позволяет однозначно утверждать, что лишь экономическая свобода делает страны богатыми, а ее отсутствие — бедными. Существует множество других факторов. Но взаимосвязь между свободным предпринимательством и процветанием достаточно очевидна, чтобы заставить тех, кто винит капитализм в бедности стран третьего мира, остановиться и задуматься*.

Боюсь, однако, что ненадолго. Подобно династии Бурбонов в свое время, лобби защитников бедных стран третьего мира ничему не учится и ничего не забывает. Несмотря на очевидность того, что коллективизм ведет к экономическому упадку, а капитализм — к экономическому процветанию, эти лоббисты отстаивают на международной арене та-

Свобода и процветание

Страны с наиболее свободной экономикой и их ВВП на душу населения*		Страны с наименее свободной экономикой и их ВВП на душу населения*	
Страна**	ВВП на душу населения	Страна***	ВВП на душу населения
1 Гонконг	$25 257	1 Северная Корея	$1000
2 Сингапур	$28 460	2 Ирак	$2700
3 Новая Зеландия	$17210	3 Ливия	$7900
4 Бахрейн	$16 140	4 Сомали	$600
4 Люксембург	$30 140	5 Куба	$1700
4 США	$29010	6 Конго	$710
7 Ирландия	$20 710	7 Лаос	$1300
8 Австралия	$20210	8 Иран	$5300
8 Швейцария	$25 240	9 Ангола	$1030
8 Соединенное Королевство	$20 273	10 Узбекистан	$2500
11 Канада	$22 480	10 Босния	$1770
11 Чили	$12730	12 Вьетнам	$1850
11 Сальвадор	$2880	12 Туркменистан	$1800
11 Тайвань	$11 989	12 Гвинея-Бисау	$900
15 Австрия	$22 070	15 Азербайджан	$1770
15 Нидерланды	$21 110	16 Бирма	$1200
17 Аргентина	$10300	16 Белоруссия	$5300
17 Бельгия	$22 750	18 Экваториальная Гвинея	$2000
19 Исландия	$21 970	19 Сирия	$2500
19 Япония	$24 070	19 Руанда	$720
19 Объединенные Арабские Эмираты	$18 110	19 Гаити	$1340
		19 Бурунди	$730
Данные приводятся в	долларах США	Данные приводятся в долларах США	

кую политику, которую ни один здравомыслящий национальный политик (даже левоцентристского толка) никогда бы не поддержал в своей стране. Мы все сегодня рассуждаем о вреде политики перераспределения для экономики и социального иждивенчества — для общества, тем не менее разговоры о новом международном экономическом порядке, который предполагает поддержку бедных за счет богатых, наверное, никогда не уступят здравому смыслу.

В конце 70-х — начале 80-х годов в докладе Брандта прозвучал призыв к установлению «нового международного порядка» и интервенционистским мерам, направленным на массированное перераспределение ресурсов между «Севером» и «Югом»*[1]. Доклад, который получил широкое одобрение в то время, представлял перераспределение как необходимый элемент безопасности богатых стран, что было скрытым намеком на давнее желание левых поднять массы в международном масштабе на борьбу против их угнетателей. Подзаголовок доклада «Программа выживания» привносит ту трагическую нотку, без которой любое подобное лоббирование не может считаться достаточно полным. В 1981 году на саммите в Канкуне Рональду Рейгану и мне удалось спустить на тормозах самые ужасные предложения доклада*[2]. Увы, похоже, в международных делах действует некий аналог закона Грешема*[3] — «плохие деньги вытесняют хорошие», — и здравые идеи регулярно приносятся в жертву плохим. Достойным наследником Брандта стала Комиссия по глобальному управлению. Этот достойнейший орган отметил наступление нового тысячелетия докладом, полным сетований по поводу «несправедливости» эффектов глобализации и «маргинализации бедных». Он настаивал на создании «более сильной и представительной структуры глобального экономического управления»*[4].

Стоит только присмотреться к доводам, которыми подкрепляются все эти грандиозные схемы, как опять видишь нашего старого знакомого, считавшегося погибшим, но все еще не оплаканного, — социализм. На самом же деле социализм на международном уровне, замас-

кированный и облаченный в новую упаковку, значительно опаснее для свободы и процветания, чем многие думают. Причину, по которой скомпрометировавшие себя доводы продолжают выдвигаться и уважительно выслушиваться, можно выразить очень коротко: чувство вины. Представители Запада чувствуют, что они в какой-то мере виноваты в несчастьях и неудачах жителей бедных стран. Однако на самом деле это не так. Выдающийся убийца священных коров экономики (лорд) Питер Бауэр говорил:

> Причиной бедности в странах третьего мира является вовсе не Запад, связи с ним были принципиальным источником материального прогресса. Более материально развитыми оказываются как раз те общества и регионы третьего мира, у которых взаимосвязи с Западом более многочисленны, разнообразны и глубоки: земледельческие районы и транзитные порты на юго-востоке Азии, западе Африки и в Латинской Америке; регионы Африки и Ближнего Востока, занимающиеся добычей полезных ископаемых; города и порты Азии, Африки, Карибского региона и Латинской Америки. Уровень материального развития обычно снижается по мере удаления от центров, в которых сконцентрировано влияние Запада. У беднейших и наиболее отсталых народов внешние связи либо вообще отсутствуют, либо немногочисленны;
>
> свидетельство — аборигены Австралии, пигмеи и бедуины*.

Действительно, в то время как в XX веке большинство стран мира добилось значительных экономических успехов, некоторые отстали. Спрашивается: почему? В ряде случаев фактически наблюдался значительный откат назад — заметнее всего в африканских странах, которые, отбросив традиционные западные ценности, позаимствовали у Запада социалистические идеи и объединили их с доморощенной межплеменной враждой и массовой коррупцией. Уж если Запад в чем и виноват, так это в том, что породил Маркса и его последователей, многие из которых стали советниками лидеров стран третьего мира в послевоенные годы. Заявление получившего западное образование и очень почитаемого покойного президента Танзании Джулиуса Ньерере — бесспорно обаятельного человека, который нанес огромный вред экономике страны, и не только ей, — наглядно иллюстрирует проблему.

> Я заявляю, что это несправедливо — ставить подавляющую часть населения мира в положение нищих, не имеющих достоинства. В едином мире, как и в едином государстве, если я богат потому, что вы бедны, или я беден потому, что вы богаты, перераспределение богатства в пользу бедных должно осуществляться по праву, а не из благотворительности*[1].

Нужно ясно представлять, что может и должно быть сделано для помощи тем, кто пытается вырваться из тисков бедности. Мой давний друг Кит Джозеф рассказывал нам о том, как великий еврейский наставник Маймонид ранжировал уровни благотворительности, которых он насчитывал восемь*[2]. Высший уровень — изменение положения получателя помощи таким образом, что он становится независимым, — это благотворительность, которая устраняет потребность в дальнейшей благотворительности. За исключением помощи, предоставляемой в случаях стихийных бедствий, которую приходится периодически оказывать то здесь, то там, программы международной помощи должны неизменно ориентироваться именно на этот восьмой уровень благотворительности.

Осознание этого имеет очень большое значейие. Понятно, что такой подход полностью исключает необъятные глобальные стратегии, нацеленные на достижение равенства — или даже на преодоление неравенства — между государствами или религиями. С течением времени неравенство в мире, по всей видимости, лишь углубляется. Это долгосрочная тенденция. В 1870 году средний доход на душу населения в 17 наиболее богатых странах мира в 2,4 раза превышал средний доход во всех остальных странах; в 1990 году различие для тех же групп стран составляло уже 4,5 раза*[3]. Очевидно, что с ускорением развития глобальной экономики разрыв углубился еще больше.*[4] Само по себе это меня не беспокоит, как не должно беспокоить и всех остальных. Нера-

венство благосостояния — неотъемлемый атрибут экономического развития — как национального, так и международного. Есть основания полагать, что оно даже способствует развитию. Единственно возможный путь прямого устранения неравенства — перераспределение, а оно, как бы тщательно его ни планировали, замедляет экономическое развитие — как национальное, так и международное. Нас *должно* заботить совершенно другое, а именно, реализуют ли страны свой потенциал и, следовательно, создают ли они новые возможности для своих граждан.

В рамках системы свободной торговли и свободных рынков бедные страны, как и бедные люди, бедны вовсе не потому, что другие богаты. Более того, если эти другие станут менее богатыми, то бедные, вероятнее всего, очень быстро станут еще беднее.
Некоторые страны бедны из-за неблагоприятных природных условий, например сурового климата, недостатка воды. Такие условия можно смягчить, но не изменить коренным образом. Наилучшим решением при этом нередко бывает то, что местное население делает всегда, а именно посылает наиболее трудоспособных представителей за границу на заработки, а заработанные средства возвращает на родину и, таким образом, обеспечивает приемлемый уровень жизни для тех, кто остался.

Однако многие, очень многие страны обязаны своей бедностью плохому управлению. Оно может выражаться в неправильной политике, которая не позволяет зародиться жизнеспособному капитализму, основанному на свободном предпринимательстве. Обычно оно сопровождается повсеместной, если не тотальной, коррупцией. Нередко оно принимает форму репрессивной или агрессивной политики в отношении определенных групп населения внутри страны или соседних государств — в такой ситуации целью власти является разбой, а высшая форма разбоя — война. В общем и целом такая картина характерна, например, для Зимбабве под началом президента Роберта Мугабе. Возникает серьезнейший вопрос: почему такое положение дел, не имеющее никакого оправдания, продолжает сохраняться?

По крайней мере часть ответа — но, надо заметить, важнейшая часть, поскольку она фактически допускает существование решения, — заключается в том, что западные страны сами способствовали сохранению проблемы. Это результат вовсе не жадности международного капитализма и не давления со стороны такого привычного пугала, как международные корпорации, а многолетнего поощрения дурного правления вместо применения карательных мер.

Видную роль здесь сыграл Всемирный банк. Он был учрежден в 1944 году с целью кредитования пострадавших от войны стран Европы и к концу 50-х годов фактически стал ненужным. Как сказал Алан Уолтере: «В отличие от старых солдат, международные институты со временем не угасают, они становятся еще больше, еще сильнее»*. Именно это и произошло с Всемирным банком (и с МВФ тоже, как я покажу далее).

В 60-х годах Банк под руководством бывшего министра обороны США Роберта Макнамары превратился из кредитора последней инстанции в международное агентство социального обеспечения, которым он и продолжает оставаться. Помимо прочего Банк стал главным проводником доктрины, в соответствии с которой менее развитые страны могут добиться прогресса только в том случае, если развитые государства будут предоставлять им достаточные экономические ресурсы. Из-за того что эта доктрина получила широкое, если не всеобщее, признание, а также в силу своей принципиальной порочности, она невероятно вредна в трех отношениях. Во-первых, финансирование потребностей некомпетентных правительств помогает им удержаться у власти. Во-вторых, спасение от банкротства стран третьего мира, проводящих ошибочную политику, лишь увеличивает наносимый ущерб. И, наконец, укрепление убеждения третьего мира в целом в том, что его проблемы обусловлены действиями развитых стран, препятствует проведению таких экономических реформ, которые позволяют поднять эффективность хозяйства и уровень жизни. Независимое исследование, проведенное несколько лет назад, показало, что 66 слаборазвитых стран получают средства от Всемирного банка уже более 25 лет, в 37 странах положение совершенно не улучшилось по сравнению с тем, что было до получения займов. Более того, в 20 из этих 37 стран положение даже ухудшилось, причем в восьми случаях с момента получения первого займа объем производства сократился по меньшей мере на 20%**. Ни одно демократическое правительство не может рассчитывать на переизбрание при таких результатах. Но хотя такие международные институты, как Банк, и могут походить на правительства, они имеют очень мало общего с демократией.

Не хочу, однако, быть несправедливой по отношению к служащим Всемирного банка. Они не заставляют развитые и развивающиеся страны проводить безрассудную политику. Всегда имеется достаточно национальных политиков, которые полагают, что перераспределение ресурсов, увеличение международной помощи, предоставление займов, протекционизм в торговле и замещение импорта внутренним производством, «экономическая замкнутость» и прочее дают решение проблемы международной бедности.

Сама я никогда так не считала; тем не менее во времена моего пребывания на посту премьер-министра у Великобритании была скромная программа помощи, и мы старались сделать ее максимально целевой. В определенных размерах помощь, несомненно, дает результаты. Было бы странным, если бы она их не приносила. Во многих случаях помощь сопровождается политическими и экономическими условиями и, таким образом, может рассматриваться как форма стратегического воздействия, хотя ее практические выгоды для донора, пожалуй, преувеличиваются. (Одна из оценок полезности американских программ помощи выглядит следующим образом: «Американская помощь иностранным государствам не дает Соединенным Штатам ни экономической, ни коммерческой выгоды»*.) Общий вывод таков: последствия перераспределения, осуществляемого как на международном, так и на национальном уровне, являются пагубными и другими быть не могут.

Спрашивается: а возможен ли другой подход? Да. Обратитесь к Май-мониду. Ограниченная помощь, строго ориентированная на создание правильной основы для свободного предпринимательства и капитализма, вполне может дать результат. Странам третьего мира необходимо добиться торжества ясного и честного закона, сформировать ограниченное, но эффективное правительство, обеспечить право собственности и создать благоприятный инвестиционный климат. Долговое бремя, большую часть которого составляют непогашенные займы, полученные в результате неразумной кредитной политики Запада, может быть при соответствующих условиях уменьшено. При этом нет никакого резона предоставлять помощь глубоко коррумпированным или явно деспотическим правительствам. Когда же нет уверенности, нуж

но положиться на рынок, который покажет, обоснованны ли проекты и можно ли доверять режиму.

Главное, что развитые страны могут сделать для развивающегося мира, — это поддержать капитализм в целом, открыть свои рынки и, самое важное, прекратить субсидирование своего экспорта. В этих областях предстоит сделать еще очень многое. Европейский союз мог бы перестать банкротить и разорять фермеров третьего мира с помощью своей Единой сельскохозяйственной политики: третья часть от того, во что она обходится мировой экономике, ложится на страны, не входящие в Союз. Америка могла бы отказаться от возведения барьеров перед текстилем из стран третьего мира: такой протекционизм обходится другим странам, главным образом развивающимся, в миллиарды долларов ежегодно*.

Размышляя над опытом решения проблем развивающегося мира после Второй мировой войны, можно сделать следующие выводы:

- **Коллективное чувство вины, к тому же совершенно необоснованное, является плохим фундаментом для выработки решения реальных проблем.**
- **Программы глобального перераспределения ресурсов не имеют смысла и имеют столь же вредные последствия, что и программы перераспределения, проводимые на национальном уровне.**
- **Третий мир имеет много общего с «первым миром», он просто значительно беднее: что работает в западных странах, должно работать и в других местах.**
- **На совести Запада, однако, лежат два пятна: он воспитал целое поколение лидеров третьего мира на идеях социализма, а потом предоставил им возможность проводить их на практике, разоряя свои народы.**
- **Торговля, а не помощь позволяет надеяться на устойчивое улучшение положения беднейших стран.**

НЕОТВРАТИМОСТЬ КАТАСТРОФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Странный факт, объяснение которому, наверное, следует искать в психологии, а не в политике, заключается в том, что чем лучше ситуация и больше оснований для оптимизма, тем больше голосов, пророчащих неотвратимую погибель. Сейчас, например, когда Америка потрясена разгулом терроризма, наша экономика находится в застое, международные прогнозы выглядят неопределенными, можно очень легко и вовсе не без основания впасть в уныние. Но если взглянуть шире, для глобального уныния не остается места. У нас есть столько всего, чему можно радоваться. Мы стали жить дольше. Мы стали здоровее. Мы стали богаче. Мы работаем меньше и имеем намного больше возможностей для развлечения и отдыха. Конечно, не обходится без побочных эффектов и отступлений, однако это, как правило, временные явления. В какие времена перед детьми открывались более широкие перспективы, а все кругом было более продуманно, чем в сегодняшнем мире?*

Но было ли время, когда пессимизм пользовался большим спросом? Возможно, это отголоски почти забытого религиозного прошлого нашего общества: сомневаюсь, чтобы пророки Ветхого завета звучали особо жизнерадостно. И все же что отличает пророков, прорицателей и оракулов древности — по крайней мере тех, о которых мы помним, — так это их *правота.* Даже о Кассандре давно бы забыли, если бы Троя не пала.

Вряд ли нужно кого убеждать в том, что Запад не пал. Напротив, он все время неумолимо возвышался, несмотря на то что наши недруги не уставали яростно оспаривать это. Именно отсюда нужно начинать рассмотрение личности предсказателей катастрофы и их прогнозов. Следует крайне настороженно относиться к отклонению от пути, который принес нам богатство и свободу, лишь потому, что это рекомендует та или иная группа экспертов или негосударственных организаций.

Предшественником тех, кто все еще твердит о неизбежности катастрофы, если человечество не прибегнет к принудительному регулированию рождаемости, является Томас Мальтус (1766-1834). Напомню, в своей знаменитой работе Мальтус предсказывал массовый голод, войны и эпидемии в случае продолжения бесконтрольного роста населе

ния. Предсказание строилось на утверждении, что в то время как население увеличивается в геометрической прогрессии (1, 2,4, 8,16 и т. д.), производство продовольствия возрастает в прогрессии арифметической (1, 2, 3, 4, 5 и т. д.). Такой вывод Мальтус сделал, наблюдая за тем, что происходит в природе, где (иногда) вид размножается до тех пор, пока не исчерпает пищевых ресурсов, а затем существует на грани выживания. Мальтус пользовался и продолжает пользоваться большим авторитетом. Тем не менее он заблуждался. На самом деле, когда он писал свою работу (в 1798 году), мир стоял на пороге невероятного роста *и* благосостояния, *и* народонаселения. В следующем столетии Англия пережила шестикратный рост населения и шестикратное увеличение душевого дохода. Если продолжить, то обнаруживается, что с 1820 по 1920 год численность людей на земле увеличилась в пять раз, а мировое производство выросло в 40 раз*.

Очевидное заблуждение Мальтуса и его многочисленных последователей в общем вовсе не означает, что они не правы в частном. Большой массив фактических данных свидетельствует, что число детей в семьях уменьшается по мере того, как общество накапливает богатство и урбанизируется. Причины этого не являются тайной. В примитивной аграрной экономике большая семья экономически оправданна: обработка земли требует рук. Но в стесненной городской среде, где жилое пространство дорого, а квалификация вознаграждается намного выше, чем грубый физический труд, экономика деторождения совершенно иная.

О тенденциях изменения численности населения в мире никто сегодня не спорит. В развитых странах население либо сокращается, либо не меняется. В менее развитых странах прогнозируемый темп прироста населения также быстро снижается.

Пожалуй, единственной острой проблемой для западной экономики и западного общества, как видно из приведенных графиков, является демографический дисбаланс, который в определенной мере объясняется резким падением уровня фертильности. Низкая плотность населения, а не перенаселенность — вот головная боль Запада. Тот период, когда считалось безответственным иметь более двух детей, прошел, пошли даже разговоры о возврате к политике «натализма», поощряющей создание больших семей. По правде говоря, очень сомнительно,

чтобы какие бы то ни было программы, направленные на повышение рождаемости, дали ощутимый результат. Зато вреда они могут принести много. Правительства, похоже, намного лучше справляются с прогнозированием необходимого числа новых автомобилей, чем с определением требующегося уровня рождаемости. Лучше всего оставить право решать этот вопрос самим людям. Реальной задачей правительства является грамотное и дальновидное реагирование на происходящие изменения.

Именно в этом суть дела. Мальтус был пессимистом. Он недооценивал способность людей принимать разумные решения относительно своего будущего. Он также недооценивал способность человечества при наличии соответствующей основы изобретать и адаптироваться. Думается, это не такой уж и большой недостаток для мыслителя, жившего два столетия назад. Более серьезное обвинение звучит в адрес современных единомышленников Мальтуса, которые должны лучше представлять себе ситуацию.

Сегодняшние мрачные пессимисты расширили сектор своей атаки. Они недовольны не только ростом населения, но и экономическим ростом, не только количеством детей в семье, но и числом автомобилей. Семидесятые годы изобиловали предсказаниями катастроф: проблемы ядерной войны, политического заката Запада и энергетического кризиса не сходили с газетных полос, занимали экономистов и захватывали политиков*. Многие из самых мрачных прогнозов принадлежат группе международных экспертов, называющих себя «Римским клубом». В их очень авторитетном заключении, опубликованном под названием *THe ЬIm5 го СгоН* (1972), на основе экстраполяции текущих тенденций с учетом ограниченности запасов природных ресурсов был сделан вывод, что «пределы роста на этой планете будут достигнуты в ближайшие сто лет».

Римский клуб обнародовал свои выводы в очень подходящий момент, по крайней мере для «продажи» заключения. В 1973-1974 годах мировая экономика впервые столкнулась с перебоями в поставке ближневосточной нефти, второй раз это произошло в 1979-1980 годах. Сетования по поводу избыточного изобилия и излишнего экономического роста резко перешли в рыдания по поводу надвигающегося глубокого спада и разрушительной инфляции. Конечно, недоверие рынков не проходило. Я очень хорошо помню мои первые экономические саммиты в конце того печального периода, когда мировые лидеры опирались на все более жесткие ограничения потребления топлива вместо того, чтобы положиться на регулирующее дей-

ствие ценового механизма*. Только с приходом в Овальный кабинет Рональда Рейгана появилась альтернатива, оптимистическая уверенность в том, что наша построенная на свободном предпринимательстве и демократии система имеет все моральные, интеллектуальные и практические ресурсы, необходимые для преодоления любого препятствия.

Одним из самых наглядных критериев, позволяющих судить о том, кто прав — мрачные пессимисты или оптимисты, являются цены на сырьевые материалы. Если экономическому росту действительно суждено прекратиться из-за недостатка полезных ископаемых, следует оживать постоянного роста цен на товары по мере того, как общество ста-довится богаче. Однако изучение данных за более или менее продолжительный период показывает, что это не так. Цены на самом деле даже :низились**.

Это вовсе не фокус статистики. Это свидетельство неисчерпаемос-ги человеческого творчества. Нас постоянно пугают тем, что мы не ложем потреблять бесконечно. При этом никто не удосуживается обратить внимание на то, что нам удается получать все больше из все меньшего. Пятьдесят лет назад очень смелым казалось предположение, что «компьютеры, будущего будут содержать 1000 электронных ламп и весить не более 1,5 тонны»***. Теперь же у нас есть микрочипы.

На меньших площадях выращивается больше продовольственных культур. Кардинальным образом сократилось число голодающих. Го-ювной болью стали излишки продовольствия. Миру все больше угро-кает не голод, а болезни, связанные с ожирением. Случаются, конечно, [риродные катаклизмы. Однако научный и технический прогресс поволяет предсказывать их, готовиться к ним и преодолевать их послед-твия. Движущая сила прогресса — капиталистическое общество, опирающееся на свободное предпринимательство, а не склеротические со-щалистические государства. Только тогда, когда социалистические траны будут в трудный час приходить на помощь капиталистическим, не наоборот, мы можем усомниться в эффективности системы, кото-»ая делает нас богатыми, здоровыми и защищенными.

Итак, мы должны сделать следующее:

- **вспомнить, сколько раз мрачные пессимисты ошибались в своих прогнозах, и успокоиться на этом;**
- **понять, наконец, что пока существует свободная политическая система, свободное общество и свободная экономика, изобретательность человечества будет оставаться неисчерпаемой.**

ТЕПЛОВЫЕ ВЫБРОСЫ И ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ

Любимая тема сегодняшних пессимистов — изменение климата*. Она привлекательна для них по нескольким причинам. Во-первых, отсутствие определенности в научных теориях делает опровержение их идей довольно затруднительным. Во-вторых, у каждого есть собственные представления о погоде: традиционно англичанин при знакомстве редко говорит о чем-нибудь еще. В-третьих, то, что любой мало-мальски серьезный план по изменению климата может существовать только на глобальном уровне, служит великолепным оправданием для мирового наднационального социализма.

Все это озадачивает. Возможно, дело здесь в частичном отсутствии смысла. Если у Гамлета в безумии была система, то у самых мрачных пессимистов в системе чувствуется изрядная доля безумия. Отсутствие чувства меры — вот что характерно для высказываний на эту тему здравомыслящих в остальном людей. Так, президент Клинтон во время визита в Китай, который представляет серьезную стратегическую угро-

зу для США, поведал президенту Цзян Цземиню, что больше всего он опасается, как бы «ваш народ не стал таким же богатым, как наш, и не пересел с велосипедов на автомобили, поскольку это приведет к увеличению выбросов парниковых газов и может сделать планету еще более опасной для всех»*[1].

Крайне трудно опровергнуть и апокалиптическую гиперболу бывшего вице-президента Гора. Г-н Гор полагает: «В современном мире разрыв между разумом и телом, человеком и природой породил новое пристрастие: наша цивилизация фактически занимается пожиранием самой Земли». Он предупреждает: «Если мы не найдем способ кардинального изменения нашей цивилизации и наших представлений о взаимосвязи между человечеством и землей, нашим детям достанется мертвая земля»*[2].

Но разве это относится только к американцам? Министр иностранных дел Великобритании Робин Кук, например, как-то сказал: «Для государства нет более важной задачи, чем защита нашей береговой линии. Самой непосредственной угрозой для нее сегодня является наступление моря»*[3]. Похоже, в его лице Великобритания нашла достойного преемника короля Кнута*[4].

Тот факт, что-опытные политики могут говорить столь смехотворные вещи и выходить при этом сухими из воды, показывает, насколько глубоко новая догма относительно изменения климата проникла в правящие левоцентристские круги. Совершенно необходимо дать соответствующую оценку этому своеобразному явлению.

Находясь на посту премьер-министра, я была среди тех, кто в конце 80-х годов внимательно следил за проблемой изменения климата и привлекал к ней внимание общественности. В 1985 году в результате проведенных в Антарктике исследований британские ученые впервые обнаружили дыру в озоновом слое, который выполняет роль щита в верхних слоях атмосферы, защищая все, что находится ниже, от потен

циально опасного солнечного ультрафиолетового излучения. Вскоре было научно доказано, что основной причиной разрушения озона являются хлорфторуглероды (ХФУ). Отсюда следовало, что использование этих соединений в аэрозольных баллонах, холодильниках, кондиционерах и т. д. должно быть ограничено. Моими стараниями британское правительство заняло ведущее положение в глобальной кампании за ограничение использования ХФУ, которая дала очень хорошие результаты.

В скором времени, однако, на первый план вышел «парниковый эффект», который оказался более сложной проблемой, поскольку научные исследования не давали здесь полной ясности. Основной эффект, в двух словах, заключается в том, что парниковые газы задерживают отраженное от земли тепловое излучение и это приводит к повышению температуры атмосферы*. Утверждают, что парниковый эффект может серьезно и даже катастрофически изменить климат, причем среди последствий называют повышение уровня моря и затопление низменных территорий и даже целых стран. Хлорфторуглероды входят в число парниковых газов, поэтому действия, направленные на ограничение их использования, внесли определенный вклад и в уменьшение парникового эффекта. Высказывается мнение, что главной причиной глобального потепления является углекислый газ (CO), содержание которого в атмосфере напрямую связано с промышленной деятельностью. Таким образом, речь может идти о выборе между сохранением климата и процветанием. Именно так хотели и хотят представить картину левоцент-ристы.

У меня более скептическое отношение к доводам, касающимся глобального потепления, хотя я тоже считаю, что к ним нужно подходить со всей серьезностью. В те времена в распоряжении политических лидеров было довольно мало научных рекомендаций от тех экспертов, которые сомневались в справедливости тезиса о глобальном потеплении, хотя некоторые сомнения все же попадали в прессу. К концу моего пребывания на посту премьер-министра меня стала серьезно беспокоить антикапиталистическая направленность аргументов, которыми оперировали участники похода против глобального потепления. Поэтому в обращении к ученым в 1990 году я заметила:

> К каким бы международным акциям по защите окружающей среды мы ни присоединились, нам необходимо обеспечить рост нашей экономики, потому как только он может дать средства для оплаты защиты окружающей среды. У нас есть основания рассчитывать на то, что промышленность проявит изобретательность, которая принципиально важна для отыскания решений наших природоохранных проблем*.

За время, прошедшее с того момента, ситуация изменилась по двум аспектам. Во-первых, антикапитализм, который всегда стоял за спиной инвайронментализма, проявился более явно, а в последнее время принял облик антиамериканизма. В полной мере он проявился, когда в марте 2001 года президент Буш заявил, что США не намерены подписывать Киотский протокол об изменении климата. Франция, которую трудно превзойти в подобных делах, резко осудила его: французский министр охраны окружающей среды сказал, что «односторонний отказ г-на Буша является провокационным и безответственным»**. Европейский комиссар по окружающей среде Маргот Валлстрем разразилась угрозами в адрес американских предприятий. Британский министр охраны окружающей среды Майкл Мичер, хотя и назвал решение Америки «исключительно серьезным», великодушно отверг возможность введения санкций против США, которые, по его мнению, не следует «подвергать остракизму»***. Совершенно фантастический намек на возможность, пусть даже самую отдаленную, принятия Великобританией санкций против Америки лишний раз подтверждает, что чувству реальности здесь нет места.

На самом деле президент Буш поступил с Киотским протоколом совершенно правильно. Его предшественник поддержал протокол с тем, чтобы произвести впечатление на международную общественность, ?сотя прекрасно знал, что документ не будет ратифицирован в стране:

Сенат США единодушно проголосовал по этому вопросу. Протокол полностью возлагал бремя по сокращению выбросов углекислого газа на развитые страны, в то же время позволяя развивающимся странам, включая Индию и Китай, быстрыми темпами увеличивать выбросы. Задание Америке было совершенно нереальным — от нее требовали :окращения суммарного выброса парниковых газов на 7% от уровня

1990 года за период с 2008 по 2012 год*. Причем требования нужно было принять до рассмотрения научных доводов о причинах и масштабах глобального потепления. Киотский протокол был не чем иным, как направленным против роста антикапиталистическим и антиамериканским проектом, который ни один американский лидер, заботящийся о национальных интересах, просто не мог поддержать

Другим отличительным моментом нынешних дебатов вокруг проблемы изменения климата по сравнению с тем, что было в момент моего ухода с Даунинг-стрит, является прогресс в научных исследованиях. Как это обычно бывает в науке, картина оказалась еще более сложной.

В вопросах государственной политики осознание того, что мы не знаем, не менее важно, чем осознание того, что нам известно. Правительства в этом отношении коренным образом отличаются от частных лиц. Человек может действовать в значительной мере интуитивно или на основе неполной информации и в то же время не приносить особого ущерба. Однако правительства, чьи действия касаются миллионов людей, обязаны действовать более обдуманно. Золотое правило гласит:
любое вмешательство правительства влечет за собой проблемы, поэтому вмешиваться нужно только тогда, когда доводы полностью обоснованы. Как подобный подход отражается на политике в отношении наболевшей проблемы изменения климата? Ответ можно найти в процессе последовательного приближения, состоящего из пяти этапов, на каждом из которых нужно ответить на дополнительные вопросы.

Во-первых, действительно ли происходит потепление климата? Тому, кто интересуется прессой и слушает выступления политиков, ответ может показаться совершенно очевидным. Однако факты вызывают определенное сомнение. Действительно, существует долгосрочная тенденция к потеплению; но некоторые эксперты считают ее *настолько* долгосрочной, что причин для особого беспокойства в настоящее время нет. Признаки потепления появились примерно триста лет назад, во время так называемого малого ледникового периода, и с тех пор не исчезают. Споры вызывают относительно недавние события.

Наземные станции контроля температуры показывают, что температура на нашей планете повысилась на 0,3-0,6 °С после 1850 года, причем примерно наполовину — в годы, последовавшие за Второй мировой войной. В то же время замеры температуры с помощью высотных зондов и спутников в течение последних 20 лет свидетельствуют о тенденции к ее понижению. Косвенные данные о количестве дождей, состоянии ледников, уровне моря и неустойчивости погоды, нередко приводимые в качестве доказательства глобального потепления, тоже неоднозначны. Одни ледники растут, а другие сокращаются. Уровень моря, возможно, и поднялся, но это может быть просто еще одним долговременным явлением, связанным с окончанием последнего ледникового периода.

Подобные сложные взаимозависимости тем не менее не удерживают политиков от заявлений о том, что капризы погоды, например, показывают необходимость решительных действий. Перемешивание проявлений феномена, известного как «Эль-Ниньо», и более широких вопросов, связанных с изменением климата, может быть частью этого*. Однако политическая позиция обязывает играть определенную роль. Так, Тони Блэр заявил, что наводнения в Великобритании, имевшие место в последние годы, вызваны глобальным потеплением**. Те, кому грозят налоги на выбросы углекислого газа, сознательное ограничение экономического роста и более высокая безработица, заслуживают лучшего.

Во-вторых, действительно ли углекислый газ является причиной глобального потепления? Здесь также неопределенность колоссальна. Как отмечалось выше, СО не единственный парниковый газ. Существенный вклад вносят ХФУ, метан, закись азота, аэрозоли и пары воды. Поэтому учет только концентрации углекислого газа при анализе ситуации и выработке политики неизбежно ведет к ошибкам. Еще существеннее — и сложнее в оценке, что подтверждается непрекращающимися спорами, — вклад солнечной активности. Солнце не отдает свою энергию равномерно; его температура циклически повышается и понижается. Исследования показывают, что именно увеличением потока солнечной энергии может быть наполовину обусловлено повыше

ние температуры в период с 1900 по 1970 год и на треть— после 1970 года*. И если мы в состоянии кое-что сделать для сокращения выбросов CO и других парниковых газов, то в отношении солнца этого сказать нельзя.

В-третьих, действительно ли выделение углекислого газа есть результат деятельности человека, особенно экономической? Это опять может показаться наивным, если учесть политическую риторику, сопровождающую проблему. Сейчас, как, впрочем, и всегда, для либеральной интеллигенции нет ничего более привлекательного, чем мысль о том, что «мы все виноваты». Но так ли это? Факты ясности не дают.

Всеми уважаемая Межправительственная комиссия по проблемам изменения климата (1PCC) пришла в 1995 году к заключению, что «совокупность фактов свидетельствует о заметном влиянии человека на глобальный климат... [Тем не менее] возможности количественно оценить влияние человека на глобальный климат в настоящее время ограничены»**. На деле не все ученые разделяют даже такое мнение; но в любом случае тон его заметно менее категоричен, чем у заявлений некоторых пессимистов. Я, как и очень многие неэксперты, вполне могу понять причину, по которой эксперты пользуются таким витиеватым языком. Содержание углекислого газа в атмосфере выросло почти на 30% с конца XVIII столетия, по всей видимости в результате уничтожения лесов и сжигания ископаемого топлива. Но *в любом отдельно взятом году* подавляющая часть содержащегося в атмосфере углекислого газа не является продуктом человеческой деятельности. Фактически менее 5% углерода, находящегося в атмосфере, напрямую связано с человеком — в результате главным образом того же сжигания ископаемого топлива и уничтожения лесов***. Это, несомненно, жестко ог-

раничивает результативность любой политики, направленной на сокращение выбросов углекислого газа путем изменения поведения людей. Именно поэтому внимание в некоторых странах было сосредоточено на том, как поглотить (или связать) углекислый газ, а не ограничивать его выбросы. Соединенные Штаты, например, предлагают в качестве дополнительной меры по сокращению количества CO восстанавливать леса, которые поглощают углекислый газ, но Европейский союз возражает. Чем внимательнее присматриваешься к конкретным предложениям по сокращению содержания углекислого газа в атмосфере путем одного лишь ограничения его выброса, тем яснее понимаешь, насколько они дорогостоящи и экономически вредны.

В-четвертых, действительно ли глобальное потепление настолько опасно? Сомнение подобно рода воспринимается не иначе как ересь, но, думается, хотя бы для начала подход должен быть непредвзятым. В идеальном мире нам хотелось бы иметь стабильный климат, — так думают по крайней мере те, кто живет в неблагоприятных климатических условиях. Если бы я жила в Микронезии и меня бы волновала перспектива затопления островов в результате подъема уровня Тихого океана, я бы стала серьезно обдумывать эту проблему. Легко понять, отчего обеспокоены люди в регионах, уже сегодня страдающих от недостатка воды. В любом случае необходимо сохранять чувство меры. Глобальный климат менялся и меняется непрерывно, но человек и природа всегда, так или иначе, находили пути адаптации к изменениям.

Температура на Земле сегодня, если взять последние три тысячелетия, находится примерно на среднем уровне. Потепления случались и в прежние времена. В период, предшествовавший Средневековью, и в раннее Средневековье — примерно с 850 по 1350 год — наблюдалось довольно резкое повышение температуры — на 2,5 °C. Несмотря на затопление прибрежных низменностей, в этот период выросли продуктивность сельского хозяйства, объемы торговли и продолжительность жизни. Лишь когда вновь стало прохладнее, сельскохозяйственное производство упало и начали распространяться болезни. Поэтому, когда нам говорят об опасности распространения малярийных комаров и акул-людоедов в Средиземном море, нужно вспомнить, что хуже потепления только похолодание. Некоторым вспомнить это не так уж и трудно. В 70-х годах после двух десятилетий необычайно холодной погоды возник небольшой психоз по поводу глобального похолодания, и кое-кто из тех, которые нынче пекутся о глобальном потеплении,

предлагали примерно те же программы международного контроля для борьбы с ним*.
Ответы на каждый из четырех предыдущих вопросов напрямую связаны с пятым и последним вопросом: можно ли добиться прекращения или замедления глобального потепления приемлемой ценой? В Киото Соединенные Штаты сказали «нет», по крайней мере на те предложения, которые выдвигались. Вполне возможно, ответ будет отрицательным всегда. Впрочем, может появиться и более реальный пакет предложений. В любом случае необходимо устранить множество неопределенностей, прежде чем предпринимать какие-либо действия по ограничению экономического роста, которые сделают мир беднее. Только явные доказательства, свидетельствующие о приближении климатической катастрофы, могут изменить положение. Однако таких доказательств до сих пор нет. Единственное, что становится все более очевидным, так это стремление все тех же левых раздуть опасности и упростить решения с тем, чтобы протащить свою идею антикапитализма. Место заботы о климате — в ряду других забот того же порядка: о здоровье человека (СПИД), о здоровье животных («коровье бешенство»), о генетически модифицированных продуктах и т. д. Все это требует глубочайшего исследования, зрелой оценки и адекватного ответа. Изменение климата приближает нас к концу света не более, чем другие проблемы, и не может быть предлогом для уничтожения капитализма, основанного на свободном предпринимательстве.

Когда дело доходит до рассмотрения проблемы изменения климата, необходимо вспомнить, чем заканчивались предсказания глобальной катастрофы в прошлом.

- **Следует с подозрением относиться к планам глобального регулирования, которые слишком явно свидетельствуют о преследовании определенных интересов.**
- **Мы должны требовать, чтобы политики в своих заявлениях по вопросам охраны окружающей среды руководствовались здравым смыслом и чувством меры точно так же, как они делают это в любой другой области.**
- **Мы никогда не должны забывать, что экономическое процветание не только влечет за собой проблемы, оно также предлагает**

и их решение — чем меньше экономических достижений, тем меньше решений.

- **Любые решения необходимо принимать» опираясь на последние достижения науки, после того как они получили должную оценку.**

ГЛОБАЛИЗМ И АНТИГЛОБАЛИЗМ

Глобальные угрозы так или иначе постоянно выходят в этой книге на первый план, в то же время в предлагаемых решениях я, как правило, стараюсь избегать претенциозного глобального подхода. Но встречался ли в ней избитый нынче термин «глобализм»? Практически любой аспект нашей деятельности подвергается его — в зависимости от вашей точки зрения — пагубному или освободительному воздействию. Быть сторонником или противником глобализма при ближайшем рассмотрении означает быть за или против множества настолько разрозненных явлений — финансовых, технических, культурных, социальных, судебных, военных, политических, — что выбор становится практически бессмысленным*. Это, однако, не останавливает огромное число тех, кто стоит слева, и, что удивительно, тех, кто видит себя на правом фланге. Проявив себя сначала в ноябре 1999 года в Сиэттле, где прошли массовые протесты, нацеленные на срыв заседания Всемирной торговой организации, потом в апреле 2000 года в Вашингтоне, где мишенью были Всемирный банк и МВФ, затем в Праге в сентябре того же года (опять против МВФ и Всемирного банка) и, наконец, в июле 2001 года в Генуе во время саммита С8, антиглобалисты превратились в шумную и нередко агрессивную силу, с которой приходится считаться правительствам и полиции.

К наиболее разумной части противников изменений, иногда ассоциируемых с глобализацией, вполне можно относиться с сочувствием. В конце концов, странно, когда социальный раскол или трансформация культуры принимаются добровольно, хотя, конечно, это может быть результатом понимания того, что препятствовать им невозможно, да и не нужно. Большинство из нас, независимо от про

водимой политики, несомненно, когда-нибудь чувствовали отвращение к тому или иному проявлению современного мира. В этом смысле любой достаточно цельный и солидный человек является «антигло-балистом», а в особенности тот, кто придерживается консервативных взглядов, привязанный (как говорил Берк*) к своему «маленькому клану»**. Но есть точка, в которой подобные инстинкты начинают толкать нас к планированию или сдерживанию международного распространения капитализма, основанного на свободном предпринимательстве, т. е. точка, в которой на смену консерватизму приходит луд-дизм.

Так или иначе, консерваторов (как противоположность социалистам), обеспокоенных глобализмом, могут утешить две важные истины. Во-первых, в значительной мере глобализация — явление не новое. Глобальные проблемы существовали и раньше — в конце XIX и начале XX века. В действительности доля мировой продукции, продаваемой на глобальных рынках, в наше время ненамного больше, чем была накануне Первой мировой войны. Многие страны уже тогда открыли свои рынки капитала. Отток капитала из Великобритании достигал 9% ВВП в Викторианскую эпоху, примерно то же самое было в Германии и Франции. В 90-х годах средняя утечка капитала в ведущих странах мира лишь немного превышала 2% их ВВП***.

В конце XIX столетия, точно так же, как и сейчас, причинами экономической глобализации были технические и политические факторы. Транспортные издержки снизились, а время доставки сократилось в результате освоения энергии пара. Первый трансатлантический телеграфный кабель был проложен в 1866 году, а к концу столетия весь мир был связан телеграфными линиями, что стало началом международной телекоммуникационной революции. В основе этого развития лежала свободная торговля, двигателем которой с середины XIX столетия была Великобритания, а в более широком смысле — рост европейских колониальных империй, особенно Британской, втягивавшей в глобальную

политическую и экономическую сеть в той или иной мере все континенты.

Возобновление процесса глобализации в конце XX столетия также обусловлено техническими и политическими факторами, однако роль последних относительно выше. Хотя быстродействие современных коммуникаций — прежде всего средств передачи информации — имело очень большое значение, невозможно переоценить вклад в создание основ глобальной экономики консерваторов 80-х годов. Консервативная революция, которая была инициирована Рональдом Рейганом в Америке, поддержана мною в Великобритании и другими политиками разных убеждений по всему свету, открыла национальные экономические системы для международной конкуренции. Дерегулирование, снижение налогов и приватизация в нашей национальной экономике сопровождались на международном уровне отменой валютного контроля и снижением тарифов. Триумфальному шествию таких западных ценностей, как свобода выбора и свобода личности, помогала информационная революция, которая лишила тоталитарные государства возможности промывать своим подданным мозги в отношении мировых реалий. Крушение коммунизма в Восточной Европе, а затем в Советском Союзе привело к полному исчезновению «второго мира» и подтолкнуло к действиям страны третьего мира, стремившиеся к самосовершенствованию. Результатом стало первое серьезное внедрение свободной рыночной политики в развивающихся странах. Теперь же мы видим, например в Сиэтле, как протекционистски настроенные западные страны пытаются навязать регулирование в сфере труда и охраны окружающей среды третьему миру, лидеры которого, зная, что это путь к обнищанию их стран, решительно сопротивляются*. Все это свидетельствует о продолжающемся влиянии консервативной революции, без которой экономическая глобализация была бы мертворожденным ребенком.

Вторая истина, которую следует помнить тем, кого беспокоят последствия глобализации, заключается в том, что влияние ни в коем случае Не всеобщее. Я вовсе не имею в виду самые слаборазвитые страны, где значительная часть населения живет «с земли», занимаясь нетоварным

сельскохозяйственным производством. На подавляющую часть экономической деятельности и рабочих мест даже в самых богатых странах тенденции на глобальных рынках не оказывают прямого воздействия. В Великобритании, например, 55% ВВП приходится на «неходовые товары», т. е. на товары и услуги, которые не могут продаваться на большом удалении от места производства. В Соединенных Штатах этот показатель достигает 80%, в Японии — 76%, а во Франции — 56%*. Поэтому здесь, как и всегда, следует сохранять чувство меры.

Что бы там ни говорилось, экономическая глобализация — огромная сила. Она, помимо прочего, еще и чрезвычайно выгодна. Как ни печально, дебаты в институтах, которые наблюдают за состоянием мировой экономики, и протесты вне их стен свидетельствуют о всеобщей неспособности оценить, как много хорошего может принести капитализм в глобальном масштабе и богатым, и бедным странам. Богатейшую страну мира, Америку, открытая торговля делает еще богаче, несмотря на критику в адрес МАРТА. Вместо ведущей к деиндустриа-лизации утечки капитала в страны с низким уровнем заработной платы, 80% иностранных прямых инвестиций со стороны американских производственных фирм в 1998 году попало в другие страны с высоким уровнем заработной платы, такие как Великобритания, Канада, Нидерланды, Германия и Сингапур. Да и сами США в течение последнего десятилетия были крупнейшим в мире объектом иностранных инвестиций**.

Торговля в равной мере выгодна и богатым, и бедным, поскольку лишь специализация на том, что мы умеем делать лучше всего, давая возможность другим странам сосредоточиться на том, что они делают лучше, позволяет максимально повысить производительность. А чем выше наша производительность, тем богаче мы живем. Страны третьего мира могут получить прямую выгоду от глобализации тремя путями. Во-первых, снизив свои тарифы, они могут расширить номенклатуру товаров и услуг, доступных потребителям, и, таким образом, подтолкнуть цены к снижению — и то, и другое способствует повышению уровня жизни. Во-вторых, если снижение внутренних тарифов будет

сопровождаться их понижением в глобальном масштабе, более бедные страны получат доступ к рынкам других, более богатых стран. И, в-третьих, более низкие цены на внутреннем потребительском рынке в сочетании с притоком инвестиций и новых технологий дадут мощный толчок развитию местного бизнеса. Исследования подтверждают, что развивающиеся страны с открытой экономикой демонстрируют значительно более высокие достижения, чем страны с закрытой экономикой*.

Сегодня, пожалуй, глобальный капитализм чаще всего обвиняют не в том, что его выгоды распределяются неравномерно или несправедливо, а в том, что он является причиной глобальной нестабильности. Стабильность не следует путать с застоем. Ни одна политическая система, ни одно общество не могут существовать без изменений, поскольку они — источник обновления. И в первую очередь это справедливо для свободной политической системы, свободного общества — свободной экономики. «Невидимая рука» Адама Смита — это не неожиданные и дестабилизирующие движения. С момента своего зарождения капитализм не раз сталкивался со спадами, экономическими бумами и пустыми разговорами; никто еще не отменял цикл деловой активности и, по всей видимости, никогда не отменит; а то, что Шумпетер называл «взрывами созидательного разрушения», периодически обрушивается на нас до сих пор*. Отбросить все это — значит, в конечном итоге, отказаться от освежающего ветра свободы, ни больше, ни меньше. Однако нестабильность, в которой винят глобальный капитализм, выходит за пределы этого.

Кризисы на Дальнем Востоке и в России в 1997-1998 годах подтолкнули к мучительной переоценке не роли МВФ и его кредитной политики, что следовало бы сделать, а функций глобального капитализма, что выглядело намного сомнительнее. В процесс включились как бизнесмены, так и политики. Например, международный финансист и филантроп Джордж Сорос пожаловался, что «господствующая система международного кредитования принципиально порочна, но МВФ считает своей целью ее сохранение». Он договорился даже до того, что «частный сектор не может справиться с распределением международного кредита», и призвал «Международную корпорацию по страхова

нию кредитов предоставить гарантии по международным займам за умеренное вознаграждение»*. Британский министр финансов Гордон Браун, со своей стороны, предложил, в общем говоря, принять «новую экономическую конституцию для глобальной экономики»**.

И это при том, что есть действительно вопрос первостепенной важности, который ни г-н Сорос, ни г-н Браун, ни их многочисленные коллеги не удосужились вразумительно сформулировать: следствием чего являются проблемы глобальной экономики — того, что она работает, или того, что ей не дают работать? Изучение реального положения дел в России и на Дальнем Востоке показывает, что во всех наиболее существенных случаях у инвесторов были очень веские основания для быстрого вывода денег, связанные с множеством изъянов в государственной политике. Отсутствие прозрачности, панибратство и коррупция, корпоратизм, обменные курсы, зафиксированные на нереальном уровне, и другие внутренние факторы привели к краху. Недостатки были вскрыты, но они были вызваны совсем не «вредным влиянием», о котором экономические обозреватели так красноречиво писали, когда поочередно падали валюты и курсы акций. Это были классические проблемы провала политики правительства, а не провала рынка***.

Возникает вопрос, почему этим проблемам было позволено разрастись и почему такое множество международных лидеров и инвесторов в течение столь длительного времени не замечали их. Поиски ответа напрямую выводят на роль МВФ. Как и Всемирный банк, только с еще большим размахом, МВФ успешно воссоздал себя, и, надо полагать, это произошло не в последний раз. Международный валютный фонд, созданный в рамках Бреттон-Вудской системы фиксированных обменных курсов, должен был помогать странам в преодолении краткосрочного дефицита платежного баланса. Если бы дело ограничилось первоначальным планом, то скромная роль МВФ должна была исчерпать себя в 1973 году с отказом от старой системы и переходом на плавающие валютные курсы. Однако в 70-х и 80-х годах МВФ нашел себе новое занятие. Ему было поручено «рециклирование» доходов нефтедобывающих стран после повышения цен на нефть; он также начал консультировать развивающиеся страны и предоставлять им займы для облегчения перехода

к рекомендуемой им политике. МВФ стал участником латиноамериканского долгового кризиса в начале 80-х годов. Затем он вместе с казначейством США втянулся в финансовый кризис в Мексике в 1994-1995 годах.

Хотя Мексика вернула взятые у МВФ и США кредиты, а ситуация в ней стабилизировалась (в значительной мере за счет доходов мексиканцев), рынок получил важный сигнал. Иностранные банки и финансовые институты вывели из страны свои капиталы. Нельзя было рассчитывать на то, что они согласятся на риск, с которым им пришлось столкнуться. Как заметил один эксперт:

> Слабым местом мексиканской программы была уверенность в том, что у иностранных банков есть некая «сеть безопасности», которая недоступна инвесторам, приобретающим ценные бумаги или недвижимость за рубежом. Смысл этих действий был совершенно ясен банкирам и инвесторам*.

Такой была подоплека российского и азиатского кризисов. Действиям МВФ в связи с ними можно и нужно дать отрицательную оценку. Но важнее всего помнить, что существенным элементом произошедшего был моральный ущерб, нанесенный *предыдущей* финансовой интервенцией. Крупные последующие интервенции лишь повысят риск безответственного будущего кредитования и инвестирования в экономически нездоровых условиях.

Так где же место МВФ? Совершенно ясно, что не в фундаменте какой бы то ни было новой международной экономической «конституции». Ничто из сделанного за последние годы и даже за более длительный период не дает оснований для расширения текущей роли Фонда. Есть веские доводы в пользу его упразднения, на чем, например, настаивают Джордж Шульц, Уильям Саймон и Уолтер Ристон. По их словам, в то время как «кредиты МВФ на практике ничтожны по сравнению с международным валютным рынком, дневной оборот которого составляет около 2 трлн. долларов... его действия тем не менее заметно перекашивают инвестиционный рынок», из чего следует вывод о том, что «МВФ — неэффективная, ненужная и отжившая свой век структура»**. Вместе с тем другие высказываются за сохранение МВФ, но при условии прове

дения кардинальной реформы, которая должна предусматривать прекращение долгосрочного кредитования, предоставление кредитов по повышенным ставкам, с тем чтобы правительства могли обращаться к МВФ как к кредитору последней инстанции, и предоставление кредитов только странам, отвечающим определенным минимальным требованиям*. Алан Уолтере, со своей стороны, предложил вообще лишить МВФ права предоставления кредитов и ограничить его роль оценкой кредитоспособности стран-членов и, возможно, правительственных агентств**. В каждом из этих вариантов есть смысл. Единственное, что, на мой взгляд, совершенно неприемлемо, — это расширение функций МВФ.

Я говорю так совсем не потому, что являюсь противницей международных экономических институтов вообще. Очень большое значение, например, имеет эффективная работа Всемирной торговой организации. Свободная торговля — наилучшая политика для всех, в конечном итоге она выгодна каждому, но почему-то ее значимость для производителей и политиков постоянно упускается из виду. Адам Смит в свое время написал по этому поводу:

> Нации приучились видеть свой интерес в превосходстве над всеми соседями. Государство стало смотреть завистливыми глазами на процветание тех, с кем оно торгует, и считать их выгоду своим убытком, [в то время как]... подлинный интерес каждой страны всегда состоял и должен состоять в том, чтобы как можно больше народу покупало нужное ему у того, кто продает это дешевле других***.

Человеческая природа такова, что чарующий голос торгового протекционизма, видимо, не смолкнет никогда.

Несмотря на неизбежные потрясения, которые он несет с собой, мы должны:

- **прославлять победу глобального капитализма, основанного на свободном предпринимательстве;**
- **сделать так, чтобы его выгоды в результате открытой торговли стали доступными для всех государств на земле.**

Эпилог

Раннимед

Поскольку речь в данной книге, хочу я того или нет, идет о власти, может показаться, что в ней не осталось места для *народа,* от чьего имени эта самая власть осуществляется. Тем не менее это не так: тому, кто стремится к руководству государством, всегда следует помнить, что государственный пост — это прежде всего доверие. Более того, высшая задача политиков, и в еще большей степени государственных деятелей, независимо от того, кто формально обладает суверенной властью — «Мы, Народ», как в Соединенных Штатах, или «Мы, королевское высочество», как в Великобритании, — служить.

Рассуждения на эту тему сегодня воспринимаются как очевидность, банальность, а то и просто как дань прошлому. В условиях современной общественной жизни даже намек на напыщенность и торжественность выглядит подозрительным. Сегодняшний политический лидер обычно преподносит себя как «человека (или, вернее, персону) со стороны». Но это лишь поза. Так и должно быть. Стоит ему попасть на Даунинг-стрит (в Белый дом или Елисейский дворец), как он тут же ее отбрасывает.

На самом деле склонность политиков терять ориентацию и забывать свои обязанности по мере внедрения в замкнутый круг столичной элиты не становится меньше. Напротив, она даже усиливается. Политические лидеры никогда прежде не общались так много друг с другом и так мало со всеми остальными. Никогда не было такого количества меж-

дународных встреч, демократические ограничители парламентской отчетности никогда не ослабевали настолько, а соблазн забыть о корнях и отказаться от принципов никогда не был так велик. Президенты и премьер-министры вынуждены бороться отчаянно, как никогда, чтобы отстоять свои позиции, многие же вообще могут отказаться от всякой борьбы. Национальный электорат должен быть бдительным.

Очень много для обеспечения отчетности политиков значат демократические институты. За долгие годы в Великобритании и Америке сформировались два в определенной мере непохожих демократических подхода, каждый из которых доказал свою действенность. И все же добротные институты сами по себе не гарантируют демократии. Это подтверждают попытки взрастить семена свободы в обществах, где нет подходящих условий для их укоренения. Они оказываются бесполезными и даже опасными. Для того чтобы свобода прижилась, необходима критическая масса людей, которые действительно понимают, что это такое. Подобное понимание не может прийти в результате простого чтения книг, лишь обычаи и мировоззрение делают свободу устойчивой. Иными словами, *сначала* появляются свободные люди, а уж потом возникает свободный политический, экономический и социальный порядок.

Простого соблюдения закона гражданами свободной страны недостаточно: неохотное подчинение — ненадежная, нередко хрупкая основа для свободного общества. Свободные люди должны, кроме того, обладать добродетелями, которые делают свободу возможной. Они должны вести себя так, чтобы жизнь могла продолжаться без чрезмерного вмешательства государства. Они должны думать и действовать самостоятельно, а также принимать на себя ответственность. Каждый человек должен быть отдельной личностью, индивидуальностью в полном смысле слова.

В последние годы индивидуализм навлек на себя колоссальный поток критики. Она все еще продолжается. Индивидуализм повсеместно воспринимается как синоним эгоизма — я уже рассматривала подобный подход и, надеюсь, успешно развенчала его. Однако главная причина, по которой так много власть предержащих отрицательно относятся к индивидуализму, в том, что именно индивидуалисты больше других стремятся не допустить злоупотребления властью.

Успех англичан, заставивших свободу работать, я уверена, в значительной мере объясняется тем, что нация вырастила и воспитала немало

несгибаемых, неуживчивых индивидуалистов. Мы все знаем, кто они. Это люди, которых называют «один из тех» или «штучка», временами и не так доброжелательно — «трудный клиент», а иногда — «чертова заноза». Их нельзя отнести к какой-то определенной социальной группе, они не укладываются ни в какие планы и не встраиваются ни в какие схемы. Они доводят социалистов до бешенства. Такие индивидуалисты нужны нам на каждом шагу. Они необходимы нам, как устрице необходима песчинка. Нет песчинки — нет жемчужины.

Уверенность в том, что источник вдохновения и прогресса следует искать в индивидуальном, а не в коллективном, произрастает из глубокого прошлого. Вместе с тем индивидуумам всегда приходится объединяться для того, чтобы защищать свои права от власти правительства.

В поисках ответа на вопрос, что же именно это дало англичанам, затем британцам, американским колонистам и, наконец, англоязычному миру, так упорно стремящемуся к свободе, так упрямо пытающемуся исправить недостатки, так твердо требующему справедливости, мне пришлось вернуться почти на восемь веков назад — к 15 июня 1215 года. Не имея машины времени, я просто отправилась в Раннимед.

Мы с Дэнисом последний раз были на раннимедском лугу жарким, безветренным летним утром. Не спеша мы дошли до мемориала, посвященного Великой хартии вольностей. Мемориал, построенный в форме небольшого греческого храма, расположился на пологом склоне холма, поросшего дубами. Он был воздвигнут по инициативе Американской ассоциации адвокатов более 40 лет назад и до сих пор пользуется у американцев не меньшей популярностью, чем у британцев. Мемориал, таким образом, является свидетельством близости англо-американских отношений и не воспринимается как историко-географический памятник. Хотя точное место встречи короля и баронов, завершившейся подписанием Хартии, неизвестно, можно не сомневаться, что она произошла где-то на лугу.

Историки исследовали это событие в мельчайших подробностях. Место для проведения напряженных переговоров между недоверчивым королем Иоанном Безземельным и восставшими аристократами выбиралось очень тщательно. Оно лежало примерно посередине между лагерем восставших в Стейнсе и королевским замком в Виндзоре. Открытая местность, помимо прочего, исключала возможность засад.

Иоанну Безземельному были нужны деньги. Баронам, для их же безопасности, нужно было быстрее восстановить порядок. Однако вос-

ставшие не собирались на этом останавливаться. Они не хотели больше терпеть лишения из-за плохого правления Плантагенетов. Им требовались гарантии на будущее. Это и стало причиной появления «Статей баронов», которые теперь прошли согласование, получили более внушительное и благозвучное название «Великая хартия вольностей» и были провозглашены в королевстве.

Положения Великой хартии, как я уже отмечала, касались главным образом практических, приземленных вопросов того времени. В области правосудия Хартия шла несколько дальше. Понятие «полноправный гражданин», обозначающее тех, кому даровались привилегии, и введенное в текст документа, — вот что имело значение. В последующие столетия это понятие распространилось на подавляющую часть населения. Программа, выдвинутая баронами, приобрела смысл, который значительно отличался от смысла примерно таких же требований влиятельных подданных других средневековых монархов. Великая хартия вольностей стала высшим и вечным символом свобод Англии.
Бароны, участвовавшие в переговорах в Раннимеде, были в большей мере французами, чем англичанами. Во всяком случае, их родным языком был французский. Они представляли собой жестокую, воинственную группировку, не слишком обремененную, как можно догадаться, средневековым эквивалентом общественного сознания. Но их упрямая неуклюжесть, заставившая своевольного правителя согласиться на ограничение своей власти, их требование править на основе закона, а не силы, их вдохновенная ссылка на более широкое сообщество полноправных граждан стали традицией, которая с тех пор сохраняется. Как и любая другая великая традиция, она значила для хода истории значительно больше, чем могли представить себе участники тех событий*.

Мне особенно нравится поэтический образ, нарисованный Редьяр-дом Киплингом:

Под Раннимедом, Раннимедом О чем поет тростник...
Нельзя лишить людей свободы,

Прогнать их с собственной земли... А если чернь или монарх
Нарушат вековой обычай... Вскипит упрямый дух английский,
Как в Раннимеде он вскипел!*

Ограничение власти и ее подотчетность, верховенство правосудия над силой, абсолютная моральная ценность каждого отдельного человека, которую правительство обязано уважать, — эти принципы стали действительно неотъемлемой частью политической культуры англоговорящих народов. Они являются основой цивилизованного управления государством. Они — наш бессмертный дар всему миру.